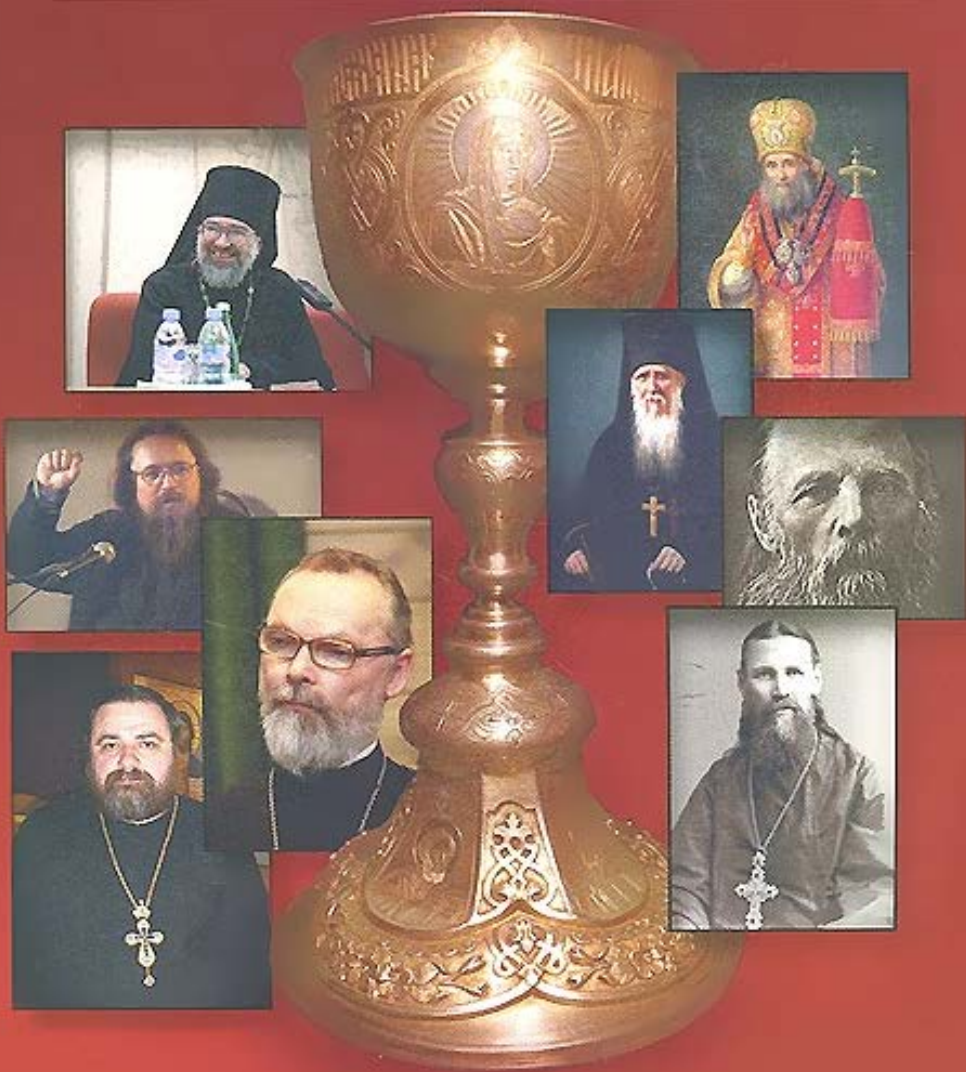

Владимир Семенко

Как разрушают Церковь

Владимир Семенко

Как разрушают Церковь

Издание второе, переработанное

**Москва
«Великий Град»
2013**

УДК 2-67
ББК 86.372.24

С 30 *Владимир Семенко. Как разрушают Церковь.* Издание второе, перераб. М.: Великий Град, 2013. 464 с.

В книге известного православного ученого и писателя В.П. Семенко, подводящей своего рода итог его изысканиям последних лет, исследуется феномен либеральных и модернистских течений в современной Православной Церкви, главным образом на примере РПЦ, показывается их родственность аналогичным явлениям в других христианских конфессиях, анализируются ложные реформистские взгляды целого ряда представителей этих течений, стремящихся навязать их церковной полноте, демонстрируется опасность церковного реформизма, подрывающего основы православной традиции, для самого существования Церкви как института. Автор выступает со строго консервативных позиций, основанных на Священном Писании и Священном Предании, великой духовной и богословской святоотеческой традиции. Глубина системного анализа сочетается в книге с публицистической яркостью и полемической формой изложения.

Для широкого круга читателей.

ББК 86.372.24

ISBN 978-5-88060-201-8

© Владимир Семенко

Предисловие к первому изданию

Эта книга родилась не совсем обычным путем. Проблема церковного модернизма интересовала меня давно, но никогда не была основной и доминирующей как для исследователя и писателя, каким-то там «делом жизни» или чем-то подобным. Пройдя «свои университеты» на подпольных и полуподпольных христианских семинарах 80-х, а также в научно-академической среде, поневоле всякую тему воспринимаешь как предмет для спокойно-аналитических и концептуальных размышлений, конечно же, невозможных без идеи служения, — служения таким ценностям, которые сам человек неизбежно мыслит высшими по отношению к себе самому. Поэтому все свои старые публикации на эту, как и другие, темы я воспринимал не более чем такое размышление, пусть даже и окрашенное порой в некоторые публицистические, эмоционально-оценочные тона. Ничего глобального — просто еще одна тема для статьи или эссе. Все это воспринималось как нечто проходное, как некое дополнение к основным, по большей части вполне рутинным занятиям.

Но вот, когда вышла статья «Призрак Второго Ватикана», в свое время отвлекшая от более интересных и, так сказать, интеллектуально возвышенных тем, что-то новое вдруг почудилось в нашей церковно-поли-

тической атмосфере, какие-то небывалые вихри, не вполне знакомые нам, с нашим старомодным воспитанием и понятием о чести, вдруг закружились вокруг, казалось бы, проходной и несколько «боковой» темы. Неожиданно оказалось, что невольно, совершенно к тому не стремясь, мне довелось разбудить какие-то скрытые, подспудные силы, как внутри институции РПЦ, так и вне ее, которые вдруг яростно, с применением всех мыслимых и немыслимых запрещенных приемов, абсолютно не комплексуя по поводу «порядочности», само собой подразумеваемой в приличной среде, обрушились на самую идею как-то исследовать церковный и околоцерковный модернизм. Яростный накат был таким, что пришлось присмотреться повнимательнее к теме, в которой некоторые ныне уже объявляют меня «специалистом». Последовали другие публикации, вызвавшие со стороны, как выяснилось, необычайно заинтересованных в теме лиц неконтролируемый всплеск еще большей ярости. Стало ясно, что попадание в «десятку», которое мне вдруг невольно удалось, есть немалая творческая удача и в то же время таит в себе целый клубок проблем. В частности, не вполне понятно было, как реагировать на поток беспардонной лжи, вдруг обрушившийся на меня и моих друзей. Можно разок-другой ответить предельно жестко, но постоянно увлекаться этим — не значит ли принижать себя, ставить на одну доску с бессовестными клеветниками и интриганами?

Итогом было, в частности, то, что целый ряд других исследователей и публицистов обратились к этой, во многом новой для себя теме, — и сколько же «открытий чудных» ожидало нас на этом пути! Теперь уже ясно, что проект «модернизации» РПЦ — вполне внешний, и корни его ведут за рубеж, но реализуется он руками некоторых людей внутри самого института Церкви. В работе «Как разрушают Церковь», давшей название

всей книге, вкратце показано, что в указанном контексте следует говорить, во-первых, об определенных **международных структурах**, которые очень беспокоит возрождение Православия в России, во-вторых, о сращенных с ними и имеющих свой вполне практический интерес некоторых **российских госчиновниках** и, в-третьих, о **собственно церковных реформаторах-модернистах**, часто работающих не столько ради корысти, сколько просто «за идею». При этом оптимистичные заявления о «миссии» и «сильной Церкви» сопровождаются последовательным демонтажом тех ключевых проектов, которые могли бы не на словах, а на деле послужить реальной проповеди Слова Божия и распространению христианских знаний в России. Так, на фоне мощного патриархийного «пиара» демонтируется преподавание «Основ православной культуры» в светской школе, которое на протяжении ряда лет худо-бедно шло в регионах; на очереди — ликвидация сложившейся системы церковных детских приютов*. Смещение Церкви с «міром», приспособление к нему (оправдываемое «миссионерскими» целями) сопровождается тем, что у Церкви отнимаются реальные рычаги воздействия на этот самый мір. Демонстрация «миссионерского наступления» и сближения Церкви с государством сопровождается вытеснением ее даже из тех сфер жизни, которые как-то осваивались ею с конца 80-х годов, не говоря уже об усилении обмірщения самой церковной институции. Дух міра усиленно проникает в саму Церковь, и «соль», вместо того чтобы «осаливать» мір, стремительно теряет силу. Эти процессы грозят не то что затормозить «православное возрождение», но просто взорвать, уничтожить его изнутри. Весьма реальна угроза того, что РПЦ в итоге повторит путь римо-като-

*В настоящий момент это по факту уже произошло. — Примеч. августа 2013 г.

ликов, став жертвой тех же угроз, которые в свое время емко резюмировал один из мудрейших представителей католического мира: *«Опасность заключена сегодня едва ли не в самых жилах и внутренностях Церкви: удары врагов тем увереннее, чем глубже они знают Церковь»*.

Эта книга — попытка диагноза и в чем-то самооправдания. Даже если правы те, кто, глядя на пресловутую «современность» духовным взором, склонен воспринимать сегодняшний мир преимущественно в апокалиптических тонах, это же отнюдь не значит, что примирение со злом — единственный выход! Если Суд близок и, по словам великого подвижника наших дней отца Серафима (Роуза), «сейчас позже, чем мы думаем», то тем паче помимо личного покаяния — нужно сделать все, что в наших силах, чтобы остановить апостасийное скольжение в бездну. Когда сами предстанем перед Судом — неплохо бы иметь доказательство того, что мы сделали все, что могли, будучи просто не в силах сделать больше.

И в заключение — некоторые слова благодарности тем, кто сыграл неоценимую роль в издании книги и в ее подготовке. Прежде всего не могу не вспомнить незабвенной памяти дорогого друга, столь безвременно ушедшего от нас, — *Владимира Леонидовича Махнача*, чьи проникновенные беседы, в том числе и в последние годы его подвижнической жизни, были столь важны для меня в моей работе. Было бы несправедливым не упомянуть самым добрым словом руководителей Православного информационного агентства «Русская линия» *Сергея Михайловича Григорьева* и *Анатолия Дмитриевича Степанова*, на чьем интернет-портале впервые увидели свет многие статьи, в переработанном виде вошедшие в книгу. Приношу также самую сердечную благодарность редактору *Валентине Борисовне Захаровой*, чьи необычайно ценные и высокопрофессиональные замечания были огромным подспорьем при под-

готовке текста к печати. Не могу не вспомнить и от всего сердца не поблагодарить тех, чьим попечением стало возможно само издание, — *рабов Божиих Владимира* и *Людмилу*, отныне навсегда занесенных в личное поминание. И, наконец, я не могу не сознавать, что мои скромные усилия остались бы ничем без духовной поддержки усердных молитвенников, неведомых суетному миру, но ведомых Тому, Чьим всеблагим промыслением наш труд во славу Его не остается втуне. Русь жива именно такими людьми, и, пока существует эта молитвенная связь между нами и Творцом всего, в том числе и молитвы, — жива и земная Церковь, несущая в себе дарованную Им благодать Церкви Небесной — и всякий «модернизм» и «реформаторство» «от ветра головы своя» не могут не остаться тщетны.

Предисловие ко второму изданию

Книга «Как разрушают Церковь» была написана и вышла в тот момент, когда либерально-обновленческая, модернистская революция в РПЦ стала очевидным фактом для всех самостоятельно думающих людей Церкви. Нашествие пандемии церковного модернизма (помимо нашей собственной греховной немощи и общего процесса апостасии, безусловно имеющей своим истоком сознательную деятельность хорошо организованных международных сил) казалось абсолютно необратимым. Наступление церковных модернистов шло по всем направлениям и касалось (впрочем, во многом касается и сейчас) богослужения, конфессионального образования, кадровой политики Церкви, «внешних церковных связей», где, одновременно с неуклонным потеплением отношений и укреплением оных связей с инославными (особенно с папистами), происходила и происходит последовательная сдача как промосковских, так и традиционалистски ориентированных групп духовенства и мирян в Поместных Православных Церквях. История с сербским ревнителем **владыкой Артемием**, — тому весьма яркий пример.

В главах, которых не было в первом издании книги, мы приводим новые, совсем недавние конкретные примеры поистине триумфального шествия церковного

модернизма по Русской земле. Ситуация и по сей день остается крайне тяжелой.

Однако в ней появились принципиально иные, качественно новые черты. Прежде всего, это качественные изменения в отношении к Церкви со стороны если не всего общества, то, во всяком случае, довольно значительной его части. Если не брать все же довольно редкие случаи крайней неадекватности, то вполне можно сказать, что общество, готовое с пиететом относиться к Церкви кающихся, ведомых подвижниками и святыми, со все растущим подозрением, недоверием и глухим ропотом осуждения относится к возглавляемому «эффективными менеджерами» бурно растущему предприятию по оказанию населению качественных ритуальных услуг.

Вдруг началось то, что с чьей-то легкой руки стали называть «гонениями» (на самом деле это просто хорошо организованная, имеющая рационально объяснимые причины информационная кампания в печатной и электронной прессе), прошел неожиданным порывом вал всевозможных кощунств, среди которых бесспорным лидером стала акция пресловутых «Poussy Riot».

Мы говорим об этом в специально посвященных данной проблеме главах в конце книги, но нелишне особо сказать и здесь. Передовые, идущие в ногу с прогрессом «миссионерствующие» «менеджеры в рясах», самоуверенно кичащиеся своей во многом мифической «просвещенностью», презирующие этот такой темный и невежественный, такой суеверный церковный народ, привычно «прессующие» ненавистных ревнителей, вдруг оказались под ударом не справа, а слева, со стороны того самого «передового» и «просвещенного» либерального общества, куда они так стремились. Вдруг оказалось, что нет у них неоспоримых (как им самим казалось) заслуг перед этим самым обществом и сами они – оплот темной реакции, фундаментализма

и клерикального мракобесия! И так «менеджеры» сами с полным успехом угодили в ту яму, которую рыли своим немногочисленным противникам справа, почти что уже добытым оппонентам внутри Церкви! Поистине неисповедимы пути Промысла! Но, зная историю Церкви, пора бы уже и усвоить, что весьма часто гонения Господь попускает нам в назидание! (См. главу «Война за веру и мы».)

Шумно и суетливо, стеля и причитая насчет «либерального беспредела», кинулись «менеджеры» под защиту презируемого народа, и тот, как всегда, не подвел. Молебен у ХХС в защиту поругаемых святынь, в защиту веры и Церкви в апреле 2012 года явил мощное единение православных перед лицом внешнего зла, но каковы же были последствия? С одной стороны, разумеется, позитивные: перед лицом внешних опасностей, вновь поднимающего голову безбожия единение нам, конечно, необходимо. Но, с другой стороны, вынужденно, в силу внешних обстоятельств, чисто ситуативно оперевшись на церковно-консервативное большинство, «менеджеры» ни на йоту не изменили проводимой ими политики. Все, о чем мы писали в таких знаковых, этапных работах, как «Призрак Второго Ватикана», «Наши новые миссионеры» и др., продолжает оставаться актуальным. Просто делается все не столь откровенно, как раньше, с оглядкой на внешнюю ситуацию. Впрочем, думается мне, что если бы не пресловутые «гонения», то многие процессы, непосредственно относящиеся к проводимым церковным реформам, пошли бы куда как быстрее.

Но есть и еще один результат, являющийся прямым следствием последних событий: давление на «менеджеров» справа, со стороны ревнителей, сильно ослабло, если не совсем сошло на нет. У наиболее самостоятельных, мыслящих людей Церкви, конечно же, присутствует понимание того, что разрушительная рефор-

ма не только не остановлена, но по факту набирает обороты. Но говорят они об этом глухо и мало. Большинство же вообще помалкивает. Среди консерваторов бытует ложное убеждение: перед лицом внешних опасностей нельзя вести внутрицерковную борьбу. Как-то подзабыли наши ревнители безупречные по адекватности и глубине проникновения в суть вещей слова папы Пия X о том, что в наше лукавое время худший враг Церкви пребывает внутри нее самой. Или, быть может, кто-то думает, что процессы, описанные им и Марселем Лефевром, вовсе не универсальны и, будучи характерны для римокатоликов, не свойственны православным? Сейчас уже слишком много примеров, опровергающих это смешное заблуждение. Одна Сербская Церковь чего стоит!

Пример братской Сербии — грозное предупреждение всем нам. Он ясно показывает, что ожидает нас, если церковно-консервативное большинство и далее останется пассивным и безгласным, ограниченным по преимуществу пределами церковно-приходской жизни. Всякую ситуацию можно обернуть во благо. Опыт показывает, что очень многое зависит от нашей активности. Вот проявили пассивность, промолчали мы по поводу церковного устава — и он принят недавним Архиерейским собором поистине в ужасном виде. Совсем не то с решениями Собора по ювенальным технологиям и электронным документам. Здесь мы были заинтересованы и активны — и итоги Собора вселяют осторожный оптимизм.

Если каждый не осознает свою личную ответственность за наше будущее, то будущее это будет весьма печальным. Необходимо не просто понять умом — но почувствовать всем сердцем, что невозможно для людей Церкви не противостоять тем, кто упорно стремится лишить нашу веру духовной сердцевины, сократить и упростить богослужение, понизить планку аскети-

ческих требований, впустить в церковную ограду дух міра, дух века сего. Надо **понимать и действовать**, всегда уметь и быть готовым распознать врага, какое бы обличье он ни принял, всегда хранить в своем сердце образ и мысль Христа. Лишь соединение главного свойства, главной черты Православия — духовной трезвости и способности к адекватному и эффективному действию — способно не лишить нас будущего, даровать безумную для міра надежду.

2013 год, Антипасха

Призрак Второго Ватикана

Куда движется РПЦ?

Я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада. И из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою.

Деян. 20, 29–30

Опасность заключена сегодня едва ли не в самых жилах и внутренностях Церкви: удары врагов тем увереннее, чем глубже они знают Церковь.

Папа Пий X

Все-таки быстро летит время! Кажется, еще недавно кто-то писал, что *ныне* время христианского подполья начала 80-х воспринимается почти что уже как легендарное; нынешней приходской молодежи нужно, так сказать, с начала объяснять, что такое христианский андеграунд со всеми специфическими проблемами того времени. И вот уже сама эта сравнительно недавняя эпоха, романтическое время надежд и церковного возрождения начала 90-х, осознается как ушедшее, как неповторимый момент наивности, чистоты и энтузиазма.

Однако раз уж «позиционируешь» себя как аналитик, надо соответствовать, а не впадать в лиризм. Всем мыслящим церковным людям вполне понятно, что сейчас мы стоим перед лицом какого-то нового времени, что перемены рано или поздно коснутся нашей безмятежности (у кого она есть), происходящей от пребывания в наших новых приходах-оазисах, и перемены эти отнюдь не во всем хороши. Надо разобраться, какие проблемы из числа стоящих перед Церковью — новые, а какие тянутся из прошлого, что с этими проблемами делать и что реально делается всеми нами, а в особенности теми, кто по самой природе своего служения призван к управлению земной Церковью. Ясно ведь, что что-то происходит, и это «что-то» более чем далеко отстоит от безмятежности и, так сказать, «уверенности в себе», которой наполнены журналы заседаний Синода. В самом понимании существа этого «чего-то», то есть неизбежных в реальном мире процессов развития церковной институции и Церкви как общины, наличествуют весьма серьезные расхождения.

В последнее время даже во вполне церковно-консервативной среде порой приходится слышать суждения, сводящиеся к тому, что либеральную опасность в Церкви в наше время не стоит принимать всерьез (она-де давно в прошлом), что главная опасность, опасность раскола, исходит ныне «справа», из среды «фундаменталистов» и т.п. маргинальных групп. Не станем подозревать худшее, то есть кем-то заказанный характер этого формируемого «мнения». Разберем суждение по существу, так сказать, беспристрастно-аналитически. Во-первых: куда делись те церковные либералы, которые когда-то для кого-то представляли проблему? Всякий, кто владеет информацией, хорошо знает, что они никуда не делись, и даже число их умножилось, а активность усилилась! Вот, например, отец Георгий Кочетков. Человек вроде как за штатом, но число его

так называемых общин «как песок морской» умножается, и даже уже не только по России, печатные издания регулярно выходят, и на отличной бумаге, учебные заведения успешно функционируют, а каждый, кто взял себе за труд посетить богослужение в Новодевичьем монастыре в Москве, может засвидетельствовать, что этот заштатный клирик чувствует там себя вполне уверенно и по-хозяйски. (Желающие могут ознакомиться с бурной и многообразной деятельностью кочетковских структур на сайте так называемого **«Свято-Филаретовского института»**. См.: <http://www.sfi.ru>) Вместе с тем никакого публичного отречения от своих вполне еретических воззрений типа отрицания бессмертия души или сомнительности непорочного зачатия у данного священника вроде как не наблюдается. (Об этом много и выразительно писал в свое время журнал «Благодатный огонь».) Или, например, отец Александр Борисов. Вполне комфортно чувствует себя человек на старом месте, и никому особо не интересен факт нарушения им канонической дисциплины — совместных храмовых молитв с католиками (конкретно — с архиепископом Тадеушем Кондрусевичем) на отпевании почившего клирика его храма священника Георгия Чистякова. То же самое можно сказать и, к примеру, о священнике Владимире Лапшине, практикующем у себя в храме регулярные экуменические молебны с так называемой «общиной Тезе», протоиерее Георгии Митрофанове, с его воинствующей русофобией и совершенно одиозными высказываниями о некоторых моральных проблемах и почитаемых святых, и ряде других. Я уже не говорю о совершенно одиозных сочинениях и деятельности игумена Петра (Мещеринова), занимающего высокую административную должность в Патриархии.

Но всем этим отнюдь не исчерпывается проблема! Кто, когда из числа «православных аналитиков» говорил о том, **какого духа и каких убеждений люди зани-**

мают не всегда заметные **должности среднего звена в некоторых синодальных отделах и их епархиальных аналогах**, в каком духе и направлении ведется **обучение и воспитание будущих молодых священников в целом ряде семинарий**? Вполне честные и искренние православные люди (как клирики, так и миряне) уверенно свидетельствуют, что дух и направления эти **не просто либеральные, а одиозно-либеральные, полные презрения и насмешки по отношению к тому, что имеют «традиционным Православием»!** Откуда взялось это **системное заражение** церковных кадров и внутриконфессионального образования в нашей Церкви радикальным либерализмом? Уверены ли члены Синода, что они точно знают, в каком именно направлении развивается реформа семинарского и академического образования в РПЦ, столь буднично-безмятежно благословленная на одном из заседаний? Или все тонко и неуловимо искажается на уровне пресловутого «среднего звена»? Многие из тех, кто знает церковную жизнь изнутри, а отнюдь не понаслышке и обладает при этом достаточно независимым мышлением, уверенно утверждают: **игумен Петр (Мещеринов) отнюдь не одинок, он озвучивает то, что готово стать церковным «мейнстримом».** Поделюсь совсем эксклюзивной информацией: один очень известный функционер из числа «прицерковленной» obsługi в частном разговоре прямо заявил примерно следующее: «Что вы все так напрягаетесь по поводу этого Мещеринова? Лет через пятнадцать вся Церковь будет такая!»*

Мой последний опыт общения с нашими церковными людьми (причем на разных уровнях иерархии, что немаловажно) вынуждает меня не согласиться с мнением о так называемом фундаментализме как глав-

*Теперь уже выходит, через десять. И вот на ультрареформаторском съезде (о котором речь у нас впереди) на радикальную реформу в РПЦ отпускается десять лет! Случайное совпадение?

ной опасности в РПЦ. Скорее, приходится сделать другой и крайне тревожный вывод: в ней есть достаточное число людей, набирающих вес и влияние, которых очень не устраивает, казалось бы, прочно свойственное умеренному консервативному большинству нашей Церкви неприятие либерализма, стихийный традиционализм сознания. Эти люди, немногочисленные, но крепко и часто неформально сплоченные, имеющие серьезные связи на Западе (как в церковных, так и в государственных и общественных структурах), упорно готовят либеральную революцию, слом Церкви, аналогичный тому, который осуществили в Римско-католической церкви на Втором Ватиканском соборе.

Помимо вышеупомянутых этому есть целый ряд косвенных свидетельств. Так, в самое последнее время на уровне ключевых позиций среднего звена церковного управления и различных «рабочих групп» осуществлен, по-видимому, с внешней подачи, странно-синхронный ввод типовых менеджеров стандартно тридцатилетнего возраста, обладающих характерно запрограммированной манерой поведения (которую некоторые сравнивают даже с типовым поведением сектантов) и стандартно-либеральными взглядами, которые они уже сейчас пытаются весьма активно реализовать, причем сопровождается это не особо афишируемым притоком финансовых средств неизвестного происхождения. Средства эти (помимо финансирования самих менеджеров) тратятся на различные амбициозные проекты, подобные молодежно-миссионерскому центру, чье нововозведенное здание внушительных размеров желающие могут наблюдать напротив Свято-Данилова монастыря. Есть и другие симптомы, о которых мы позволим себе пока умолчать. Суетливо-активная деятельность вышеозначенных менеджеров часто концентрируется вокруг так называемого миссионерства и шумных пиар-акций.

Предвосхищая наши дальнейшие выводы, скажем, что часто даже вполне продвинутые, развитые люди, отнюдь не относящиеся к числу зомби, в значительной степени все-таки поддаются промыванию мозгов, которое регулярно устраивают нам СМИ: того, о чем последние не пишут, вроде как и нет. Зато то, что привлекает их внимание, автоматически воспринимается как главное, самое важное событие. (Например, нашу-мевшее **«Обращение» епископа Диомида и клириков Чукотско-Анадырской епархии**. К подробному анализу ситуации вокруг этого обращения мы еще обратимся.) Недавно один известный православный журналист, более того — руководитель одного из ведущих информационных ресурсов, с удивлением заметил, когда я заговорил о Кочеткове: «Как, он еще жив?» Имелось в виду, конечно же, не физическое существование отца Георгия Кочеткова, а его, так сказать, субъектность, само наличие активного действия. Для моего собеседника (который, в силу самой специфики его профессии, казалось бы, должен такую информацию тщательно отслеживать) явилось большим сюрпризом то, что изложено выше. Вот вам и «аналитическая журналистика»! Наивность, столь типичная для наших милейших патриотов.

Особый колорит и ни с чем не сравнимую выразительность вышеозначенной реальности придает то, что все эти, часто незаметные для поверхностного наблюдения процессы протекают на фоне события, в большей степени замеченного нашей православной общественностью. Имеем в виду выход на русском языке книги лидера движения католиков-традиционалистов **архиепископа Марселя Лефевра «Они предали Его»**, с блестящим предисловием выдающегося богослова и проповедника современности протоиерея Александра Шаргунова. Книга эта, по нашему глубокому убеждению, должна стать обязательным настольным чтением всех мыслящих православных людей, ибо содержит опыт

людей христианской традиции, прошедших через либеральный обвал церкви (который у римо-католиков облегался давней духовной и догматической поврежденностью западного христианства). В ней автор ссылается, в частности, на **энциклику папы Пия X «Pascendi» от 8 сентября 1907 года**, посвященную католическому модернизму. Цитата эта настолько выразительна и настолько подходит к нашей сегодняшней церковной ситуации, что мы не можем не привести ее целиком, лишь с небольшими купюрами.

«Особенно безотлагательно следует сказать о том, — пишет Пий X, — что **изобретателей заблуждений сегодня бесполезно искать среди открытых врагов. Они скрываются — и это вселяет серьезнейшие опасения и тревогу — в самом лоне, в самом сердце Церкви, будучи врагами тем более опасными оттого, что они действуют исподволь.** Мы говорим... о множестве мирских католиков и, что заслуживает особого сожаления, о священниках, которые, внешне любя Церковь и будучи в высшей степени сведущими в серьезных философии и богословии, но при этом до самого мозга пронизанными ядом заблуждения, почерпнутым у противников католической веры, преподносят себя, вопреки всякой скромности, в качестве новаторов Церкви; тесными рядами идут они на штурм всего наиболее священного в деле Иисуса Христа... Эти люди могут удивиться тому, что мы числим их среди врагов Церкви. Но никто, без сомнения, не удивится этому, если, оставив в стороне их намерения, суд которым вынесет Бог, внимательно изучит их доктрины, их манеру говорить и действовать. Без всякого сомнения, они — враги Церкви, и мы не отклонимся от истины, сказав, что у Церкви нет худших врагов. Ибо **не снаружи, как уже отмечалось, но изнутри они ведут свою разрушительную деятельность; опасность заключена сегодня едва ли не в самых жилах и внутренностях Церкви:**

удары врагов тем увереннее, чем глубже они знают Церковь». Характеризуя действия модернистов, папа Пий X говорит, что «они ставят перед собой задачу распространить заразу по всему дереву, стараясь не упустить из своих рук ни одну отрасль католической веры, но каждую из них подвергнуть методичному развращению. Когда они множеством путей претворяют в жизнь свой гибельный замысел, их тактика поражает степенью своего коварства и вероломства: они с таким изощренным искусством **смешивают в себе рационалистические и католические воззрения**, что им с легкостью удастся обмануть малосведущие души. Опытные в дерзновениях, они не упускают ни одного последствия своих положений, но, напротив, с жаром внушают каждое из таковых... И поскольку **тактика модернистов... будучи поистине весьма коварной, состоит в том, чтобы никогда не излагать свои доктрины методически и во всей полноте, но в некотором роде распылять их отдельными фрагментами тут и там, что вселяет мысль об их изменчивости и неопределенности, тогда как они, напротив, исключительно тверды и последовательны, первостепенно важным... является представить эти доктрины в общем виде и показать скрепляющую их логическую связь...** Они (модернисты. — В.С.) верны своему пути; порицаемые и осуждаемые, они всегда скрывают под маской повиновения безграничную дерзость. Они лицемерно преклоняют голову, в то время как всеми своими помыслами, всеми силами продолжают со все большей дерзостью претворять в жизнь намеренный план. Этой задаче подчинена их воля и тактика; но, считая, что нужно стимулировать власть, а не устранять ее, всячески стремясь удержаться внутри Церкви, чтобы постепенно подорвать и преобразовать оттуда общие воззрения, они тем самым невольно признают, что эти общие воззрения не заодно с ними и что они препод-

носят себя в качестве их выразителей против всякого права»¹.

Говоря о действиях католических модернистов, архиепископ М.Лефевр прямо характеризует эти действия, которые были «увенчаны» Вторым Ватиканским собором, как «переворот», а их самих — как «модернистскую секту». Пусть вдумчивый православный читатель попытается приложить приводимые им слова папы Пия X к многочисленным сочинениям и активным действиям таких представителей нашего, «православного», модернизма, как ныне заштатный священник Г.Кочетков или игумен Петр (Мещеринов) (этот ряд примеров, впрочем, может быть продолжен), и ему многое станет ясно. А разве не прямо о нынешних наших неообновленцах (среди которых достаточно и других известных в Церкви людей), с их бесконечными разговорами о том, как бы сделать богослужение полегче, покороче и попонятнее, как бы ослабить посты и духовную дисциплину, как бы сделать Церковь попривлекательнее для современников, с их обмирщвленным сознанием, сказаны такие слова:

«В течение двух с половиной столетий внутри Церкви отчаянно сражаются друг против друга два духовных направления — консервативное и либеральное». С одной стороны — консерваторы, «интегристы», для которых «первейшей заботой является свобода действия Церкви и поддержка ее прав в обществе еще христианском». С другой стороны — либералы, которые «в первую очередь селятся определить меру Христианства, которую еще может выносить современное общество, чтобы затем попросить Церковь снизить эту меру»².

Описывая эпопею Второго Ватикана, Лефевр подчеркивает, что изначально именно либералы были в Католической церкви безусловным и вполне маргинальным меньшинством, а большинство католиков отнюдь

не разделяли их взглядов. Однако умелые и сплоченные действия, грамотное использование того, что сейчас назвали бы информационными технологиями, ставка на контроль над прессой и т.д. привели к тому, что собор пошел по указанному ими пути, а верные консерваторы, не поддавшиеся манипуляциям, оказались в меньшинстве и в конечном итоге стали формальными раскольниками (которых и повел за собой Лефевр, вступивший в решительную конфронтацию с папой).

«На этом соборе имел место заговор, заговор подготавливался заранее в течение многих лет. Все было сделано для того, чтобы обсуждение отцов не было свободным, чтобы группки, нацеленные на разрушение Церкви, могли манипулировать епископами... Они (либералы — В.С.) знали, что они должны сделать и как они это сделают. Они знали, что после этого начнется. Все было подготовлено до мельчайших подробностей. Теперь мы умираем, видя успех этого заговора... Я решительно утверждаю, что Собор осуществил поворот Церкви к миру. Я оставляю вам самим задуматься о том, кто был вдохновителем этой духовности... Это был тот, кого Господь наш Иисус Христос называет князем мира сего»³.

И вот теперь-то, после изложения всей этой достаточно простой, но в то же время весьма эффективной технологии, примененной католическими либералами на Втором Ватиканском соборе и при подготовке к нему, обратимся к тому событию, которое, по мнению многих, стало в каком-то смысле знаковым и переломным в новейшей истории нашей Церкви, — к пресловутому **«Обращению епископа Диомида»**. Охотно веря и соглашаясь, что сам владыка и его соратники — люди вполне искренние, выскажу все же для кого-то, быть может, спорную мысль, что данное «Обращение» и накрученный вокруг него клубок событий выгодны более всего внутрицерковным либералам, а отнюдь не тем,

кто искренне ревнует о разрешении мнимых и подлинных проблем, в нем затронутых.

После выхода «Обращения» наша православная общественность в ее наиболее активной части разделилась на две группы: одни бросились объединяться под знаменами «Обращения», радуясь тому, что наконец-то обрели харизматического лидера «консервативного крыла» в Церкви (непонятно, с какой стати в Церкви должно быть какое-то «консервативное крыло» при том, что вся она по природе своей консервативна), другие же кинулись услужливо топтать владыку, позволяя себе совершенно хамский тон, думая этим угодить высшему священноначалию. Нашлись при этом в нашей Церкви люди, которые разумно не сделали ни того, ни другого. Среди последних — известный богослов Юрий Максимов (ныне — диакон Георгий), давший взвешенный и спокойный ответ на «Обращение», содержащий его конструктивную богословскую критику, и авторы «Письма "Русской линии"», сделавшие попытку развернуть дискуссию в спокойное и конструктивное русло вдумчивого, компетентного анализа внутрицерковных и внешних проблем, принципиально отличающееся от опасной эмоциональности и поверхностности «Обращения». Позитивного результата это письмо, однако, не принесло: второе «Обращение» клириков Чукотско-Анадырской епархии содержало уже прямой ультиматум священноначалию, состоящий из ряда, прямо скажем, местами довольно нелепых пунктов. (Что лишь подтверждает достаточно очевидную мысль, что с этим «Обращением» все далеко не просто.) Надо отдать должное и синодалам: они проявили завидное трезвомыслие и не порадовали различных антицерковных провокаторов, подталкивавших их к дисциплинарным репрессиям⁴.

Не претендуя на всесторонний анализ ситуации вокруг «Обращения», все же позволим себе решительное

и однозначное утверждение: искренних «подписантов» и «болельщиков» (помня, впрочем, известную поговорку «Простота хуже воровства») следует принципиально отделять от многослойного провокативного «флера», окружающего этот странный и многострадальный документ. Ряд наблюдателей уже обращали внимание на то, что либеральные антицерковные СМИ, которые, по идее, должны бы воспринимать владыку Диомида как своего злейшего врага, устроили настоящий ритуальный танец вокруг «Обращения», радуясь тому, что наконец-то в Церкви «началась дискуссия» (!). В чем же причина этой столь неуместной радости? Ведь если «Обращение» всерьез угрожает позициям «либеральных христиан», то чего бы им так радоваться?

На наш взгляд, причина этого вполне очевидна: подобно пресловутому «**Письму пятисот**», которое своим поверхностным радикализмом реально закрывало становящуюся все более актуальной еврейскую тему, делая все менее возможным ее конструктивное, аналитическое обсуждение (хотя сам автор и «подписанты» считали, что они ее, напротив, открывают), «Обращение» является серьезным фактором, в значительной степени маргинализирующим нормальный церковный консерватизм (являющийся, повторяем, достоянием самой природы Церкви) и осложняющим серьезное, аналитическое обсуждение тех самых проблем, которые так волнуют его авторов. Эмоциональный крик, доносящийся с Чукотки, — это **фальстарт, болезненная и не во всем адекватная реакция на вполне реальный процесс: проникновение мирского духа внутрь земной Церкви**, попытка выразить доступными и понятными словами тревогу «простых людей» по поводу того, что с нашей Церковью происходит что-то «не то», что-то таящее в себе угрозу либерального «ревизионизма», о котором Лефевр говорит как о стремлении принудить Церковь «снизить меру христианства», которую

она предлагает миру. Только не надо сразу искать здесь «агентов»! Сработавшую здесь технологию я подробно описал в своей статье февраля–апреля 2005 года «Анатомия провокации»⁵, вызвавшей столь эмоциональную реакцию некоторых «патриотов». Технология эта отнюдь не сводится к «агентуре», а называется «управлением по тенденциям»: **искренние люди сделают все сами, требуется только слегка подтолкнуть их в нужное время и в нужном месте.**

Помнится, один из известных фигурантов «либерально-христианского» движения в РПЦ как-то проговорился на одном форуме: хорошо бы, говорит, небольшой раскольчик в нашей Церкви устроить... Что имелось в виду? По-моему, ясно, что это именно то, на что **объективно, по результату (отнюдь не с точки зрения субъективных намерений искренних «ревнителей»!) нацелено «Обращение».** Результат этот в высшей степени выгоден «либеральным христианам», ибо сводится **к выталкиванию в маргинальное русло «фундаменталистского “крыла”» (то есть, по сути, — резервации!) здорового умеренно-консервативного большинства, которое на сегодняшний день все еще составляет церковный «мейнстрим»!** «Обращение» (особенно в его втором, ультимативном, варианте) — просто подарок для либералов, ибо в нем верное смешано с неверным, указание на реальные проблемы «дополняется» видением вполне искаженным, попытка говорить на важные богословские темы сочетается с крайне низким богословским уровнем всего рассуждения. В «Обращении», кроме того, **порочен сам метод, сам принципиальный подход; в нем, при всей резкости, как бы изначально заложена сугубо оборонительная, маргинальная и потому заведомо проигрышная тактика,** типичная для деятелей, подобных гг. Назарову, Душенову и К^о: если вся Церковь, церковная институция как таковая заведомо объявляется **уже фактически отступнической, еретиче-**

ской и попавшей в руки «врагов», то «нам» не остается ничего иного, кроме как уходить в подполье. А это по-другому и называется «гетто», или резервация! При всей резкости и самоуверенности тона второго «Письма епископа Диомида» духом уныния и какого-то изначального пораженчества веет от «Обращения»...

Процесс, запускаемый этим документом, крайне зловещ и деструктивен, это путь, ведущий нас к тупику: чем больше консерваторов (то есть, попросту говоря, нормальных православных людей, живущих в церковной Традиции) будет воспринимать ситуацию на уровне и в терминах «Обращения», тем в большей степени будет маргинализироваться консерватизм, а либералы будут захватывать магистральное русло, вытесняя нас в «фундаменталистскую» резервацию, цепляясь при этом к слабым местам и многочисленным богословским «самоподставам» и несуразностям «Обращения». Собственно, так они уже и поступают, накручивая постоянную истерику (по своей силе несоизмеримую с остротой и значимостью проблемы) вокруг тех немногочисленных людей в нашей Церкви, которые призывают к канонизации царя Ивана Грозного и Григория Распутина, представляя этих людей в виде угрозы страшной разрушительной силы. Борьба с «канонизацией Распутина» неуловимо трансформируется в ушат грязи, который выливается на святых царственных мучеников: см. пресловутое «Приложение» к известному докладу митрополита Ювеналия на Архиерейском соборе РПЦ 2004 года. Приложение это называется, если не ошибаюсь, «Царская семья и Распутин». Интересно, кто его реальный автор?

Все вышеизложенное вынуждает сделать несколько вполне очевидных выводов. Во-первых, есть вещи, которые, безусловно, следует понять нашим владыкам, представителям высшего клира, носителям церковной власти. **Тактика «замыливания», столь типичная для**

членов Синода, оказалась идеальной в ситуации уже разгоревшегося скандала, но она не может до бесконечности применяться в решении реально стоящих перед нашей Церковью проблем. Еще в моем старом эссе «Преждевременный триумфализм» (см. «НГ-Религии» от 25.07.2001) мне уже приходилось писать, что игнорировать проблемы, делать вид, что их нет, ничего не делать, надеясь, что все как-то рассосется само собой, — плохой способ решения этих самых проблем, плохая политика. «Динамитное» обращение преосвященного Диомида — довольно слабый документ, но почему затронутые в нем и многие другие проблемы не решаются системно, организованно, на высоком богословском уровне, без того налета нервной маргинальности, который свойствен «Обращению»? Почему до сих пор вся экспертно-аналитическая работа в нашей Церкви ведется от случая к случаю, будучи привязанной к сугубо конкретным задачам, а не на регулярной основе? В Ватикане существует целая Папская академия наук, — почему у нас не существует даже маленького института? Нет денег? Но на помпезные приемы и дорогие лимузины они как-то находят! После выхода «Обращения» г-н Назаров (не имеющий к нашей Церкви никакого канонического отношения) открыл на своем сайте сбор подписей за проведение Поместного собора. Что следует делать в свете этого? Опять ничего или все же стоит запустить какой-то альтернативный процесс?

Совершенно понятно, что идея Поместного собора, занимающая многих, будучи реализованной, грозит трансформироваться в нечто совсем другое, если не сказать прямо противоположное, — в разрушительный «Первый съезд народных депутатов» в РПЦ, чего кое-кто и добивается. К примеру, те многочисленные монастыри, которые были организованы на местах по «разнарядке» Синода и по указанию тамошних пре-

освященных, могут выставить на этот собор таких делегатов, на фоне которых «Обращение» Диомида покажется образцом умеренности и высокого богословия⁶. С другой стороны, невозможно не признавать тот факт, что высшее священноначалие, с одной стороны, и простые священники и миряне, с другой, продолжают жить «параллельной жизнью», никак не соприкасаясь друг с другом. Как можно решать многочисленные внутренние и внешние проблемы нашей Церкви в духе и русле соборности, не впадая при этом в «демократический» соблазн?

Думается, что если стремиться сделать процесс подконтрольным и при этом сохранить ту меру свободы, без которой никакое позитивное действие в Церкви невозможно, то вполне можно было бы для начала создать **ряд комиссий Предсоборного присутствия** (на основе формально существующих синодальных комиссий), которые могли бы действовать достаточно долго и в чью задачу входила бы подготовка взвешенных и компетентных решений по целому ряду объективно существующих проблем. Эти комиссии могли бы включать как постоянный состав экспертов — клириков и мирян, так и использовать отчасти уже существующую практику привлечения более широкого круга специалистов для всесторонней «обкатки» готовящихся документов, которые, по идее, могли бы стать основой для практических действий. Такая организация всей работы позволила бы востребовать тот интеллектуальный и профессиональный ресурс, который в немалой степени существует в Церкви и который, увы, пока еще не в полной мере востребован. При этом следует уделять особое внимание блокированию влияния либерального лобби, которое сейчас стремится действовать в большей степени кулуарно, нежели в традиционном «громком» стиле, свойственном наиболее одиозным его представителям.

Думается, вполне ясно, что практическое решение проблем Церкви не сводится к написанию каких-то, пусть и вполне правильных, официальных документов. Однако не менее ясно и то, что без должной организации экспертно-аналитической работы⁷, приобретающей в условиях современного мира все большее значение, конструктивное движение вперед, ответ на те проблемы, которые этот мир ставит перед нами, никак невозможно.

С другой стороны, умеренно-консервативное большинство нашей Церкви, те, кто порой вполне самоотверженно и продуктивно трудится на, так сказать, низовом уровне, на уровне малых, приходских общин, должно осознать: до бесконечности отсиживаться в наших приходах-оазисах, в которых нам порой так хорошо, так комфортно и уютно, упорно игнорируя существование «всего остального», «большого» мира, простирающегося за церковной оградой, конечно же, не удастся. Необходимо избавиться от «оборонного» сознания, от психологии добровольных обитателей православного гетто и заново осознать истину, возведенную Христом: люди Церкви в мире — «закваска», а не изгой, и если мы откажемся от этого «внешнего» вектора, от нашей миссии приведения всего «внешнего» к уровню Церкви (а не опускания Церкви до уровня «мира»), это будет означать наше безусловное поражение, то, что мы оказались недостойны той великой миссии, которую возложил на нас Господь.

Примечания

¹ Цит. по кн.: *Архиепископ Марсель Лефевр*. Они предали Его. От либерализма к отступничеству. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 220–222.

² Указ. соч. С. 10–11.

³ Указ. соч. С. 20–21.

⁴ Анализ дальнейших событий вокруг мятежного епископа и его «Обращения» см. в главе «Качели. Политтехнологии и Церковь в "деле Диомиды"».

⁵ См. в сб.: *Анатомия провокации*. М., Бост-К, 2005.

⁶ Дальнейшее развитие событий показало, что данное опасение было слишком наивным. При выборах делегатов на Поместный собор 2009 года мужским монастырям вообще не дали провести свой монашеский съезд, и делегатами Собора стали лишь монашествующие — представители епархий! Таким образом, права мужских монастырей, зафиксированные в Уставе Церкви, оказались грубо нарушенными!

⁷ Наблюдая за церковно-политическими событиями сегодня, спустя несколько лет после первой публикации этого текста, поневоле убеждаешься в действенности печатного слова. Предсоборное присутствие создано (и даже как Межсоборное), и наряду с ним сформирована даже целая Ассоциация православных экспертов (АПЭ) во главе не с кем-нибудь, а с К.Фроловым, человеком, мягко говоря, одиозным и неадекватным. Последнее очень хорошо известно кураторам всего процесса, и тогда, стало быть, какова же цель? Вот вам и «экспертиза», вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Наши новые миссионеры

Ересиархи — не вредители.

Они просто миссионеры.

*Протоиерей Андрей Кураев*¹

Появление статьи «Призрак Второго Ватикана» наделало много шума. Честно говоря, меня сильно порадовало, что поддержка и понимание изложенной в ней позиции оказались даже выше, чем я ожидал. Среди читателей нашлось немало таких, кто понял мою мысль вполне адекватно. Я получил немало писем, авторы которых, часто весьма известные и уважаемые в нашей Церкви люди, выражали мне полную поддержку и снабжали новыми фактами, ранее мне неизвестными, которые стопроцентно подтверждают правильность мысли о системном либеральном заговоре в недрах са-

мой институции РПЦ, которая высказана в статье. Спасибо им за это!

Однако даже и у вполне искренних и очевидным образом честных православных людей присутствует порой непонимание некоторых основных, аксиоматических положений. Например, говорят, что «либерализм — консерватизм» и т.д. — это якобы чисто политическая терминология, которую нельзя применять к церковным проблемам. Это, право же, странно: вот Лефевр целую книгу об этом написал, есть и другие известнейшие авторы, в том числе и православные, есть масса современной литературы, а некоторым все равно непонятно! Поскольку в данном случае это не является нашей основной темой, отвечу кратко. Все различие заключается в понимании свободы. **Для либерала свобода — это отсутствие внешних препятствий для реализации моего хотения; то, что я хочу, не может и не должно иметь никаких ограничений; свобода в этом случае равна своеволию. Здесь самореализация личности**, понятой как самодовлеющий индивид, в отрыве от какой-либо духовной или родовой общности, осуществляется **вне понятия греха**; никакого греха для этого мировоззрения просто не существует. С христианской же точки зрения **свобода есть пребывание в Боге; самореализация личности возможна лишь в русле правильного («православного») богообщения; свобода вне Бога есть свобода иллюзорная, ибо она есть рабство греху**. Думается, из вышесказанного вполне понятно, что в каждом из нас сидит эта греховная либеральная скверна, это противление Богу, и разделение проходит не между теми, в ком она есть, и теми, в ком ее нет, а между теми, кто, **более или менее сознательно**, делает этот либерализм основой своего мировоззрения и практической деятельности, и теми, кто, осознавая его как нечто принципиально чуждое нашей вере, пытается его изжить, как, в первую очередь, в самом себе, так и в обществе.

Однако, наряду с искренним непониманием дру-
жественно расположенных и в целом вполне понима-
ющих основную интенцию работы людей, пришлось,
разумеется, столкнуться и с обычными «полемически-
ми» приемами либералов: откровенным шулерством,
передергиваниями и беззастенчивой ложью. Чего сто-
ит утверждение О.Куровой-Гумановой (она же Самур-
фила), сделанное на ее странице в «Живом журнале»,
о том, что я якобы «зову народ в ИПЦ». Эти люди, по
свойственной им традиции, сами себя разоблачают, ибо
**делают именно то, о чем я и написал в предыдущей
главе: самым наглым, беспардонным образом пытаются
выталкивать нас в раскол,** с подачи своих курато-
ров объявляя самих себя, без всякого на то права, так
сказать, знаковыми, основными представителями кано-
нической Церкви!

Не желая опускаться до опровержения всей осталь-
ной, весьма однообразной, клеветы в наш адрес и в ад-
рес наших единомышленников и друзей, которой на-
полнились Интернет и печатная «православная» прес-
са², попробуем поразмышлять о той крайне важной
проблеме, которой, как щитом, постоянно прикрыва-
ются сторонники либерального пути, без всяких на то
оснований, опять же, пытаясь «приватизировать» эту
тему, — **проблеме православного миссионерства.** Каж-
дый, кто читал работу о «Втором Ватикане» и объек-
тивно настроен, прекрасно понимает, что никакого от-
рицания самой необходимости миссионерства в Церк-
ви, по природе своей нацеленной на духовное завоева-
ние всего мира, там, конечно же, нет. Подобного рода
мысль — либо порождение просто уже больного, ма-
ниакального сознания, полного навязчивых идей, либо
уж слишком наглая передержка. В статье говорится
лишь о том, что вокруг этой темы много спекуляций.
Потому и употребляется выражение «так называемое
миссионерство». Каким же должно быть правильное,

православное понимание миссии Церкви в современном мире?

В принципиальном, мировоззренческом плане можно говорить о **двух основных путях в понимании миссии**. Первое есть порождение выродившегося протестантизма, всякого ложного харизматизма, то есть, в конечном счете, — индивидуалистической традиции секулярного модерна, полностью исчерпавшей и дискредитировавшей себя просвещенческой и постпросвещенческой идеологии. Согласно этому пониманию, человек вообще (любой человек) есть самоизолированный индивид, а современный человек есть, по большей части, существо в религиозном плане абсолютно девственное; его сознание есть сознание исторического вырожденца, это лишенная какой-либо исторической памяти *tabula rasa*, «чистая доска», на которой проповедник может писать все что ему вздумается. А поскольку трактовок Писания в протестантизме в принципе столько же, сколько и богословов, интерпретаторов (каждый «сам себе папа»), то, в пределе, такая проповедь основана на чистом произволе. Все разговоры о том, что **«евангелизация» должна быть принципиально отделена от той конкретной конфессиональной, социокультурной и т.п. традиции**, к которой принадлежит данный народ, поскольку предание заслоняет Христа, — самое настоящее лукавство. **Душа веры не существует в истории вне собственно исторического конфессионального и культурного тела, и совсем отделить веру, Евангелие от конфессиональной и культурной традиции народа — значит просто связать ее с какой-нибудь другой традицией!** «Традиция» — все равно будет, и если она не будет православной, то будет, например, протестантской! (А то и прямо оккультной, сектантской.) «Миссия», основанная на этом ложном подходе, внешне может быть более чем успешной. Будут «обращаться» (и «обращаются») десятки и сотни тысяч, вопрос только в том, **во**

что они обращаются и происходит ли здесь реально «метанойя», покаяние, изменение человеческой души. Проповедник не чувствует за своей спиной всей мощи Традиции; она *как бы* есть, но для его дела это неважно: ведь исторической памяти, согласно этому взгляду, не существует, и объект миссии — «всего лишь» этот конкретный человек, живущий в данную историческую эпоху, для которого что фольклор, что Библия, что Бетховен — предания давно минувших дней и вообще что-то фантастическое. Сборник комиксов, «Гарри Потер» и дьякон Кураев куда как ближе... (Отец диакон, прости, я не хотел тебя обидеть! Просто как-то так складно пришлось...³) Ясно, что при таком подходе Предание, святые отцы и пр. — не в помощь миссионеру. К чему же апеллировать? Приходится опускаться до уровня «объекта миссии», пытаться понять: а что ему сейчас самому интересно? Может, мы туда и внедримся? Напишем предисловие к «Гарри Потеру» (заодно и гонорар получим), а между делом упомянем и о Христе. Только не надо особо давить, люди же еще слабые, неподготовленные. Они привыкли к телевизору, футбол посмотреть, пивка там попить, на рок-концерт сходить, а вы им сразу Добротолубие, «твердую пищу». Пускай сначала зубки вырастут... Когда игумен Евмений (Перистый) из кожи вон лезет, чтобы доказать, что «Христос — в доску свой парень», а отнюдь не **Иное** по отношению к окружающей нас социальной скверне, он по-своему вполне искренен, ибо следует вышеизложенной модели.

Другое, противостоящее этому, понимание миссии основано на качественно отличном антропологическом постулате. Человек не абстрактный индивид, существующий лишь «здесь и теперь», а **плод Божественного замысла, обладающий исторической памятью**. Мои православные предки, отнюдь не святые, обычные грешники, но умершие в покаянии, **актуально существуют для меня** сегодня, даже если я в этот момент впадаю

в тяжкий грех и отпадаю от Церкви. Русский народ — народ православный, как бы далеко он ни отпал от веры своих отцов в XX веке. Если это не так, то никакая **православная** миссия вообще невозможна! Историческая память вообще — сложная вещь и иногда преподносит такие сюрпризы, о которых не догадываются протестантствующие рационалисты, пытающиеся в наши дни полностью оккупировать миссионерское поле.

В годы Великой Отечественной войны многие советские солдаты, двадцатилетние парни, воспитанные партией и комсомолом в духе воинствующего атеизма, в минуту опасности крестились и надевали кресты, вопреки комиссарской пропаганде, понимая, что от вражеской бомбы комиссар не спасет. Именно поэтому, пожалуй, самый почитаемый старец современной России — архимандрит Кирилл (Павлов), сам, как известно, фронтовик, и говорил, что в той великой войне мы победили, потому что еще сильна была в народе **мужская вера**, вера у самих фронтовиков, которая сохранялась вопреки идеологическому господству коммунистической партии. Сравните с этим трезвым и мудрым высказыванием духоносного старца полные злобы и ненависти к России слова известного русофоба в рясе протоиерея Георгия Митрофанова, утверждающего, что «идентичность русского народа», русская историческая традиция **прервана** в 1917 году, а главным героем великой войны является перебежчик и предатель А.Власов!⁴

Из краеугольного положения о реальном существовании исторической памяти в сознании народа следует и основной принцип миссии, как она должна пониматься в собственно православном контексте, с позиций именно Православной Церкви. **Задача проповедника, миссионера не в том, чтобы написать на религиозно девственном сознании современного человека свои произвольные письма, а в том, чтобы пробудить, вызвать к жизни дремлющие социокультурные**

и духовные коды, помочь людям осознать свое Православие не просто как культурную традицию, составляющую основу самоидентификации человека в истории и в окружающей реальности, но как именно веру, как двустороннюю связь со Христом, побудить его к началу активной церковной жизни.

Из этого расхождения в принципиальных подходах вытекает и различие, так сказать, методологическое различие в **способе** миссии. В первом случае главным способом является **прием**, тот **инструмент**, при помощи которого в сознание человека вкладывается какая-то система взглядов и мотивов, могущих быть реализованными в практической жизни. Главным, ключевым приемом является здесь апелляция не к **идеальной личности**, не к **Божественному замыслу**, который, вопреки всему, **всегда жив** в человеке, а к его лежащим на поверхности **эмпирическим особенностям**, среди которых **различные слабости** души и тела занимают, как понятно, первое место, играют ведущую роль. Часто представляют дело так, что для успеха миссии полезно быть «своим в доску парнем» (совсем как Христос у игумена Евмения), не чуждым «нормальной жизни». Здесь миссионер часто попадает в известную ловушку, нагляднее всего иллюстрирующую издержки и тупиковость этого пути. Для того чтобы проиллюстрировать этот момент, проще всего выстроить на первый взгляд вполне логичный ряд. Для того чтобы миссионерствовать среди сталеваров, неплохо и самому быть сталеваром; чтобы миссионерствовать среди колхозников, полезно и самому заниматься сельским хозяйством; успех миссии среди рокеров скорее постигнет того, кто и сам не чужд рок-музыки; люди богемы скорее воспримут Слово Божие из уст того, кто и сам принадлежит к богеме... (ряд в принципе может быть бесконечным); чтобы миссионерствовать среди наркоманов, нужно... А что нужно, чтобы миссионерствовать, напри-

мер, в борделе?? Ясно, что погружение в социальную скверну, в скверну міра, не гарантирует, говоря мягко, успеха миссии. Ибо **здесь существует немалая опасность того, что миссионерская открытость Церкви міру, стремление завоевать весь мір может неувлимым образом трансформироваться в свою прямую противоположность — в готовность впустить в себя дух міра,** сдаться на милость победителя, как это и произошло с западным христианством⁵.

Почему-то основной упор часто делают на работу с так называемыми проблемными группами, а не с теми, кто, Слава Богу, пока еще составляет большинство общества, то есть с нормальными добропорядочными людьми, в которых наиболее сильна та историческая память, о которой говорилось выше, но которые, в силу известных исторических обстоятельств, в настоящее время находятся пока еще, к сожалению, вне спасительной ограды Церкви. Часто разговоры о «православном роке» ведутся с такой агрессивностью, как будто именно развитие рок-движения, а отнюдь не восстановление нормального уклада жизни является основной проблемой современной России. И при этом еще ссылаются на святителя Николая Японского и других великих миссионеров прошлого!

Представим себе такую картину. Где-то в середине XIX века по какой-нибудь среднерусской реке (по Волге, например) плывет миссионерский пароход. Причалив к берегу, миссионеры выгружаются и начинают «работу с населением». Руководитель группы в красной цыганской рубаше, с гитарой через плечо произносит пламенную проповедь, после чего цыганский хор «зажигает» «Ручейком» и другими шедеврами, завершая миссионерский заход своего руководителя. (Кстати, если кто сомневается, я очень люблю цыганскую музыку, в которой есть образцы настоящего высокого искусства.) Вам уже смешно, г-да «миссионеры»? Нельзя ме-

шать Божий дар с яичницей? И такое в той, настоящей, традиционной России было невозможно (такого «миссионера» сочли бы сумасшедшим)? Правильно, и я о том же! Только почему же вы не смеетесь, когда в качестве авторитетного источника Слова Божия выступает г-н Кинчев, с головы до ног разрисованный языческо-сатанинскими татуировками?⁶

Я вообще-то ничего не имею против Кинчева как такового. Мне его творчество не близко, другим оно нравится, ну и на здоровье! Только при чем здесь миссия? Человек прошел немалый путь — от прямого сатанизма, каковым просто дышит «нормальный» рок (о чем имеется масса авторитетных исследований) до поверхностной религиозности интеллигентско-богемного типа. Для индивидуального жизненного пути это действительно немало. Здесь можно только благодарить Бога за то, что Он призрел еще одну заблудшую душу. Правда, я встречал и других покаявшихся рок-музыкантов. Никогда не забуду одного бывшего бас-гитариста довольно известной в прошлом группы (имени не называю по этическим соображениям) и той бездонной глубины **страшного духовного опыта**, знания **глубин сатанинских**, которая чудилась мне в его покаянном взоре. Довелось пожить с ним на соседних нарах в Оптиномском скиту, в несколько затянувшемся паломничестве. Человек этот был бесноватым и не выносил близости евхаристической Чаши и других святынь. Но подобной силы покаяния я не встречал ни в ком. В свои светлые минуты, когда отпускала его эта напасть, он, грустно глядя, говорил, что бес мучит его заслуженно, поскольку он слишком много ему послужил, будучи рок-музыкантом. Думаю, всем уже понятно, что возвратиться к своему прежнему занятию у него не было ни малейшего намерения. И не было в нем ни грана наглой самоуверенности в «правоте своего дела» (не говоря уже о хамском отношении к людям), столь свойственной нашим но-

вым «миссионерам», ибо сознавал он себя недостойным столь высокого дела, как миссия, проповедь Слова Божия. Дальнейшая судьба этого человека мне неизвестна, но думаю, не мог Господь, по милосердию Своему, не принять и не спасти эту несчастную кающуюся душу. Такой вот рок...

Для вдумчивых людей давно уже ясно, что либерализм в основе своей лукав, как лукав тот, кем он вдохновляется. Так и здесь, в деле миссии. Ибо речь идет в действительности отнюдь не только о том, чтобы «воздействовать через близкое и понятное». На самом деле **«миссионерский» подход часто используется просто для прямой войны с Традицией**, для слома ее, каковы бы ни были субъективные намерения самих «миссионеров». Приведу два примера, не называя имен, ибо не хочу вступать в конфронтацию с людьми, делающими, в целом, немало полезного⁷. В одном южнорусском городе жил-был молодежный клуб с фольклорно-катехизаторским уклоном. Руководители и члены этого клуба мирно изучали казацкие песни и пляски, занимались патриотическим воспитанием, ну и, в меру своих сил, проповедью святого Православия. Словом, реализовывали как раз ту абсолютно правильную схему православной миссии, о которой говорилось выше. Приехал к ним как-то один известный проповедник и, как говорится, «поработал с людьми». После этого молодые люди решительно заявили своим старшим друзьям, что теперь они прозрели, поняли, что такое настоящая миссия, и срочно переориентируются с замшевого фольклора, патриотизма и народных обычаев... на что бы вы думали? Ну, ясное дело, конечно же на рок! Спрашивается, как же в этом случае быть с «икономией»? Бывают ситуации, когда наши новые миссионеры отнюдь не склонны снисходить к слабостям и просто человеческим интересам тех, с кем они «работают».

Другой пример, еще похлеще. Приехал как-то тот же проповедник в некий провинциальный город. Ну, натурально, согнали местную церковную молодежь на московскую знаменитость. Решив, по привычке, сразу «взять быка за рога» и понравиться народу, наш миссионер с ходу спросил: «Какая для молодежи наипервейшая заповедь?» Попытки **вполне воцерковленных молодых людей** следовать Евангелию и Десяти заповедям были им решительно пресечены. Оказалось, что главнейшая молодежная заповедь для православных христиан — «Плодитесь и размножайтесь». «Но как же, батюшка, сейчас вроде как пост?» — пролепетала барышня с «камчатки». «А ради выполнения демографической программы Президента я вас от поста разрешаю и все ваши грехи заранее вам отпускаю!» — торжественно изрек миссионер, не будучи при этом священником. Пусть читатель самостоятельно оценит этот незаурядный «миссионерский» ход. Так надо здесь ставить кавычки или нет? Ау, полемисты!.. А ведь подобного рода примеров можно привести немало! Так что абсолютно правильно пишет наш главный миссионер протоиерей Андрей Кураев, когда на примере отца Александра Меня выявляет любопытную особенность некоторых наших миссионеров: «Отец Александр — автор своих книг и отец Александр — участник публичных дискуссий оказались довольно разными людьми. Его книги более выверенны, продуманны. Понятно, что на лекции, в живом общении... можно ожидать и ошибок, и полемических увлеченностей... Но когда одна и та же мысль переходит из ответа в ответ, из одной лекции в другую, — значит, эта мысль уже не просто случайность. Здесь приоткрылось что-то, о чем этот лектор в своих книгах не писал, но в уме вынашивал...»⁸

Обратимся теперь к главному вопросу — к тому, какой всегда была и должна быть миссия без всяких кавычек в ее собственно православном понимании, с точки

зрения «способа». Вынужден огорчить наших «модернизаторов на основе традиции»: «способа» в смысле инструмента, приема здесь не существует никакого! **Единственный способ — это не погрузиться в скверну мира, а, напротив, явить пример святости.** Этот «способ» есть то, к чему призывает нас Христос, есть путь святых. Ибо именно ими, бесчисленным сонмом наших святых, своим подвигом и **жертвой** стяжавших благодать, силу Божию, а отнюдь не менеджерами и пиарщиками, создается Церковь, именно их незримое присутствие рядом с нами, их открытость Божественной помощи делает ее несокрушимой. Вот почему подлинных миссионеров так мало.

Вряд ли кто-нибудь решится утверждать, что, к примеру, преподобный Сергей не миссионерствовал. Время преподобного Сергея — тяжелая эпоха в истории Руси, когда мучительно преодолевалась разруха, причиненная усобицами и ордынским игом. Это было кризисное время, когда реально стоял вопрос о том, сможет ли заново отстроиться страна. Сама социальная организация была во многом делом проблемным. Стоило, скажем, крестьянам где-то поселиться, пустить корни, обзавестись хозяйством, обрасти жирком, как легко могли набежать какие-нибудь разбойничьи ватаги («свои» или татарские) и все отобрать. Обществу было крайне трудно начать процесс социальной кристаллизации, структуризации, оно во многом напоминало скорее социальный газ, некое «перекати-поле», свободно носимое туда-сюда ветром истории. Преподобный Сергей не шел ни к сильным мира сего, ни к разбойникам, ни к ордынцам, ни к этим крестьянам. Плоть от плоти свой, исконный, русский святой, он делал прямо противоположное — **уходил от окружавшей его социальной скверны в свою лесную пустыню и являл зримый образ иного бытия,** иного в самых последних духовных основаниях, во всем последовательно чуждого этой скверне. Приходившие

к нему люди не могли не ощущать, что явленный им образ жизни принципиально отличен от погрязшего в грехах и страстях мира, чувствовали в нем, в его скромной обители начаток той **духовной крепости**, без которой не живет общество и гибнет народ. Здесь и началось на Руси то, что получило впоследствии наименование «исихастского возрождения», ставшего основой и социального, культурного, цивилизационного возрождения всей страны. Люди начинали селиться рядом с монастырем; постепенно рядом с монашеской общиной образовывался посад, социальная периферия, тесно связанная с обителью духовной и социальной связью. По мере того как в бывшей пустыне становилось слишком шумно и многолюдно, от преподобного отделялись его ученики, уходившие дальше, основывая новые обители, новые **острова иного**. **Они не шли в мир, но уходили от него, однако мир сам приходил к ним с поклоном и покаянием**. Так происходила знаменитая колонизация Северо-Восточной Руси, положившая начало нашему возрождению. Вот это и была подлинная Миссия, давшаяся не «пиаром», но великой **жертвой**, великим трудом и подвигом. Было ли это каким-либо отрицанием внешнего, социального служения? Отнюдь! В преподобном Сергии нет еще ни грана того противопоставления внутреннего и внешнего, которое некоторые позднейшие историографы приписывают «иосифлян-ской» эпохе. Преподобный — человек гармонии, человек синтеза. Но внешний активизм множества русских людей, которые, даже не соприкасаясь лично, считали его своим наставником, — это не то суетливое беганье по поверхности «современной истории», которое столь свойственно некоторым нашим нынешним «миссионерам» и которое в действительности лишь скрадывает недостаток духовной жизни, но фундаментальное, укорененное в вере **делание**, поистине **дела веры**, о которых говорит нам апостол, что без них сама вера мертва.

Именно такая проповедь, **проповедь живым примером мучеников и святых**, позволила в свое время древней Церкви завоевать большую часть известного тогда мира, и примеры такой Миссии во множестве находим мы в древних патериках.

Люди, самоуверенно вещающие нам о миссии как о чем-то, лишь слегка отличном от «грамотного менеджмента и пиара», заикленные на мысли о том, что «христианство вполне совместимо с богатством и успехом», видимо, редко читают Евангелие. Между тем **Христос ведь не обещал христианам в этом мире ни какого чисто земного «успеха»**, и это все знают!

Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас. Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется. Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне. Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным. Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто не берет креста своего и [не] следует за Мною, тот

не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее (Мф. 10, 16–39).

Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня. Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем. Ненавидящий Меня ненавидит и Отца моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное в законе их: возненавидели Меня напрасно. Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною (Ин. 15, 18–27).

Согласитесь, что это несколько далековато от «грамотного менеджмента и пиара»...

Примечания

¹ См.: Кураев Андрей, *диакон*. Вызов экуменизма. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательский Совет РПЦ, 2003. С. 181.

² С позиций прошедшего с тех пор времени нельзя не заметить, что все это просто меркнет по сравнению с теми методами, которые применяют против нас сегодня. Если доведется, когда-нибудь расскажем и об этом.

³ Но «отец», теперь уже протоиерей, с тех пор много раз всех нас «обидел» своими многочисленными кощунствами и другого рода скандалами, на фоне которых приведенные в этой главе

примеры выглядят почти невинно! В этой книге мы, естественно, не сможем их не коснуться.

⁴ См. об этом в его кн.: Трагедия России. СПб.: Моби Дик, 2009.

⁵ Об этом хорошо пишет уже упомянутый нами автор — *протоиакон Андрей Кураев* в работе «Заблудившийся миссионер» (См.: Указ. соч. С. 180 и сл.).

⁶ А теперь уже и «Паук» (Сергей Троицкий) — известный рок-музыкант с явно сатанинскими мотивами в «творчестве», в своем роде «культовая фигура» для рок-тусовки)! Если раньше «проводниками» «новой миссии» служили, так сказать, бывшие, покаившиеся сатанисты (к каковым относится г-н Кинчев), то теперь прогресс: и «Паук» сгодится, поскольку, по словам апологетов «новой миссии», он... *собирается покаяться!*

⁷ «Еже писах — писах». Однако «автор» обоих пассажей с тех пор настолько «развился», причем отнюдь не в лучшую сторону (о чем речь у нас еще впереди), что придется инкогнито раскрывать. К тому же и в «конфронтацию» я давно вступил... Впрочем, не догадаться, о ком речь, здесь довольно затруднительно. Кураев, кто ж еще...

⁸ *Кураев Андрей, протоиакон. Указ. соч. С. 183.*

Как разрушают Церковь

Всем православным хорошо известно, что «Церковь Христова стоит до скончания века, и врата адовы ее не одолеют». Но в то же время не следует забывать, что обетование это относится к Церкви мистической, Церкви как Телу Христову. Что же касается церковной **институции**, конечно, не существующей отдельно от Церкви как духовной, благодатной общности, но в то же время и нетождественной с ней, то механически распространять на нее это обетование, безусловно, неверно. Не менее известно, что в Откровении святого Иоанна Богослова упоминается ряд древних Церквей, в адрес которых посылались от Бога грозные предупреждения и которых ныне нет и следа. Поэтому ошибочно полагать (позиция, распространенная среди некоторых членов Церкви), что «Церковь не нуждается в нашей

защите». Это смотря в каком смысле! В некоторых отношениях очень даже нуждается, как нуждаемся все мы во внешней, социальной активности, органически дополняющей духовную и сакраментальную сторону церковной жизни и естественным образом вытекающей из нее.

Сейчас для все большего числа активных, мыслящих церковных людей и даже просто искренне «уважающих Православие» нецерковных патриотов становится очевидным: основная опасность для Церкви ныне не в возможности внешних гонений на манер какого-нибудь Веспассиана или большевистских фанатиков-атеистов. Для борьбы с Церковью ныне используются гораздо более тонкие, коварные и изощренные технологии. Враги Христова дела более не стремятся атаковать Церковь, так сказать, в лоб, с помощью грубого силового давления. На повестке дня для них — **проникновение внутрь церковной институции**, мимикрия под Православие, целый набор изощреннейших подмен, подделок, разнообразнейших бесовских уловок. Для политологии и вообще системного анализа (а отнюдь не только для теории искусства) в этой связи давно уже стало привычным говорить о **постмодернистских технологиях**, особенно актуальных в информационной сетевой войне. «Будете как боги», — сказал дьявол, принявший вид змия, искушая первых людей в раю. Хорош бы он был, если бы, раскрыв свое истинное обличье, попытался искусить людей перспективой стать такими же, как он сам...

Для современной России, с некоторым опозданием повторяющей трагически-безысходный путь апостасийного Запада, наиболее актуальным в настоящий момент является комплекс проблем, связанных с «либеральным христианством», «как бы христианством» — заветной мечтой нашей либеральной образованщины. Помимо чисто богословской, идейно-содержательной стороны, которую мы анализируем в других главах, в этой

проблеме имеется несколько аспектов. Во-первых, это наличие **международного проекта по либерализации РПЦ**, что обусловлено понятными причинами. РПЦ является единственным традиционным институтом в современной России, которого не коснулась разрушительная «перестройка», который сумел, при всех сложностях, восстановить свою традиционную структуру, во многом нарушенную в советские годы, и даже в значительной степени приумножить и укрепить ее. Поэтому разрушение ее при помощи самых передовых современных технологий является одной из насущных задач тех внешних международных сил, которые упорно, несмотря на более чем лояльную позицию российской элиты, по-прежнему ведут многоплановую войну против России. В настоящее время в полной мере продолжается активное действие таких структур, **специально созданных** в свое время для работы с «религиозным фактором» на территории стран Восточной Европы, как Kenston Colledge (прямое детище британской разведки), а также различных НПО, «правозащитных» фондов и т.п. организаций (Фонд защиты гласности, Фонд Аденауэра, Фонд Сороса со всеми его модификациями и др.). Все они прилагают системные целенаправленные усилия к тому, чтобы в конечном итоге достичь главной поставленной перед ними цели — либерализации РПЦ, слома ее традиционалистского стержня, разрушительной реформации русской православной традиции.

Далее, следует говорить об участии в процессе в роли «менеджеров и модераторов» и целого ряда ответственных **чиновников российских госструктур**, построивших с вышеозначенными организациями тесные неформальные отношения и потому прямо заинтересованных в соответствующем результате. Не намереваясь далее вдаваться в эту скользкую тему, скажем лишь, что в принципе мы до известной степени в состоянии дать конкретный ответ на два «проклятых русских во-

проса» наших дней, на которые, в отличие от двух всем хорошо известных, обычно никто не отвечает: «Кто куратор?» и «Откуда деньги?»

Внутрицерковные факторы подразделяются на **объективные и субъективные**. Объективные факторы заключаются в том, что за последние 15–20 лет в Церковь пришло достаточно большое число людей малоцерковленных, недостаточно укорененных в православной Традиции, встроенных в глобалистическую и постмодернистскую культуру «постсовременности». Эти люди плохо воспринимают многие традиционные особенности церковной жизни и, не понимая всей опасности революционного реформаторства в Церкви, искренне стремятся к реформам, которые, по их мнению, могут только «улучшить» Церковь, сделать ее более привлекательной и «удобной» для них самих и для внешних. Такие новообращенные, ввиду отсутствия у них какой-либо «идейной» злонамеренности, вполне поддаются воцерковлению, правильному церковному воспитанию, и проблема заключается в основном лишь в их численности, а также в различных нестроениях в церковно-приходской работе.

Однако наибольшую опасность для Церкви, на наш взгляд, представляют отнюдь не эти люди и даже не действие описанных выше внешних факторов, а **некоторые люди внутри Церкви**, давно пребывающие в ней, **в том числе и в духовном сани**. Это отнюдь не зеленая неоперившаяся молодежь, как полагают некоторые (молодежь здесь вторична), а, напротив, люди средних лет и старше, опытные, идейные, твердо убежденные в своей исторической правоте — в намерении осуществить в Церкви либеральные реформы. Они сплоченны и хорошо организованы. Они давно ждали своего часа и решили, что именно теперь этот час пробил. В правильности этой мысли убеждает беспрецедентная по своим масштабам, информационному охвату и назойли-

ности чисто **медийная «раскрутка»** некоторых знаковых фигур в РПЦ, о существовании которых еще лет пять-шесть тому назад вообще мало кто подозревал. Например, такие клирики, как **Петр (Мещеринов), Георгий Митрофанов, Евмений (Перистый)** и др. Все они приобрели свою скандальную славу лишь за последние несколько лет, причем степень этой известности никак не соизмерима с их реальной ролью в жизни Церкви (неважно, положительной или отрицательной).

Активность неообновленцев носит «волнообразный» характер. На первый план выходит то один, то другой, но смысловое, содержательное напряжение, создаваемое постоянными «дискуссиями» о «миссии», «обновлении», «молодежной политике», «соответствии духу времени», непрерывно созываемыми конференциями, «круглыми столами», проводимыми «диспутами», «презентациями» и т.п., постоянно сохраняется.

Методы и приемы работы либералов

Много существенного для понимания методов и приемов либерального движения в Церкви, механизмов либерального влияния дает лидер движения католиков-традиционалистов **архиепископ Марсель Лефевр** в книге **«Они предали Его»**.

Автор выделяет две главные черты, характерные для церковных либералов: а) **они отнюдь не стремятся уйти в раскол, а, напротив, пытаются в конечном счете захватить власть в самой церкви** и б) **они, как правило, не излагают своих воззрений где-то в одном месте систематически** (что сразу вызвало бы жесткое противодействие со стороны консервативного церковного большинства), **а распыляют их во множестве на первый взгляд вполне благонамеренных текстов**. Характерным примером, относящимся к нашей Церкви, являются сочинения одного из руководителей «Центра духовно-

го развития молодежи» игумена Петра (Мещеринова) (ныне временно ушедшего в тень), на 90 % представляющие собой вполне невинные трюизмы, в которых автор опирается на таких классических авторов духовной литературы, как святитель Феофан Затворник или владыка Антоний (Блум). Между тем в своих многочисленных статьях и выступлениях на интернет-форумах, в так называемом «Живом журнале» игумен Петр предстает **принципиально другим**. Чего стоит одно его **прямое высказывание**, сделанное по поводу своих идейных оппонентов: *«Вообще-то я тоже в некотором смысле экстремист. Я понимаю, что раскол — это ужасно. Но иногда мне (я высказываю сугубо личное мнение) думается, что неплохо, чтобы было что-нибудь типа раскольчика. Пусть в него уйдут все зилоты, ревнителы, ИНН-исты, геронтофилы, национал-патриоты и прочая публика. Пусть в своей церкви делают что хотят»*.

Следующим приемом, весьма характерным для действий церковных либералов, является особый упор на захват **среднего звена церковного управления**. Быстро поменять состав епископата не по силам либеральному лобби. Поэтому они проводят нужные им решения *de facto*, через союзных им сотрудников синодальных отделов, которые порой обладают реальными возможностями, вполне сопоставимыми с возможностями руководителей этих учреждений.

Представляя в Церкви подавляющее меньшинство, либералы особое внимание уделяют **информационным технологиям**, в особенности новейшим. Следует отметить использование ими **сетевых сообществ и сетевых методов**, не подпадающих под закон о СМИ. В «Живом журнале» и других соцсетях присутствует большое количество **виртуальных персонажей**, никому не знакомых в реальной жизни. Эти персонажи **часто излагают идеологию неообновленцев в гипертрофированно-радикальном виде**, а подлинные авторы, посмеиваясь,

остаются в тени и абсолютно безнаказанными. Характерными приемами публичной полемики и информационной работы, применяемыми либералами в виртуальном пространстве, являются: фактический отказ от дискуссии по существу, «замыливание» сути, использование клише, словесных ярлыков, метод «гевалта» (информационного наката), гипертрофированной лжи, повторяемой многократно, и т.д. В то же время во всем этом они постоянно обвиняют своих оппонентов. Последнее — весьма широко распространенная технология: вор кричит «Держи вора».

Сетевые псевдонимы постоянно меняются, фигуранты перемещаются с форума на форум, блоги (сетевые «дневники»), а также отдельные записи в них, раз появившись и просуществовав какое-то время, сыграв свою провокационную роль, также могут исчезнуть и возродиться вскоре под другим названием и псевдонимом. Нередко использование имен реальных людей (давших согласие на это) в качестве псевдонимной подписи под текстом, написанным другим человеком или группой лиц. И т.д. и т.п.

Надо сказать, что эта ситуация в настоящий момент уже вызывает серьезную тревогу и у высшего священноначалия. Так, руководитель пресс-службы РПЦ **священник Владимир Вигилянский** (ныне уже оставивший эту должность), уполномоченный озвучивать официальную позицию Церкви, характеризуя особенности дискуссий в так называемой блогосфере, недавно заявил, что *«стеб, ироничное осмысление церковной жизни, а на самом деле — злоба, особенно разлиты»* в ней. По словам отца Владимира, сегодня в той или иной форме дискуссии в блогах ведут **около пяти сот представителей духовенства** Русской Православной Церкви, и тон многих из этих дискуссий является *«удобрением, которое порождает церковные конфликты»*. Он также указал на **«кризис иерархично-**

сти и послушания в Церкви, который сегодня существует на всех уровнях», и характер интернет-дискуссий, по словам священника, тому подтверждение (см.: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=24357>).

Главный **«идеологический» прием**, при помощи которого церковные модернисты находят шаблонное оправдание своей разрушительной деятельности, — это вполне привычная, если обратиться к истории Церкви, **апелляция к «миссии»**, объяснение всех богословских и богослужебных новшеств, которые непременно сопровождаются и «модернизмом» в самих методах работы, **«миссионерскими задачами» Церкви**. Эта «миссия» (подаваемая непременно в модернистском ключе), имеющая весьма мало общего с подлинной церковной миссией, становится для либералов своего рода условным опознавательным знаком, сигналом единомышленникам: «Я свой». При этом, в отличие от обычной, традиционной миссии, эта «миссионерская» активность церковных либералов направлена **внутри самой Церкви**, на разрушение ее традиционного строя. Об этом в нашей книге читатель найдет еще немало материалов.

Вполне понятно, что в действительности церковный модернизм, агрессивное реформаторство носят не миссионерский, а антимиссионерский характер. Об этом вполне убедительно свидетельствует недавняя история. Второй Ватиканский собор, поведший Католическую церковь по реформаторскому пути именно под предлогом миссии, в действительности, как хорошо известно, породил настоящий кризис католицизма. Его «реформы» привели к результату, прямо противоположному тому, который декларировался в качестве цели, — к оскудению церковной жизни, оттоку людей из храмов. Не менее печальная участь постигла и наших, российских обновленцев 20–30-х годов XX века, чьи храмы даже в годы жестоких гонений пользовались гораздо меньшей популярностью, нежели «тихоновские».

Суть идеологии церковного либерализма

Сюда, несомненно, относятся: пересмотр «периферийных» элементов Предания; сокращение и русификация богослужения; либерализация пастырской и духовнической практики (сокращение и ослабление постов; сокращение и ослабление молитвенного правила, особенно перед Причастием, что является путем к профанации таинств, прежде всего центрального таинства, Евхаристии); экуменизм как принципиальная терпимость и признание «равночестности» иных конфессий; навязывание взгляда о несовместимости жизни в Церкви и патриотизма, русофобия и т.д.

Здесь либералы вступают в прямое противоречие с *официальной позицией церковной власти*, выраженной в словах покойного Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: ***«Никакой "подготовки литургической реформы в Церкви" нет и быть не может! Те, кто порой высказывают частные мнения о том, что нужно перевести богослужение на русский язык, о чем в свое время говорили обновленцы, или предлагают сократить богослужение, забывают, что Церковь, ее уставы и правила вырабатывались тысячелетиями, и они должны свято соблюдаться. Никакого пересмотра текста Великого канона преподобного Андрея Критского не будет. Церковь наша в трудные времена гонений и испытаний выстояла, сохраняя неизменной свою традицию. Эту традицию должны свято беречь и мы. Я призываю всех вас соблюдать наши православные традиции и не смущаться частными высказываниями людей, пытающихся вернуть нас во времена обновленчества»***¹.

Кстати, именно это высказывание Предстоятеля Церкви таинственным образом исчезло из публикации «Церковного вестника»² (главный редактор — С.Чап-

нин), хотя весь остальной текст выступления Патриарха был опубликован полностью.

Технология захвата власти в Церкви: вытеснить в раскол умеренно-консервативное большинство

Как убедительно показал архиепископ М.Лефевр на примере эпопеи Второго Ватиканского собора, католические модернисты, будучи в подавляющем меньшинстве, сумели, применяя вышеописанные технологии, захватить церковный «мейнстрим» и, манипулируя епископами, провести на соборе нужные им решения, фактически подведя мину замедленного действия под Римско-католическую церковь. Впрочем, там этот процесс облегчался давним духовным и догматическим повреждением западного христианства. В данном случае для нас важно, что в результате этой по-своему очень ловкой и умной деятельности католических модернистов в раскол оказались вытесненными отнюдь не они, а, напротив, те, кто, в общем, выражал **вполне традиционалистскую позицию пассивного умеренно-консервативного большинства** Римско-католической церкви, то есть католики-традиционалисты, сплотившиеся вокруг самого Лефевра. Последние представляли наиболее пассионарный элемент среди консерваторов, в то время как остальные смирились с поражением.

Современные неообновленцы в РПЦ прекрасно понимают, что церковная Традиция, носителями коей является большинство епископов, священников и мирян, есть главное препятствие на их пути к власти в Церкви. Поэтому их тактика заключается в том, чтобы **маргинализировать православный консерватизм и как бы прицепить к этому маргиналитету умеренно-консервативное большинство Церкви**. Достигается это за счет искусственной «раскрутки» некоторых заведомо маргинальных тем, информационных ресурсов, общественно-

религиозных организаций, персоналий и т.д. Приведем два характерных примера.

А) Интернет-сайт «Москва — третий Рим». Данный сетевой ресурс появился не очень давно, но быстро стал одним из самых читаемых в православном сегменте, что наводит на мысль об искусственной «раскрутке» при помощи технических средств Интернета. Авторы выступают с агрессивно-фундаменталистских позиций, подчеркнуто не боясь острых тем. При этом они в крайне грубой форме нападают на высшее священноначалие, в особенности на самого Патриарха Кирилла и его ближайшее окружение. Постоянное именование Патриарха по фамилии — «Гундяев» является фирменным стилем ресурса, как это было в свое время свойственно газете К. Душенова «Русь Православная». Есть и другие особенности, рождающие аналогии с газетой К. Душенова, ныне являющего собой воплощение системности. Целый ряд информированных наблюдателей убеждены, что реальным руководителем ресурса, определяющим редакционную политику, является православный публицист воинствующе-фундаменталистской направленности Алексей Добычин, хотя это нельзя считать стопроцентно доказанным, а он сам это упорно отрицает. Есть и еще одно сходство с ресурсом Душенова: **хозяином домена в обоих случаях является гражданин США г-н Будзилович**, принадлежащий к числу «зарубежников», не признавших воссоединение РПЦЗ и РПЦ. В целом ряде случаев якобы наивно-откровенные публикации сайта носят прямо провокационный и деструктивный характер. Так было, например, в ситуации с информационной кампанией против Боголюбского монастыря, когда ресурс публиковал вполне конструктивные и правдивые материалы в защиту обители рядом с откровенно экстремистскими высказываниями, грубыми нападками на священноначалие, имплицитно содержащими призыв к расколу, да

при этом еще и выдавал себя за сайт самого монастыря! После того как официальная пресс-служба обители отмежевалась от публикаций МЗР, на сайте был утрачен всякий интерес к теме Боголюбова.

Б) «Пензенские сидельцы». Пензенские квазиправославные сектанты, решившие спастись от антихриста, зарывшись под землю, — один из любимейших сюжетов либеральных СМИ, еще недавно демонстрировавших с его помощью дремучую «дикость» православных фундаменталистов. Между тем, по заявлению **архиепископа Пензенского и Кузнецкого Филарета**, вполне возможно, что *«ситуация с так называемыми затворниками в Пензенской области могла быть спланированной акцией»*. Как сообщает Интерфакс (11 апреля 2008 года, 10.00), отвечая на вопрос, кто мог спланировать такую акцию, владыка Филарет предположил, что *«это могли быть какие-то зарубежные организации. Ведь они сейчас принимают вид общественных организаций, некоммерческих организаций, филантропических обществ, они могут руководить этим...»*. По мнению владыки Филарета, хорошо изучившего ситуацию на месте, **сам психически неадекватный руководитель секты Кузнецов вряд ли мог написать книги, которые подвигли сектантов к совершению их акции**. Архиепископ вполне справедливо заявляет, что **«идет подрыв религиозной православной жизни изнутри»**. (Что сто процентно совпадает и с нашими, абсолютно независимыми выводами.) На фоне этих заявлений пензенского архиерея небезынтересно, что, **«как сообщил агентству источник в правоохранительных органах, в настоящее время проверяется информация о том, что до ухода группы затворников в пещеру на счет родственницы Петра Кузнецова, проживающей в Бековском районе, якобы поступило несколько десятков тысяч долларов из одного иностранного государства»**. (Что, в общем, соответствует масштабам затрат, необходимых для обо-

рудования «пещеры» для более-менее продолжительной жизни в ней нескольких десятков человек.) По мнению того же источника, **«истинные руководители и спонсоры (!) пензенских затворников могут находиться за пределами России»**. На наш взгляд, достаточно очевидно, что пензенская эпопея спланирована и профинансирована внешними для Церкви силами, более чем далекими от вполне маргинального мировоззрения самих сектантов.

Между тем акция сектантов вызвала достаточно симптоматичную реакцию ряда либеральных квазицерковных деятелей с одиозной репутацией. Так, по заявлению «миссионера всея Руси» **протодиакона Андрея Кураева**, мировоззрение «пензенских сидельцев» не сектантское, а характерное для широких кругов самой Церкви. А поскольку формируется данное мировоззрение в основном под воздействием служащих священников, то **вывод отца диакона: «Надо перестраивать обучение в семинариях»** (понятно, в какую сторону)³. Думается, вполне очевидно, что такая «перестройка», как она мыслится церковными либералами, будет означать настоящую войну отнюдь не с маргиналитетом (это только предлог), а с остатками традиционного православного церковного сознания.

Вся вышеозначенная деятельность как «искренних» либералов, так и прямых провокаторов, по замыслу подлинных руководителей проекта, пребывающих, как понятно, вне пределов любимого Отечества, является в действительности лишь подготовкой благоприятной почвы для «пересадки» в Россию, в том числе и под церковную «оболочку» разрушительных неохаризматических квазирелигиозных практик с их специфическими технологиями гипноза, зомбирования, НЛП (нейролингвистического программирования) и других «переходных» и «современных» способов контроля за сознанием (что, как хорошо понятно всем вменяемым лю-

дям, уже просто не имеет ни с каким христианством ничего общего). Данный процесс сопровождается вбрасыванием гигантских денежных сумм, перед чем, к сожалению, не могут устоять некоторые ответственные, облеченные властью лица. Самый яркий пример подобного рода — одиозная деятельность небезызвестного **игумена Евмения**, который под прикрытием «миссионерской работы» в рамках так называемых «Альфа-курсов», программы «Путь» и их всевозможных модификаций внедряет в РПЦ вышеозначенные технологии с поистине неостановимой и просто бешеной активностью. В «послужном списке» игумена Евмения не только внедрение духовных практик и психологических «тренингов», абсолютно чуждых православной традиции, но и уже прямо уголовные преступления. По крайней мере, так считают свидетели, в частности мать покончившего с собой **семинариста Сергея Зуева**, которая прямо вменяет набирающему обороты «миссионеру» **доведение ее сына до самоубийства!**⁴

Примечания

¹ Следует отметить, что и нынешний Предстоятель нашей Церкви — Святейший Патриарх Кирилл следует такому же подходу в отношении возможности церковных (прежде всего богослужебных) реформ, во всяком случае в своих декларациях. *«Я выступаю категорически против любых реформ [в Церкви], — заявлял будущий Патриарх в предсоборный период. — Более того, думаю, что ни один из 145 архиереев, которые могут быть кандидатами на патриарший престол, не имеют никакого реформаторского зуда»* (см.: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=28109>). Вот бы и дальше так...

² См.: Церковный вестник. № 1–2 (374–375). Январь 2008.

³ На тему «перестройки» конфессионального образования в нашей Церкви см. письмо бывшего семинариста **иеродиакона Владимира (Морева)** в Приложении.

⁴ Подробнее об этом см. в публикации на сайте «Русская линия»: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=105271>

Качели

Политтехнологии и Церковь в «деле Диомида»

Кто это сделал, лорды?
Шекспир, Макбет

Быть участником и рабом *такой*
действительности я не собираюсь. До-
статочно того, что я умею ее описывать.
Стенгаль

«Не делай паузу, а уж если пришлось, так держи сколько сможешь», — говаривал незабвенной Джулии Ламберт режиссер, ее учитель. Эта профессиональная и житейская мудрость, очень уместная в самых разных сферах деятельности, оказалась как нельзя более кстати в ситуации, сложившейся в церковной и околоцерковной среде в связи с пресловутым «фактором Диомида», до сих пор побуждающим некоторых весьма заинтересованных комментаторов (как, например, Глеб Павловича Якунина) предрекать «скорый крах РПЦ». Ибо в «деле Диомида» все просто дышит провокацией, как был пропитан ею самый воздух вокруг «Белого дома» на Красной Пресне в октябре 1993-го. Но, если не поддаваться нездоровому возбуждению (перед этим соблазном, увы, не устояли слишком многие — профессиональные провокаторы не в счет) и спокойно спросить себя: увидели ли мы в этом «деле» что-нибудь принципиально новое? — ответить придется уверенно-отрицательно. Нет, увы, это как раз тот случай, который в очередной раз подтверждает мудрость слов Писания: *Нет ничего нового под солнцем* (Еккл. 1, 9).

Сейчас уже общим местом у многих комментаторов стала констатация того вполне очевидного факта, что, какими бы мотивами ни руководствовался сам (теперь

уже бывший) епископ Диомид, в целом его действия никак нельзя признать просто частной инициативой; такое выражение, как «проект "Диомид"» (точнее было бы сказать «операция»), стало уже настолько расхожим, что мы, вполне разделяя этот достаточно очевидный подход, решили не выносить данную формулировку в заголовок. Итак, то, что все действия самого Диоида, его сторонников, противников, апологетов и обличителей, **независимо от их личных мотивов**, вписаны в какую-то глобальную провокационную спецоперацию, достаточно очевидно. На «проклятый русский вопрос» современности, **«Кто куратор»**, однако, **с абсолютной точностью** пока никто не ответил.

Вместе с тем многое уже вполне очевидно. И главное, что можно с уверенностью констатировать, даже и не обладая всей полнотой фактуры, — это, разумеется, вывод, своего рода итог, который всегда очевиден в подобных случаях: **Кому выгодно?** Выгодно ли было, например, Святейшему Патриарху Алексию и другим членам Синода то, что произошло в связи со всей деятельностью Диоида, а также его искренних и не очень апологетов и неистовых противников? Абсолютно ясно, что нет! Ибо главное, в чем заинтересованы представители высшего священноначалия, — это стабильность, покой во всей церковной жизни, отсутствие видимых конфликтов — «тихое и безмолвное житие», о котором молится Церковь. Никакому предстоятелю не могут быть выгодны расколы во вверенной ему юрисдикции.

Выгодно ли то, что произошло, высшему политическому руководству страны, возглавителям светской власти, тем «начальникам», которым, по слову апостола, вручен «меч» государственной власти, чтобы охранять общественный порядок? Ответ, на наш взгляд, не менее очевиден, и он ничем не отличается от приведенного выше. РПЦ для светской власти России — один из факторов социально-политической стабильности; кто еще

успокоит народ, доведенный до отчаяния и сброшенный в нищету либеральными «реформами», напомнив ему, что «Бог терпел и нам велел», что «всякая власть от Бога» и что главное сокровище, которое призваны «собирать» в этой жизни христиане, — «на Небесах», а отнюдь не в накоплении чисто земных благ (и что поэтому не стоит слишком завидовать богатству «олигархов», а следует, скорее, молиться за этих заблудших, об их незавидной загробной участи, памятуя евангельскую притчу о богаче и Лазаре)?

Выгодны ли деструктивные действия Диомиды, его сторонников и противников, весь этот пресловутый «диомидовский раскол» умеренному консервативному большинству Церкви, православным консерваторам (архиереям, священникам и мирянам), этим верным хранителям церковных традиций? Ну, здесь уж ответ наиболее очевиден. Ибо главный вред, нанесенный и наносимый «диомидовщиной» (см. об этом в главе «Призрак Второго Ватикана»), **заключается в маргинализации поднимаемых тем**; никаким церковным консерваторам, никаким защитникам Традиции не может быть выгодно, чтобы такие темы, как **хранение и защита церковного Предания, монархия, борьба с негативными последствиями глобализации, отстаивание социальных прав простых людей** и т.д. в чьем бы то ни было сознании, особенно в сознании высшего священноначалия, связывались с богословскими «ляпами», **расколом, непослушанием, нарушением канонов и вообще со смутой**. А ведь именно в этом — «сухой остаток» от всей диомидовской эпопеи!

Итак, кому же все-таки выгодно? Прежде всего, конечно, немногочисленным (по отношению к общему числу членов Церкви) представителям «либерального христианства», презиравшим и ненавидящим церковную Традицию, основанную на Предании, неистовым и фанатичным «реформаторам», упорно стремящимся

проникнуть на ключевые посты в административной иерархии Церкви, в «среднее звено» синодальных отделов, в церковные и околоцерковные СМИ. Нетерпение этих людей, явно вписанных в некий глобальный проект, готовых в любой момент начать делить между собой властные полномочия в «обновленной Церкви», где «рулить будут только наши» (не путать с движением «Наши», имеющим лишь довольно косвенное отношение ко всему «проекту»), столь велико, что они порой «наивно» проговариваются. Так, один из идеологов этого движения игумен Петр (Мещеринов) недавно прямо заявил: **«Диомидовщина — мировоззрение не кучки маргиналов, а большей части наших православных»** (особый упор при этом сделав на монархизме, монархическом мировоззрении, якобы относящемся к фольклорно-народной вере, а не основанном на Предании (см.: <http://www.russia.ru/geroi/peresedov/?507>). Значит, вывод — **сменить народ?** Кто же тогда является выразителем церковной полноты? Ведь без того, что в богословии называется рецепцией (то есть одобрительного восприятия того или иного решения церковной власти всей церковной полнотой), оно, в строго православной логике, и не может считаться истинным! Наверно, церковная полнота для неообновленцев — это сам Мещеринов с кучкой своих диссидентствующих единомышленников... Плохому танцору известно что мешает, а реформаторам — всегда народ... Собственно говоря, именно этот процесс, связанный с попытками **сменить не отдельных маргиналов, а весь народ Божий**, программой, теперь уже напрямую, открыто озвученной игуменом Петром, мы фактически и предсказали ранее. Не от этой ли невольной прозорливости — те ушаты грязи, которые вылили на нас «благоухающие политтехнологии»? Итак, церковным и околоцерковным либералам «диомидовский раскол» безусловно выгоден. Поскольку маргинализирует церковно-консервативное

большинство и создает предпосылки для захвата Церкви либералами, который теперь из ползучего грозит превратиться в прямой, планомерный и открытый.

Кому это выгодно еще? Очевидно — самим «кураторам», «операторам» «проекта "Диомид"», поскольку успех его означает для них и заслуженные награды, и продвижение по службе, да и вообще профессиональный успех — это всегда приятно. Ясно, что помимо них вся эта история выгодна тем церковным и государственным чиновникам с разным уровнем властных полномочий (которых, в общем, довольно мало), которые давно «в прикупе» и, погрязнув в «кэше» и в не очень прозрачных финансовых потоках, практически не имеют (да и, в общем, не хотят иметь) собственной субъектной игры.

И наконец, последняя сила, которая, на первый взгляд, выигрывает от произошедшего, — это реальные (очень немногочисленные) раскольники, в частности те, которые связаны с радикальными кругами РПЦЗ, противниками политики приснопамятного митрополита Лавра, давно стремящиеся встать на место канонической Церкви.

Каков же механизм всего процесса? На политологическом жаргоне то, что произошло и происходит в связи с «делом Диомидом» (имеем в виду отнюдь не только его собственные действия, степень самостоятельности которых до конца неясна, но понятно, что она отнюдь не стопроцентна), обозначается общепонятным русским словом «КАЧЕЛИ». Стоит напомнить общую канву событий, к настоящему моменту уже подзабытых, несмотря на то что само «дело Диомидом» у всех на слуху.

Сначала Диомид выпускает свое **первое «Обращение»**, которое вскоре оказывается вовсе и не обращением, а предисловием к книге, из которого сделали «обращение» Душенов и К°. Реакция церковных властей довольно вялая, никакими прещениями и не пахнет. Да

для них нет и повода. Формальное каноническое нарушение, допущенное Диомидом, — обращение ко всей пастве РПЦ через голову Патриарха, Синода и Архиерейского собора, а не только лишь к своей епархии, на серьезные прещения явно не тянет. Типичное отношение со стороны церковного большинства — благожелательно-ироническое. Да, признают многие, человек искренний (хотя и не очень умен); в «Обращении» подняты реальные проблемы, но, наряду с этим, богословский уровень довольно низкий, немало всякого рода нелепостей и вполне маргинальной «шизы», в которой реальные проблемы Церкви и внешнего мира подаются в карикатурно-гипертрофированном, искаженном виде. (Однако «благоухающие» уже тогда начинают все больше напоминать борзую свору, почуявшую вождельный момент травли.) Выходит взвешенный богословский ответ на «Обращение» талантливого молодого богослова **Юрия Максимова** (ныне — диакон Георгий), в котором представлен его аргументированный и сбалансированный разбор. Почти одновременно выходит письмо авторов и читателей интернет-сайта «Русская линия», призывающее Диоида к конструктивному диалогу. Синодалы заняты своим привычным делом — «замыливанием». Митрополит Кирилл в своем публичном комментарии «отделяет мух от котлет», высказываясь в том плане, что «владыка никакого обращения не писал, это предисловие к книге, жаль, что его так используют, а вообще, не надо нагнетать». В общем, острого конфликта пока нет, и дискуссия, порожденная первым «Обращением», не выходит за рамки приличий. Итак, первый размах «качелей», сделанный Диомидом (или кем-то от его имени), не приводит в движение весь механизм деструкции: «шаг» пока еще слишком слабый.

Вскоре после этого для увещевания Диоида посылаются епископ Феогност из Троице-Сергиевой Лав-

ры, архимандрит Наум и еще несколько клириков. Во время беседы на все вопросы и увещевания присланных к нему собратьев владыка «просто молчит», не высказывает ни согласия, ни каких-либо аргументов, что убеждает тех, что в своих поступках и распространяемых от его имени публичных заявлениях он явно несамостоятелен.

Если бы дело ограничилось этим, то ни о каком «деле Диомида» не пришлось бы говорить. Однако через некоторое время от имени мятежного епископа выходит еще одно, новое «Обращение», в котором Рубикон уже явно перейден. Здесь уже Диомид не просто ставит проблемы (с какой степенью адекватности — отдельный вопрос), но прямо требует покаяния от Патриарха и членов Синода в приписываемых им многочисленных «ересях», вменяя им, в частности, молебен в Париже, во время поклонения Терновому Венцу Спасителя, считая этот молебен «экуменическим», и ряд прочих «прегрешений». Ясно, что такое поведение уже прямо неканонично и нецерковно: Диомид не **ставит вопросы, предлагая их для соборного обсуждения, но предъявляет ультиматум**, полагая самого себя как бы высшим выразителем богооткровенной Истины. Фактически это первый шаг к расколу. Такая принципиальная и поведенческая логика несвойственна епископам РПЦ и вообще никаким православным епископам, даже и не очень умным по жизни. Это логика обычно довольно многословных, начетнических и демонстративно «бескомпромиссных» сочинений М.В. Назарова, для которого РПЦ (как и воссоединившаяся с ней большая часть РПЦЗ) есть церковь безблагодатная, апостасийная, и единственный путь спасения — это создание «церкви последних времен» из «верных» осколков РПЦ, РПЦЗ и катакомбников. Что побудило бунтаря с панагией к столь радикальному ответу на увещевания собратьев, без какой-либо попытки вступить в диалог, — Бог весть! Можно же

отстаивать свои убеждения, свою принципиальную позицию и без явных канонических преступлений, словно бы специально напрашиваясь на прещения! В этой ситуации нам довольно затруднительно поставить себя на место Диомида, чтобы понять его внутреннюю логику, однако вполне очевидно, что после явной неудачи миссии епископа Феоноста церковным властям следовало срочно отозвать Диомида с Чукотки, оторвав его от его окружения, и благословить какое-нибудь другое послушание, желательно поближе к центру, держа под постоянным контролем самих синодалов. Этого, однако, сделано не было, причина чего нам также неведома.

Однако, при всей «бескомпромиссности», несмотря на, кажется, уже окончательно сделанный выбор, по мере приближения Архиерейского собора июня 2008 года (под который все явно и делалось), Диомид вроде бы начинает понимать, что перегнул. (Вообще, впечатление складывается такое, что когда мятежный епископ действует сам, то его действия гораздо более адекватны и вменяемы, чем когда он испытывает давление, прямое либо косвенное, некоего окружения.) И вот, незадолго до Собора, когда ряд клириков его епархии, следуя фактической логике второго «Обращения», вдруг перестают поминать Патриарха Алексия за литургией, делая первый **практический** шаг к расколу, Диомид пресекает это самым решительным образом: он запрещает в служении мятежных клириков, а некоторых и прямо изгоняет из своей епархии. Тем самым он как бы демонстрирует принципиальность своей церковной позиции: «Истину отстаивать буду, но в раскол не уйду, евхаристическое общение с Патриархом не прерву». (На что его, собственно, и благословляет его духовник, известный православный старец Рафаил (Берестов)). Подчеркнем, что в данном случае не столь важно, насколько адекватно и богословски выдержано его представление об истине; важно, что **на этом этапе он принципиально**

(и правильно!) отделяет вопросы идейные, содержательные от дисциплинарных! В этот момент Диомид явно не хочет, чтобы его «стояние за истину» у кого-нибудь (и прежде всего у самого Патриарха и отцов собора) ассоциировалось с расколом и превышением им своих епископских полномочий, то есть с явными каноническими нарушениями и преступлениями. Если бы Диомид до конца выдержал эту линию и, явившись на собор, принес бы **покаяние за свои прегрешения дисциплинарного характера**, заявив при этом, что не отказывается от выдвигаемых им **идей и считает важными поднимаемые им темы**, то, во-первых, никакого повода для извержения из сана тогда бы не было. А во-вторых, **идейно-содержательная сторона диомидовского «творчества» оказалась бы в сознании всех решительно отделенной от его канонических нарушений церковной дисциплины**, а это, в свою очередь, означало бы, что подлинная цель «операторов» «качелей» **не достигнута!**

Этого, увы, не произошло. Диомид сделал прямо противоположное: он отказался приехать на Собор под явно надуманным предлогом болезни (да при этом еще вместо настоящего бюллетеня представив некую справку из больницы г. Анадыря), а буквально накануне дал свое знаменитое интервью, в котором продолжил нападки на Патриарха, присовокупив заявление, что все гонения на него (которых на тот момент явным образом еще не было, если не принимать во внимание графоманско-публицистическое творчество «благоухающих политехнологов», вообще не представляющих официальную Церковь) — проявление личной мести со стороны митрополита Кирилла. Таким образом, размах «качелей» со стороны Диомида (или, что скорее всего, манипулирующих им сил) стал максимальным, что автоматически вело к тому, что ответный «шаг» становился неизбежным.

Здесь необходимо сделать одно небольшое пояснение. Когда целый ряд комментаторов вполне справедливо заявляют, что сторонники и противники Диомиды, яростно сражающиеся друг с другом в виртуальном пространстве, — две руки одного субъекта, эту мысль нельзя примитивизировать расхожими представлениями о какой-то «агентуре». То есть последняя, в том или ином виде, конечно, всегда присутствует, но главную роль играет отнюдь не она! Технология «качелей» предусматривает, что «раскачиваемые» субъекты, «акторы» политической игры, которые становятся объектами политехнологической манипуляции, ставятся в такое положение, когда, принимая по видимости свободные решения, в условиях формальной внешней свободы, они действуют по заранее прочерченным «лекалам»; их поступки можно спрогнозировать и вписать в заранее подготовленный план. Такая технология, с ее разнообразными модификациями, давно находится в арсенале спецслужб и называется «управление по тенденциям». Вот, например, митрополит (нынешний Патриарх) Кирилл. Как, спрашивается, он должен реагировать и может ли не реагировать вовсе, если про него публично говорят, что он-то и есть главный злодей, изверг рода человеческого, а его любимый отдел следует попросту разогнать? То есть абстрактно-теоретически он может, конечно, не реагировать или реагировать с ангельской кротостью, но тогда... Нет, это решительно невозможно! Или, скажем, Святейший Патриарх Алексий (ныне, к несчастью, уже покойный). Может ли он оставить без внимания заявление действующего епископа вверенной его предстоятельскому попечению церковной юрисдикции, из коего следует, что он, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий, — еретик, христопродавец и вероотступник, вождь всех еретиков и апостасийников? В обоих случаях мы намеренно несколько утрируем формулировки, но ведь

СУТЬ диомидовских заявлений, сделанных, подчеркнем (им ли — отдельный вопрос), **непосредственно перед Собором**, заключается именно в этом! Вполне понятно, что оставить без внимания таковые слова своего «заключенного оппонента» эти люди никак не могли. Они и среагировали. Как могли, то есть — с максимальной жесткостью.

Однако вначале еще немного о технологиях. Если целью является церковный раскол, причем по схеме «Оголтелые, невежественные и неадекватные фундаменталисты против современных, вменяемых и адекватных либералов ("нашей Церкви")», то раскачивать «качели» без участия «общественности», народных масс не совсем правильно, контрпродуктивно. В предсоборный период «политтехнологи» решили, что «дело в шляпе» и можно уже «поднимать народ». Противостояние двух групп «православных демонстрантов», свезенных в организованном порядке на автобусах из разных географических точек необъятной Родины, вблизи зала церковных соборов — «диомидовцев» и «наших», — настолько топорно срежиссированный спектакль, получивший столь широкое освещение в прессе, что подробно останавливаться на его описании просто бессмысленно. Необходимо подчеркнуть лишь следующее. В отличие от «диомидовцев», державших плакаты с выражением поддержки Диомиду, на плакатах «наших» значилось — «Мы с Патриархом, мы с Собором». Ясно, что эти последние, по замыслу политтехнологов, должны были играть роль послушных чад Церкви, в отличие от «фундаменталистски» настроенных бунтарей. Однако всякому непредвзято настроенному наблюдателю, особенно знающему и понимающему церковные реалии, во всей этой «мизансцене» бросалось в глаза явное несоответствие замысла и исполнения, формы и содержания. Еще бы! Ведь если на минуту предположить, что Патриарху и отцам Собора угрожала бы реальная, а не

виртуальная опасность, то действительно церковная демонстрация, созданная по воле самого священноначалия, выглядела бы совсем иначе! Обычные прихожане с похожими крестами и хоругвями, пришедшие защищать своего Предстоятеля и свою Церковь, по внешнему виду мало чем отличались бы от «диомидовцев» и вполне могли бы по-братски и с любовью сказать тем: «Что же вы, братья и сестры, бузите? Мы не меньше вашего монархисты, не меньше вашего не любим ереси экуменизма и ничуть не меньше обеспокоены негативными последствиями глобализации. Но зачем же ваш Диомид так говорит о Патриархе и вообще смуту устраивает? Это нехорошо, не по-христиански это! Надо друг к другу с любовью, надо молиться, а раскол — это очень нехорошо! Так что давайте жить в мире и давайте лучше вместе помолимся» — и т.д. Однако такая «картинка» (а оба «митинга» очевидным образом делались под «картинку») никак не устроила бы политтехнологов. Где же тогда был бы искомый конфликт? И где же было бы искомое сращение церковного «мейнстрима» с либеральным «прикидом»? Поэтому «митинговая» часть пресловутых «качелей» устраивалась вообще отдельно от самого собора. И если «диомидовцы» имели, в общем, вполне «традиционный», «фундаменталистски-пещерный» вид, то представители движения «Наши», обозначавшие «собственно Церковь», смотрелись настолько чужеродно и неорганично, что это не могло не броситься в глаза всякому, кто наблюдал все действие. Если «диомидовская» часть спектакля хоть внешне смотрелась «естественно», то среди «наших» отличие безразличной, мобилизованной тусовки от «руководящих товарищей» было видно буквально невооруженным глазом. Парочка «наших», раздававшая отпечатанные на мелованной бумаге цветные листовки «антидиомидовского» содержания (неповторимо безграмотный и неподражаемо графоманский стиль которых

выдавал руку К.Фролова), была буквально доведена до слез ласково-благоуветливыми расспросами моего приятеля-журналиста, интересовавшегося: откуда они приехали, как давно в Церкви, в какой приход ходят, кого из известных духовников знают, кого из святых отцов удосужились прочитать и самое главное: чем им не нравится Диомид и что они вообще про всю эту историю знают? Было абсолютно понятно, что эти, в общем, довольно симпатичные ребята — просто мобилизованные исполнители. «Страшная кровавая драка», якобы начавшаяся в результате нападения «диомидовцев» на «наших», в которой якобы «участвовало несколько сот человек», «потребовавшая вмешательства ОМОНа», — настолько скучная материя, что не хочется о ней и говорить. По горячим следам были проведены журналистские расследования, в которых и было доказано, что все это не более чем газетная «утка». То есть какая-то мелкая стычка, конечно, была, но была она настолько ничтожной, что несколько скучающих милиционеров легко развели альтернативные «митинги» по разным точкам окрестностей. Один из милиционеров в ответ на вопрос корреспондента даже заметил: «Спокойный контингент, не то что футбольные "фанаты" или посетители рок-концертов...» На фоне регулярно происходящих в той же Москве довольно острых столкновений на этнической почве с применением холодного и огнестрельного оружия (как, скажем, на шумевшая вооруженная «стрелка» в Марьино, любительская видеозапись которой обошла Интернет) это привлечшее непропорционально ажиотажное внимание прессы явно «постановочное» событие — просто детский сад! В общем, сработано было топорно до несусветности.

Теперь о самом Соборе, точнее, о той его части, которая касается «дела Диомида». Прещения в отношении мятежного епископа были вполне ожидаемы, однако для нас в данном случае важны два нюанса.

Во-первых, **каноническо-дисциплинарная сторона дела** (которая, собственно, непосредственно и рассматривалась Собором). Собор принял достаточно уникальное в церковной практике (особенно новейшей) «отложенное» решение, согласно которому Диомид запрещался в служении и извергался из сана, однако вступить в силу это решение должно было лишь в том случае, если тот не принесет покаяния в течение двух недель, оставшихся до ближайшего заседания Синода (которое обычно проходит 18 июля, в день памяти преподобного Сергия Радонежского). Однако **на следующий день утром после закрытия Собора было проведено телефонное голосование членов Синода, которым Диомид отстранялся от управления епархией и в СМИ стал именоваться уже «бывшим епископом», и, таким образом, соборные решения были отчасти все-таки введены в действие!** Мотивы таких странных действий церковных властей нам неведомы, но получается, что покаяние Диомида вроде бы и не предусматривалось? Сложилась ситуация настоящего канонического абсурда. Отменить решения Собора может только Собор, Синод, как нижестоящая инстанция церковного управления, этого сделать, согласно действующему Уставу Церкви, никак не может (откуда и возникла идея «отложенных» решений). В силу этого, кстати, многие владыки на Соборе и выступали за более мягкое наказание бунтаря с панагией. Однако если Синод уже (хотя и частично?) ввел в действие соборные прещения, то получается, что даже в случае покаяния Диомида отмена этих решений на отложенном заседании Синода уже невозможна, требуется ждать следующего Собора (который вряд ли будет вновь специально созван по такому поводу, ждать придется четыре года), и тогда, стало быть, возможное покаяние «Сергея Дзюбана» имеет для него лишь индивидуально-моральное, душеспасительное значение, а весь смысл «отложенности» просто теряется, обесмыслива-

ется принципиальный подход, связанный с «отложенным» решением! Тогда непонятно, зачем же было откладывать?? И почему нельзя было сразу решить вопрос на заседании Собора?

Этим, однако, странности, связанные с «делом Диомидом», отнюдь не исчерпываются. Дело в том, что **архиереями — участниками Собора, по крайней мере подавляющим большинством, «дело Диомидом» воспринималось как чисто дисциплинарное.** (Главный упор на этой стороне сделан и в соборном «Определении».) Всем было понятно, что Диомид — это какой-то бунтарь, и с ним надо что-то делать. Кроме того, серьезным аргументом против Диомидом было просто то, что он ссорит Церковь с российским государством, с ныне действующими мирскими «начальниками», что в Православии вообще в принципе не приветствуется. Идейно-содержательная сторона диомидовских «обращений» всерьез на Соборе не рассматривалась. Однако сразу же после голосования по Диомиду в виртуальном пространстве был распространен и стал доступен для всех желающих некий весьма странный документ под названием **«Богословско-канонический анализ писем и обращений, подписанных Преосвященным Диомидом, епископом Анадырским и Чукотским»**, авторы которого заняты именно этой содержательной стороной. К счастью, к настоящему моменту обнародовано уже немало работ, содержащих подробный разбор этого «анализа» (см., например «круглый стол», организованный интернет-сайтом «Правая.ру» 22 июня 2008 года: <http://www.pravaya.ru/faith/15/16163>). Это избавляет нас от необходимости дублировать работу коллег. Все-таки «пауза Джулии» — очень удобная вещь! Для всех богословов, канонистов, просто грамотных людей абсолютно очевидно, что богословский уровень этой «сопроводилки», как говорится, «ниже плинтуса», количество очевидных «ляпов» просто зашка-

ливают, и мыслящие заинтересованные люди сегодня развлекаются, соревнуясь, кто больше таких «ляпов» найдет. Если диомидовские «обращения» хотя бы по форме напоминают что-то богословское (хотя и очень уязвимое для серьезной критики), то в данном случае складывается впечатление, что к документу приложили руку какие-то «не вполне богословы». Какая уж тут «Богословская синодальная комиссия»! Впору вскричать словами Макбета: «Кто это сделал, лорды?» Как деликатно выразился порой бывавший довольно резким **В.А.Махнач**, *«этот анонимный богословский комментарий, где нет ни одной подписи, — я не знаю, кто это писал. Некая группа, может быть, православных христиан, а может быть, и нет»*. **Формально данный документ никак не может считаться документом Собора, таковым в «деле Диомиды» является лишь соборное «Определение», за которое голосовали отцы Собора.** Что же касается вышеупомянутого «анализа», то мы **вполне точно знаем**, что, в отличие от других документов, **архиереи всерьез и не вникали в него**, да и не имели такой возможности, поскольку он был роздан им незадолго до голосования. Таким образом, налицо самая настоящая **манипуляция**: архиереи голосовали за прещения в отношении «бунтаря против Патриарха», рассматривая дело **как дисциплинарно-каноническое**; между тем «прицепом» к вполне обоснованному по сути решению пошел документ, содержащий **фактическую ревизию Предания и церковных документов, принятых Собором 2000 года!** Имеем в виду, разумеется, прежде всего **«Основы социальной концепции РПЦ»** — предельно взвешенный, глубокий и сбалансированный документ, являющийся базовым, исходным в социальном учении нашей Церкви. По нашему мнению, именно в этом и заключался изначальный замысел политтехнологов. Мы глубоко убеждены в том, что «Диомид» как проект

с использованием не очень умного и «упертого» человека изначально был задуман как тот самый паровоз, к которому цепляют пресловутый «пломбированный вагон» с его революционным содержимым — смелой церковного «центра» с умеренно-консервативного на либеральный!

Как известно, «Основы...» в своей ключевой, III главе, содержащей учение о власти, учат об **иерархии форм власти**, среди которых наивысшей называется судейство, то есть **непосредственная теократия**, более низкой — **монархия** (две эти формы власти прямо и недвусмысленно определяются в «Основах...» как богоустановленные) и, наконец, третья, **самая низкая, — демократия**, которая определяется как установление чисто человеческого, как **дело рук человеческих**. То, что Церковь не навязывает обществу духовно более высокой формы власти, осознавая, что это невозможно без духовного возрастания людей, отнюдь не означает, что все перечисленные выше формы власти тем самым уравниваются. Данное учение о власти сформулировано в ОСК **абсолютно четко и недвусмысленно**, на что справедливо обращают внимание комментаторы. Между тем пресловутый «анализ» фактически подвергает ревизии эту важнейшую часть «Основ...», ибо, цитируя соответствующее место этого основополагающего церковного документа, просто-напросто купирует ключевой отрывок! Не намереваясь вдаваться в дальнейший анализ этой, в общем-то, вполне ясной ситуации (что, повторяем, во многом уже сделано коллегами), подчеркнем, что **утверждение анонимного документа о безразличии Церкви к форме власти, существующей в государстве, прямо противоречит церковному Преданию, ибо у святых отцов древних и новых веков нет ни одного высказывания, в котором бы отрицалась богоустановленность монархии, а вот высказываний прямо противоположного содержания, а также обличе-**

ний республиканско-демократического строя (особенно у церковных писателей XIX века, в том числе и канонизированных Церковью) можно привести сколько угодно!¹ Не менее странно выглядят и другие положения «не вполне богословского» и «не вполне канонического» «анализа».

Здесь необходимо сделать одно принципиальное замечание. Когда участники вышеупомянутого «круглого стола» (в частности, уважаемый В.И. Карпец) говорят о необходимости «рецепции» соборного решения архиереев «народом» (то есть мирянами), то, с позиций православного богословия, это, строго говоря, не совсем точно. Критерием истины в Православии действительно является то, что в богословии называется **«принципом рецепции»** (то есть то или иное решение **законной, канонической церковной власти** считается истинным, если с течением времени оно воспринимается в качестве такового всей полнотой Церкви). Однако здесь не следует совершать распространенную ошибку и противопоставлять иерархию и народ, «клириков» и «лаиков». По православным представлениям, Патриарх, Синод, Соборы (не говоря уже о священниках и мирянах) — вполне могут быть погрешимы! Что же имеется в виду, когда мы говорим о непогрешимости Церкви? **ВСЯ ЦЕРКОВЬ В ЦЕЛОМ, ВСЯ ЦЕРКОВНАЯ ПОЛНОТА.** Итак, любое решение церковной власти, обладающей апостольским преемством, правом «вязать и решить», подвергается рецепции непогрешимой церковной полнотой, единой Церковью, в которой существуют разные служения — епископов, священников и мирян, причем служения эти связаны между собой не «равенством», а иерархическим подчинением! Это то, чего никогда не могла понять западная богословская мысль. Поэтому представление о соборе епископов как непогрешимом «коллективном папе» есть явное следствие влияния католицизма!

Однако чрезвычайно важно, что в данном случае, с учетом вышеизложенного, **пресловутый «Богословско-канонический анализ...»**, это убогое творение **«богословов в штатском»**, нуждается еще в «рецепции» самими отцами Собора!

Послесоборное время, первые недели две июля, было самым опасным и смутным с точки зрения наиболее реальной опасности раскола. Многие вполне компетентные богословы, впервые увидевшие вышеупомянутый документ, были просто в шоке. «Благоухающие политехнологи» напоминали борзую свору, почти уже загнавшую зайца. (Впрочем, для них это теперь уже, пожалуй, постоянное состояние.) Многие вполне вменяемые люди (и клирики и миряне), никогда не отличавшиеся склонностью к расколу и непослушанию, в личных беседах прямо говорили о непризнании ими решений Собора. При этом из **весьма элитных экспертно-аналитических кругов** приходили слухи настолько сенсационные, что мы не решаемся их озвучить (тем более что ситуация уже все равно кардинально изменилась). Формальное управление Чукотской и Анадырской епархией было передано архиепископу Хабаровскому и Приамурскому Марку. Между тем на Чукотку двинулась «группа захвата». Стиль захвата напоминал действия ВЧК–ОГПУ в ранние годы большевистских гонений. «Благоухающие» бесновались. Духовные люди по этому поводу говорили: «Одесская чрезвычайка вновь торопится натянуть свои кожаные тужурки». Словом, как пишут в газетах, «напряжение возрастало».

Но здесь произошло два события. Во-первых, заседание Синода было перенесено на 2 сентября. (Что все расценили как определенную «милость» по отношению к Диомиду — тому давали больше времени, чтобы одуматься и решиться на покаяние, что, конечно, в его положении, в которое он, по сути, сам себя загнал, уже довольно непросто.) Однако было уже поздно —

заведенный механизм «качелей» действовал теперь без сбоев. Увидев презрительную отписку в виде «слегка богословского» анализа, Диомид среагировал так, как можно было предвидеть, но реакция эта, пожалуй, — самое странное во всей разбираемой цепи событий. Вначале он еще раз вступил в контакт со своим духовником отцом Рафаилом (Берестовым) и подтвердил свою обычную позицию: «На своей правоте настаиваю, но в раскол не уйду». Но буквально на следующий день, вместо того чтобы встретить архиепископа Марка и наконец вступить в непосредственный контакт с официальным представителем Церкви, неожиданно отправился в самую отдаленную точку Чукотки, где есть поселения и православный храм, — на мыс Шмидта, одновременно предав анафеме Святейшего Патриарха Алексия, митрополитов Кирилла и Филарета, объявив их кафедры «вдовствующими». Причем, что характерно, эта информация впервые появилась не где-нибудь, а на раскольничьем антицерковном сайте «Кредо.ру», руководимом двумя абсолютными циниками — А. Солдатовым и Г. Лурье, что даже побудило некоторых официальных лиц РПЦ посчитать эту информацию недостоверной. Одновременно Диомид все время повторял, что готовится перебраться в Москву или Подмосковье, где уже «есть участок земли для строительства храма».

Более неадекватное поведение невозможно себе представить. Если бы Диомид реально хотел встать во главе раскола, он должен был бы в этот момент все время максимально долго и назойливо находиться в информационном пространстве, всячески подчеркивая свою роль лидера. Кроме того, если речь идет о создании параллельной юрисдикции (которая, конечно, не есть Церковь), то, как бы то ни было, необходима какая-то оргработа (вербовка сторонников, регистрация общины и т.д.). Как же лидер может так демонстративно выпустить все из-под контроля? Далее. Как справед-

ливо было замечено, на мысе Шмидта нет церковной библиотеки, нет подобающих источников, при помощи которых можно составить довольно длинный, изобилующий ссылками и цитатами начетнический документ. В этой ситуации уже всем стало ясно, что Диомидом манипулируют.

И что же? А — ничего!! Не так давно некоторые люди пугали нас украинской автокефалией. Особенно отличились в этом нагнетании страстей «благоухающие политехнологии», чье «политическое православие» было осуждено Архиерейским собором УПЦ МП. (Об этом см. специальную главу в нашей книге «На обрыве времен» (М., 2011). Она называется «Блеф "политического православия" и православная политика») «Окончательное объявление автокефалии» (не очень понятно, что это означает с канонической точки зрения) началось ими на вполне определенные сроки, которые все время переносились. Однако прошедшие в Киеве летом 2008 года торжества по случаю 1020-летия Крещения Руси окончательно показали: несмотря на все старания украинских властей, никакой «автокефалией», никаким новым расколом на Украине и не пахнет! Подтвердилось именно то, о чем все время говорили именно мы, оппоненты этих лжепророков! Патриарх Варфоломей дипломатично уклонился от весьма настоячивых и прозрачных просьб Ющенко благословить «незалежну церкву», в которой часть приходов канонической РПЦ МП объединялась бы с раскольниками, Патриарх Алексей и вся московская делегация были триумфально встречены тысячами верующих, а сами раскольники даже не участвовали в официальной части празднеств!² Подобным же образом закончилась и наша история с попытками политехнологов сформировать новый раскол, поделить нашу Церковь на «диомидовцев» и «сильную независимую церковь», управляемую кураторами со Старой площади (а по сути — из ку-

да более отдаленных мест). После «анафемы» Патриарху стало ясно, что «проект "Диомид"» лопнул как мыльный пузырь и никакие церковные массы в «диомидовский раскол» не пойдут! Церковь снова устояла, как стояла она во все времена.

В чем же здесь дело? А дело в том, что Церковь — это совершенно особая реальность, недоступная рассудочно-циничному сознанию политтехнологов, ибо в ней действует Дух Святой, сила Божия. Маловерие, недостаточное чувство этой духовной реальности Церкви порой подводит многих людей, даже вполне честных и порядочных, склонных панически впадать в нездоровый эсхатологизм. Русские массы не поддались на «разводку» политтехнологов, потому что в них это чувство живо!

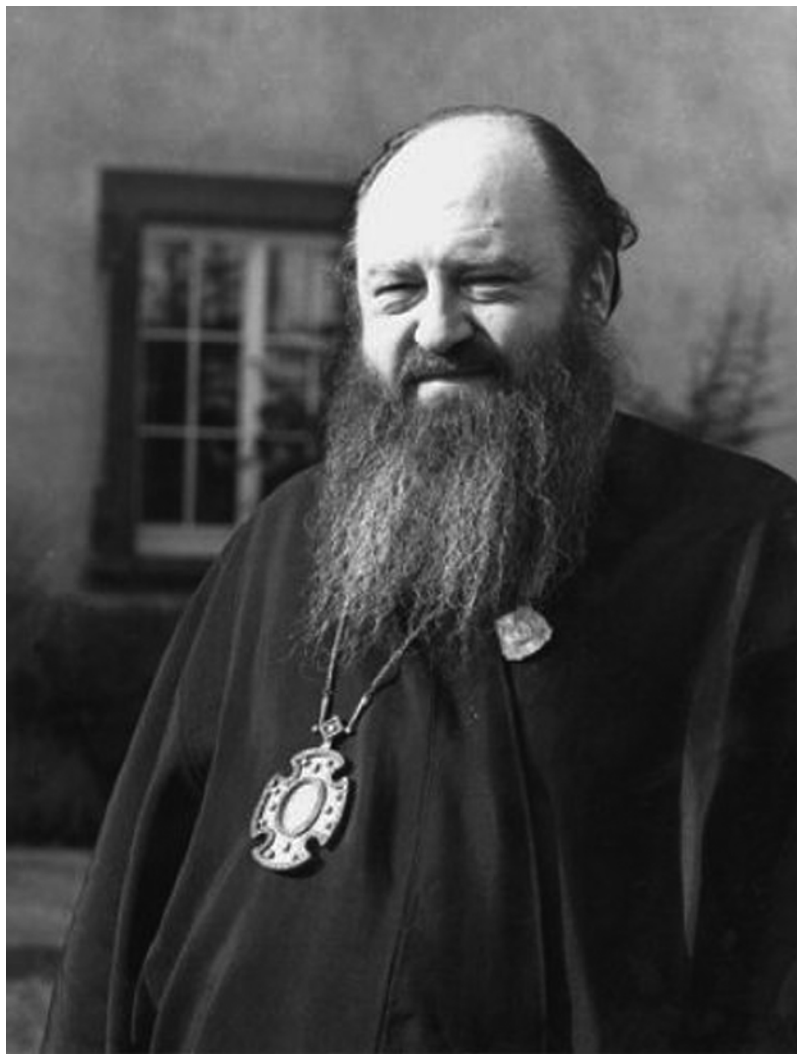
Расскажу в заключение совсем недавний эпизод, как нельзя лучше иллюстрирующий тщетность жалких потуг политтехнологов сконструировать «цивилизованную» и «просвещенную» церковь, выкинув из нее то, на чем она стоит, то есть Предание. На недавнем заключительном заседании очередного Всемирного Русского народного собора в Екатеринбурге, посвященном 90-летию со дня кончины святых царственных мучеников, присутствовало довольно много народу: зал вмещает полторы тысячи человек, а на концерте люди еще стояли в проходах. Когда во время заключительного концерта оркестр заиграл один из последних номеров — увертюру П.И. Чайковского «1812 год» и дошел до темы (!) «Боже, царя храни», **весь зал встал в едином порыве**. Исключение составили лишь те, кто в этот момент уже и так был на ногах, направляясь к выходу. Встали все — архиереи, священники, московские и питерские интеллигенты, другие участники собора, жители Екатеринбурга, пришедшие на концерт, старики, юноши-семинаристы, молодые матери с детьми — словом, буквально все, находившиеся в зале. **Не встать не посмел**

никто. Вот вам и ответ! Не картонная анафема Дионида страшна политтехнологам. Угрюмое молчание русских миллионов, того самого народа, который безмолвствует, слушая волю Божию, — их кошмарный сон. Ибо знают, что русский православный народ умеет и говорить. Умеет он и действовать. Как единый народ и как единая Церковь. И тогда... Впрочем, народ пока безмолвствует. Молится и приносит покаяние перед лицом Христа. И просит себе Царя. Ибо он — народ Божий.

Примечания

¹ Некоторые из них мы приводим в ст.: Выбор сделан // Независимая газета. 29.01.1999.

² К сожалению, ныне (в 2013 году) ситуация на Украине в этом плане **значительно** ухудшилась.

*Отец-основатель новейшего церковного модернизма в РПЦ
митрополит Ленинградский и Новгородский
Никодим (Ротов) (†1978)*

«Богословие открытости»: перезагрузка

О мировоззрении митрополита Никодима

О, бурь уснувших не буди:
Под ними хаос шевелится!
Ф.Тютчев

Современные процессы, идущие как внутри самой нашей Православной Церкви, так и в сфере ее отношений с внешним миром, при всей их все нарастающей и, как представляется, весьма опасной радикальности, все же что-то напоминают. И напоминают они, без сомнения, 60-е годы минувшего столетия, прошедшие под знаком возвышения человека, которого мы не раз уже вспоминали в наших работах, — **митрополита Никодима (Ротова)**. И конечно же, сравнивая две не столь уж отдаленные друг от друга по времени эпохи, нельзя не отметить очевидное: та, «никодимовская» эпоха была куда как радикальнее. Главный вектор модернистских тенденций в РПЦ, связанных с экуменизмом и приспособлением Церкви к миру, сейчас (пока еще) проявляет себя гораздо умереннее. Более чем умеренной, взвешенной и корректной является по большей части и его критика (см., напри-

мер, статью А.Б. Рогозянского «О некоторых теоретических концепциях митрополита Илариона (Алфеева)»: http://ruskline.ru/analitika/2010/11/13/o_nekotoryh_teoriticheskikh_koncepciyah_mitropolita_ilariona_alfeeva/)¹. Между тем порой неадекватно жесткая реакция на столь взвешенные и политкорректные тексты свидетельствует о том, что степень, так сказать, концентрация модернистских тенденций — отнюдь не главное. Главное — **вектор, то направление**, в котором облеченные властью люди и некоторые церковные идеологи готовы двигать процесс. Нам в очередной раз придется напомнить, что данный текст (как и все другие, произведенные нами на свет) принципиально не имеет целью атаковать какие-либо политические фигуры либо плести интригу. Наша цель — не «политика», но простое понимание. В сложившейся ситуации не остается ничего иного, кроме как упорно придерживаться, так сказать, отвлеченно-богословского характера дискурса, рассуждая спокойно-аналитически. Раз никакая нормальная дискуссия, в особенности богословская, в нашей Церкви ныне принципиально не предусмотрена, будем искренне верить в ее возможность. Только такая, абсолютно сознательная и убежденная позиция способна, по нашему убеждению, быть достойным ответом на поднимающийся вал церковного модернизма.

Это первое предварительное замечание. Второе же заключается просто в том, что настоящая работа носит, так сказать, **принципиально вторичный характер**, имея целью не столько «себя показать», сколько познакомить читателя с теми абсолютно блестящими, но крайне мало известными материалами, которые являются продуктом именно 60-х — 70-х годов прошлого, XX века и которые были ответом на тот радикальный модернизм, вскоре промыслительно сошедший на нет и вопреки всему оказавшийся неспособным поколебать церковный корабль.

Суть «богословия открытости», как уже не раз отмечалось, — это **размывание границ между Церковью и внешним миром**, известный постулат о том, что для успеха «миссии», обращенной к внешнему миру, Церкви следует от этого мира поменьше отличаться. В католицизме эта идеология приспособленчества со времен Второго Ватиканского собора носит наименование «аджорнаменто»; воплощение ее в жизнь привело, как известно, к колоссальному кризису католицизма.

Среди знаменательных текстов последнего времени следует отметить в первую очередь доклад **архимандрита Кирилла (Говоруна) «Вхождение в церковное общение в наше время: от самоизоляции к преобразующей открытости»**, сделанный на конференции в монастыре Бозе (Италия), которая проходила с 8 по 11 сентября 2010 года (см.: <http://www.bogoslov.ru/text/1091932.html>). Главный пафос доклада — борьба с тем, что уважаемый автор называет «изоляционистскими тенденциями» в Церкви, под каковыми понимается стремление людей Церкви как-то обособиться от внешнего мира. Все это не привлекло бы нашего особого внимания, если бы в союзники себе он не взял... великого борца с гностицизмом, автора хрестоматийного трактата «Против ересей» **святителя Иринея Лионского**. Автор полагает, что критикуемый им церковный «изоляционизм» является отнюдь не магистральным, но, напротив, периферийным, маргинальным явлением в истории Церкви, приводя ряд примеров такого, на его взгляд, ложного понимания — от недавно открытого в малоазийской Фригии «Нового Иерусалима» — огромного поселения, созданного монтанистами, до аналогичных тенденций в католических общинах, базировавшихся на ложном истолковании учения блаженного Августина о «двух градах». По мысли автора, в основе «изоляционистского» стремления обособить Церковь от внешнего мира лежит дуалистическое **представление**

об онтологической несовместимости Церкви и внешнего мира: *«Что же движет христианами, пытающимися спрятаться от мира за чертой сакральных пространств? Очевидно, прежде всего желание убежать от мира, который во зле лежит. Мир Церкви и мир профанный воспринимаются ими в дуалистических тонах. Природа одного мира — "онтологически" добрая, а другого — "онтологически" злая. Человек пытается освободиться от зла, максимально далеко убегая от профанного мира и максимально глубоко погружаясь в мир иной — мир Церкви». Это, как указывает архимандрит Кирилл, является плохо скрытым проявлением гностических моделей в понимании творения с их изначальным онтологическим дуализмом. В то же время святые отцы, говорит автор, в полном согласии со Священным Писанием, учили о том, что все творение Божие «хорошо весьма», и утверждать онтологическую порчу внешнего, «профанного» мира, лежащего за пределами сакрального пространства Церкви — означает в корне противоречить Преданию. Ибо ведь отцы в полном согласии друг с другом говорят, что Бог зла не сотворил, что зло — есть порождение воли, а не изначальное онтологическое свойство творения. «Весь мир — это священное пространство. Оно нуждается в обновлении и преобразении, но оно не должно быть отвергаемо. В нем нет необходимости создавать особые сакральные гетто».*

Далее автор и ссылается на святителя Иринея, который приложил немало усилий к преодолению гностической концепции творения с ее принципиальным дуализмом. Интересно, что архимандрит Кирилл берет себе в союзники также **и автора Ареопагитского корпуса**, который, по справедливому замечанию автора, пожалуй, наилучшим образом формулирует святоотеческое учение об изначальной «благости» творения и «бессубстанциальности» зла. *«Пытаясь решить проблему зла в мире, он (Дионисий Ареопагит. — В.С.) отвергал то*

решение, которое предлагалось в рамках дуалистических систем. Зло — это не материя и не мир. Зло — это отрицание добра. Если мир, окружающий нас, благ по своей природе, то **зло природы не имеет**. Это вакуум, пустота, которая образуется от отсутствия добра и которая должна быть наполнена добром: "Зло, будучи злом, никакой сущности и рождения не производит, и только по мере сил причиняет зло и порчу лику сущего... Зло-в-собственном-смысле-слова не является ни сущим, ни Добром, неспособно порождать бытие и творить существа и блага... В числе сущих нет зла... И во всей природе нет зла. Ведь если все природные логосы происходят из всеобщей природы, то нет ничего, что существовало бы вопреки ей... Зло природы — противоположность, отрицание природы. Так что нет злой природы, зло же природы состоит в неспособности исполнить свою природу... Вопреки широко распространенному мнению — и не в материи зло, происходящее, как говорят, оттого, что она является материей. Ведь и она причастна к порядку вещей, к их красоте и виду... Остается считать, что зло представляет собой слабость и убывание Добра... Зло вне пути, вне цели, вне природы, вне причины, вне начала, вне конца, вне предела, вне желания, вне субстанции. Следовательно, зло есть ущербность, недостаток, немошь, несоразмерность, грех, бесцельность, безобразие, безжизненность, безумие, бессловесность, необдуманность, безосновательность, беспричинность, неопределенность, бесплодность, бездеятельность, безуспешность, беспорядочность, несхожесть, неограниченность, темнота, бессущественность и само никогда никак ничего не-существование" (**О божественных именах. Гл. 4**). В богословии псевдо-Дионисия, — продолжает архимандрит Кирилл, — мы имеем дело с преодолением дуалистических тенденций, что связано с радикальной ревизией платонизма, приведшей к возникновению христианско-

го неоплатонизма. Как известно, именно под влиянием такого обновленного платонизма блаженному Августину удалось освободиться от дуализма, привитого ему в манихействе. Изменение отношения ко злу как не-сущему поменяло и его отношение к миру, который для него перестал быть воплощением зла, но стал пространством, на которое должна распространяться освящающая благодать Церкви».

Итак, основная мысль автора заключается, на первый взгляд, в напоминании вполне очевидных вещей: творение изначально, онтологически, по своей природе «хорошо весьма» (Бог зла не сотворил); зло есть ложное устремление воли и «не-сущее», в силу чего гностические модели мира, основанные на онтологическом дуализме, несостоятельны и т.д. Однако каковы же выводы автора?

«Христианин в Церкви призван пройти путь, который в свое время прошел блаженный Августин: от манихейского дуализма к дионисиеву утверждению благости всего существующего, от стремления изолировать себя в "сакральном" гетто к желанию общения со всем миром и распространению церковной ограды на всю ойкумену, от попыток законсервировать собственную праведность к преображению всего, что нас окружает; систему закрытого мировоззрения христианян должен сделать открытой, тем самым избавляясь от страха перед внешним миром, со всеми его сложностями и вызовами».

Правда ли, что онтологический монизм, однозначно утверждаемый святыми отцами, автоматически означает все это? И в каком смысле христиане должны «избавляться от страха перед миром», памятуя о том, что этот самый «мир» две тысячи лет назад все-таки как-никак распял Самого Христа? Прежде чем попытаться ответить на этот вечный вопрос, обратимся к авторитету того, кого архимандрит Кирилл берет себе

в союзники, — великого борца с гностицизмом святителя Ириней Лионского. Если взглянуть на его дошедшее до нас наследие объективно и непредвзято, то придется констатировать следующее. Борясь с гностическим дуализмом в онтологии, святитель Ириней действительно, как и все отцы, отстаивал принципиальный онтологический монизм, изначальную благодать всего творения; но именно это побуждало его тем острее ставить проблему, являющуюся, по сути, главной в христианстве, — проблему последующего разделения мира в силу **феномена греха**, злого, недолжного устремления воли падших ангелов и людей-грешников. Основываясь на этом, он со всей бескомпромиссностью ставил и **проблему посмертного воздаяния, уничтожая оригенизм с его «апокатастасисом» еще до его зарождения**. Об этом находим у святого Ириней совершенно недвусмысленную, чеканную формулировку: **«Итак, относительно природы сотворенной все мы, так сказать, дети Божии, потому что все сотворены Богом. А в отношении к послушанию и учению не все сыны Божии, но только верующие и исполняющие Его волю. Неверующие и не исполняющие Его волю суть сыны и ангелы диавола, потому что делают дела диавола. Что это так, Он сказал у Исаии: "Я родил и возвысил сынов, они же Меня презрели" (Ис. 1, 2). И еще называет их чужими сынами: "Сыны чужие солгали Мне" (Пс. 17, 46). ИБО ПО ПРИРОДЕ ОНИ СЫНЫ, ПОТОМУ ЧТО СОТВОРЕННЫ ИМ, А ПО ДЕЛАМ НЕ СЫНЫ ЕГО»**². Обращено ли Слово Божие ко всему миру, весь ли мир предназначен ко спасению? Несомненно! Однако не менее известно и то, что результат этого обращения бывает различен в зависимости от устремления воли самих людей, и, стало быть, спасутся, по видимости, не все: **«Всем, соблюдающим любовь к Нему, Он дает Свое общение. Общение же с Богом есть жизнь и свет и наслаждение всеми благами, какие есть у Него. А тех, которые по свое-**

му произволению **отступают от Него**, Он подвергает **отлучению от Себя**, которое **сами они избрали**. Разлучение с Богом есть смерть, и удаление от света есть тьма... Итак, поелику в этом мире некоторые приходят к свету и через веру соединяются с Богом, а другие уклоняются от света и сами отделяются от Бога, то **Слово Божие приходит и всем приуготовляет приличное жилище**, — тем, которые находятся в свете, чтобы наслаждались им и его благами, а тем, которые во тьме, чтобы терпели ее бедствия. И поэтому Он говорит, что сущие по правую сторону призываются в Царство Отца, а тех, которые по левую сторону, Он пошлет **в огонь вечный**, — **ибо они сами себя лишили всех благ**»³.

Итак, по мысли святителя, уже сама обращенность Слова Божия ко всем несет в себе последующее разделение, происходящее по вине самих людей. Это и есть та ключевая мысль отцов, которую всячески пытается игнорировать «богословие открытости». (В конечном счете, именно об этом разделении говорит как общеизвестная притча о пшенице и плевелах (см. Мф. 13, 24–30), так и приводимая отцом Кириллом притча о засохших и зеленеющих деревьях из «Пастыря» Ермы.) Стало быть, пресловутая «миссионерская открытость», к которой оно призывает, никак не может развиваться в тонах безудержного социального и сотериологического оптимизма, а, напротив, неминуемо должна быть наполнена «страхом Божиим» и ощущением трагичности жизни — главным лейтмотивом истинного христианства. Если вернуться непосредственно к разбираемой выше проблеме, то нельзя будет не сказать, что бесспорный **онтологический монизм отцов, утверждение благодати творения никак не может автоматически переводиться в сотериологический план**, торя дорогу для протаскивания осужденного Церковью оригеновского «апокатастасиса». Подобного рода операция является

в лучшем случае плодом недомыслия, в худшем — сознательной манипуляцией.

На это могут возразить, что ведь из приведенных выше цитат из разбираемой статьи архимандрита Кирилла (Говоруна) никак не следует, что он прямо повинен в чем-то подобном. Можем сразу ответить, отослав читателя к началу нашей работы, что перед нами во все и не стоит задача каких-то персональных нападок на политкорректнейшего и умнейшего отца Кирилла, который давно уже пользуется с нашей стороны самой искренней симпатией. Мы ставим себе целью борьбу не с теми или иными персоналиями, а с определенными тенденциями в современном, так сказать, официальном богословии РПЦ, которые представляются нам не вполне правильными и конструктивными. Автор разбираемого доклада стремится формулировать свои мысли предельно осторожно и максимально корректно. Ниже мы увидим, что эта похвальная особенность не всегда присутствовала в «богословии открытости» в прошлом, не всегда присутствует и теперь.

Во-первых, нельзя не напомнить, что с осужденной на V Вселенском соборе оригенистской ересью апокатастасиса пытается, так или иначе, заигрывать один из главных представителей современного «официального» богословия РПЦ — **митрополит Иларион (Алфеев)**, каковая позиция уважаемого владыки сравнительно недавно была подвергнута уничтожающей критике в работах **протоиерея Валентина Асмуса** (см.: <http://blagogon.ru/biblio/62/>), **Юрия Максимова** (см.: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/zhizn_posle_smerti/maksimov_optimisticheskoe_bogoslovie-all.shtml) и **священника Петра Андриевского** (см.: <http://blagogon.ru/articles/85/>).

Во-вторых, гораздо более радикальный вариант «богословия открытости» демонстрировал в свое время уже упомянутый нами «отец-основатель» всего «на-

правления» митрополит Никодим (Ротов) и ряд его соратников. Так, в докладе на региональной сессии Христианской мирной конференции в Голландии на тему «Мир и свобода» он жестко обрушился на тех «фальсификаторов христианства», кто, по его словам, «начал склонять мысли христиан к полному отчуждению от мира... Под длительным воздействием такой псевдохристианской проповеди воспитывались и вырастали целые поколения узких фанатиков с изуродованным представлением о христианстве, людей, лишенных истинной свободы во Христе»⁴. Митрополит Никодим противопоставлял такому «псевдохристианству» борьбу за социальную справедливость, за улучшение условий жизни, считая последнее подлинным смыслом и содержанием христианства. Комментируя эти мысли митрополита Никодима, авторы доклада «По поводу новоявленного лжеучения митрополита Никодима (Ротова)» — священник Николай Гайнов, Феликс Карелин, Лев Регельсон и Виктор Капитанчук вопрошали: «Какое конкретное историческое движение митрополит Никодим называет длительной псевдохристианской проповедью, под воздействием которой воспитывались целые поколения узких фанатиков? На языке Церкви псевдохристианская проповедь называется ересью. Не может ли митрополит Никодим указать, где и когда была осуждена Православной Церковью "ересь", призывающая христиан "к полному отчуждению от мира"?.. Что худого можно усмотреть в полном отречении от мира ради спасения души, если только смотреть на это не с позиций социального реформаторства, а с позиций христианства и православного монашества? Не считает ли митрополит Никодим, что апостольское и святоотеческое учение по этому вопросу должно быть радикально пересмотрено, а монашество — отменено?.. На каком религиозном, богословском или церковно-историческом основании митрополит Никодим, епископ

и монах, отрицает законность такого духовного пути, который связан с "полным отречением от земных забот и общественных устремлений" и со всецелым погружением сердца и ума в трансцендентную область молитвы и богомыслия?»

Далее авторы приводили общеизвестные места из Священного Писания Нового Завета, говоря мягко, решительно противоречащие тому осуждению «полного отчуждения от мира», которое высказывал митрополит Никодим.

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто не берет креста своего, и [не] следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня — сбережет ее» (Мф. 10, 34–39). *«Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником»* (Лк. 14, 26). *«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную»* (Ин. 12, 24–25). *«Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу. Или вы думаете, что напрасно говорит Писание: "го ревности любит дух, живущий в нас?"* (Иак. 4, 4–5)». **«Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти,**

похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1 Ин. 2, 15–17).

Что там писал архимандрит Кирилл (Говорун) про «сакральное гетто»?

Не считая целесообразным излагать, так сказать, своими словами дальнейшую мысль авторов (которая, на наш взгляд, вполне очевидна), мы просто вынуждены исполнить обещание, данное в начале этой работы, и привести довольно длинный пассаж из упомянутого доклада.

«Всецело преданные Евангелию, охваченные небесной любовью к Божественному Жениху Церкви, **лучшие христиане всегда стремились к полному отречению от мира.** В эпоху раннего христианства, когда Церковь и мир вполне противостояли друг другу, когда Церковь жила среди постоянных гонений и скорбей, когда мученичество за веру было нормой христианской жизни, **тогда полным отречением от мира являлось само пребывание в христианской общине.** Но когда в последующую эпоху церковной истории в результате обращения мира под покров Церкви между христианской общиной и мирским обществом стерлась видимая грань и **над Церковью нависла опасность обмирщения,** тогда евангельское требование полного отречения от мира побудило лучших сынов Церкви к **созданию монашества.** На протяжении долгих веков **трудного церковно-исторического делания, направленного на постепенную христианизацию мира,** православное монашество, сохраняя **напряженность эсхатологических чаяний древней Церкви,** всегда помышляя "о горнем, а не о земном", удерживало христианство от чрезмерного увлечения строительством земного града... Раннехристианская община, мужественно свидетельствовавшая свою верность Иисусу Христу перед лицом гонителей, и средневековый монастырь, отгородившийся от мира

каменной стеной, осуществляли **одно и то же духовное стремление — уйти от мира сего и быть со Христом.** И если полное отречение от мира в эпоху **раннего христианства** украсило Церковь сонмом **святых мучеников**, то полное отречение от мира, осуществляемое в монашеском аскетизме, явило Церкви светлый лик **преподобных.** "Дайте мне стать пищей зверей, — писал перед казнью **святой Игнатий Богоносец, — в полной жизни выражаю я свое горячее желание смерти...** Мои земные страсти распяты, и живая вода, струящаяся по мне, говорит: приди ко Отцу. **Я не хочу больше жить этой земной жизнью...**". "Никто не может приблизиться к Богу, — писал несколькими столетиями спустя **преподобный Исаак Сирин,** — если не удалится от мира. Удалением же называю не переселение из тела, но устранение от земных дел. **В том и добродетель, чтобы человек не занимал ума своего миром.** Сердце не может пребывать в тишине и быть без мечтаний, пока на человека действуют чувства; телесные страсти не приходят в бездействие, и лукавые помыслы не оскудевают без пустыни".

Существует ходячее мнение, согласно которому стремление христиан к полному отречению от мира ради Христа и Бога есть проявление духовного эгоизма и равнодушия к людям. Между тем весь двухтысячелетний опыт Вселенской Церкви неоспоримо свидетельствует, что только через исполнение той заповеди, которую Сам Господь назвал первой и наибольшей (Мф. 22, 35–38), **только через всецелую любовь к Богу и ко Христу может человек обрести силу той хриstopодражательной любви к людям,** которая является нормой христианского отношения и к своим ближним, и ко всему человеческому роду. Так, раннехристианские мученики и мученицы, которые, невзирая на слезные мольбы своих родных и близких по плоти, мужественно исповедовали перед лицом гонителей свою преданность

Господу нашему Иисусу Христу, получали — воистину чудесный — дар искренней и действенной молитвы за своих гонителей и благодатную способность силой своего свидетельства обращать язычников к истинной вере и любви.

Нечто подобное можно сказать и о монашестве. **ТОЛЬКО ОБРЕТЯ ДУХОВНУЮ ТОЧКУ ОПОРЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ МИРА СЕГО, ТОЛЬКО УЙДЯ ОТ МИРА И УКОРЕНИВШИСЬ ВО ХРИСТЕ, МОЖЕТ ЧЕЛОВЕК В ПОЛНУЮ МЕРУ ХРИСТИАНСКИ ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ НА МИР.** Поэтому средневековые монастыри, отгородившиеся каменной стеной от внешнего мира и будучи прежде всего светлыми очагами непрестанного молитвенного горения к Богу, вместе с тем становились и центрами благодатного воздействия вовне. Видимым образом это воздействие проявлялось и в старческом руководстве, и в подготовке достойных кандидатов на епископские кафедры, и в миссионерстве, и в большой культурной работе, и даже в образцовом хозяйстве и материальной благотворительности миру.

Мы не можем себе представить, чтобы митрополит Никодим всего этого не знал. Мы не можем представить и того, чтобы митрополит Никодим назвал "силами зла" и "тонкими фальсификаторами христианства" святых отцов и учителей Церкви, которые действительно, **в полном соответствии с Евангелием, учили христиан отречению от мира** и безропотному перенесению мучений и скорбей. Но, с другой стороны, мы недоумеваем, кого же, в таком случае, имеет в виду митрополит Никодим? Ввиду острого духовного соблазна, который вызывает вышеприведенное рассуждение митрополита Никодима, мы думаем, что было бы в высшей степени полезным, если бы митрополит Никодим перед лицом всей Христоименитой полноты Русской Церкви разъяснил, какие конкретные исторические силы он назвал "силами зла" и кто были те "фальсификаторы

христианства", о которых он говорит в своем докладе. Во избежание двусмысленности необходимо, чтобы эти "фальсификаторы" были названы, по возможности, поименно».

Итак, по очень простой и очевидной для людей Церкви, для всей церковной Традиции мысли авторов доклада, **никакое христианское воздействие на мир, поврежденный грехом, воцерковление его невозможно без внутреннего отречения от мира**, метафизического ухода от него, будь то уход физический (как это имело место в жизни раннехристианских общин и имеет место в жизни монашества во все века), либо лишь духовный (каковой путь определен для всех христиан). **Без отречения от мира невозможно накопление той духовной энергии, выплеск которой вовне и приводит к тому, что Церковь завоевывает мир, воцерковляет его.** Иными словами, как Священное Писание, так и Священное Предание (а в это понятие входят не только писания святых отцов, но и двухтысячелетняя **практика** Церкви) непреложно свидетельствуют о том, что **«МИССИЯ», ТО ЕСТЬ ПРИВЕДЕНИЕ МИРА КО ХРИСТУ, ВОЗМОЖНА ЛИШЬ ЧЕРЕЗ ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ И ОТДЕЛЕНИЕ ОТ МИРА, А НЕ ЧЕРЕЗ СОЕДИНЕНИЕ И СЛИЯНИЕ С НИМ.**

Невозможно не признать, что перед той широкой, с которой решалась митрополитом Никодимом и его единомышленниками проблема «Церковь и мир» и «христианство и мир», меркнули любые, самые смелые построения нынешних модернистов. Приведем лишь некоторые из наиболее ярких высказываний. Так, во время обсуждения доклада **профессора Яна Лохмана** (Церковь Чешских Братьев), который назывался **«Воплощение, солидарность и наша ответственность за Вселенную»** и был прочитан на заседании **Богословской комиссии Христианской мирной конференции в Ленинграде 7–10 апреля 1965 года**, «православны-

ми (!) оппонентами» высказывалась мысль о том, что **«Боговоплощение (!) делает всех без исключения людей братьями, и солидарность является не только нравственным требованием, но и онтологическим предопределением человеческого существования»**⁵ (из обзорной статьи доцента Московской духовной академии К.М. Комарова). На конференции в Экуменическом институте в Шато де Боссе 28 июня — 3 июля 1965 года на тему **«Действие Божественного примирения между народами в настоящее время»** высказывалась идея о том, что **«примирительное действие Божие»** сказалось прежде всего **в акте Боговоплощения, которым все человечество по природе было усвоено Божеством и призвано к обновлению и обожению»**⁶. (из обзорной статьи доцента Ленинградской духовной академии Н.Заболотского). Ян Лохман и д-р Йозеф Смолик в интервью секретарю редакции ЖМП Е.А. Карманову (февраль 1966 года) говорили, что **«в последнее время из доктрины Воплощения особенно выделяется участниками ХМК (Христианской мирной конференции. — В.С.) аспект солидарности Бога со всем человечеством, которая обязывает и нас к солидарности со всеми людьми, невзирая на цвет их кожи, расу или убеждения... Если Бог во Христе Иисусе стал Человеком, то это значит, что Он действительно принял нашу современность, нашу историю (!). В процессе этой работы мы поняли, — продолжали представители ХМК, — что то, что нас объединяет, гораздо существеннее, чем те пункты, в которых мы расходимся. В работе нашей комиссии это прежде всего проявилось в отношении к проблеме Воплощения. Мы нашли общую основу. Она объединяет нас»**⁷.

Сам митрополит Никодим в речи на заседании комиссии Христианской мирной конференции по изучению проблем экономики и развивающихся стран, проходившем в Троице-Сергиевой Лавре 5 июля 1966 года, применил апостольские слова (1 Кор. 12, 24–25)

к «нашей заботе об экономическом и всестороннем развитии **всех народов**, и особенно живущих в странах Азии, Африки и Латинской Америки, ибо они особенно нуждаются в нашем братском внимании»⁸, то есть фактически ко всему человечеству. Напомним контекст. Указанное высказывание апостола Павла звучит следующим образом: «Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге». А сразу вслед за этим, в 1 Кор. 12, 26–27, апостол, как известно, говорит: «Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы — тело Христово, а порознь — члены». Иными словами, указанное «тело» есть не что иное, как «Тело Христово», то есть Церковь, а отнюдь не все человечество, и, стало быть, забота «членов» друг о друге есть забота о чадах Церкви.

Высказанную митрополитом Никодимом мысль о том, что указанные слова апостола Павла имеют отношение ко всему человечеству, немедленно подхватили его «апологеты» — другие представители «богословия открытости». Так, в частности, доцент, впоследствии — профессор ЛДА (Ленинградской духовной академии) Н.Заболотский в докладе на **Всемирной конференции «Церковь и общество»** (Женева, 12–25 июля 1966 года) развил целое учение о том, что он называл **«мировой общиной»**, причем реальность последней, согласно его суждению, «нет нужды создавать политическими мерами», поскольку она «уже существует перед лицом неотложнейших общечеловеческих проблем» (?!). По мнению профессора, «плюрализм государства, идеологий, структур — это всего лишь **членство в теле человечества**. Нет необходимости заменять разнообразие членов унифицированным единством, особенно при помощи такого негодного средства, как тоталитаризм. Болезни членов, если они существуют, несомнен-

но, должны излечиваться, но в числе средств излечения основным является усиленное брожение жизненных соков внутри каждого члена, возбуждаемое жизненностью **всего организма, Глава которого Христос, Господь мира и истории. В этом знамение настоящей революционной эпохи**»⁹.

Отдавая должное отцу-основателю, надо сказать, что, в отличие от некоторых других, куда более осторожных деятелей церковного модернизма, митрополит Никодим, располагавший всей полнотой аппаратных возможностей, все же отнюдь не передоверял формулирование наиболее крайних положений либерально-экуменической «доктрины» другим, подчиненным ему лицам, а делал это сам, вполне открыто и принципиально. Так, в речи на заседании **комиссии «Вера и церковное устройство» Всемирного совета Церквей** (март 1968 года) он говорил о **«все растущем стремлении в человечестве к всеобщему единению» (!)**¹⁰. В речи же на **собеседовании между богословами Евангелически-Лютеранской церкви (ФРГ) и Русской Православной Церкви** (Ленинград, 12–19 сентября 1969 года) и вовсе выразился следующим образом: **«Принятием и обожением естества нашего в Боговоплощении Начальник и Совершитель нашей веры (Евр. 12, 2) и спасения вечного (Евр. 5, 9) Господь Иисус Христос примирил, объединил и сроднил все человечество с Богом, а всех людей — между собой»**¹¹. А в докладе «Сотрудничество крещеных и нехристиан в совместном служении благу человечества», прочитанном на **собеседовании богословов Евангелическо-Лютеранской церкви (ФРГ) и Русской Православной Церкви** (Ленинград, 12–19 сентября 1969 года), предложил ключевую формулировку: **«Через единство своего происхождения, но особенно через Воплощение Господа, воспринявшего человеческую плоть и таким образом соединившего с Собою все человечество, христиане ощущают свое общечело-**

веческое единство со всеми живущими на земле и свою ответственность перед Богом мира»¹².

Итак, из приведенных выше материалов, как представляется, абсолютно непреложно следует, что мы имеем дело отнюдь не с какими-то случайными высказываниями и что никак нельзя утверждать, что авторы доклада, с чьими вполне ясными и очевидными, по нашему мнению, критическими замечаниями мы намерены ознакомить читателями, заняты в нем пустыми и предвзятыми придирками. Перед нами — **систематическое, тщательно продуманное и вполне стройное учение**. И именно оно в полной мере вскрывает **истинную подоплеку** «богословия открытости», всех этих недовольных кивков (если сказать мягко) в сторону «изоляционизма» и «сакрального гетто» нынешних птенцов, бодро выпорхнувших все из того же либерально-экуменического гнезда.

А теперь сравним приведенные выше пассажи, принадлежащие перу митрополита Никодима и его единомышленников и сотрудников, с тем, что говорит архимандрит Кирилл (Говорун) в уже упомянутом нами своем современном докладе, нападая на сторонников эkkлeзиoлoгичeскoгo «исoляциoнизмa»: *«Наиболее глубоко интеграционный подход разработан и сформулирован святым Иринеем Лионским. Для Иринeя весь мир и вся его история существуют не oтдeльным от Христа существованием, но соединяются в Нем и через Него возвращаются к Богу. **Сын Божий**, будучи главой всего невидимого мира, **воплотившись, стал также главой всего видимого мира, и в первую очередь всего человечества. Человек как вид**, как “всякая плоть всего человечества” **вошел под главу Христа. Христос, приняв плоть**, как крыльями покрыл Собой **все человечество**. Вместе с человечеством Он взял под Свое начало и все творение. Христос как Глава всего творения — любимая тема Иринeя»*.

Выше мы уже показали, что такая трактовка святителя Ириния Лионского является, мягко говоря, односторонней и крайне ограниченной, поскольку главную проблему христианства, проблему спасения, тот решает в ключе, более чем далеко от какого-либо сотериологического оптимизма, которым наполнено «богословие открытости», а именно это является главным, ключевым вопросом. Представляется все же, что, вырывая из контекста отдельные положения богословия святителя Ириния (а контекст этот есть борьба святителя с гностическим дуализмом в онтологии), да еще не приводя при этом конкретных ссылок, архимандрит Кирилл неоправданно перекладывает на того ответственность за некоторые современные богословские тенденции, которые вряд ли встретили бы понимание в древней Церкви, в том числе и у этого великого святого отца. Обратимся теперь вновь к той критике Никодимова богословия, которая представлена в разбираемом докладе и которая дает ключ к пониманию всей, так сказать, магистральной проблематики «богословия открытости».

Комментируя вышеприведенные пассажи из творений митрополита Никодима и «никодимовского» круга церковных писателей, авторы разбираемого критического доклада замечали: «На основании приведенных текстов возникает представление, что митрополит Никодим и другие единомысленные ему лица стремятся провести мысль о том, что в акте Воплощения Сын Божий, восприняв человеческую природу, воспринял в ней и весь человеческий род, так что все человечество в каком-то смысле стало Христовым Телом. Действительно ли, — спрашивали они, — митрополит Никодим придерживается такого взгляда? Как известно, — отмечали авторы доклада, — в своем учении о Боговоплощении Святая Церковь никогда не учила:

- что "Боговоплощение делает всех без исключения людей братьями";

- что "в акте Боговоплощения все человечество (имеется в виду весь человеческий род) по природе было усвоено Божеством и призвано к обновлению и обожению";

- что учение св. апостола Павла о Церкви как о Телѣ Христовом имеет "непосредственное отношение" ко всему человеческому роду;

- что "плюрализм государств, идеологий, структур — это всего лишь членство в теле человечества, Глава которого Христос, Господь мира и истории";

- что "христианин неразрывно связан с обществом (имеется в виду общество гражданское. — *Прим. составителей*) участием в Телѣ Христовом";

- что "Господь Иисус Христос примирил, объединил и сроднил все человечество с Богом, а всех людей между собой";

- и что "христианин ощущает свое общечеловеческое единство" не только "через единство своего происхождения" (имеется в виду ветхий Адам), но "особенно через Воплощение Господа, воспринявшего человеческую плоть и таким образом соединившего с Собой все человечество".

Непреложно утверждая, — продолжали авторы, — что Единородный Сын Божий, в акте Воплощения сошедший на землю "нас ради человек и нашего ради спасения", воспринял целостное человеческое естество "из души разумной и тела", **Святая Церковь** при этом **никогда не учила, что Сын Божий, восприняв человеческую природу, воспринял в ней и весь человеческий род, так что все человечество в каком-то смысле стало Его Телом.**

Если бы оказалось, что вышеприведенные изречения не есть плод словесной неточности, но что митрополит Никодим и другие единомысленные ему лица, вопреки религиозному опыту Вселенской Церкви, дей-

ствительно считают, что в акте Воплощения Сын Божий, восприяв человеческое естество, воспринял в нем и весь человеческий род, то пришлось бы констатировать, что и митрополит Никодим и другие лица, разделяющие такое мнение, впадают в серьезнейшую духовную и богословскую ошибку, ибо указанное мнение существенно противоречит целому ряду коренных истин Православия:

А) учению об Искупительной Жертве;

Б) учению об участии в Теле Христовом через веру и таинства;

В) учению о Церкви как Теле Христовом.

А) Согласно православной вере, Сын Божий, восприяв человеческую природу, "стал нам подобен во всем, кроме греха", и, будучи безгрешным, как чистый и непорочный Агнец, принес Себя в жертву за грех мира.

Веруя, что Господь наш Иисус Христос принял наши грехи на Себя, то есть стал за нас Жертвой (*"Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира"*, — Ин. 1, 29), **Св. Церковь не допускает и мысли о том, что Господь принял наши грехи в Себя, то есть в Свою природу.**

Потому Господь Иисус Христос и мог принести Себя в Жертву за грех мира, что Он был чистым и непорочным Агнцем:

"Таков и должен быть у нас первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес, Который не имеет нужды ежедневно, как те первосвященники, приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа; ибо Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого" (Евр. 7, 26–27).

Если же допустить, что Сын Божий в акте Боговоплощения воспринял в Свою природу весь человеческий род, то из этого следует либо то, что весь че-

ловеческий род получил исцеление от греха в самом акте Боговоплощения, либо то, что Сын Божий принял первородный грех в Свою природу. Первое делает Искупительную Жертву ненужной, второе — невозможной. Первое упраздняет Крест, второе — Непорочного Агнца.

Б) В акте непорочного зачатия Сын Божий, восприняв человеческую природу от "пречистых и девственных кровей» Богоматери, **во-первых, воспринял эту природу без греха, а во-вторых, обожил ее**, то есть подобрал в Свою Божественную Ипостась и просветил Своим Божеством. Так Сын Божий в Себе и Собою образовал нового Адама. Как написано: *"Первый человек Адам стал душою живущею* (Быт. 2, 7); *а последний Адам есть дух животворящий... Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба"* (1 Кор. 15, 45–47).

Всякое участие в чем бы то ни было возможно либо по принадлежности, либо через приобщение. Все люди участвуют **в природе и грехе ветхого Адама по принадлежности**, ибо все от него родились (Быт. 3, 20), и все в нем согрешили (Рим. 5, 12). В **безгрешном и обоженном человечестве Нового Адама люди могут принять участие только по приобщению, которое совершается благодатью Божией через веру и таинства**. Если же допустить, что в самом акте Воплощения Сын Божий, восприняв человеческую природу, воспринял в ней и весь человеческий род, так что все человечество стало Его Телом, то из этого следует либо то, что Сын Божий, восприняв человеческую природу, не обожил ее, то есть не образовал в Себе и Собою Нового Адама, и тогда приобщение теряет смысл; либо то, что все люди сподобились обожения, то есть вошли в жизнь Нового Адама в самом акте Боговоплощения, и тогда в приобщении нет нужды. **В обоих случаях упраздняется необходимость веры и таинств.**

В) Св. Церковь учит о совершенной тождественности Тела Христова, рожденного от Девы Марии, крещенного в Иордане, распятого, погребенного, воскресшего, вознесшегося и сидящего одесную Бога на небесах, — и Тела Христова, предлагаемого в снедь верным в таинстве Евхаристии. Причащаясь от единой чаши, то есть вкушая одно Тело и пия одну Кровь, все верные образуют собой единое и нераздельное Тело Христово — которое есть Церковь. Будучи эмпирически, то есть видимо, общиной верных, Церковь духовно, мистически, таинственно есть Тело Христово, то есть то самое Тело, которое Господь Иисус Христос имеет по Воплощении и в Котором пребывает на небесах. Говоря о Христе и Церкви, св. Иоанн Златоуст пишет: *“Как бы некоторую машиною поднявши ее, Он возвел ее на высоту великую и посадил на том же престоле; ибо где Глава, там и тело...”*¹³

В это самое Тело крестятся все уверовавшие, и этого самого Тела причащаются все верные. Будучи Телом Христовым, имея Самого Христа своим Главой и будучи со своим Главою Христом единым Богочеловеческим организмом, Св. Церковь имеет Богом данное устроение — которое есть устроение Христова Тела, в котором множество членов живут согласной жизнью, восполняя и служа друг другу.

Если же допустить, что в акте Воплощения Сын Божий, восприяв человеческую природу, воспринял в ней и весь человеческий род, так что все человечество стало его Телом, то из этого следует:

- либо то, что Тело Христово есть нечто иное, чем то, которое предлагается в таинстве Евхаристии и Которое есть Церковь;
- либо то, что у Иисуса Христа есть два тела: внутреннее — Церковь, внешнее — человечество;
- либо, наконец, то, что весь человеческий род есть Церковь.

Но и первое и второе предположения в корне противоречат православной вере, а третье является очевидным абсурдом, ибо человеческий род совершенно не отвечает тем признакам, которые отличают Церковь (см., напр., Катехизис митрополита Филарета):

- не основан на земле Господом нашим Иисусом Христом;
- не имеет единого учения;
- не связан Божественными Таинствами;
- не управляется Богом установленной иерархией.

Человеческий род никак не может быть назван даже и «потенциальной церковью», ибо все человечество в целом, как и каждый человек в отдельности, имеет две потенции: потенцию добра и потенцию зла, и нет абсолютно никакой гарантии, что все человечество изберет и осуществит потенцию добра. Более того, Св. Писание многократно и многообразно пророчествует о том, что род человеческий в конце истории разделится на два стана — на Церковь Христову и на тех, которые “не приняли любви истины для своего спасения” (2 Фес. 2, 10)».

Таким образом, авторы доклада обращают внимание на те же аспекты, что и мы, самым убедительным образом демонстрируя полную несостоятельность ключевого положения Никодимова богословия о том, что самым фактом Своего воплощения Господь Иисус Христос принял в Свое Тело весь человеческий род. Разница заключается лишь в том, что современные адепты «открытости» формулируют свои мысли гораздо корректнее и осторожнее, по возможности старательно обходя «острые углы» и подыскивая на первый взгляд убедительные цитаты.

Одна из ключевых проблем никодимовского мировоззрения — **проблема единства Церкви и мира**, та самая, которая находится и в центре внимания совре-

менных адептов «богословия открытости». В докладе **«Православное богословие и его отношение к проблематике Пражского христианского мирного движения»**, прочитанном на заседании совещательного комитета Пражской **христианской мирной конференции** (ПХМК) (Карловы Вары, май 1962 года), митрополит Никодим, в частности, говорил: *«Разобщение между интересами религиозными и интересами общества всегда считалось православными богословами одним из самых печальных и самых болезненных явлений жизни. Отно- ситься с искренним и разумным сочувствием к лучшим стремлениям современности составляло и составляет задачу всех передовых представителей право- славной богословской науки, сознававших и сознаю- щих, что размышлять, говорить и писать о предметах веры и интересах Церкви только для себя или для узко- го круга специалистов значит изменять нравственному долгу — быть выражением религиозного сознания СВОЕ- ГО НАРОДА, КОТОРЫЙ СОСТАВЛЯЕТ ТЕЛО ЦЕРКВИ, стремиться не к сближению жизни общества с жиз- нью Церкви, а усиливать их разобщенность, не вли- вать богатство богословской науки в жизнь общества, а отделяться от него и, отделяясь, уклоняться от вы- полнения своего высокого назначения. Эта позиция определяет то большое внимание, какое русское пра- вославное богословие уделяет проблематике **Пражско- го мирного христианского движения**. Проблемы, кото- рыми занимается Пражское мирное христианское дви- жение, как-то: проблемы войны и мира, справедливо- сти и свободы, мирного сосуществования государств и народов — характеризуют это движение, как... на- правленное на **выявление жизненных основ христи- анской религии, на мобилизацию христианских сил для творческой, созидательной работы в благих це- лях человечества**. (Ср. современные разговоры о «мис- сии»! — В.С.) Не только проблематика Пражского дви-*

жения, но и характер разрешения этой проблематики созвучны богословским позициям Русской Православной Церкви...

Мы полностью согласны и с убеждением других деятелей Пражского христианского мирного движения в том, что **христианская религия создает прочную основу для СТРОИТЕЛЬСТВА НА ЗЕМЛЕ ВЕЛИКОГО ХРАМА ПРАВДЫ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЛЮБВИ**. Под сенью сводов этого храма действительно найдется место всему человечеству, объединенному любовью и миром. Таким образом, **С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВИЯ, ЖИВОГО И ДЕЙСТВЕННОГО, ДОСТОИНСТВО И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ПРАЖСКОГО ХРИСТИАНСКОГО МИРНОГО ДВИЖЕНИЯ В ТОМ ИМЕННО И ЗАКЛЮЧАЕТСЯ, ЧТО В НЕМ ТЕСНО ПЕРЕПЛЕТАЮТСЯ ДРУГ С ДРУГОМ И МИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ХРИСТИАНСТВА, И ОКРУЖАЮЩАЯ ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕРКВИ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СТИХИЯ ВО ВСЕМ ЕЕ РАЗНООБРАЗИИ**. Взаимодействием этих **двух начал (!)** — духовного и мирского — Пражское движение наглядно подтверждает, что для христианства в его отношении к общечеловеческой проблематике нет и не должно быть нейтральной зоны, которая не имела бы религиозного коэффициента. Христианство призвано вести человечество в сферу Царства Божия и, следовательно, должно находиться в самом близком общении с определяющими сторонами человеческого бытия... Мы знаем, что все люди ответственны за ход мировой истории, никто не может освободить себя от этой ответственности и отойти в сторону. Но два рода людей ответственны больше других: те, кто имеет больше духовного знания (христианские пастыри), и те, действия которых влияют на судьбы народов (политические руководители)»¹⁴.

Итак, в этом отрывке митрополит Никодим в полной мере проявляет ключевой, магистральный пафос

своего богословия с его идеей «открытости». Единство Церкви и мира (целью которого является «строительство на Земле великого храма правды, справедливости и любви»), базируется на «тесном переплетении» «мистической основы христианства» и «окружающей ее» разнообразной «человеческой стихии». Причем «взаимодействие этих двух начал» (которые, таким образом, трактуются как самостоятельные и полноправные участники «диалога» Церкви и мира, каждый из которых, как можно понять, обладает, вследствие этого, самостоятельной и вполне самодовлеющей ценностью), осуществляется не где-нибудь, а «под сенью» «Праздничной мирной конференции», которая в итоге приобретает в Никодимовой модели «спасения» совершенно особую роль, как бы высшую и по отношению к Церкви Христовой. Для того чтобы «ввести человечество в сферу Царства Божия», христианство «должно находиться в тесном общении с определяющими (!) сторонами человеческого бытия». Непонятно в таком случае, что в человеческом бытии «определяет» само-то христианство... И т.д. Комментируя эти потрясающие послы Никодимовой мысли, авторы доклада вопрошали: **«Какую конкретную религиозно-историческую реальность имеет в виду митрополит Никодим, когда говорит о "строительстве на земле великого храма правды, справедливости и любви, под сенью сводов которого найдется место всему человечеству, объединенному любовью и миром"? Может ли митрополит Никодим перед лицом Христоименитой полноты Русской Церкви исповедать свою религиозную уверенность, что купол этого грядущего храма, под сенью которого соберутся все народы, будет увенчан Животворящим Крестом Господа нашего Иисуса Христа?»**

Следующая проблема, которая затрагивается в докладе, — это весьма важное различие у митрополита Никодима и «единомысленных с ним лиц» понятий

«Царство Божие» и «Царство Небесное», что свидетельствует о явном **хилиастическом уклоне**, присутствующем в его богословии. В докладе **«Сотрудничество крещеных и нехристиан в совместном служении благу человечества»**, прочитанном на собеседовании богословов Евангелическо-Лютеранской церкви ФРГ и Русской Православной Церкви (сентябрь 1969 года), митрополит Никодим, в частности, говорил: **«Через единство своего происхождения, но особенно через Воплощение Господа, воспринявшего человеческую плоть и таким образом соединившего с Собой все человечество, христиане ощущают свое общечеловеческое единство со всеми живущими на земле и свою ответственность перед Богом мира. Благодаря этому Церковь не может игнорировать добрые устремления, существующие и вне ее ограды. Церковь должна поддерживать и поддерживает их как выражение нравственного возвышения, которое наличествует повсюду, где сознательно или бессознательно происходит ответ человека на призыв вочеловечившегося, то есть ставшего единым ему по природе, Господа (?). Миссия Церкви осуществляется действием двух сил: Божественной — через благодать Духа Святого, Утешителя, и человеческой — через проповедь Евангелия и воплощение в жизни его нравственных норм. Дух Святой созидает Церковь, обновляет ее и животворит, дает силу таинствам богослужения и разумение тайн веры. Церковь — это Царство Божие на земле. Но область Царства Божия шире, чем область собственно церковной жизни с ее преимущественным “откровением тайн Царствия Небесного” (Мф. 13, 11).**

Царство Божие ОБНИМАЕТ ВСЮ СФЕРУ ИСТИНЫ И ДОБРА ВО ВСЕХ ЕЕ РАЗНООБРАЗНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ (!) в жизни человечества, ибо Дух дышит, где хочет (Ин. 3, 8). ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЦЕРКВИ ТАКЖЕ ПРОИСХОДИТ ПОСТОЯННОЕ ОБНОВЛЕНИЕ МИРА,

хотя оно и не имеет таинственно-благодатного характера. Происходит оно потому, что и после грехопадения в человеческой природе сохранились многие черты нетленного образа Божия и осталось **врожденное стремление к совершенствованию. Деятельность Духа Божия не ограничена конфессиональными рамками (!)**. Проявление Его полно и более всего, безусловно, обнаруживается в Церкви, **но следы Его пребывания видны повсюду, где имеются плоды духовной жизни (!)** — любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, целомудрие и другие нравственные добродетели, ведущие мир к нравственной чистоте и совершенству (Гал. 5, 22–23)...»¹⁵ Абсолютно аналогичное понимание проблемы формулировал и один из ближайших сподвижников митрополита Никодима — **профессор-протоиерей Ливерий Воронов**¹⁶.

Итак, здесь признается, что некие «добрые устремления» существуют и вне церковной ограды, поскольку якобы не только в Церкви происходит «сознательный или бессознательный» ответ человека на зов вочеловечившегося Господа. «Сфера истины и добра» шире, чем область собственно Церкви, за пределами которой также происходит некое «обновление мира». Таким образом, как указывают авторы «доклада четырех», традиционное христианское учение о спасении, достигаемом лишь через **сознательное принятие истинной веры** и сознательное же участие в таинствах, здесь существенно, непозволительным образом размывается. Догматическое здание, возведенное апостолами, святыми отцами и учителями Церкви, Вселенскими Соборами, которое для всякого истинно православного, церковного сознания непоколебимо, как Сама Церковь, начинает колебаться.

В своих критических замечаниях об этом новомодернистском учении авторы доклада пишут: «Как видно из вышеприведенных текстов, митрополит Никодим

и протоиерей Л.Воронов, говоря о Царствии Божием, с одной стороны, различают понятия "Царствие Божие и Царствие Небесное", а, с другой — утверждают, что "область Царствия Божия", которое, по их выражению, объемлет собой "всю сферу истины и добра во всех ее разнообразных проявлениях в жизни человечества", шире, чем "область собственно церковной жизни с ее преимущественным откровением "тайн Царствия Небесного" (Мф. 13, 11). Таким образом, согласно концепции митрополита Никодима и отца Ливерия, различающих Царствие Божие и Царствие Небесное, различие между этими реальностями сводятся к следующему:

А) Царствие Божие — это вся сфера истины и добра, явленная в жизни человечества;

Б) Царствие Небесное — это эсхатологический аспект Царствия Божия: область спасения и жизни вечной.

Согласно этой концепции, Церковь, вместе со всеми "людьми доброй воли", оказывается частью Царствия Божия и при этом — единственной таинницей Царствия Небесного. Между тем даже простое сличение соответствующих параллелей в синоптических Евангелиях показывает, что термины "Царствие Божие" и "Царствие Небесное" — тождественны. Ср.:

Мф. 4, 17 и Мк. 1, 14–15

Мф. 5, 3 и Лк. 6, 20

Мф. 10, 7 и Лк. 10, 9

Мф. 11, 12 и Лк. 16, 16

Мф. 13, 31 и Мк. 4, 30

Мф. 13, 33 и Лк. 13, 20–21

Мф. 18, 4 и Мк. 10, 15

Мф. 19, 23–24 и Мк. 10, 23

Лк. 18, 24–25

Как известно, термин "Царствие Небесное" употребляется только в Евангелии от Матфея. В параллельных

текстах на Матфея у Марка и у Луки во всех соответствующих местах употребляется термин "Царствие Божие". Употребление евангелистом Матфеем термина "Царствие Небесное" наряду с термином "Царствие Божие" для выражения одного и того же понятия имеет глубокий смысл. Согласно церковному Преданию, **Евангелие от Матфея было написано на еврейском языке и обращено непосредственно к евреям.** Во время земной жизни Спасителя в религиозном сознании евреев, ожидавших пришествия Мессии, господствовало представление о грядущем Мессианском Царстве как о Царстве земном по существу. Упорное нежелание отказаться от этого представления было главной причиной отвержения Спасителя большинством еврейского народа. Для того чтобы искоренить из сознания евреев, уверовавших в Иисуса Христа, остатки ложных представлений о земном царстве, евангелист Матфей, в отличие от других евангелистов, подчеркнуто называет Царство Божие — Царствием Небесным. При этом, в соответствии с общим образным строем библейской лексики, термин "**Небесное**" указывает не на местоположение Царствия Божия, а на его неземную природу: "*Царство Мое не от мира сего*" (Ин. 18, 36). "**Небесное**" — значит неземное, иноприродное, надмирное: "*Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира...*" (Мф. 25, 34).

Во Христе Иисусе Царствие Божие приходит на землю, но и на земле Царствие Божие есть то же самое Царство Небесное, что и на небесах, то есть надмирная, Божественная реальность. При этом Царствие Небесное открывается в жизни Церкви: и как благодатная жизнь в сердце каждого отдельного христианина, и как благодатная жизнь всего народа Божия в целом. "Никто же да рыдает убожества, явися бо общее Царство"».

Авторы доклада спрашивали:

1. Какое экзегетическое или богословское основание дает право митрополиту Никодиму и отцу Ливерии различать понятия «Царствие Божие» и «Царствие Небесное»?

2. На каком основании митрополит Никодим и отец Ливерий утверждают, что «область Царства Божия шире, чем область собственно церковной жизни»?

3. Не для того ли митрополит Никодим и отец Ливерий различают понятия «Царствие Божие» и «Царствие Небесное», что к тем чисто земным реальностям, которые, по их мнению, входят в состав «Царствия Божия», термин «Небесное», очевидно, неприменим?

Наконец, нельзя не упомянуть и еще одну тему, которая затрагивается в богословии митрополита Никодима и является вариацией всего вышеизложенного, — тему соотношения «ветхого» и «нового» человека. В докладе **«Сотрудничество крещеных и нехристиан в совместном служении благу человечества»**, прочитанном на **собеседовании богословов Евангелическо-Лютеранской церкви ФРГ и Русской Православной Церкви** (сентябрь 1969 года), он, в частности, говорил: *«Всякий крещеный и сознательный верующий более или менее остро, но сознает, что между ним и некрещеным существует, помимо прочих, глубокое онтологическое различие. И здесь возникает проблема взаимоотношений: "новый" и "ветхий" человек — должны ли они жить вместе и, протянув друг другу руки, идти по одному пути или им нужно расстаться и каждому брести своей дорогой? Никогда этот вопрос не стоял столь остро, как в наши дни...»*¹⁷

«Существует древняя икона — «Сошествие Господа нашего Иисуса Христа во ад»: Спаситель, попирая сокрушенные врата адовы, протягивает руку ветхому Адаму, изводя его из тьмы преисподней. — отвечали на это авторы доклада. — **Не кажется ли митрополиту Ни-**

кодиму, что древняя икона дает более правильный образ взаимоотношений Ветхого и Нового Адама, чем тот, который митрополит Никодим пытался начертать в приведенном отрывке: “новый” и “ветхий” человек, протянув друг другу руки, идут по одному пути?»

Подведем некоторые итоги. Вся современная проблематика так называемого экуменизма, столь пугающего наших ревнителей, просто меркнет на фоне того действительно, в полном смысле, модернистского богословия, которое развивал митрополит Никодим. Главный лейтмотив его — попытка «богословски» обосновать размывание границ между Церковью и внешним миром, такое раздвижение границ Церкви, при котором новозаветное и святоотеческое учение о Церкви как о Теле Христовом, корабле спасения и т.п. мутирует и приобретает качественно иные и абсолютно нехристианские оттенки — есть **ключ к пониманию тех реальных процессов**, которые в приснопамятные 60-е годы уже в полной мере шли на Западе и сейчас набирают силу в православном мире, в том числе и в России. Было ли это его личным творчеством или же здесь следует говорить о каких-то влияниях — этот вопрос еще ждет своего исследователя. Анализ Никодимова богословия, предпринятый в «докладе четырех», догматически четко и безжалостно высветляет и проясняет подлинный смысл, который кроется за двусмысленностью и размытостью обтекаемо-дипломатических, лукавых формулировок нынешнего, примирительно-умеренного «извода» «богословия открытости». Уверенный в себе человек, обладавший неким сокровенным знанием, которое позволяло ему без колебаний идти к намеченной цели, не стеснясь в средствах, не боясь «кураторов», да и всего «комитета», «не дожил», возможно промыслительно, выпив чаю на приеме у папы Иоанна Павла I (который умер через две недели после своего собеседника из СССР). Но «дело его живет». Бессмертно

ли? Или Промысл Божий над Своим Домом — Церковью Христовой, взывающий к нашей мужественной верности, вновь спасет нас и покроет наши грехи, оставляя время для молитвы и покаяния? В **этой Церкви** — чья ограда, по обетованию, стоит неколебимо?

Приложение

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ К ПОМЕСТНОМУ СОБОРУ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 1971 года¹⁸

по поводу богословской деятельности
Высокопреосвященного Никодима,
митрополита Ленинградского и Новгородского,
и других единомысленных ему лиц

Составители:

Русской Православной Церкви

священник Николай Гайнов

миряне: Феликс Карелин

Лев Регельсон

Виктор Капитанчук

Преосвященные Владыки!

Досточтимые клирики!

Честные братья!

Главы и представители народа Божия!

Отцы и учителя!

Чрезвычайные обстоятельства побуждают нас обратиться к Святыне Великого Собора.

Вот уже десять лет как религиозная совесть русского православного народа смущена и встревожена тем духом богословского модернизма, который проник в Русскую Церковь вместе с началом епископского служения Преосвященного Никодима (Ротова), ныне митрополита Ленинградского и Новгородского.

Всякий православный христианин, хоть сколько-нибудь внимательно следящий за церковной жизнью,

не мог не заметить, что на протяжении последних десяти лет сначала митрополит Никодим, а затем и другие единомысленные ему лица, среди которых особенно выделились **митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн (Вендланд), архиепископ Львовский и Тернопольский Николай (Юрик)** и два профессора **Ленинградской духовной академии: протоиерей Ливерий Воронов и протоиерей Виталий Боровой** — на всевозможных религиозных конференциях, на страницах "Журнала Московской Патриархии" и даже во святых храмах излагают и проповедают такое учение, которое с точки зрения традиционного православного сознания, воспитанного на богословском синтезе Великой Церкви, нельзя назвать иначе, как новым...

Три момента в деятельности митрополита Никодима и других единомысленных ему лиц вызывают особую тревогу:

1) то, что они не пытаются обосновать свое новое учение религиозным опытом Вселенской Церкви, но предпочитают «мудрствовать не по Отцам»;

2) то, что они **излагают свое учение двусмысленно, избегая откровенных наименований, фрагментарно, отрывочно, зачастую вкрапляя небольшие тексты значительного религиозного и богословского содержания в пространные рассуждения на мирские темы, не столько обращаясь к церковному самосознанию, сколько постепенно и незаметно изменяя в Церкви духовную атмосферу**; и, наконец:

3) то, что митрополит Никодим (Ротов) и другие единомысленные ему лица дерзают свое новое учение, соборным сознанием Церкви еще не рассмотренное и соборной властью не одобренное, навязывать и Русской Церкви, и даже всему христианству в качестве руководства к действию. При этом тревога по поводу нового учения, несомненно, усиливается теми общеизвестными фактами, что митрополит Никодим за короткое вре-

мя сумел занять в жизни Русской Церкви **совершенно исключительное место**, а его **экуменическая деятельность приобретает всемирный характер**. С каждым годом становится все яснее и яснее, что учение и деятельность митрополита Никодима и единомысленных ему лиц представляет собой **явление провиденциального масштаба, перед лицом которого следует проявить всю силу христианской бдительности**. На основании всего вышеизложенного мы, чада Русской Православной Церкви — так же как и все православные христиане, имеющие религиозный долг быть хранителями веры и благочестия, — просим отцов Великого Собора предложить митрополиту Никодиму (Ротову) и названным выше единомысленным ему лицам дать ясное, полное и недвусмысленное изложение своего нового учения, так чтобы соборная полнота Церкви могла его рассмотреть и высказать о нем свое авторитетное суждение. Это особенно необходимо сделать именно теперь, дабы неясность духовной атмосферы не помешала Великому Собору узреть перст Божий, указующий истинного избранника Божией воли на великое патриаршее служение, так, чтобы, скрепляя свои деяния, Священный Собор воистину мог сказать: «Духу Святому и нам изволилось...»¹⁹

Примечания

¹ На эту статью вскоре последовал «принципальный» ответ **протоиерея Андрея Новикова** (см.: http://ruskline.ru/analitika/2010/12/3/ewe_raz_o_revnosti_ne_po_razumu/), явным образом выражающий официальную точку зрения. Однако никакой полемики по существу в этом «ответе» нет. Более того, автор, посвятивший большую часть своей статьи прославлению официальной политики РПЦ и персонально митрополита Илариона, ничуть не стесняясь, заявляет о том, что Рогозянскому не удастся «спровоцировать» его на участие в дискуссии (!). Вся нелепость и анекдотичность такой «аргументации», видимо, им непонятна. Свидетельствует ли это об отсутствии аргументов или просто о презрении,

так сказать, штатных богословов ОВЦС ко всем, находящимся вне «корпорации»?

² См.: *Святитель (епископ) Иринеи Лионский*. Творения. СПб., 1900. Репринт: Паломник—Благовест. М., 1996. С. 441.

³ Указ. соч. С. 505–506.

⁴ Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1963. № 1. С. 40–41.

⁵ ЖМП. 1965. № 7. С. 39.

⁶ ЖМП. 1965. № 9. С. 64.

⁷ ЖМП. 1966. № 7. С. 59–61.

⁸ ЖМП. 1966. № 8. С. 32.

⁹ ЖМП. 1966. № 10. С. 77.

¹⁰ ЖМП. 1968. № 4. С. 33.

¹¹ ЖМП. 1969. № 11. С. 49

¹² ЖМП. 1970. № 3. С. 76.

¹³ Цит. по: *Аквилонев Е.* Новозаветное учение о Церкви. СПб., 1904. С. 36.

¹⁴ ЖМП. 1962. № 6. С. 37, 38, 41.

¹⁵ ЖМП. 1970. № 3. С. 76.

¹⁶ См.: ЖМП. 1966, № 5. С. 42–43.

¹⁷ ЖМП 1970. № 3. С. 74–75.

¹⁸ Все выделения сделаны нами. — В.С.

¹⁹ Собор избрал Патриархом митрополита Пимена.

Россия и Церковь после Цхинвала*

Сейчас вошло в определенную моду рассуждать обо всем (ну или о многом) в аспекте «после Цхинвала». У значительной части «экспертно-аналитического сообщества» и просто мыслящих людей сформировалось четкое ощущение того, что после событий в Цхинвале, после злодейского нападения на мирный город, представляющего явный «перебор» даже для современного мира, и неожиданно адекватного ответа России относиться ко многим проблемам по-старому уже невозможно. Мир (а не только Россия) вступил в «постцхинвалье» — таков пафос целого ряда выступлений политологов и журналистов. Для нас несомненно, что это касается и Церкви.

Какой же итог цхинвальских событий можно считать имеющим отношение не только к государственной, но и к церковной политике?

Прежде всего, для всех здравомыслящих людей стало очевидным: утопия «вхождения» России в пресловутое «мировое сообщество» (под которым так называемые элиты имеют в виду в первую очередь Запад) бес-

*Написано в сентябре 2008 года, после событий грузино-осетинской войны.

славно рухнула. Но для того чтобы понять, **что именно рухнуло**, нужно несколько более определенно акцентировать некоторые вещи, которые далеко не всегда и далеко не до конца акцентируют.

Не только «новая Россия», но и СССР с определенного времени (явным образом с середины 80-х, а подсудно еще с 60-х, своего рода рубежом здесь является знаменитая **встреча Косыгина с Джонсоном в Глазборо в 1967 году**) жил под знаком интеграции с Западом. В этом процессе были свои «откаты» и «заморозки», но другого «проекта», кроме целенаправленной сдачи на наиболее выгодных для «элит» условиях собственно-го, самостоятельного проекта для России, у «элит» не было уже давно. Суть данного «проекта», его, так сказать, смысловая сердцевина, заключалась в сознательном демонтаже империи и формировании на ее месте современного, молодого, динамичного, лишенного балласта «окраин» «национального государства», которое, с приданным ему новым импульсом развития, входило бы в Европу и вообще в Запад как гражданская нация, как государство западноевропейского типа¹. В этом губительном для нашей страны «проекте» участвовали отнюдь не только ее прямые, сознательные и убежденные враги, жаждущие ее уничтожения. Целый ряд людей, с довольно внушительных размеров звездами на погонах, искренне верили в его спасительность, искренне считали империю нежизнеспособной, а «национальное государство» — единственным позитивным выходом. Некоторые из них, будучи уже на пенсии, до сих продолжают обсуждать любимую тему на своих подмосковных дачах, благо времени у них теперь предостаточно. **Главная проблема современного политического руководства нашей страны** заключается в том, что эти по своему искренние и преданные, в меру их понимания, интересам России люди — **прямые ученики вышеупомянутых обитателей подмосковных дач.**

И вот в ситуации с нападением войск Саакашвили на Южную Осетию наши политические лидеры «прыгнули выше головы», среагировали «в терминах» единственно возможной для исторической России имперской логики! Почему? Да просто потому, что они захотели **ЖИТЬ!** Они поняли, что речь идет не только о будущем страны. Речь идет, попросту говоря, об их **шкуре**, и выжить им в этой ситуации отдельно от страны и народа — не удастся! Стало ли это тем моментом истины, после которого человек совершает то, что на языке православного богословия называется «трансцендированием», то есть превышает свои **естественные**, предназначенные ему от природы рамки жизни и действия? Совсем пока еще не факт! Но некоторый шанс того, что сама жизнь, со своей непреодолимой логикой, заставит их, сказав «А», назвать и следующие буквы алфавита, — несомненно, есть.

Однако вернемся к нашим страницам истории. Кто же был главным носителем, главным субъектом пресловутого проекта «национальной модернизации», строительства «национального государства» на месте советской империи? У этого проекта было немало сторонников, в том числе, к сожалению, и среди нашего брата — «патриотов», но главным субъектом был, как это ни прискорбно, «Комитет», то есть андроповский КГБ! На эту тему существуют весьма интересные исследования, в том числе и неопубликованные. Именно в недрах этого замечательного ведомства готовился распад СССР, и именно они, «чекисты» (точнее, их следующее поколение), продолжают «рулить» страной и вопреки всему искренне верить в то, что еще немного — и обновленная, современная Россия, ставшая наконец государством западного типа, войдет как «полноправный член» в западное сообщество. И тогда у нас будут такие же чистые улицы, как в Германии, такие же предупредительные, улыбчивые люди, такая же политкоррект-

ность, как в США, такая же терпимость, как в Голландии, и т.д. и т.п. (Ну и, само собой, «бабло», кровью и потом приватизации заработанное, нужно тоже хранить только там, на Западе. На худой конец, в Гонконге. В самом деле, не в России же... Как выразился один бизнесмен эпохи «славных 90-х», «бабки будем делать здесь, аэродромы строить за бугром». Поэтому и вкладывали безумно российские деньги в спасение дутой американской ипотеки, а не в развитие российской промышленности.) Что еще должны сделать откровенные сателлиты Запада, чтобы разуверить их в правильности этого пути? Проект «Национальное государство вместо Союза» (то есть, как ни крути, «превращенной формы» Российской империи) — это проект Андропова, и явный крах его в наши дни — это полный и окончательный крах губительной для страны андроповщины.

Какое же отношение все это имеет к Церкви? На наш взгляд, самое непосредственное. И здесь мы напрямую соприкасаемся с другой темой, весьма оживленно обсуждаемой в последнее время на страницах православных ресурсов, — с личностью, без всякого сомнения, замечательного, харизматичного и выдающегося по своим талантам человека — **митрополита Никодима (Ротова)**. Окончательный анализ богословского наследия приснопамятного владыки отнюдь еще не закончен и требует вдумчивого, а главное, компетентного участия. Мы в этой главе отнюдь на него не претендуем. Выскажем лишь суждение, на наш взгляд, вполне очевидное. Такой анализ невозможен без учета и какой-то внятной богословской реакции на **записку**, которая в настоящий момент **в полном виде** доступна в сети и как раз претендует на богословскую оценку мировоззрения митрополита Никодима. Имеем в виду **документ, принадлежащий перу Л.Регельсона, Ф.Карелина, В.Капитанчука и священника Николая Гайнова²** и содержащий, на наш скромный взгляд, поистине разгром-

ную критику мировоззрения митрополита Никодима. Хотелось бы подчеркнуть, что богословский уровень этого анализа очень высокий, он не имеет ничего общего ни с какой «диомидовщиной» (авторы по своему мировоззрению вообще — умеренные либералы), но между тем никакого **внятного богословского ответа** за прошедшие десятилетия от учеников и почитателей владыки не последовало, что наводит на определенные мысли. Но теперь нас интересует другой, в большей степени политический, аспект.

Нам представляется, что современные критики митрополита Никодима, обвиняющие его прежде всего в «филокатоличестве», экуменизме и т.д., упускают из виду главное. А именно, тот социальный и политический **КОНТЕКСТ**, в котором протекала бурная и, как сейчас сказали бы, «креативная» деятельность митрополита. О контексте этом мы отчасти уже сказали выше. Суть и смысловую сердцевину его составлял упомянутый нами андроповский проект по демонтажу «империи» и формированию на ее месте национального российского государства, с вписыванием его в Запад. Коммунизм как проектная политическая идеология к тому времени был уже, по сути, никому неинтересен и не нужен, если не считать наивных «рядовых коммунистов», не делавших погоды в политике. Так что пресловутое «октябрьское богословие» митрополита Никодима, как и «экуменизм» в его **«традиционно»-упрощенном понимании**, отнюдь не составляли, по нашему глубокому убеждению, подлинного смысла его реальной религиозно-политической идеологии, играя, скорее, роль известного рода «дымовой завесы».

«Экуменизм» — это вообще отдельная история. Высказаться на эту тему всегда было и есть столько желающих, тема настолько одиозна, что присоединяться к этому хору или тем более как-то противостоять ему у нас нет ни малейшего желания. Заметим лишь, что,

по нашему убеждению, при всем том, что желающих как-то покритиковать владыку более чем достаточно, вся эта критика по своему богословскому уровню много недотягивает до вышеупомянутой записки; думается, что **богословская** критика, если людям есть что аргументированно предъявить, не должна все же опускаться до примитивных сплетен и упрощенного пересказа косвенных источников.

Для нас не перестает быть странностью бесспорный факт: все критики митрополита почему-то не замечают очевидного: деятельность его по укреплению связей с инославными, особенно с Ватиканом, **главный вектор его политики (а это, как ни крути, сближение Православной Церкви с Европой и вообще с Западом) сто-процентно вписывался в проект «национальной модернизации» на месте предварительно разваленной империи (то есть СССР)**, который мы вкратце охарактеризовали выше, как бы это ни прикрывалось коммунизмом для внутреннего использования. Разрушительный комитетский замысел западнической модернизации, антиимперского (и «светского»!) «державничества» по западноевропейскому образцу, был подлинной сердцевинной очень активной (но прикровенной) деятельности некоторых людей, прикрытой обветшалой коммунистической риторикой, давно уже никому неинтересной. Снаружи, на поверхности политики кремлевских «геронтократов», сверхдержава боролась за сферы влияния, «несла коммунизм народам мира», а внутри нее зрела сдача, отречение от тысячелетней империи. Отказ от изживших себя советских смыслов (давно уже более чем неизбежный и очевидный для поколения «детей номенклатуры») обернулся в итоге отказом от проектности вообще. «Гражданская нация» и «национальное государство», «органично вписанное в Европу», в России явно не удались (теперь это уже вполне очевидно). Они и не могли удаться, ибо, во-первых, Рос-

сия по природе своей империя, нельзя сохранить лицо, отказавшись от своей сути, от личности, а во-вторых, никакой Запад никогда не хотел «вписать в себя» Россию, он всегда стремился ее только уничтожить.

Однако 70-е годы были временем расцвета всех этих иллюзий. «Андроповцы» нетерпеливо ждали смены власти. Со своей стороны, в Церкви ждал ее и Никодим. Если для государства «западническое державничество» — безусловный антагонизм, который рано или поздно разрешится победой одного из составляющих его начал, то для Церкви «сближение с Европой» естественным образом не могло не затронуть конфессионально-вероучительную сторону. Как для советско-российских так называемых реформаторов существовал единый западный мир, куда можно «вписать» обновленную Россию, так и для Никодима (и до сих пор для ряда деятелей нашей Церкви) существовало и существует некое мифическое «единое христианство», и не было и нет никакой речи о несомненных западных ересьях.

Подчеркнем, что мы более чем далеки от каких-либо досужих домыслов по поводу «агентуры», «работы на КГБ» и т.д. Эта тонкая материя — предмет отдельного, сугубо специального разговора, но для нашей темы данный предмет отнюдь не имеет **решающего** значения. Гораздо важнее — **объективное совпадение, совпадение по факту** политического вектора и, как сейчас сказали бы, политтехнологической игры, ведомой до поры до времени скрытыми от посторонних глаз «национальными модернизаторами» в погонах и открытым всему миру молодым и динамичным иерархом. Покойный митрополит вел с «органами» и вообще с высшим политическим руководством СССР свою сложную и рискованную игру. Обычно говорят, что он умело и ловко использовал потребность советского («коммунистического») режима респектабельно выглядеть перед Западом и под этим предлогом резко омолаживал и расширял

церковные кадры. Говоря так, вновь не задают себе и другим более чем очевидного вопроса: а почему это «упертым» коммунистам вдруг ни с того ни с сего вообще понадобилась эта «респектабельность»? Разве советские руководители всегда так о ней заботились? Но эта «беззаботность» ведь не мешала развитию торговых, да и политических отношений с Западом?...³ Так что мы бы сказали иначе: Никодим модернизировал Церковь под «западнический» проект определенных кругов «ЦКГБ» (иначе говоря, советской «элиты»), при этом в своей, «церковной» модернизации по западному, европейскому образцу сильно опережая светское начальство; его нетерпение и напор (словно по наследству передававшиеся некоторым из его учеников), в отличие от общего идеологического вектора, очевидным образом контрастировали с осторожностью, нерешительностью и придворной изощренностью членов Политбюро. Не в этом ли очевидном контрасте — главная, так сказать, земная причина его общей неудачи? Если бы я был апологетом Никодима, я бы сказал, что он сильно опередил свое время. Подгонять историю (тем более апостасийную) не менее опасно, чем излишне подмораживать...

Прямым результатом деятельности Никодима была бо́льшая, чем до того, интеграция Церкви в деятельность международных институтов, и отнюдь не только таких, как Всемирный Совет Церквей. И дело здесь, как уже сказано выше, не только лишь в пресловутом «экуменизме». Митрополит Никодим формировал не просто модернистское богословие, но, как показано в упомянутой выше записке и предыдущей главе у нас, **революционно-модернистское**. Это была не просто некая церковная реформация (в широком смысле), но **нечто большее**. Он не просто хотел в большей степени соответствовать «запросам времени», но формировал **совершенно особый стиль**, особый подход к церковной жизнедеятельности, который был модернистским

не только лишь с точки зрения богословия, но именно в плане **самого образа бытия и действия Церкви** в современном, стремительно секуляризирующемся мире.

Стремясь соблюдать неписанные правила политкорректности, не будем употреблять отдающего вульгарностью ругательного термина «никодимовщина». Поведем речь о **стиле Никодима**, о никодимовской **школе церковного поведения** и специфической церковной культуре (в широком смысле), во многом порожденной покойным архипастырем. Вся она, как бы то ни было, опиралась именно на идею «**вписывания**» **Православной Церкви в современный секулярный мир** (пусть и из предельно благих намерений), а никак не наоборот! **И В ЭТОМ ВСЕ ДЕЛО**. И именно в этом, по нашему убеждению, — корень многих сегодняшних проблем нашей Церкви.

Думается, что крах либерально-западнического проекта для России, который стал окончательно очевиден после Цхинвала, не может не коснуться и Церкви. В условиях, когда среднее поколение так называемых чекистов, эти **либеральные националисты — выходцы из КГБ** и сопряженных структур, начинают все в большей степени воспроизводить реальное (а не только лишь виртуально-пиаровское) державничество, которое для России (что бы кто ни говорил) непременно влечет за собой имперские смыслы, «вхождение в Европу» и «многополярность» для Православной Церкви, этой единственной носительницы неповрежденной Истины апостольского Предания, звучит совсем уж неприемлемо. Если для светского государства «многополярность» допустима как *real-politic*, то для Церкви, живущей полнотою даров Святого Духа, питающейся благодатью, никак невозможно мыслить себя **наравне с другими субъектами религиозного пространства**, в особенности с теми, которые исторически базируются на апостасийном Западе, с западными еретиками. Признание пра-

ва людей на свободу совести отнюдь не означает и не может означать примирения Православной Церкви (обладающей всею полнотой благодатных даров Святого Духа, необходимых нам для нашего спасения) с религиозной ложью, содержащейся в других религиях. Церковная дипломатия по самой своей сути никак не может претендовать на роль православной «конгрегации вероучения»!

Церковь Христова, подобно империи, тем более не может никуда «входить», а лишь, по природе своей, может всех приглашать войти в себя, признав Истину Святого Православия. Поэтому Церковь и империя, служа великой цели, столь родственны и всегда столь тяготели друг к другу.

Ныне, когда наступил час истины и решается вопрос о самом существовании России и будущем мира, когда рушится весь западный мир, основанный на секулярности и гедонизме (о крахе глобального рынка, об экономическом коллапсе не рассуждает сегодня только ленивый), абсолютно недопустима ситуация, когда РПЦ выглядит порой едва ли не либеральнее государства, проявляя **недопустимую лояльность по отношению к своей внутренней церковной «гайдаровщине»**, в лице ряда представителей «среднего звена» церковного и околоцерковного менеджмента и иерархии, нетерпеливо рвущейся к власти. Слава Богу, что пока, при содействии вменяемой части православной общественности (то есть ее церковно-консервативного большинства), эти попытки сдерживаются Святейшим Патриархом Алексием и другими представителями церковной власти⁴.

На повестке дня — вопрос об **изживании никодимовского наследства**, его главной, так сказать сердцевинной, части, связанной с принципиально неверным тезисом о приспособлении Церкви к «непрерывно меняющемуся» секулярному миру. Игумены, проживаю-

щие в городских квартирах и ни одного дня не несшие послушаний в монастыре, приходы, где всенощная длится час с четвертью, а литургия — сорок минут и без часов, миссионеры, кощунствующие над святынями, монахи, практикующие Иисусову молитву под бешованье рока, священники и духовники, призывающие к сокращению молитв и упразднению постов, проповедники, учащие свою паству таким вещам, о которых мы не решаемся сказать вслух, гламурные дамы с «панковским» прошлым, претендующие на роль духовных авторитетов, наконец, «церковные» журналисты, превращающие православную прессу в рупор революционной «реформации», — должны быть преодолены, как морок **ПРОИГРАВШЕГО В ИСТОРИИ ЛИБЕРАЛИЗМА**, и выброшены вон на свалку истории. Их наглость, с которой они претендуют на роль церковного «мейнстрима», должна получить и получит достойное наказание!

Между тем сегодня, под аккомпанемент красивых рассказов о роли наших святых в отстаивании русской «идентичности», эту самую идентичность пытаются выкорчевать вовсе, навязывая насквозь лживый и решительно расходящийся со святоотеческой традицией тезис о «непредпочтительности» для Церкви различных форм власти. О власти мы говорим в главе «Патриарх последних времен». Здесь же заметим, что в этих публикациях, формально выражающих частное мнение отдельных богословов, происходит попытка прямой ревизии **«Основ социальной концепции РПЦ»**, в которых как раз выстраивается **иерархия форм власти** и прямо говорится о **богоустановленности «судейства» (то есть непосредственного богоправления, теократии) и монархии**, в отличие от **парламентской демократии**, которая определяется как **установление чисто человеческого**. Не намереваясь сейчас вдаваться в специальный анализ данной проблемы (которой мы отчасти уже касались в главе «Качели»), отметим лишь то, что

в данный момент представляет для нас особый интерес именно в свете нашей сегодняшней темы: «непредпочтительность» — это ведь, по сути, и есть пресловутая «многополярность», то есть принципиальная сдача своего, православно-имперского, миропрокта и «вписывание» России и Церкви... нет, не в коммунизм, который давно мертв, а — в глобалистическое целое «прекрасного нового мира»⁵. Ибо тема и **проблема власти принципиально и последовательно отделяется здесь от ее духовной сердцевины**, без которой вообще нет никакой власти, а есть лишь условность чисто светского права, прикрывающего то реальное «право», которое ныне правит секулярным западным миром, — право силы. **Голая сила и власть, имеющая сакральные основания, — не одно и то же!** Стоило бы помнить об этом, празднуя действительно славную победу в Южной Осетии...

Будучи открытыми к приличной дискуссии (а отнюдь не к поношениям и обливаниям грязью в стиле некоторых пользователей «ЖЖ»), позволим себе в заключение одно принципиальное замечание. Именно в этом отделении понятия власти от его духовной составляющей, в приспособлении Церкви к духу «мира» и заключается подлинное существо той революции, которую хотел произвести в нашей Церкви, но не успел, искренний утопист, человек больших даров и несомненных талантов, тем не менее **в свое время** проигравший не хватавшим звезд с неба искренним поборникам Традиции, — митрополит Никодим.

Примечания

¹ Подробнее об этом см. в нашей работе: Межэтнические конфликты в современной России и судьба империи (вошла в нашу книгу «На обрыве времен. Есть ли будущее у христианской цивилизации?» М., 2010).

² См. предыдущую главу.

³ За последнее время появился ряд интересных текстов, в которых делается попытка «замылить» вообще все что можно, а главное — доказать, что в никодимовской церковной политике не было ничего принципиально нового. (См., напр.: *Андрей Кураев, диакон*. Архиерейское совещание 1948 года и современные мифы о нем (http://www.pravoslavie.org.ua/index.php?r_type=article&action=fullinfo&id=22717). При этом ссылаются на известное **совещание в Москве 1948 года** и, используя архивные документы, говорят, что оно по замыслу также было «экуменическим», только целью этого «экуменизма» было «помочь христианам всего мира освободиться от диктата Ватикана»! Надо ли говорить, что этот «экуменизм» был чисто политическим, а не богословским явлением, и поэтому непосредственно относится к нашей сегодняшней теме! В ответ на типично манипулятивную посылку **протодиакона А.Кураева** заметим, что в 1948 году речь шла все же о **противостоянии Ватикану** и его влиянию вместе с христианами Запада, то есть о **противостоянии главному религиозному центру Запада** и о **создании альтернативного религиозного центра в Москве** (идея перехода к Москве «первенства в пентархии» и Москвы как лидера православного (восточно-христианского) мира). Эта идея позднего Сталина, пресловутого «сталинского ренессанса» 1943–1948 годов, была, конечно, абсолютно утопической и нереализуемой, поскольку возвращение к историческим истокам теории «Москва — Третий Рим» решительно расходилось с той идеологией, которая была основой советского проекта, то есть с идеологией коммунистической, а от коммунизма никто из советских бонз в то время отказаться не хотел и не смог бы. Однако характерно, что, в отличие от последующего времени (то есть от тех же 70-х), в этом проекте речь шла все еще о **решительном противостоянии советской империи Западу, а не об интеграции с ним**, и Церковь «вписывали» именно в это противостояние, а не в «интеграцию» по никодимовскому образцу. Изменилась эпоха, изменились идеи, изменились и «игроки»... И когда сегодня некоторые из наших иерархов в блестящем стиле занимаются публичной апологетикой святого благоверного князя Александра Невского как великого святого, стратега, дипломата и воина, то нужно будет сказать (если выдержать аналогию до конца), что никодимовские игры с Ватиканом — это не «поездки в Орду» святого благоверного князя Александра ради спасения Руси, не готовой еще к открытой схватке (в качестве последних можно, чисто формально, рассматривать умение Никодима ладить с советскими властями), а как раз полная и безоговорочная сдача тевтонским рыцарям!

⁴ Яркое доказательство полного единства Святейшего Патриарха Алексия и консервативного большинства нашей Церкви — награв-

дение орденом святого князя Даниила Московского III степени главного редактора журнала «Благодатный огонь» **С.И. Носенко**, чей печатный орган является одним из лидеров в современной православной апологетике. Как известно, С.И. Носенко сыграл крайне важную роль в сборе подписей под известным письмом 124 священников против неомонохизма. Достойный ответ Патриарха на непрестанную клевету либерального лобби! (Все это было написано осенью 2008 года, незадолго до безвременной смерти Святейшего. О новой ситуации в Церкви, складывающейся при новом патриаршестве, см. в главе «**Модернистский соблазн**».)

⁵ Когда сейчас облеченные властью церковные чиновники, говоря о целях межрелигиозного диалога, провозглашают в качестве таковых достижение взаимопонимания между теми, кто строит великую Америку, и теми, чей идеал — всемирный халифат, не очень понятно, какова же роль во всем этом России. Если Россия и Русская Церковь вступают в этот диалог как носитель своего, имперско-православного проекта, то есть великой России, тогда в стремлении к такому диалогу есть вполне очевидная логика. Если же мы хотим участвовать в нем, отказавшись от своей исторической субъектности как великая держава, как православная империя, то тогда, в связи с активизацией межрелигиозных контактов в последнее время, вопросов возникает больше, чем ответов.

Конец эпохи?

Папа Римский Иоанн Павел II — человек, бесспорно, выдающийся, как бы к нему ни относиться. Придя к высшей власти в Ватикане после довольно странной и загадочной смерти своего предшественника, Иоанна Павла I, он в своем служении представил, по мнению многих, новое лицо Римско-Католической Церкви, сумев сохранить равновесие и остаться умеренным консерватором, не пойдя ни по пути неомонохизмской, фактически революционной, либерализации в духе «теологии освобождения» или современного протестантизма, ни в сторону реставрации по образцу католиков-традиционалистов. Для самой Римско-Католической церкви это было, несомненно, благом.

В условиях очевидного духовного и культурно-цивилизационного упадка западнокатолической традиции Иоанн Павел II был папой, наверно, идеальным. Он, без сомнения, сделал все что мог, чтобы спасти не только свою церковь, но и весь западный мир, просто удерживать его в лоне христианства, и тем очевиднее в наше время ограниченность и глубокая, явная внутренняя исчерпанность этого мира (для которого сама принадлежность к католической традиции становится уже проблемой), невозможность продолжения того дела, которому он столь ревностно служил.

Папа-миссионер, папа-пилигрим, Кароль Войтыла был образцовым католиком, — католиком до мозга костей. Он, конечно же, по-своему очень искренне и ревностно (насколько это вообще возможно для западного человека) любил Христа; но как ярко и наглядно, насколько ясно для любого беспристрастного наблюдателя проявились в нем ограниченность и непреодолимая внутренняя противоречивость самой римской, латинской идеи, того папского проекта, который, по железным законам диалектики, ныне, исчерпав себя, неудержимо и закономерно катится к своему завершению и одновременно самоотрицанию — к построению воинствующе-секулярной объединенной Европы! Вселенский пафос активного миссионерства, столь характерный и вообще для Рима, но особенно яркий в последнем папе, неудержимое стремление во всем мире, во всех, самых дальних уголках Земли возвестить Благоую Весть, всем народам проповедать Слово Божие в этом последнем «истинном католике» как-то неуловимо превращалось в «открытость наоборот», когда глава Западной церкви уже не призывает всех ко Христу, снисходя к их человеческим немощам, но идет молиться к Его заклятым врагам, продолжающим ожидать другого «мессии». Его покаяние от лица Церкви перед многими из тех, кто до сих пор не примирился с Нею, вос-

петое по всему миру трубадурами от либерализма, — лишь на первый взгляд неожиданная оборотная сторона (а в действительности — закономерный итог) той «открытости», которая, собственно, и создала современный Запад. Папа во главе молитвенной процессии (экуменическая встреча в Ассизи) с участием не только всех крупнейших мировых религий, но и представителей языческих африканских культов, — это ли тот итог двухтысячелетнего Рима, о котором молил первый Римский епископ, когда распинался на кресте? Все эти знаковые деяния последнего папы, эти экуменические моления в синагоге или в Ассизи многими из православных были восприняты как предательство. Но при всем том, при всей моей нелюбви к католикам, я никогда не скажу, что в этом сказалась его, папы, личная злая воля. То есть личная воля, конечно, была, но выражала она «всего лишь» собственную закономерность в «прогрессивном развитии» самого Запада.

Этот физически немощный, полупарализованный старик, с его неукротимым духом, из последних сил, слабеющей рукой сжимающий меч святого Петра, своим острым взглядом проникающий в душу расслабленных и погрязших в комфорте детей современной цивилизации, спешащий по миру, боясь не успеть, чтобы в самых дальних уголках его еще раз возвестить Слово Божие, — несомненно, лучшее из всего, что еще оставалось живого в западном мире. В его угасающих глазах, в немощном, склоненном набок теле сквозь все упорство и рыцарственный героизм в служении своей Идее в последние годы все яснее угадывалась трагедия умирающего Запада, пришедшей к своему концу Европы. Понимал ли он сам весь трагизм «постсовременности», ощущал ли этот отравляющий все живое апостасийный дух ее, свидетельствующий об угасании веры? Я уверен, что да! И это именно потому, что, как один из духовных лидеров Запада, будучи не в си-

лах преодолеть рамки этой западной парадигмы, он и сам поневоле был одним из участников и вождей апостасии!

Своей жизнью и делами он закрыл христианскую эпоху в истории Европы, начатую древней Церковью, и «окончательно открыл» новую эпоху, определяемую либерализмом и секулярным гуманизмом уже в чистом виде. Возможно, поэтому его смерть по времени примерно совпала с принятием безбожной конституции объединенной Европы, в которой отречение от Христа стало уже зафиксированным юридическим фактом.

Быть может, именно ощущая духовную катастрофу западного мира, выражая главную тайную мысль современного католицизма, он так стремился «зацепиться» за Россию, подпитаться ее сохранным, несмотря ни на что, духовным потенциалом. Но понималось им это, конечно, по-своему, в духе все того же латинства, все той же умирающей под напором апостасийного потока папской идеи. В отличие от покаяния перед иудеями, здесь не было и следа признания ошибок и прямых преступлений папства против Православия, как не было и признания его, Православия, великой духовной правоты.

Как поляк, по природе своей склонный до бесконечности предъявлять счет православному Востоку (и в первую очередь России), и как необычайно ревностный папа, он был, конечно, заклятым врагом восточно-русской империи в любых ее видах. Это заметно прежде всего из его явной предвзятости в униатском вопросе, в упорном восточном векторе его политики, в неудержимой экспансии на восток. Мы не услышали от папы ни слова покаяния ни за геноцид усташей, благословленных новым католическим святым Степианом, ни за бесчинства галицийских униатов, ни за погром канонического Православия на Украине в конце 80-х — начале 90-х годов минувшего столетия.

Его так и не осуществленное желание посетить Россию, которая до последних дней притягивала его как вечный предмет любви-ненависти, — несомненное свидетельство того, что, как признают сами католические миссионеры, Россия снова «не далась»; при всем своем безрадостном внешнем упадке она, как **духовная сущность**, вновь не подчинилась западной экспансии, не стала частью «нового» глобалистического мира, в котором Ватикан — лишь терпимый до поры до времени, хотя и важный, внешний рычаг; осталась уделом Богородицы, в своей духовной сердцевине неподвластным апостасийному духу времени.

Прославляя папу как лучшего человека на свете, либеральные СМИ, в своей рекламно-постмодернистской игре, превратили его в бренд, а его жизнь и смерть — в увлекательное и душещипательное шоу. Его противопоставляли, как образец для подражания, «нетолерантным» и «упертым» русским, лишенным пресловутой «открытости».

Но тайна его души и его покаяния осталась от нас скрытой. Так любивший говорить, он умер в страдании и в молчании, тяжелой болезнью почти начисто лишенный голоса. Его смерть (в том числе и в этом) глубоко символична; ей сопутствовали красноречивейшие символы. Во время похорон порыв ветра захлопнул раскрытое на гробу почившего понтифика папское Евангелие (как тут не вспомнить добрым словом наши тяжелые православные оклады!). Незадолго до его смерти по миру прокатилась череда ужасных природных катастроф, а сразу после нее — израильская полиция арестовала на Храмовой горе в Иерусалиме нескольких фанатиков, намеревавшихся взорвать мечеть, расчистив место для Третьего Храма. Лишенный удерживающей силы, мир все ощутимее приближается к своему концу.

Что же касается покойного папы — его душа уже в руках Божиих. Та реальность, которая ныне откры-

та его взору, превыше мира со всеми его проблемами и страстями. Пред нею речь умолкает и стихии замедляют свой бег. Кто может, молится о упокоении его души. Помолимся и мы — ибо вечность не знает вражды и всякая борьба и гордыня стихает и смиряется перед лицом смерти.

Тайна Патриарха

Когда перестало биться сердце Святейшего Патриарха Алексия, пятнадцатого Предстоятеля Русской Церкви, это означало отнюдь не уход из жизни еще одного «большого начальника», который вскоре будет заменен другим. Для всех истинно церковных людей, обладающих живым ощущением реальности Церкви с действующим в ней Духом Божиим, а не только лишь формально к ней принадлежащих, было абсолютно ясно, что перестало биться сердце Русской земли — не той вечной России, которую именуют Святой Русью и чей удел ныне — на небесах, а нашей, все еще живой и брэнной, грешной и кающейся России. Эта Россия и молилась у гроба почившего Предстоятеля.

Невосполнимость утраты, искренняя любовь к Патриарху вдохновила митрополита Кирилла на, пожалуй, лучшую проповедь последних лет, побудила организаторов похорон сделать все, чтобы они прошли достойно (и все ощутили, что таких массовых, одухотворенных и, при всем неизбежном налете официоза, каких-то очень семейных, наполненных любовью похорон, пожалуй, не было в истории современной России), и эта же любовь вызвала неподдельный всплеск горя у гроба дорогого усопшего — горя тех, кто все эти годы был рядом с ним.

Отнюдь не разделяя нагнетаемых некоторыми эсхатологических настроений, скажем, что, по общему ощущению, момент настал поистине судьбоносный. В чем

же, по прошествии уже некоторого времени после похорон, видится уникальная и непреходящая роль Святейшего Патриарха Алексия? Среди всех достижений Церкви последних лет, в которых заслуга Предстоятеля очевидным образом несомненна, бесспорно, главным является то, что в неимоверно сложных внутренних и внешних условиях ему удалось сохранить то, без чего спасение невозможно, что является абсолютно необходимым залогом дальнейшего возрождения, — единство Церкви.

Мудрый и смиренный человек, с его молитвенностью и настоящей монашеской выучкой, с простой и какой-то очень естественной любовью к своему народу (на которую тот отвечал самой искренней взаимностью), чуждый малейшей позы, искусственной яркости, красоты в словах и поступках, духовный хозяин всея Руси вел церковный корабль, противостоя попыткам раскачать его не только своей молитвой, смирением и мудростью, но и умением ничего не сделать там, где практически любой стал бы суетиться, и сказать жесткое «нет» там, где большинство бы сдалось. Именно так он, при всей своей видимой «мягкости», повел себя перед лицом попыток вновь навязать Церкви внешний диктат, учредив новый «орган по делам религий». Именно так он неустанно, где только возможно, повторял простую мысль о важности духовного образования и православного Интернета, настаивая на введении в школах Основ православной культуры. И именно так он противостоял неумным и суетливо торопящимся «реформаторам», стремящимся раскачать церковный корабль, в своей бездуховности и гордыне посягнув на наследие отцов.

Ныне предстоя пред Господним Судом, наш Патриарх может в первую очередь предъявить то из своих деяний, которое в нынешних неимоверно трудных условиях нарастающей апостасии является поистине подви-

гом. Он не допустил раскола Церкви, не дал реализовать этот коварный и подлый замысел, который уже реализован в некоторых странах бывшего советского блока, где Церковь de facto разделена на «продвинуто-либеральную» и «уперто-фундаменталистскую» части, задав, по сути, необычайно высокую планку церковной жизни и управления.

В чем же тайна почившего Патриарха, в чем его наверняка простой и тем несоизмеримо более ценный секрет? **Эта тайна — верность Традиции.** Именно эта верность, основанная на живой духовной, молитвенной связи с наследием веков (вот она, Святая Русь!), без которой невозможна и связь с Богом, и была, в конечном счете, настоящим корнем его отеческой любви к своему народу, народу Христовой Церкви, и любви народа к нему.

Когда собрались у гроба Святейшего его близкие люди, те, кто по-особенному его любил, как любят только близких, иерархи и верные чада Церкви, представители других религий и официальные лица государства, они склонили головы не просто перед памятью дорогого человека. Они склонились перед правдой святого Православия, которому он всю свою жизнь столь ревностно служил. Эта правда придавала ему силы; и именно она, а не абстрактный «всечеловеческий» «гуманизм» скрепляет высшее единство великой имперской нации, которой не может не быть в своем земном измерении вечная Святая Русь — Великая Россия.

Патриарх последних времен

(О власти)

Неожиданная для многих (хотя и неудивительная) смерть Патриарха Алексия — один из многочисленных в последнее время сигналов о каких-то очень

существенных тектонических сдвигах, происходящих в метафизической глубине истории. Когда пришла эта весть, многие, слишком многие явственно ощутили, как что-то оборвалось; и Церковь, все последние годы жившая своей особенной (хотя и не отделенной от остального общества) жизнью, вступает в тревожное и неизведанное, быть может, в новую смуту.

Смена эпох (ощущаемая всеми более-менее метафизически чуткими натурами) — серьезное дело; тем печальнее пошлая и примитивная свистопляска мелких, низких и непорядочных людей, развязанная вокруг избрания нового Предстоятеля, вокруг Поместного Собора, этих доморожденных и начисто лишенных строгих моральных принципов «новых христиан», с наивной самонадеянностью вдруг возомнивших себя «делателями истории», увлеченно играющих в «выборы». Дабы не опускаться до их уровня, мы не станем называть их имена (тем более что церковному народу и так все в основном ясно), ибо наша тема — совсем о другом. Идеология и метафизика проблемы — вот наш предмет.

Не греховное и суетливое кипение страстей и самолюбий, не чуждая духу Писания и Церкви, полная «гнева и пристрастия» безблагодатная борьба и интрига, но видение ситуации сквозь призму Божественной истины — есть единственно верный путь. Вопрос о патриаршестве — есть вопрос о власти. Вопрос о власти для людей Церкви есть вопрос служения Христу и реальной, живой и действенной связи со Христом. Ибо никогда и нигде никакая земная, человеческая власть не воспринималась Церковью сама по себе, как самодовлеющая. **Подлинная власть, власть в собственном смысле, есть дело Божие и богочеловеческое, но никак не только человеческое.** *Дана Мне всякая власть на небе и на земле* (Мф. 28, 18), — говорит Господь. Дело же человека, будь то «начальник, носящий меч», из Послания к Римлянам («тебе на добро», — добавляет апо-

стол) или, тем более, архиерей, предстоятель Церкви, воспринявший от апостолов право «вязать и решить», есть только служение. Служение Церкви — молиться, имея предстоятеля (предстоятель — тот, кто **предстоит** пред престолом); служение же царства, империи — носить «меч» государственной власти, используя его по назначению там и тогда, где и когда люди начинают жить явно не по заповедям, нарушая «добрые нравы» христианского общежития. В этих двух видах и формах **симфонического богослужения** — вся тайна и метафизика подлинной (то есть христианской) власти, освященной духом и буквой Писания, переданной нам бесчисленными поколениями спасаемых и ведущих ко спасению наших великих предков. Государь, восхищающий священное право Церкви — право душеводства ко спасению, — узурпатор и преступник перед Богом; но и Церковь, берущая в свои руки «меч» власти внешней, будь то военная сила, нажитое не без греха материальное богатство или пиар-технологии, совершает нечестие, ибо погрешает против высшей власти, — власти Духа, перед которой всякая земная «сила» — прах и тлен и всяческая суета.

Поэтому, когда мы читаем в начисто лишенных молитвенного духа пропагандистских «агитках» наших церковных модернистов, как мантра, повторяемое заклинание о «сильной Церкви», то не очень понятно, что, собственно, имеется в виду и зачем Церкви быть «сильной»? Ведь основа власти Церкви — «сила» Духа Святого, благодать Божия. Эта власть — превыше всего земного и, по природе своей, чужда какой-либо «силы». Для того чтобы обрести эту благодатную «силу» Духа, которая ведь не наша, но Божия, человеку потребно «всего лишь» приложить духовное же усилие, то есть «просто» открыть Богу свое сердце.

Когда Христос учил в Храме «как власть имеющий», никто ведь не принуждал иудейских старейшин

его слушать! Когда побиваемая и унижаемая Церковь победила в итоге языческий Рим, что было признано его последним апологетом («Ты победил, Галилеянин!»), и побудила всю доселе языческую империю служить себе — разве эта духовная победа была достигнута при помощи какой-либо внешней «силы»? Преподобный Сергий, отец древнерусского исихастского возрождения, великий святой, стоявший у истоков знаменитой колонизации Северо-Восточной Руси, один из тех, кто заложил основы древнерусского благочестия, — обладал ли он какой-либо «силой»? Ушедший от мира молитвенник и пустынножитель — был ли он отделен от мира людей? Что побуждало сильных мира сего, тогдашнюю «элиту», наравне с совсем простыми людьми притекать к нему и подолгу ждать мудрого и прозорливого слова этого смиренного чернеца, когда тому угодно было молиться или нести какое-нибудь послушание?

Это была **харизма святости, власть, данная от Бога** (Сам Христос говорит: «Дана Мне»), которая **бывает невыносима тем, кто такого подвига не прошел и потому им не дается**, власть, перед которой все внешнее — бессмысленно и беспомощно¹. Сердце, раскрытое для Бога и стяжавшее благодать Святого Духа, естьместилище такой власти, перед которой склоняется все; и именно оно, сердце преподобного и великого сонма наших святых, стяжавшее плоды подвига, было «в начале» возрождения, а все внешнее (и военная сила, и социально-государственное строительство, и великая культура) — все это, безусловно, важное и «необходимое», было все-таки вторичным и производным. Перед богоносным обликом любого настоящего старца пламенные слова о «сильной Церкви» звучат как чужеродные и полные мирского духа. Но даже и языческий мир прекрасно понимал простую и вполне очевидную разницу между силой и властью! В эсхилловской трагедии

Прометея ведут приковывать к скале два персонажа. Одного из них зовут Сила, другого — Власть.

Понимает ли все это нынешняя Церковь? Смеем думать, что да! Ибо и от нее слышим мы порой богодухновенное слово Истины. «Сегодня все наши мысли и сердечные переживания направлены на **поиск духовной пользы народа Божия, дабы всем нам пребывать твердыми и нерушимыми в вере и не отпадать от надежды Евангелия** (Кол. 1, 23)... Современность ставит перед нашей Церковью новые вызовы. Мы стали свидетелями **чрезвычайно высокого количественного роста (!) нашей паствы**. В последние годы значительно увеличилось количество приходов, монастырей, духовных школ и т.д. Но, к сожалению, **количество далеко не всегда равняется качеству**. И в новом тысячелетии наша Церковь прежде всего должна заботиться о **качественном духовном росте своих чад**. Именно сегодня, когда принадлежность к Церкви становится обыденным явлением, когда посещения храма уже никого не удивляют, мы должны **сберечь духовную сущность Святого Православия, наполнить внешние формы глубинным содержанием**. Наша паства сегодня нуждается в **духовных примерах**, которые были бы **истинными ориентирами**, ведущими к подлинному совершенству, вдохновляющими на **непрестанную работу над своим собственным сердцем**» (из обращения епископов УПЦ МП к митрополиту Владимиру (Сабодану)). Это освященный Традицией, подлинно церковный подход.

Между тем модернистский напор, явственно усиливавшийся весь последний год, но особенно — после смерти Святейшего Алексия, на деле игнорирует эту суть, эту духовную сердцевину Церкви. Построения наших церковных модернистов насквозь пронизаны вопиющими противоречиями. Все разговоры о «сильной Церкви», об «антикризисном менеджменте», якобы необходимом нашей Церкви на «современ-

ном этапе», полны вопиюще мирского духа и потому, в конечном счете, не выдерживают серьезной критики. Оправдываясь за «антикризисного менеджера», «мисионер всея Руси» протоиерей-профессор А.Кураев, получив достойную порцию критики, стал распространяться о том, что «в кризисе»-де не Церковь, а современный мир. А раз Церковь живет в мире, то... Ключевое слово здесь, однако, совсем другое, и на это не обратили внимания критики. Раз Церкви требуется «менеджер», стало быть, сама она (то есть церковная институция) мыслится по образу фирмы. Здесь сразу прослеживается явная ересь — **экклезиологическое несторианство**. Если Церковь — фирма, то, стало быть, церковная институция как бы отделяется в этом суждении от собственно Церкви, Церкви мистической, от Тела Христова, в котором действует сила Божия. Ибо ни в каком совете директоров благодать Божия непосредственно не проявляется, во всяком случае по православным понятиям. Это всего лишь бизнес. Здесь модернист сразу изобличает себя, сразу **демонстрирует, что Бог и сила Божия, то есть благодать**, всегда подаваемая открытому и любящему сердцу, — **лишнее в его построениях**. Далее, поскольку цель грамотного менеджмента — всегда успех (а наши церковные модернисты просто заикнулись на «совместимости христианства с богатством и успехом»), ясное дело, что фирма «Патриархия и К°» должна быть непременно успешной. Если фирма неуспешная, значит, менеджер плохой, а наш менеджер определенно хороший. Однако, по элементарным (и общеизвестным) законам рынка, **успешная фирма — значит ликвидная**. Любой экономист знает, что если вы не можете успешно ликвидировать свое предприятие, то есть выгодно продать его, то оно, значит, никакое не успешное. Ведь цель бизнеса — прибыль, а какая же у вас может быть прибыль, если ваши акции никому не нужны? **Ликвид-**

ность — главный признак успешности. Это азы экономики. Так кому и за сколько эти люди хотят продать нашу Церковь?

Эти и другие вопиющие противоречия модернистов сейчас уже стали предметом пристального внимания аналитиков. «В контексте социализации, — пишет православный публицист, — важнейшим начинает считаться место, которое православие занимает в обществе. Боязнь "гетто" — отъединения от процессов, происходящих в современном социуме и понимаемых как актуальные, довлеет над церковным сообществом. Этим в значительной степени обуславливается **переоценка церковных процессов и ценностей, как периферийных и архаично устроенных.** С возникновением концепции социализации, с ее развитием и продвижением связывается **секуляризация православной церковной общины и рост реформистских настроений в 2000-е**».

Для модернистов, забирающих все больше власти в нашей Церкви, характерно стремление вписаться в уже существующий мейнстрим, а не сформировать свой; в отличие от древних христиан, **они стремятся «встроиться» в так называемый современный мир, а не произвести духовную революцию в нем, кардинально изменив его строй и его лицо².** За всеми оптимистично-энергичными разговорами о «миссии» кроется **отказ от собственного, альтернативного окружающей нас социальной скверне глобального миропроекта.** «Сильная Церковь» хочет стать частью «современного мира», мира умирающего модерна и постмодернистского разложения, как-то вписаться в него, чтобы иметь возможность потихоньку влиять изнутри, в том числе и при помощи безбожных и апостасийных технологий самого этого мира, а не предложить свою глобальную **модель мироустройства,** основанную на принципиально, качественно иных идеалах и ценностях, **качественно иной метафизике.**

«Модернизаторам на основе традиции» видится выбор лишь из двух возможностей: либо старая, замше-лая, верная традициям Церковь отвоевывает в так на-зываемом современном мире свой маленький, особен-ный, «независимый» мирок («гетто»), либо она стано-вится достаточно органичной частью этого мира, говоря о Христе, о вере на **понятном ему языке**. Для этих лю-дей принципиально не стоит вопрос, бывший неотдели-мым от жизни древней Церкви, — вопрос о том, чтобы властно **навязать «миру» свой язык**, чтобы **стать ядром христианской альтернативы, христианского альтерна-тивного миропроекта**, дать новый толчок тому процес-су, который стремятся начать лучшие люди Запада, — религиозному возрождению. Постпросветительская ме-тафизика, давно изменившая христианский духовный выбор на прямо противоположный, обветшавшая система ценностей умирающего модерна все еще слишком до-влеет над этими людьми, даже тогда, когда они с боль-шей или меньшей степенью и с тем или иным каче-ством искренности с этим миром ожесточенно борются.

В нынешнем «православном» модернизме, беспомощно повторяющем зады западной мысли и практики 60–70-х годов XX века, давно уже приведшей западное христианство к практически полному вырождению, из-начально отсутствует понимание того, что **внутри само-го христианства, в его духовной, метафизической глу-бине существует альтернатива** апостасийной скверне «современного мира», **в свое время не использованная в истории**. Церковные модернисты в лучшем случае уповают на возможность немного подправить, подро-монтировать «современный мир» при помощи сильно адаптированного христианства, но крайне далеки от на-дежды возродить исконно христианское, вдохновленное Богом понимание истории как богочеловеческого твор-чества. «Домостроительство нашего спасения» в луч-шем случае остается для них отвлеченной богослов-

ской истиной, преподаваемой в семинариях и сдаваемой на экзаменах, но не основой жизненной практики. Внутренне, тщательно скрывая это и компенсируя «пассионарным» напором, они, по сути, давно уже **отреклись от власти, данной Христом, и потому столь уповают на «силу».**

Мировоззрение модернистов, столь часто излагаемое в жанре «ораторского богословия», представляет собой поистине целую **систему противоречий**, подтверждая сокровенную суть церковного модернизма и либерализма как «ереси всех ересей». Так, постулат о максимально широкой и действенной влиятельности в этом мире чаемой «сильной Церкви» парадоксально сочетается у них с постоянно декларируемым тезисом о «многополярности», где Церковь и, по идее, порождаемый ею уклад мыслится вполне в духе постмодернистского «плюрализма» — лишь как **один из равноправных участников** общемирового «диалога культур». Таким образом, непрестанные, повторяемые как обязательная ритуальная мантра разговоры о «миссии» (ради которой нас убеждают пожертвовать слишком многим в нашей православной традиции) в действительности изначально предполагают, что максимальная «открытость» («миссионерская установка»), упор на количество, а не на качество обращаемых, в конечном счете, тем не менее, отнюдь не приведет к тому, что Церковь станет, как в Средние века, мировым цивилизационным лидером; иначе — какая же «многополярность» и, стало быть, равноправие «полюсов»?

Что бы ни говорилось модернистами о «нашей победе», вся логика их подхода основана на том, что **апостасия мыслится ими, в конечном счете, как неостановимый процесс**; поэтому «миссия» в их исполнении и заключается, как мы сказали, во встраивании в апостасийный мир, а не в радикальной борьбе с ним; таким образом, модернисты, хотят они того или нет, призна-

ются они самим себе в этом или нет, реализуют фундаментальнейший историософский принцип — **отождествляют апостасию и историю**. Filioque и уния, Великая схизма 1054 года и восстание гуманизма; **замена Богочеловечества и его духовного аналога — обожения — антропоцентризмом**, ренессансная «эмансипация человека от Бога» и Реформация; революция и погром Церкви, падение монархии и российский большевизм — были, значит, предопределены? А как же свобода и ответственность? Разве апостасийные процессы, какие бы ни действовали в них закономерности, **изначально** порождены не злой человеческой волей? Разве Бог ответствен за наше отпадение от Него? А раз свобода существует и никакой предопределенности в том, что христианская цивилизация вступила на путь апостасии, нет, значит, **в принципе** всегда есть возможность для покаяния и смены пути погибели на путь спасения — и не только для отдельного человека, но и **для всего народа**. Но это возможно лишь в том случае, если народ видит для себя в истории и жизни не заслоняемую ничем **высшую духовную перспективу**. У модернистов, к сожалению, не возникает совершенно естественной мысли о возможной **вариативности истории** (иначе ведь придется признать в истории **одну лишь** сплошную закономерность и полное отсутствие фактора свободы), о том, что закономерность развития, порождаемая ложным метафизическим выбором, **отнюдь не абсолютна**, поскольку самый выбор может быть изменен волевым усилием народа Божия, и «прогресс» современного человечества в сторону апостасии и погибели может смениться движением ко спасению, пусть это и не принесет народу чисто земного, материального процветания. В своих последних основах это, в сущности, **очень пессимистический** взгляд.

В то же время агитационно-пропагандистские тексты модернистов полны совершенно неоправданного

социального оптимизма; вопреки слову Христа, они верят (или делают вид, что верят), будто возможно «проповедать Евангелие всей твари» — и преуспеть, всех сделать христианами. Однако в силу того, что **мера христианства**, предлагаемая ими миру, сильно занижена, эта утопия выглядит как очень опасная и реально достижимая; вопрос только в том, насколько велика общность между этой чаемой модернистами «христианизацией» мира и реальным историческим христианством.

Пресловутая «закваска», которую христианский модернизм настойчиво предлагает миру, на поверку оказывается всего лишь сахарным сиропом или сладкой пилюлей, которой представители этого столь бурного и шумного течения пытаются подсластить апостасийный яд «современности». Все равно ведь умрем, так хоть сладко будет... Недаром один из них сравнительно недавно так яростно защищал эвтаназию. Это мировоззрение и мироощущение, ощущение истории, мира и себя в истории и мире — более чем далеко от духовной трезвости. В конечном счете, у модернистов нет серьезного, подлинного **чувства истории**, всей ее трагической метафизической глубины, трагичности самого факта нашего бытия; у них нет непосредственного, живого ощущения неизбежной **конечности этого мира**, а значит, и подлинной любви ко Христу и жажды соединения с Ним в «жизни будущего века». Все это побуждает нас задать себе и другим очень простой и очень страшный вопрос: **а верят ли они в Бога?**

Идеология «православного прорыва» парадоксальным, как и все в модернизме, образом сочетается здесь с «железным» постулатом, который самими носителями и реализаторами этой идеологии воспринимается, видимо, как абсолютно неопровержимый: мир, а стало быть, и Россия и Православная Церковь, «вступают в эпоху глобализации». Куда же тогда они намерены «прорываться», если апостасийная глобализация неотменима?

Что-то до боли знакомое чудится в этих маршальских планах... Не давняя ли идея, еще несколько лет назад озвученная известным политтехнологом **Александром Игнатовым**, о том, что нам (то есть России, российской «элите») хорошо бы внедриться в мировое правительство, чтобы разрулить все мировые процессы в свою пользу?

Последнее и самое главное противоречие православного модернизма, трагикомический парадокс, в котором, как в фокусе, сходятся все внутренние противоречия этого движения, очень просто и лежит на поверхности. Когда модернисты говорят о том, что наше «вступление в глобализацию» неизбежно и нужно-де учиться действовать в этих новых условиях, они словно не замечают очевидного. **Глобализм, как специфический, постмодернистский ответ на кризис секулярного модерна**, в наши дни не просто сам испытывает серьезные трудности — он буквально **рушится на наших глазах!** Все больше стран и народов, которые вполне успешно используют современные технологии (не полит-, а просто технологии), то есть периферийные достижения модерна, решительно восстают против **первого главного принципа глобализма — объединения мира на основе неолиберальных стандартов**, на основе воинствующего безбожия, и мусульмане показывают в этом всем остальным достойный пример. Но главное заключается в том, что трещит по швам и рассыпается в прах **второй главный принцип и инструмент глобализма — единый «свободный» рынок** с его всеобщей куплей-продажей, жизнью в кредит на основе единой банковской системы и экономической прозрачностью национальных границ. Рушатся титаны финансовой империи глобализма, всеобщее доверие к главным финансовым инструментам глобального рынка, прежде всего к институту кредита, подорвано, кажется, навсегда. По всему миру, в самых экономически развитых странах происходит фактиче-

ски тотальная национализация крупнейших компаний. Финансово-экономический тупик, в который продолжают загонять мир замшелые старики с Уолл-стрит (составившие костяк экономического блока в администрации Обамы), если не произойдет всеобщего отказа от гедонизма и избыточного потребления, может быть разрешен только **третьей мировой войной**. А в такой войне применение ядерного оружия неизбежно! Все это известно всякому порядочному аналитику, и это ли не ярчайшее и, так сказать, окончательное свидетельство того, что столь комфортная, гедонистическая и столь безбожная «современность», наполняющая запоздалым восторгом души наших «либеральных христиан», подходит к порогу своего не только духовного, метафизического, но и просто уже **физического существования!**

Главная проблема этой современности — **исчерпание смысла**. Мир переживает настоящий **кризис проективности**, в основе которого — **кризис и умирание ее метафизических основ**. В этих условиях взоры лучших людей Запада (и не только Запада) обращены на Россию, которая всегда (особенно в узловые, поворотные моменты истории) вырабатывала **Большой Смысл**, предлагала миру нетривиальные пути и ответы. И что же? Светская российская «элита», элита государства и «бизнеса», за последние двадцать лет явила миру невиданный пример компрадорства и идеологического пораженчества. До сих пор новые «государственники» России, гордящиеся своей любовью к Родине и порой делающие в своей политике вполне правильные патриотические шаги, больны неисправимым западничеством, изначально подрезающим их государственно-патриотические крылья. Именно Церковь, следуя лучшим образцам своих святых, могла бы в сегодняшний судьбоносный момент стать подлинным лидером нации, подтолкнув государственных мужей в правильном направлении. Вместо этого от «говорящих голов» Церкви

мы слышим знаковые слова о «неизбежности глобализации», фактически — верноподданические заявления о своей **принципиальной верности чужому** и (если уж вспомнить о христианстве) — **метафизически абсолютно ложному миропроекту**. Не сатанисты из международных элитных кланов, упорно претендующие на мировую власть, декларируются здесь в качестве главных врагов. Но — **«слишком церковные» люди**, слишком ревностно стоящие за Святое Православие, самим своим существованием служащие живым укором модернистам и мешающие церковной модернизации, ускорению реформ.

На фоне поистине бешеной активности модернистов — чего же мы, верящие в Церковь и ее духовную власть, можем ожидать от нового Патриарха?

Прежде всего, разумеется, того, что он станет достойным продолжателем дела почившего Предстоятеля и не допустит в Церкви радикальных реформ, то есть, попросту говоря, — твердой и неподкупной верности Традиции. Мы ждем, что наш новый Предстоятель будет достойным и богоугодным молитвенником за всех верных чад Церкви, за многострадальную Русскую землю. Мы с упованием и твердой верой в Промысл ожидаем, что он будет мудрым управителем Церкви, охранителем ее устоев, догматов и канонов, ее богослужебного строя, этого «неба на земле», оставленного нам в наследство нашими предками, которое связывает нас с нашей славной историей и с вечностью.

Но осмелимся высказать дерзновенную мысль, что в нынешней непростой и, скажем откровенно, переломной ситуации всего этого будет все-таки мало. В этот судьбоносный для Родины и Церкви час не забудем, что в отсутствие монархии власть Патриарха — единственная, чья легитимность восходит не просто к воле народа, но непосредственно к воле Божией. Власть Церкви есть власть Самого Христа. Но как быть с тем, что

на протяжении многих столетий православная Церковь жила и несла людям Слово Божие, открывала им путь спасения через духовное делание и благодать таинств, будучи охраняема государственным мечом «удерживающего», живя и действуя в теле империи? Не только святые отцы и апостолы, но уже **Сам Христос** свидетельствует о том, что всякая подлинная власть — от Бога, даже если это власть языческого государя, не просветленного единой истинной верой. Пилат говорит Христу: *Мне ли не отвечаешь? Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?* (Ин. 19, 10). «Имею» — это чисто языческое понимание власти как самодовлеющей **силы** (власть по праву сильного во всем ее первобытном ужасе). Христос отвечает: *Ты не имел бы надо Мной никакой власти, если бы не было дано тебе свыше* (Ин. 19, 11). Не просто «имеешь», но «дано». Власть — не «сила», а то, что дано от Бога. Мало кто задумывается о том, что здесь Господь, идущий на Крест, свидетельствует о богоустановленности власти отнюдь пока еще не «воцерковленной» империи (власть прокуратора производна от власти императора), и только поэтому, не оправдываясь от иудейских наветов, смиренно отдает Самого Себя в ее руки! Таким образом, первым «миссионером», указавшим древнему «начальнику» на божественное (а отнюдь не самодовлеющее) происхождение его власти, был Сам Христос! Затем уже апостол Павел настойчиво требует суда у кесаря, чтобы перед лицом империи засвидетельствовать Благоую Весть о Христе. Гонимая и попираемая перед лицом языческого Рима, древняя Церковь не «встраивается», но, по образу Христа, говорит как «власть имеющая» и только потому побеждает, воцерковляет империю.

«Православного царства уже никогда не будет», — вещают модернисты, ничтоже сумняшеся забывая, что православное царство — есть. Корона православного

монарха не упала вместе с головой царя-мученика, но носима Самой Пречистой, что явлено в обретении иконы Божией Матери «Державная» сразу после отречения Николая Александровича. Эта корона, по вере православного народа, хранима Приснодевой для будущего государя возрожденной Святой Руси.

Клерикализм, идеология «сильной Церкви», есть путь в никуда, к историческому поражению Православия, ибо отречение от освященной многовековой традицией имперской парадигмы государственного строительства православной России неизбежно приведет к **вписыванию церковной институции в качестве второстепенного и беспомощного придатка в глобальную систему безбожной мировой власти. Монархизм**, чье бесспорное **духовное превосходство** над демократическими формами государственного устройства подтверждено и «Основами социальной концепции РПЦ», как **духовный ориентир и принцип**, не имеет **позитивной альтернативы**.

Поэтому мы ждем от нашего Патриарха, что, обращаясь к нынешним носителям государственной власти (каковы бы они ни были, про них, во всяком случае, нельзя сказать, что они стопроцентно плохи), он напомним им о том, что есть подлинная власть. Мы ждем, что наш Предстоятель, как духовный лидер нации, обратится и к внешнему миру с властным словом предостережения и вразумления. Перед лицом полного банкротства безбожного глобализма Россия под духовным водительством своего Патриарха призвана напомнить миру о христианской, православной альтернативе. Будет ли это напоминание услышано? Бог весть! Но в том, чтобы его высказать и принести миру **живое свидетельство** о единой истинной вере, и заключается подлинная **миссия** Предстоятеля нашей Церкви — Патриарха последних времен.

Примечания

¹ Конечно, вполне понятно различие между харизмой **личной святости** и «святостью», положенной **священству, так сказать, по должности**. Благодатность таинств для принимающих их людей не зависит от личного достоинства служащего архиерея или священника. **«Святость священства есть святость Церкви, а не личная святость»** (*Отец Сергей Булгаков*. Православие). Однако для нашего различения силы и власти данное различие не так уж существенно, поскольку в обоих случаях речь идет все же о действии благодати, а не о какой-то внешней «силе».

² Цель межрелигиозного диалога, заявляет высокий церковный чиновник, — усадить за стол переговоров тех, кто строит великую Америку, и тех, чей идеал — всемирный халифат. Ну а вы-то, претендующие на роль посредников, вы-то собираетесь строить великую Россию или до смерти боитесь, что кто-нибудь про вас так подумает?

*Во время отпевания блаженно почившего
Святейшего Патриарха Алексия II*

Модернистский соблазн*

«Наши новые миссионеры»
и философия постмодернизма

Предисловие

Сейчас, когда прошло уже заведомо больше неприкосновенных ста дней с момента избрания нового Патриарха, по всем правилам политической дипломатии вполне возможно подводить некоторые предварительные итоги. Что же на данный момент стало доминирующим фактором нового патриаршества? Анализировать кадровые перестановки — довольно скучное занятие, тем более что здесь все в основном понятно, да и сказано на эту тему уже достаточно. Наша сегодняшняя тема отнюдь не политическая, а скорее метафизическая, философско-культурологическая. Те процессы внутренней перестройки некоторых существенных сторон церковной жизни, которые начались еще при Патриархе Алексии (например, реформа конфессионального образования и др.), в общем, пока не приобрели какого-то принципиально нового качества, а вновь назначенные патриархийные «менеджеры» просто не имели времени

* Заключительная работа из цикла «Весна Патриарха».

сколь-либо существенным образом проявить себя. Вместе с тем в эти первые месяцы нового патриаршества все ощутили веяние какого-то действительно нового ветра. В чем же? Нам представляется, что в двух вещах. Во-первых, в совершенно особой, какой-то нарочитой технологичности, с которой был проведен Поместный собор, что уже отмечено некоторыми из коллег (не станем далее углубляться в эту опасную тему), а во-вторых, в мощнейшей информационной кампании, в совокупности представляющей собой как бы презентацию нового «проекта» РПЦ.

Проект этот предусматривает придание Православию и самой РПЦ совершенно нового качества, что касается как образа ее жизни и действия, так и, по нашему убеждению, внутренней сути. По замыслу носителей данного проекта, его, так сказать, коллективного субъекта, суть здесь заключается в **активном движении Церкви во внешний мир**, в резком увеличении числа ее членов, в качественном усилении влияния Церкви на самые разные стороны жизни как в России, так и во внешнем мире, что рядом публицистов обозначается как «миссионерская экспансия» или «агрессивное миссионерство». Принимая такую терминологию как данность, заметим сразу три вещи. Во-первых, крайне затруднительно понять природу какого-либо феномена, всего лишь безоговорочно принимая свойственный ему язык. Борьба за язык неотделима от борьбы за смысл. Поэтому с нашей стороны было бы крайне неосмотрительно поступать таким образом. Во-вторых, предлагаемое нами рассуждение носит принципиально аналитический и гипотетический характер, будучи предельно открыто к конструктивной критике. Это очевидным образом предполагает его абсолютную чуждость логике партийных «разборок» и персональных «наездов», на каковые, следуя принятому нами в последнее время обыкновению,

отвечать принципиально не будем¹. В-третьих, свою цель мы видим в анализе скорее объективной логики рассматриваемого проекта, нежели субъективных намерений тех или иных персон, с ним связанных. Поэтому еще раз подчеркнем: рассуждения суетливо-услужливых придворных публицистов в духе «ты за или против Патриарха?» — заведомо «из другой оперы», будучи принципиально чужды самому типу нашего дискурса (тем более что сам Патриарх в последнее время высказывает целый ряд идей, вполне созвучных нашим, к чему мы в этой книге еще обратимся).

Как строится проект?

Итак, совершенно очевидно, что перед нами не набор спонтанных действий и рассуждений, а именно **проект**, причем, поскольку речь идет о православной миссии в современном мире, проект не какой-нибудь, а **религиозный**. Декларируемые цели данного проекта на первый взгляд вполне очевидны: сделать Церковь качественно более влиятельной силой и привести в нее количественно больше людей. Однако здесь сразу же возникает целый ряд вопросов. Прежде всего: почему данный проект (по мнению его авторов и «исполнителей») оказался востребованным? Ответ (в логике самого же проекта) достаточно очевиден: во-первых, потому, что сама РПЦ действовала до сих пор не лучшим образом, а во-вторых, потому, что все христианство в целом в современном мире пребывает в несомненном кризисе.

Как бы то ни было, авторы рассматриваемого проекта, если верить им на слово (а у нас вроде бы нет формальных оснований поступать иначе) и доводить их логику до ее естественного завершения, вознамерились ни много ни мало как **изменить мегатренд самой истории**! Это уже интересно! И это тем более вынуждает

нас присмотреться к тому, как реализуются религиозные миропроект в истории.

Самым привычным (и необходимым в нашем случае) примером является, конечно, **древнее христианство**. Была ли его востребованность ответом на кризис древнего мира? Несомненно! Причем всем мало-мальски образованным людям хорошо известно, что в основе этого кризиса древнего мира лежала **глубокая исчерпанность его духовных основ**.

Но в основании любого религиозного проекта находится не просто необходимость дать ответ на кризис окружающего мира. Никакой религиозный проект невозможен без мощнейшего **духовного импульса**, и древнее христианство является здесь особенно ярким примером, поскольку породивший его духовный импульс был связан с событием сверхъестественным — то есть с Боговоплощением. Так бывает далеко не всегда. Например, европейский Ренессанс, Реформация или политический ислам — яркие, великие миропроект, также содержащие в себе мощный духовный импульс, однако в них не было и нет ничего сверхъестественного. В этом смысле христианство, конечно, уникально.

Под влиянием духовного импульса люди, воспринявшие данный миропроект как свой, формируют его **сакральное ядро**, в котором устанавливается **мистическая (метафизическая), сакральная связь с высшими силами**. Насколько реальна эта связь и что она представляет собой в действительности — отдельный вопрос. Для нас, как христиан, очевидно, что подлинное богообщение имеет место лишь в святой и спасительной апостольской и соборной Православной Церкви. Однако в данном случае важно, что носители любого религиозного (или даже квазирелигиозного!) проекта **всегда вдохновляются неким духовным началом**, пусть даже с нашей, христианской, точки зрения и ложным. Ложное — не значит иллюзорное! Готовность к жертве всегда бази-

руется на **реальной живой вере** в существование некоего высшего начала, по сравнению с которым сохранение земной физической жизни человека не осмысливается как самодовлеющее и самоценное. В этом — вся суть, зерно религиозного сознания, и именно этим религиозное сознание отличается от нерелигиозного. Даже атеизм, осмысляемый религиозно, как вера, несет в себе определенный запас неких духовных энергий, пусть даже темных и прямо сатанинских. Однако в нашем конкретном случае даже все эти оговорки не столь уж и важны, поскольку мы-то сейчас рассуждаем именно о христианском, православном религиозном проекте, в основе которого — всегда связь со Христом и со всей Троицей, духовное соединение с Богом по благодати, в реальности и истинности Которого для нас нет ни малейших сомнений.

Именно эта связь имманентного и трансцендентного является неисчерпаемым источником духовных, творческих сил для носителей проекта. Чем сильнее накалено сакральное ядро, чем в большей степени приверженцы проекта обладают **живым чувством своей инаковости по отношению к внешнему миру**, тем сильнее бывает последующая **религиозная экспансия, выплеск религиозной энергии во внешний мир**. Это опять-таки особенно ярко видно на примере древнего христианства. **Сначала были катакомбы и мученики, «свидетели», отдавшие жизнь за Христа (и в немалом числе!) затем — христианство завоевало империю, но никак не наоборот!** Более того. Как только христианство приближается к религиозному доминированию в повседневной жизни империи, христианский сакралитет (будучи духовной основой этой внешней экспансии) начинает как бы искать себе нового места, locus'a, и возникает новое, добровольное «мученичество», иными словами — **монашеское движение**, последовательно стремящееся к новому отделению от этого мира, где христианство,

казалось бы, побеждает! Наряду с этим начинается христианизация, оцерковление культурных форм, доставшихся в наследство от *ancient world*, их постепенная творческая трансформация, и Церковь приходит во все сферы жизни «большого» мира.

Итак, для **здорового мышления** вполне очевидно: **экспансия религии вовне невозможна без духовного импульса и накалированного сакралитета, и именно последний, вливаясь в традиционные формы культуры, развивающиеся на основе культурной преемственности, лежит в основе их творческой трансформации.** Нет духовного импульса и накалированного сакралитета — и «традиционная» культура все более омертвляется, обесмысливается, становится мертвой шелухой, до тех пор пока ее вновь не возгреет религиозный огонь, огонь веры и Откровения. Когда трансцендентное закрыто и остыло сакральное ядро — проект невозможен, и невозможно вновь возжечь религиозный пламень без жертвы и подвига.

Культурные типы и религия

Сказанное выше и имеющиеся у нас (надеемся, что и у читателя) культурологические познания неминуемо означают, что в реализации религиозного проекта важнейшую роль играет определенного рода связь, соотношение его сакрального ядра и окружающих его (а также формируемых им, ибо ядро неизбежно оказывает влияние на периферию) **форм культуры**. Эта связь никак не может быть произвольной². Когда «наши новые миссионеры», некоторые из которых еще всерьез считают себя философами и культурологами, говорят о «безразличии» Православия к тем или иным культурным типам и *vice versa*, невольно испытываешь сильное недоумение. Неужели эти люди не читали ни Шпенглера, ни Данилевского, ни К.Леонтьева,

ни, наконец, Лосева? То, что Слово Божие (а стало быть, и наша потенциальная «миссия») открыто для всех и обращено ко всем, — это один вопрос. Но из этого же никак не следует, что связь между религией и порождаемыми ею социокультурными, политическими, экономическими феноменами, философией и т.д. является абсолютно произвольной, что здесь не действуют никакие, причем достаточно строгие, законы и закономерности! Так, например, иудаизированный вариант протестантизма, породивший пуританскую этику и индивидуалистическую культуру капиталистического хозяйствования, никак не мог бы породить Домостроя и крестьянской общины, а, скажем, духовная аскетика Добротолюбия ни в коем случае, ни при каких условиях не заставит нас отстраивать социум по принципам шариата. Точно так же и в искусствах (то есть в культуре в узком смысле). Иконопись Рублева и Дионисия и знаменный распев никоим образом не могли бы быть порождением утонченной чувственности позднекатолической мистики, а исихастское «умное делание» ни при каких условиях не могло бы иметь своим культурным продуктом живопись титанов европейского Ренессанса или музыку эпохи барокко и классицизма. Существуют определенные, вполне непреложные **законы движения традиции в истории**, и игнорировать их, обращаться с традицией на основании собственного произвола — значит обрекать себя на историческую слепоту и заведомое историческое поражение.

«Миссия без берегов» и постмодерн

Ключевой постулат разбираемого проекта гласит, что **миссионерствовать следует в культурных формах современного мира**, дабы быть понятым этим миром и успешным в нем в качестве миссионеров. Это, казалось бы, простое и очевидное положение таит в себе

массу подводных камней, и в них-то все дело! Однако прежде чем обратиться к этому главному для нас на сегодня клубку проблем, констатируем другую, не менее известную православной общественности «миссионерскую» установку носителей проекта, от которой они, надеемся, не станут вдруг отречься. Факт состоит в том, что описанный выше, известный в истории классический путь реализации, развертывания религиозного проекта в данном случае отнюдь не востребован! **«Наши новые миссионеры» хотят как можно меньше отличаться от внешнего мира** (то есть от объекта своей миссии), мимикрируя под него. С одной стороны, и основные синодальные документы, и выступления Патриарха Кирилла содержат вполне справедливые и достаточно жесткие обвинения исчерпавшего себя постпросвещенческого либерализма с его безбожием, безнравственностью, попранием ценностей и т.д., с другой же стороны, **в самой Церкви**, то есть в сердцевине, в сакральном ядре проекта **запускается модернизация**, не замечать которую может только ленивый или уж совсем заангажированный человек. На эту тему за последние годы написано более чем достаточно³. Таким образом, налицо характернейший парадокс: **носители данного проекта собираются во внешнем мире, подлежащем оцерковлению и новой христианизации, бороться с тем, что является последствием, продуктом тех процессов, которые они сами запускают в Церкви, то есть в ядре своего проекта!** Вместо возгревания сакрали-тета, без чего невозможна религиозная «экспансия», выплеск религиозной энергии вовне, сакральное ядро (и так остывающее!) предполагается еще больше остудить, чтобы, не дай Бог, ненароком не обжечь «внешних», чтобы лучше «соответствовать» им, быть «доступнее и понятнее»! И это религиозный проект? На наш взгляд, этот лежащий на поверхности парадокс содержит **антагонизм, взрывающий данный проект изнутри.**

(Если, конечно, верить, что речь всерьез идет именно о «миссии», о проповеди христианских ценностей.)

Обратимся теперь к нашей главной проблеме. Итак, «миссия в культурных формах современного мира». Если так (а тезис кажется таким очевидным!), то, по элементарным законам научного рассуждения, следует вначале разобраться с исходными понятиями. Ибо говорить о христианской миссии (для христиан вообще-то привычнее говорить о проповеди Слова Божия, апостольстве или благовестничестве) в современном мире и при этом не анализировать, не пытаться понять, каково же реальное состояние этого самого мира, — верх абсурда и безответственности.

Итак, что же представляет собой сегодня так называемый современный мир и его «культурные формы»? И тут мы сразу наталкиваемся на серьезнейший **методологический риф, препятствие внешнее**, которое, наряду с выявленным выше **внутренним противоречием** разбираемого проекта, грозит просто на корню подорвать и уничтожить весь проект. Ибо общим местом именно современной философско-исторической, социокультурной и политической мысли, особенно западной, стало признание того, что этот самый «современный мир» (то есть **классический модерн в его секулярном изводе**, порожденный эпохой Просвещения), в сущности говоря, **закончился** и трансформировался в нечто **качественно иное, новое** (хотя, как это всегда и бывает в истории, связанное с предшествующей эпохой некой преемственной связью), то есть — в **постмодерн**. А в нем, в постмодерне, классическую культуру с ее «формами» и содержанием ожидают, говоря мягко, весьма существенные трансформации. Итак, еще один парадокс в нашу коллекцию: **церковные «модернисты»**, заявляющие о своем намерении модернизировать Церковь, дабы быть лучше понятыми так называемым современным миром, **оказываются как раз архаистами**,

ибо апеллируют к тому историческому феномену, которого, по сути, уже нет, который сошел или стремительно сходит с исторической арены, а по факту своей деятельности, для того чтобы воплотить свой тезис и выдержать свою логику до конца, стоят перед жестким императивом, повелевающим им самим стать постмодернистами! Как можно говорить о «культурных формах современного мира», да еще собираться в них, в этих формах, миссионерствовать — и при этом не ставить проблему постмодерна, — известно, наверно, только самим представителям разбираемого проекта, самим «новым миссионерам»⁴. И это при том, что для всех очевидно: речь вовсе не идет о каком-то отвлеченном теоретическом споре, ибо свое намерение авторы и реализаторы проекта весьма активно стремятся воплотить в жизнь.

Таким образом, ключевое положение «наших новых миссионеров» — «миссия в культурных формах современного мира» — по факту означает, как ни крути, христианскую миссию в «формах» постмодерна. А это уже очень ответственный методологический постулат.

Для начала следует понять, как именно соотносится постмодерн, доминирующий в так называемом современном мире, мире разложившегося модерна (а ведь именно об этом последнем, а не о каких-то **традиционных культурах** прежде всего ставится вопрос), и культура вообще с ее конкретными «формами». Прямой и непосредственный ключ к пониманию этой проблемы дает нам сама **философия постмодернизма**.

«Ситуация постмодерна» и деконструкция культуры

*Краткий очерк философии постмодернизма*⁵

Оговоримся сразу, что для нас различие между двумя близкими терминами очень просто: **постмодер-**

низм есть теория постмодерна. Философы постмодернизма (Р.Барт, Лакан, Батай, Бодрийяр, Ж.Делез, Ж.Деррида, Гваттари, Кристева, Лиотар, Мерло Понти, Фуко и многие другие — приводим лишь самые известные имена), рефлексировав над реальностью «постсовременности», во-первых, указывают на тенденции ее развития (как они их понимают) и, во-вторых, вполне прямо и откровенно рассказывают о том, что они с этой реальностью хотели бы сделать. Считать все это каким-то занудством и оторванным от жизни умствованием могут только очень недалекие люди. Достаточно упомянуть, что **Ж. Деррида** и другие светила постмодернизма читали лекции для **актива «Солидарности»** на полуподпольных семинарах в **польской Праге** под Варшавой незадолго до начала гданьских событий. Курс лекций Дерриды с большим интересом прослушали некоторые **российские политики в 1990 году**, то есть примерно за год до августовских событий 1991 года, связанных с крушением СССР. И т.д. и т.п.

Как говорит **З. Бауман**, *«постмодернизм — эпоха не столько в развитии социальной **реальности**, сколько **сознания**»*. По словам же **В. Вельша**, *«постмодерн понимается как **состояние** радикальной плюральности, а постмодернизм — как его **концепция**»*.

Два главных, так сказать, метафизических врага постмодерна — традиционная **классическая культура** как таковая со всеми ее «формами» (а также содержанием) и **история**. Рефлексировав над «современной культурой», постмодернисты, во-первых, подчеркивают (и это глубоко верно!), что термин «постмодернизм» «следует употреблять не как историко-литературное или теоретико-архитектурное, а как всемирно-историческое понятие» (Г. Кюнг). **Постмодернистские черты**, говорят они, **свойственны всем сторонам современной жизни, а не только узко понятой «культуре» как совокупности изящных искусств**. Во-вторых, они осмысля-

ют «современность» как «постсовременность», то есть как **«процессуальность»**, которая разворачивается как **«бы после времени»** – в ситуации «свершенности» и «завершенности» истории. По мысли **Кожева**, *«как бы то ни было, история закончена»*. Постмодернистская концепция «постистории» основана на радикальном отказе философии от **линейного понимания времени** (своей культуры классического модерна, причем отнюдь не только в сугубо секулярную эпоху), а также от **принципиального для всей классической традиции понимания истории как закономерной (детерминированной) непрерывности**. Наиболее выразительно данная установка фиксируется **Х.Арендт**: *«Нить традиции оборвана, и мы не будем в состоянии восстановить ее. Что утрачено, так это непрерывность прошлого. То, с чем мы оставлены, все то же прошлое, но прошлое уже фрагментированное»*. Именно отсюда, из этой принципиальной постмодернистской установки, и вытекает, на наш взгляд, оценка таких явлений, как «творчество» пресловутого академика Фоменко не просто как «прикола» или ошибочной научной теории, а как прямого и, так сказать, естественного продукта постмодерна. Ибо, согласно постмодернизму, **в истории нет и не может быть никакой логики, никакого осмысленного движения**.

Этот базисный постулат постмодернизма, который на общепонятном языке звучит примерно как «история кончилась, но процесс продолжается», определяет прежде всего понимание постмодернизмом проблемы, основной для любой традиционной, классической культуры, — **проблемы творчества**. Согласно постмодернизму, любой продукт творчества может быть интерпретирован как **конструкция цитат**, что является фактически отрицанием самого феномена творчества как такового⁶. **В постмодернизме принципиально невозможно никакое сотворение чего-либо нового; всякое**

«новое» здесь есть лишь коллаж из старого, а творчество — всего лишь перелистывание книги истории, мыслимое бесконечным. Итак, постмодерн (и постмодернизм) по сути своей отнюдь не представляет собой ничего принципиально, творчески нового; ибо **не несет в себе творческого создающего духа**; он, напротив, есть **самый страшный враг нового**. (Ниже мы рассмотрим данный тезис подробнее, со ссылками на конкретные тексты философов постмодернизма.) Поэтому настойчиво отмечаемые рядом исследователей (например, **С.Е. Кургиняном**) игры постмодернизма с архаикой, с архаическими формами культуры глубоко не случайны. Еще один отец-основатель постмодернизма — **Ж. Лиотар** прямо говорит, что **«постмодерн означает не новизну, а обязательный плюрализм. Он живет не отрицанием всего предшествующего, но одновременностью неодновременного»**.

Крайне важно, что ряд философов, занимающих умеренно-критическую позицию по отношению к постмодернизму, в частности **Ю. Хабермас**, воспринимают данную особенность постмодернизма не просто как вывод из наличной действительности, а скорее как **сознательный отказ от нереализованных интенций модерна**. По определению же Ж. Лиотара (являющемуся для него, в сущности, базовым), постмодернистская философия представляет собой не что иное, как **войну целому**.

Постмодернизм, как уже не раз указывалось, с его принципиальным, возведенным в своего рода абсолют плюрализмом, последовательно отрицает какую-либо иерархию, в том числе и ценностную, считая ее репрессивной по отношению к человеку. Тем более он отрицает и абсолют, абсолютные ценности. Также репрессивным, подавляющим свободу классики постмодернизма, в частности **Ж. Деррида**, считают **логоцентризм классической культуры, ее ориентацию на смысл, саму установку на возможность и поиск истины** — то есть имен-

но те черты, которые свойственны как христианской традиции в целом, так и поздней европейской классике. Вся философия Дерриды (как и постмодернизм в целом) в конечном счете есть **набор технологий по изживанию, уничтожению смысла, обесмысливанию бытия**. Это вполне понятно, поскольку объективное присутствие смысла в наличных формах классической культуры слишком очевидно, чтобы быть оспариваемым.

Итак, если попытаться определить суть постмодернистской философии двумя словами, то нужно будет сказать, что это есть **философия плюральности**, основанная на идее **множества, принципиально несводимого ни к чему единому**. В этом постмодернизм решительно противостоит всей классике — как древней, дохристианской, так и в особенности христианской, а также классике европейского модерна, где идея абсолюта — единого начала, так или иначе организующего мир, все еще сохранялась. **В постмодернистской философии принципиально нет и не может быть никакого «единого»** — ни пантеистического «начала всего», субстанциально тождественного миру, ни трансцендентного и абсолютно иноприродного миру Бога Творца, ни даже «материи», как тоже своего рода абсолютной философской категории, к которой возводит все многообразие мира философия «диалектического материализма». *«Один из центральных моментов концепции Ж. Дерриды — критика самого понятия центра, или первоначала, субстанции, сущности, как некоего организующего начала классической "логоцентрической" философии»* (В. Лебедько).

Отсутствие абсолюта в постмодернистской философии, с одной стороны, отражает исчерпанность жизненных и творческих сил «постсовременности», с другой же стороны, есть главный фактор, лежащий в основе этой исчерпанности. Как указывает современный исследователь, другой «классик» постмодернизма —

Ж. Бодрийяр с присущей этим философам безыскусной «образностью» характеризует «постисторическую» ситуацию вечно длящейся «остановки времени», обесмысленного мира «абсолютного» и антиерархического плюрализма как **«состояние после оргии»**. **Нет индивидуальных желаний и потребностей, есть лишь машина производства желаний**, заставляющая наслаждаться, эксплуатировать наши центры наслаждения. Оргия закончена, все уже сбылось, все силы — освобождены, утопии — реализованы, теперь остается лишь лицедействовать и симулировать оргиастические судороги, бесконечно воспроизводить идеалы, ценности, фантазмы, делая вид, что этого еще не было... **ИДЕИ И ЦЕННОСТИ... УТРАЧИВАЮТ СВОЙ СМЫСЛ, НО ИХ ВОСПРОИЗВОДСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ И СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ СОВЕРШЕННЫМ**. Они (обесмысленные «ценности») расползаются по миру, как метастазы опухоли, и проникают всюду, просачиваясь друг в друга... Все присутствует везде, а значит, нигде. Разные сферы деятельности и символической самореализации человека неотличимы друг от друга. **Ценности более невозможно идентифицировать**. Все подверглось радикальному извращению и погрузилось в ад воспроизводства, ад того же самого. Другой — как принцип различения стал знаком товара на рынке, ресурсом, который уже исчерпан. На месте Другого, по мысли Бодрийяра, возведен Тот же самый, то есть объект — главный участник оргии, которого мы старательно маскируем под Другого. По Бодрийяру, все наше общество... с присущими ему... интерактивными излияниями, иллюзиями обмена и контакта нацелено на то, чтобы нейтрализовать отличия, разрушить Другого как естественное явление. (Все эти интерактивные иллюзии подлинного, личностного, общения, на наш взгляд, нагляднейшим образом воплощены в блоговой болтовне, по большей части абсолютно бессодержательной и бессмысленной.)

Таким образом, постмодернистское общество (и постмодернистская философия, как теория этого общества) фактически демонтирует самое главное и самое великое завоевание христианства — личность, а там, где нет личности, нет и главного качества, отличающего ее от обезличенного «индивида», — свободы. Это прямой путь к **радикальной архаизации всей жизни, путь в дохристианское общество, лишенное языческой молодости и наивности**. По нашему простецкому мнению, если подойти к проблеме с позиций метафизических и религиозных, это есть не что иное, как **демонизация, обесовление бытия**. Не случайно сам Бодрийяр говорит здесь об аде!

Итак, **множественность, лишенная (и принципиально лишаемая) в постмодернизме скрепляющего ее единого смыслового центра («логоса»)** оказывается на **поверку иллюзорной** (что понимают и сами постмодернисты); вместо иерархически организованной, подчиненной высшему смыслу целостности мы имеем здесь набор **симулякров**, объединяемых по принципу **ризомы**.

Ризома (корневище, розетка, противопоставляемая дереву) в постмодернизме — крайне важное понятие, означающее **саморазмножающийся пучок значений, лишенный единого смыслового центра**. По хрестоматийному выражению **Делеза и Гваттари**, *«мир потерял свой стержень»*. Ср. не менее известное высказывание **Лиотара**: *«Зеркало культуры разбито и валяется у ног человечества»*. Осколки зеркала отражают мир. Угол отражения у каждого свой. Прежней иерархии уровней культуры, знаний и ценностей не существует. Каждый может находить себя и в высоком, элитном, и в низком, массовом, не делая никакого принципиального различия между ними.

Если дерево, символизирующее традиционную, «логоцентрическую» философию и систему ценностей, имеет некую иерархическую организацию (у него есть

ствол, ветви, корни), в силу чего оно уничтожимо через перерубание ствола (уничтожение центрального, стержневого смысла культуры), то ризома принципиально антииерархична: у нее нет верха и низа. Делез и Гваттари сравнивают ризому с клубнем или луковицей, по своей организации противоположной стержневому типу корня. *«Самого по себе языка, его универсальности не существует, — говорят они, — мы видим лишь состояние диалектов, говоров, жаргонов, специальных языков, словно крысы извиваются одна поверх другой».*

Э. Ионеско в своем программном тексте **«Трагедия языка»** говорит о постмодернистской революции в культуре как о *«страшной и удивительной»* трансформации ранее простого и ясного текста, когда *«знакомые и ясные предложения» «испортились, исказились»* так, *«чтобы уже в следующее мгновение исказиться вновь».*

Ризома, в отличие от структуры, не боится разрыва, но, напротив, конституируется в нем, как в перманентном изменении своей конфигурации и, следовательно, семантики. Ризома может быть интерпретирована как принципиально открытая среда... У нее в принципе **нет и не может быть ни начала, ни конца, только середина**, из которой она растет и выходит за ее пределы. Точно так же **к ризоме неприменимо четкое различие внешнего и внутреннего**. В любой момент времени любая линия ризомы может быть связана принципиально непредсказуемым образом со всякой другой, образуя каждый раз новый рисунок. В постмодернистской философии ризома есть принципиально новая семиотическая модель культуры, воплощенная, в частности, **в образе библиотеки-лабиринта в «Имени Розы» Умберто Эко**. Ризома конечна, но безгранична. Она не начинается и не завершается. Она состоит «не из единства, а из измерений, точнее, из движущихся линий». Иными словами, **если структуре соответствует образ мира**

как космоса, то ризоме — как хаосмоса, — еще одна важнейшая категория постмодернизма.

Хаосмос — «внутреннее тождество мира и хаоса. Это, образно говоря, сверхтяжелая точка, где все явления равноправны, возможности равнобезразличны, все равнослучайно, как и их смысловая иерархия и субординация». «Мы имеем дело **не с миром в целом, и даже не с истинными объективностями, но с его различиями, скрывающими объективности, каждой из которых свойственна множественность**, которая проистекает из множественности поставленных идей и задач».

В постмодернистской текстологии, как уже отчасти указывалось выше, «идеалы оригинального авторского произведения сменяются идеалом конструкции как потока явных и скрытых цитат, каждая из которых может вступить с любой другой в отношения диалога или пародии, формируя внутри текста новые квазитексты и новые квазичитаты».

Наряду с войной с «логоцентризмом», то есть с культурой, основанной на смысле, постмодернизм ведет также непримиримую войну с другим базовым принципом этой культуры, то есть с **подлинностью**, со всем первичным и оригинальным. **Культуре образца (оригинала) — копии противопоставляется царство симулякров.** По Делёзу, **симулякр — это то, что не имеет никаких оснований в мире реальности, это копия никогда не существовавшего оригинала.** В современном мире господствуют не образцы и копии, а симулякры, видимости. Согласно Бодрийяру, **симулякр — это универсальная имитация познания и бытия, всеобщая «кажимость», за которой хаос и бессмыслица пустоты.** (Иными словами, симулякр есть то, что своим иллюзорным «наличием» как бы маскирует отсутствие смысла, онтологической укорененности «постсовременной» жизни.) Он есть высший символ той нигилистической и механистической мифологии, которую поро-

дила европейская культура в XVII–XVIII веках. По словам Бодрийяра, постмодернистская эпоха характеризуется **тотальной симуляцией практически во всех областях человеческого бытия**. Серьезнейшим постулатом постмодернистской философии, своеобразным рефреном, повторяемым в ее многочисленных текстах, является утверждение, что **культура утратила свой творческий характер. Она перестала создавать новые ценности и опустилась до уровня эклектического (то есть, по сути, деструктивного) воспроизведения уже существующего**. Именно в этом, по утверждению современного исследователя, и проявилась симулятивистская природа постмодернистского ума, который только делает вид, что познает «бесконечно многообразную» «ризоматическую» действительность, но на самом деле **играет сам с собой. Эта бесконечная игра основана на принципиальной виртуализации и плюрализации истины**, которая, по словам Ж. Дерриды, есть не что иное, как **«возможность-не-истины», представленная в симулякрах**. Погруженный в мир симулякров человек уже не переживает ни Бога, ни собственной самоотождествленности.

Вся эта философия в конечном счете есть прямой путь к **деонтологизации самого бытия, меонизации его** (от древнегреч. *меон* — небытие, не-сущее), превращению в ничто.

Итак, постмодерн, как мы уже постулировали выше, — самый страшный и последовательный враг нового, ибо настоящее, подлинное новое — это всегда со-творенное или творчески открытое новое, а не **искусственно сконструированное из обломков** разных традиционных культурных **«форм», оторванных от своего содержания, лишенных живительной связи с тем духовным импульсом, тем источником творческих духовных энергий, под влиянием которого эти «формы» возникли в реальной истории**. Постмодернистское

конструирование, основанное на таком отрыве, является принципиальной противоположностью подлинного творчества, будучи основанным на уничтожении смысла (и большого, Божественного, смысла и порожденных им малых смыслов) и виртуализации бытия. Виртуальность есть отнюдь не какой-то новый этап в становлении Божественного (абсолютного) духа, как формулировал еще Гегель — классический философ «высокого» модерна. Это есть, напротив, иллюзорное зазеркалье, в котором «Бог умер» (то есть религиозная связь окончательно оборвана), парадоксальная область «сущего небытия», **царство смерти, пытающейся быть, осознать себя в формах жизни**. То, что само не имеет связи с Божественным Духом, с Источником жизни, пытается присвоить себе чужие жизненные формы, тем самым умертвляя их.

Для достижения цели, открыто декларируемой постмодернистами (то есть для уничтожения смысла), ими разработана особая технология, называемая **«деконструкция»**. Согласно Дерриде, который особенно настойчиво констатирует кризис «логоцентристской» (то есть основанной на смысле и иерархии ценностей) философии и культуры, бесконечный и «репрессивный» по отношению к человеку поиск Большого Смысла, жизненной цели в сфере абсолютного и объективного бытия (то есть того «означаемого», по отношению к которому вся человеческая культура является лишь набором знаков, «означающих»), следует заменить аналитикой на уровне самих означающих. Не онтологизированные абсолюты или трансцендентальные «означаемые», но **сам язык, точнее игра языковой формы**, записанного слова, «граммы», **есть, согласно Дерриде, исток смыслопорождения**. Не вслушивание в трансцендентальный голос Бытия, Бога (как это было еще у Гуссерля и Хайдеггера — последних великих философов эпохи модерна), а исследование «первописьма», **differance** — некой

абсолютной (и абсолютно бессодержательной) языковой формы, предшествующей самому языку и культуре, — таков главный принцип философии Дерриды. **«Смысла» нет — есть бесконечная игра языковых значений.** Поэтому задача «деконструкции» — «разборка идеологического каркаса, тотализирующего текст», освобождение «первописьма», «первоформы» от «репрессивной идеологии» и содержания. **Деконструкция принципиально отвергает классическую проблему истины. О раз навсегда данных истинах или диалектике абсолютного и относительного (как в философской классике) не может быть и речи.**

По мысли Дерриды, **главный вопрос деконструкции — это вопрос «письма» и «перевода».** (Последнее особенно важно для нашего дальнейшего анализа.) В «письме» **центризму традиции**, свертыванию означивания в некую неизблемую точку присутствия (гаранта смысла и подлинности) **противопоставляется центробежное движение «рассеивания» значения** в бесконечной сети генеалогии и цитации. Отслеживая элементы «письма», работу *différance*, деконструкция рассматривает совокупность текстов культуры **в качестве сплошного поля переноса значения**, не останавливающегося ни в каком месте в виде застывшей структуры; она подрыывает изнутри фундаментальные понятия западной культуры, указывая на их нетождественность самим себе. **«Язык» культуры приходит в столкновение с ее идеологическим строем**, и тем самым демонстрируется **сопротивление языка любому метафизическому проекту.** Внеположная тексту позиция классического интерпретатора в деконструкции фактически демонтируется. Задается «констатация факта» внедренности, привитости одного текста другому, **бесконечного истолкования одного текста посредством другого** (в сущности, основа методологии и главное «занятие» постмодернистов).

Фактически **в деконструкции демонтируется и автор**. Нет авторов с их всегда идеологическими, смысловыми позициями; вся культура предстает как «ризоматическое» по форме (то есть лишенное центра, смыслового стержня) **разворачивание гипертекста**, не имеющего ни начала, ни конца. И сколько бы постмодернисты ни рассуждали здесь об «открытости» будущему» и т.п. красивых вещах — факт убийства творчества и культуры в постмодернизме, дух «ничто», витающий над этим «методом», и его фундаментальная чуждость христианской духовности, то есть основе европейской культурной традиции, — слишком очевидны, чтобы быть предметом какого-либо сомнения.

Что же можно сказать о «наших новых миссионерах» в свете вышеизложенного?

Христианство в нагрузку

Постмодернизация религии — интереснейшая и важнейшая тема, причем очевидно, что она имеет для нас отнюдь не только отвлеченно-теоретическое, но и вполне практически-жизненное значение. Интуитивно, на уровне ощущения уже у многих в связи с многообразной, шумной и, как сейчас выражаются, «креативной» деятельностью наших героев всплывает мысль о постмодерне.

Надо сказать, что в самое последнее время появилось несколько текстов, представляющих для нашей темы крайне интересный материал. Они дают вполне конкретное подтверждение гипотезе, согласно которой разбираемый проект, помимо того что является по факту объективно постмодернистским продуктом, до известной степени и задуман людьми с уже сложившимся постмодернистским сознанием.

В настоящей работе мы обязательно разберем эти тексты. Однако вначале заметим, что наиболее «креа-

тивные» фигуры проекта, такие, как «протодиакон всея Руси» **А.Кураев**, характернейшим образом проявляют постмодернистские черты в своем повседневном поведении, причем не в каком-то бытовом поведении, связанном со второстепенными чертами характера, а в том, которое напрямую касается их главной «профессии», основного рода занятий, то есть их «миссионерской» деятельности. **Сочетание несочетаемого, демонстративное поправление стержневого смысла — составляет основу фирменного стиля Кураева.** Один и тот же человек может посвятить десятки и даже сотни страниц разоблачению оккультизма во всех его разновидностях (не только в деятельности малозначительной и малочисленной интеллигентской секты рерихианцев, но даже и в самом Православии — см. его **книгу «Оккультизм в православии»**) — и почти в то же самое время заниматься откровенной апологией явно **оккультного международного проекта** под названием **«Гарри Потер»**, внедряющего темную мистику и оккультизм в сознание наших детей. Православие, в котором почитание блаженной Матроны — великой святой, пользующейся необычайной любовью народа и глубоко почитаемой монахами, подвижниками, духовными авторитетами нашей Церкви, и в частности покойным Патриархом Алексием II, — это оккультизм, а темная мистика «Гарри Потера» — христианство и «добрая детская сказка», — это какое-то странное православие!

Конъюнктурный характер деятельности отца протодиакона — отдельный сюжет. Однако в свете представленного у нас ранее краткого обзора основных положений постмодернистской философии в данном и в других, подобных же, случаях возникает самый существенный для нашего анализа вопрос о наличии (точнее, об отсутствии) у «миссионера» того самого стержневого смысла, который составляет главный предмет ненависти постмодернистов. Православный миссионер (чья

цель, казалось бы, — приводить народ к вере), который то выступает с «опровержением» великого чуда Благодатного огня (относящегося к самой сердцевине православного учения о духовной жизни и стяжании благодати как ее главной цели⁷), то заявляет, что загробных мытарств не существует, то вдруг начинает отстаивать права сектантов, говоря, что не следует православным добиваться запрета «Свидетелей Иеговы», то высказывается в том плане, что к преподаванию ОПК Церковь пока еще не готова, то позволяет себе выпады в адрес святых и всякие рискованные пассажи на сексуальные темы; проповедник, регулярно атакующий центральные, стержневые элементы Предания, — это довольно странный миссионер и проповедник!

Сравнительно недавно Кураев предстал перед читателем как бы в обновленном виде. *Enfant terrible* российской православной журналистики, явно получив указание сверху, захотел теперь казаться «белым и пушистым». Немедленно началась бурная (типичная для Кураева) пиар-кампания. Имеем в виду несколько его интервью, прежде всего то из них, которое было дано сайту «Православие и мир» (главный редактор **Анна Данилова**), **«Миссия кончается там, где начинается пастырство»** (26 мая 2009 года)⁸, а также **«Миссионерские технологии»** (11 мая)⁹ и ряд других.

«Новый» Кураев рассказал нам все самое главное, например, что *«православная проповедь... нетехнологична»* (вопреки многочисленным предыдущим заявлениям «новых миссионеров»), что в ней *«нет ни пиара, ни сознательно просчитанного воздействия на подсознание»* (конечно, в доме повешенного не говорят о вере...), что *«цель миссии — явление славы Божией»* (вот не может Бог без их помощи явить Свою славу, и все тут!) и многое другое. Апологеты Кураева в восторге. Слово бы и не было многочисленных кощунств и явных неадекватностей **в публичном поведении**, яв-

лять которые, по убежденному мнению духовных авторитетов Церкви, может лишь человек, пребывающий в глубокой прелести! Однако, наряду с показной «пушистостью», наш миссионер сформулировал и ряд принципиальных положений.

«Поскольку я являюсь автором этого термина («агрессивное миссионерство». — В.С.), то настаиваю на своем праве его истолковывать. Агрессивное миссионерство — это просто впечатывание в чужой текст нужных мне смыслов. Это не цепляние к людям на улице, а кабинетная герменевтическая работа. Это спасение чужого текста для нашей общины (!) путем проецирования в него или обнаружения в нем тех смыслов, которые дороги именно нам и к которым могли быть равнодушны даже создатели этого текста. Например, позднеантичные богословы объявили философию "служанкой богословия" и тем самым сказали церковным цензорам (??): "Вот эта — со мной, пропустите ее, не трогайте!" Так они дали античной философии право на прописку в христианском монастыре».

Пытаться охарактеризовать данный пассаж предельно хладнокровно, с использованием чисто научной лексики — значит совершить над собой серьезное волевое усилие! Ибо наш агрессивный миссионер полностью изобличает здесь свою неадекватность и профнепригодность. Ведь каждый порядочный студент знает, что святые отцы совершили прямо противоположное тому, о чем говорит отец протодиакон: они отнюдь не «впечатали» свой (христианский) смысл в чужой, ранее существовавший и созданный другими текст (то есть в античную языческую философию), а, напротив, использовали ее понятийный, категориальный инструментарий для создания своего, принципиально, качественного нового и оригинального христианского текста. Сюжет этот — более чем известный. Что же касается «протекции», которую якобы оказали богословы язы-

ческой философии перед лицом драконовской (какой же еще?) церковной цензуры, то Кураев здесь проявляет себя как самый настоящий постмодернист, манипулирующий смыслами, ибо, как грамотный все же профессор духовной академии, он не может не знать текста, приводимого, в частности, у вроде бы почитаемого и прочитанного им **А.Ф. Лосева** (бывшего, как известно, великим знатоком античности), а именно — **Актів Константинопольського собора 1076 року, то єсть Першого Собора на Іоанна Італа**. В них, в частности, говорится:

«Обещавшимся быть благочестивыми и вводящим бесстыдно (или, скорее, нечестиво) злочестивые эллинские учения в православную и соборную Церковь о человеческих душах, о небе, земле и других творениях — анафема. Предпочитающим глупую внешних философов так называемую мудрость и следующим за их наставниками... — анафема... Говорящим, что эллинские мудрецы и первые из ересеначальников, подверженные анафеме от семи святых и католических Соборов и от всех мужей, в Православии просиявших (как чуждые католической Церкви ради их поддельного и нечистого в словах преумножения), [что они] — и здесь и на будущем Суде лучшие во многом, чем мужи благочестивые и православные, в особенности же, чем прегрешившие по человеческой страсти или неразумению, — анафема... Проходящим эллинские учения и обучающимся им не ради только обучения, но и следующим их суетным мнениям и верующим в них как в истинные и таким образом настаивающим на них как на имеющих крепость, так чтобы и других один раз тайно, другой раз явно к ним приводить и учить без сомнения, — анафема... Эллинским и инославным догматам и учениям, введенным вопреки христианской и православной вере Иоанном Италом и его учениками, участниками его скверны, или противным католической и непорочной вере православных — анафема»¹⁰.

Между прочим, эти и многие другие анафематизмы вошли в **Синодик в Неделю Православия**. Как-то странно для богослова...

Таким образом, вопреки мнению (виноват, протекции) Кураева, Церковь тех «богословов», которые пытались «протезировать» языческой философии (то есть Иоанна Итала и его учеников), вполне недвусмысленно — **анафематствует!** Кураев долго использовал безотказный прием, говоря: «Вы, конечно, можете полемизировать со мной, но знайте, что вы спорите не со мной, а со святыми отцами, поскольку я излагаю их позицию». Так вот, теперь мы можем смело вернуть ему этот мячик и сказать: **либо** святоотеческая мудрость, засвидетельствованная непогрешимой церковной полнотой, семью Вселенскими соборами и последующими соборами Церкви, **либо** — суетные и прелестные, написанные «из мнения» творения агрессивного протодиакона! Конъюнктура и умение лавировать, нравиться и быть нужным «сильным мира сего» — отдельный вопрос, но с богословской точки зрения очевидно, что увертливый «миссионер» наконец попался.

Итак, Церковь устами освященного Собора в Константинополе 1076 года однозначно свидетельствует: сам по себе «текст» языческой философии, обладающий своим, вполне оригинальным и несводимым ни к чему иному смыслом, абсолютно чужд собственно христианскому тексту и его смыслу, и если святые отцы использовали систему категорий языческой философии, это означает лишь то, что они **переосмыслили сами эти категории, вложили в них свой смысл и создали новый, доселе небывалый текст**. «Усия» и «ипостась» у Аристотеля, Плотина, Порфирия и т.д. — вовсе не идентичны тому, что мы находим у отцов, равно и аристотелевский термин «энергия» приобрел качественно новое звучание у паламитов. И т.д. и т.п. Старый, языческий текст остался, сохранив свойственный лишь ему

смысл и отнюдь не потеряв при этом своего **исторического значения**; но **рядом с ним и после него** возник текст новый и вполне самостоятельный. Соотношение между ними хорошо известно профессору Кураеву, посвятившему в свое время немало усилий старательному выписыванию весьма многочисленных цитат из разных авторитетных авторов, посвященных объяснению различий между монотеизмом и пантеизмом и т.п. вещей, — так зачем же он морочит голову читателю?

Христианский эллинизм, христианская эллинистическая культура — это **новая культура, новая как целое**, а не «христианизация» старой языческой античности, невозможная по определению. Культурная преемственность между христианской и дохристианской эпохой означает создание **новой культуры с использованием старой**, усвоение ее культурных форм **для своих, творческих целей, а не манипулятивную операцию по замене смысла**, выниманию из культурной «формы» старого, языческого смысла и вкладыванию в нее нового, христианского, наподобие какой-нибудь матрешки. **Творчество — это всегда создание нового, а не «протекция перед цензором»**, как полагает Кураев со своим номенклатурным стереотипом!

В работе **«Христианская цивилизация: новый перелом?»**¹¹ нам уже приходилось указывать, что Византия создала свою великую культуру на основе исторической преемственности культурных форм, поэтому ей вовсе не нужно было спустя века заново открывать античность. Античность была для нее своим домом, чем-то привычным и знакомым, поскольку она **творчески переработала античную культуру, сохранив культурную преемственность**, и для нее **не стояла проблема культурного разрыва «темных веков»**, которая была столь актуальна и сыграла столь роковую роль для Запада. Запад же свою античность окончательно догрыз где-то к VII веку, поэтому когда Ренессанс заново

«открыл» ее, то для Запада античность предстала во всей своей старой, языческой «прелести»; православная же Византия воспринималась как враг, которому следует противостоять и от которого следует отталкиваться. (Что отнюдь не мешало, а лишь помогало тому, чтобы многому учиться у греческих еретиков-варлаамитов.) Вся эта сложность, на наш взгляд, — лишнее свидетельство того, что культурная преемственность в историческом процессе, в живом историческом творчестве — совсем не игра и не манипуляция смыслами!

Для Кураева же по факту не существует стержневого, «логоцентричного» смысла культуры; смысл является для него предметом произвола и манипуляции, а значит, при таком понимании, не существует и культурной преемственности как исторической закономерности, то есть творческого развития смысла в истории! История и классика с ее логоцентризмом и **развитием, невозможным без охранения традиции и преемственности**, с ее стержневым ростом культуры подменяется у него вполне постмодернистским «ризоматическим» развертыванием некоего гипертекста, в котором по факту вообще нет центрального, стержневого смысла! Ибо если «мы» (то есть, надо полагать, христиане) **в принципе** можем произвольно вложить в некий чужой текст нужный нам смысл, то кем и когда доказано, что **кто-нибудь другой не сможет всунуть туда что-то совсем другое?**

И уж совсем не выдерживает самой снисходительной критики приводимый Кураевым для иллюстрации своей мысли пример, связанный с экзегезой некоторых мест из Священного Писания (конкретно — Гал. 4, 21–31). Рассказывая о том, как апостол Павел интерпретировал повествование Книги Бытия про Авраама, Сарру и Агарь, Кураев пишет:

«Вот текст, который иудеи называют Танах, а мы его называем "Священное Писание Ветхого Завета".

С точки зрения иудеев, христиане — воры: мы у них украли их священное писание и нагрузили его своими смыслами. Честно скажу, я не могу поверить, что Моисей, рассказывая историю про Авраама, Сарру и Агарь, осознавал, что он противопоставляет свою церковь грядущей новозаветной. Но апостол Павел именно это там увидел и предложил такое толкование».

По мысли Кураева, здесь апостол Павел проявляет себя как «агрессивный миссионер», то есть предшественник самого отца протодиакона.

«Это типичное агрессивное миссионерство — некий текст используется для того, чтобы с его помощью донести те смыслы, которые сам автор, может быть, даже и не предполагал».

После всего этого остается лишь развести руками. Во-первых, пророк Божий Моисей традиционно считается «автором» лишь Пятикнижия (Торы), а отнюдь не всего Ветхого Завета. Во-вторых, вопрос о том, насколько здесь вообще применимо понятие «автор», в котором мы переносим наши новоевропейские светские стереотипы на древний религиозный текст, где сам феномен авторства был существенно иным, достаточно сложен и неоднозначен. Но самое главное заключается совсем в другом. Рассуждая об «авторстве» пророка Моисея и апостола Павла, **профессор богословия Кураев словно бы забывает о богодухновенности Писания, о Святом Духе.** Здесь он ведет себя и рассуждает не столько как православный богослов, сколько как типичный протестантский теолог.

Разве профессор-протодиакон никогда не слышал об **изначально ведомом Господу прообразовательном значении Ветхого Завета по отношению к Новому**, о котором совершенно необязательно было знать даже и Моисею; разве он никогда не рассказывал своим студентам о единстве Священного Писания, созданного Духом Божиим (хотя и через посредство людей), о синергии

(сорботничестве человека и Бога) в создании священных текстов, богодухновенность которых (в единстве обоих Заветов) по внушению того же Духа признана Церковью?¹²

Сократа (то есть язычника) Кураев приплетает сюда «до кучи», чтобы замести следы; однако в свете общеизвестных вещей, которые мы сказали выше о Священном Писании, вполне очевидно, что броские, сделанные «на публику» высказывания Кураева о старом пузырьке и новой жидкости, которую агрессивный миссионер наливает в него в виде нового смысла (какое глубокое представление о форме и содержании!), абсолютно не идут к делу и, будучи крайне поверхностными, далеки от сколь-либо научного и тем более богословского понимания.

Итак, Павел — никакой не «агрессивный миссионер», уповающий на прием, свой ум и ловкость, отнюдь не словесный жонглер и манипулятор, а, напротив, апостол, вдохновляемый Духом Божиим, слышащий голос Самого Христа, как о том и рассказывается в книге Деяний. Другие же примеры, приводимые Кураевым («более мягкие случаи»), то есть **Джоан Роулинг** и **Лев Толстой**, — просто смехотворны и не лезут ни в какие ворота!

*«Истолкователь, — пишет наш профессор, — должен быть настойчив (агрессивен), когда предлагающий ему текст (всем текстам просто делать нечего, кроме как «предлежать» Кураеву. — В.С.) сам по себе вполне христианский, но современный читатель не может заметить его **христианской нагрузки**. Это постоянно происходит с произведениями классической европейской и русской литературы».*

Вот ведь какая штука это агрессивное миссионерство: никак без него культурный (да и религиозный) процесс не складывается! Читатель современный? Современный! И текст современный! (В том смысле, что

речь-то наш профессор ведет о текстах, созданных в эпоху модерна.) А читатель без его, «миссионера», посредничества все равно ни бум-бум... Фокусник настолько нагл и ловок, что не задумается доверчивый читатель: а зачем вообще все это «агрессивное миссионерство», если есть система образования, а в ней вполне могут быть соответствующие курсы?¹³

Но главное — несостоятельность самих примеров. Если в отношении русской литературы XIX века среди литературоведов существуют разные подходы (от тотальной христианизации ее, предпринимаемой **И. Есауловым**, до гиперкритицизма **М. Дунаева**), то в отношении пресловутой Роулинг все **русские православные** ученые вполне едины, о чем мы уже сказали выше и, в силу заезженности темы и наличия вполне адекватных исследований¹⁴, не станем далее в нее углубляться. Что же касается Льва Толстого, то это просто, можно сказать, наша узкая научная, литературоведческая специализация.

Кураев отделяется от проблемы общей фразой:

«Или Лев Толстой. Да, как философ (??) он далек от христианства. Но Толстой как художник и писатель (то есть в качестве писателя Толстой не художник, что ли? И наоборот?) — частица нашей русской православной классической культуры».

То, что Толстой — классик, конечно же, несомненно. Однако не очень понятно научное значение слова «частица». Кураев проявляет здесь свое обычное верхоглядство и научную безответственность, не удосуживая себя **конкретным анализом проблемы**. В чем конкретно видит он православность художественного творчества Толстого, а также как он понимает независимость этого творчества от мировоззрения художника, остается абсолютно неясным. С сожалением приходится констатировать, что агрессивный миссионер **методологически** в полной мере следует здесь за не менее

агрессивным **В.И. Ульяновым (Лениным)**. Только Ленин полагал, что Толстой независимо от своего «поповско-го» мировоззрения является «зеркалом русской революции», а Кураев считает писателя выразителем русской православной культуры, но также независимо от его абсолютно неправославного мировоззрения. Прямо не художник, а медиум какой-то! Все-таки хорошо обучали будущих миссионеров советские философы! Что значит школа...

Следует ли нам предположить, что Кураеву неизвестна великолепная работа великого **Константина Леонтьева «Наши новые христиане»**, в которой автор блестяще показывает чуждость толстовства подлинному церковному христианству; фундаментальные исследования **Е.Н. Купреяновой, Г.Я. Галаган** и других советских и российских толстоведов, в которых, на наш взгляд, неопровержимо показано, что корни толстовства — в просветительстве XVIII века, а отнюдь ни в каком не в Православии; наконец, достаточно многочисленные работы современных исследователей, доказывающие чисто восточное, буддийско-конфуцианское происхождение «религии» Толстого? Дальнейшее углубление в эту тему не входит сейчас в нашу задачу. Скажем лишь, что пресловутый «вопрекизм» (то есть представление о полной независимости художественных текстов какого-либо писателя от его философско-публицистических, политических сочинений и вообще мировоззрения) является анахронизмом советских времен и давно преодолен современным литературоведением, предпочитающим **рассматривать авторские тексты во всей их совокупности**, не проводя между ними непродоходимых границ по жанровому и т.п. принципам. Так что не следовало бы агрессивному протоиерее вторгаться в сферу чужой профессиональной и научной компетенции со стереотипами своей кафедры научного атеизма!

Итак, манипулятивный и лукавый, а также научно несостоятельный характер термина «агрессивное миссионерство», на наш взгляд, вполне очевиден.

* * *

В свете интересующей нас проблемы культурной преемственности в истории, а также стержневого смысла культуры и различия между классическим и постмодернистским подходами к задаче христианской миссии крайне важно то, что «новые миссионеры» неустанно мулсируют тему так называемых **субкультур**. Эта тема попала даже в решения **XIII Всемирного Русского народного собора**. В этом документе, как и в ряде сопутствовавших ему интервью, весьма выпукло проявилась вся внутренняя противоречивость разбираемого проекта. В документе ставится глобальная задача: **«Воздействовать на субкультуры, оплодотворить их христианским содержанием»**. При этом тут же констатируется, что направленность религиозности (да и сама религиозность либо атеистичность) сознания приверженцев той или иной субкультуры ею самой **«никак не рефлексруется»**. Молодежные субкультуры называются **«лабораториями для социального творчества»** (?!). Отмечается, что **«в них идут культурные эксперименты, иногда рискованные** (что верно, то верно. — В.С.), **которые приносят разные плоды**. Эмоциональные вихри, порождаемые ими в обществе, наполнены **как темными, так и светлыми чувствами** (!). **Субкультуры — это формы, которые могут быть заряжены как созидательными, так и разрушительными энергиями**». «Ребята ищут ответа на разные вопросы, но субкультура таких ответов не дает... — указывает один из комментаторов, священник Максим Первозванский. — От каждого из нас зависит, чем будет наполнена та или иная субкультура». Предостерегая от **«абсолютизации субкультурной игры»**, от **«придания ей квазирелигиозного ха-**

рактера», документ ВРНС ставит задачу: «Стремиться к соединению субкультурных форм с традиционным духовно-нравственным содержанием»¹⁵.

Итак, авторы документа признают, что сами по себе субкультуры не являются наиболее благоприятной почвой для православной веры; они существуют как бы параллельно и независимо. Кроме того, комментаторы (как можно понять, разделяющие излагаемый подход) прямо говорят, что ни одна субкультура не дает ответа на разные жизненно важные вопросы, в том числе, как можно понять, и религиозные. Почему же, в таком случае, работа с ними объявляется главной задачей миссии? Ведь подавляющее большинство народа, в том числе и молодежи, к ним не принадлежит! Если сами по себе субкультуры, во всяком случае, безразличны к вере, то с какой стати работа через них, через их посредство объявляется оптимальным путем к воцерковлению людей? Ясно, что в основе данной методологической установки лежит **некий особый принцип**.

Для того чтобы уяснить, в чем его суть, необходимо понять, что такое вообще «субкультура», в отличие от собственно культуры, и почему применяемая некоторыми апологетами «миссии без берегов» аналогия с тем, что называют христианизацией языческой античности, здесь неуместна. Ответ, на наш взгляд, достаточно очевиден, и мы уже достаточно касались данной темы в этой главе.

«Большая», подлинная культура, культура в собственном смысле, органически укоренена в истории и развивается на основе культурной преемственности, неся в себе то, что называют «Большим смыслом». Этот большой, стержневой смысл культуры, столь ненавидимый постмодерном за его «репрессивность» по отношению к своевольной, греховной натуре падшего человека, составляет абсолютно необходимую основу для исторического творчества. Культурная и мировоззрен-

ческая революция, произведенная христианством, вся проходила в рамках **классического дискурса**; это была **борьба языческой и христианской классики**. Она несла в себе не манипулирование смыслами, когда некое абстрактно «новое содержание» вливается в абстрактно «старые формы» (на манер пузырька и жидкости, как учит Кураев), но и не безоговорочное отрицание старого, но **творческое усвоение его с последующим развитием**, приданием культурному субъекту нового качества.

В античности не было представления о трансцендентном миру Боге Творце и Боге Троице, как единстве трех равночестных Божественных Лиц (Ипостасей), и это было то **абсолютно новое**, что принесло с собой христианство, но там уже было философское неоплатоническое учение об абсолютном начале — «**Едином**» **плотиновских «Эннеад»** и была знаменитая неоплатоническая триада — Единое, Ум («Нус»), Душа. **Качественное отличие** этой пантеистическо-космологической схемы от христианского учения о Троице очевидно и общеизвестно, но троичная схема-то уже была! И было пока еще теоретическое, философское представление об абсолюте, абсолютном начале. Точно так же и с богодухновенным Писанием Ветхого и Нового Заветов. В Ветхом Завете присутствует учение о едином Боге Творце и прообразовательно — о Сыне Божиим, что после нового откровения приобрело качественно новый, открытый смысл, явленный уже в Новом Завете. Такое развитие на религиозном уровне отражалось и на уровне собственно культуры, культуры в узком смысле.

Итак, **религиозное и культурное творчество зиждется на трех китах: преемственности, укорененности в истории и, главное, связи с трансцендентным, о чем шла речь в начале этой главы. Если одно из этих условий не выполняется, творчество невозможно.**

Что же представляют собой на фоне всего этого так называемые субкультуры? На наш взгляд, вполне очевидно, что ни об одном из вышеперечисленных условий здесь не может быть и речи. Данное весьма специфическое явление вообще **не имеет никакого отношения к традиции, к культурному «мейнстриму», не несет в себе глубинного стержневого смысла, укорененного в истории и в трансцендентном и носит чисто игровой характер.** (Поэтому документ ВРНС и вспоминает здесь, вполне справедливо, о «субкультурной игре».) Оно есть типичное порождение постмодернистской эпохи с ее принципиальной чуждостью Традиции, поверхностной игрой со смыслом и произвольными «формами», игрой, враждебной всякой серьезности и онтологической основательности, укорененности в бытии. Люди, входящие в субкультуру («толкиенисты», рокеры, байкеры и т.п.), — отнюдь не отшельники, изолирующие себя от скверны мира в катакомбах или монастыре **ради духовного подвига** и создания некоего **параллельного социума**, который затем будет стремиться выйти из катакомб и завоевать мир; они, будучи гражданами и членами общества, просто **прячутся от серьезной жизни** со всеми ее проблемами, принимая на себя некую **роль**. В этом они реализуют **основной принцип постмодерна: ничего всерьез**. Сегодняшний толкиенист завтра может увлечься мотоциклами или какой-нибудь рок-группой. **Здесь нет и речи о жертве, о жизненной серьезности, стремлении радикально изменить свою жизнь** (что в православной традиции называется «метанойя», покаяние), **нет вообще идеи спасения** — основной для религиозного сознания, и отец Максим совершенно правильно говорит, что субкультура не дает ответа на коренные вопросы жизни. **Субкультура, по сути, — это отказ от серьезного религиозного поиска, от подлинного творчества, путь десоциализации, выхода из истории, подмена жизни игрой.**

В свете всего этого задача, поставленная в документе ВРНС, несет в себе очевидное внутреннее противоречие, когда форма воюет с содержанием (не своим, а чужим), стремясь его уничтожить. Такая форма, враждебная содержанию, в некоторых философских школах носит название **превращенной формы**. Постмодерн чувствует себя в мире превращенных форм как рыба в воде, так зачем же людям традиции самим, добровольно ставить себя в такое положение? Здесь либо субкультурно-игровая форма уничтожит предлагаемое ей традиционное христианское содержание, либо оно, это содержание, преобразует форму.

Почему же «новые миссионеры» пытаются найти путь к сердцам людей через эту весьма поверхностную, специфическую и **чуждую подлинности** сферу, а не апеллируют к их **исторической культурной памяти**, связанной с многовековой принадлежностью их предков и их страны к великой **русской православной культуре**, укорененной в православной вере и в истории? (Да еще и, как Кураев, выступают против преподавания ОПК в светской государственной школе, сетуя на «нашу неготовность» и «низкий культурный уровень»?¹⁶) Причем крайне важно, что русских православных людей — наших современников, которые на деле, в своей повседневной жизни являют такую укоренность, они считают также представителями одной из субкультур, фактически уравнивая с молодежными «неформалами»! И кем был навязан двусмысленный и внутренне противоречивый подход к миссии, сформулированный в документе ВРНС?¹⁷

Думается, что пора наконец договорить суть до конца. **«Наши новые миссионеры», сторонники «миссионерской» агрессии сами не обладают вышеозначенной укоренностью в Традиции, истории и трансцендентном, в Боге и в Церкви и потому принимают правила игры, диктуемые постмодерном.** «Ларчик просто

открывался», или «слово наконец найдено». **В глубине сознание «новых миссионеров» заражено постмодернистским вирусом.** Иначе необъяснима их ненависть ко всему, что связано с православным консерватизмом, будучи носителем культурной, исторической и религиозной **подлинности**¹⁸.

Проект «миссии без берегов», или массовой миссии, постмодернистский по своей природе, содержит в себе вирус, губительный для земной Церкви. Вместо углубления в Традицию, с упором на духовную жизнь (без чего невозможно дело спасения), он «заточен» на ее выхолащивание и, в конечном счете, объективно, по факту, отрицание ее стержневого смысла. В этом плане глубоко не случайны такие, уже упомянутые нами, демарши Кураева, как отрицание реальности Благодатного огня, загробных мытарств души, посягновение на память святых (как, например, святого Патриарха Стефана), попытка ревизии уже не только Предания, но и Писания («замечание» в адрес Иоанна Крестителя в связи с «вмешательством» в частную жизнь Ирода и Иродиады) и, самое главное, смертельная боязнь того, что вместо его соблазнительных лекций в наших школах начнется наконец систематическое преподавание ОПК. (Если теперь проект ОПК отдан Кураеву, это означает, на наш взгляд, очевидную и трагическую реальность, а именно то, что **постмодернистская концепция религиозного и общекультурного образования, увы, побеждает традиционную!**) Бесконечное порхание от одной «субкультуры» к другой (имеющей, как мы помним, чисто игровую природу, лишенной укорененности в Традиции, в истории и в трансцендентном) — это и есть постмодернистская игра, выдающая за сущее то, чего нет, бесконечное «письмо», «перевод значения», смысловое манипулирование, в сущности, пустыми знаками, симулякрами, лишенными сколь либо реальной связи с какой-либо сущностью, «означаемым». *Это антимис-*

сия, превращение наличной, живой традиции в пост-модернистское царство превращенных форм.

* * *

Здесь мы никак не можем обойти вниманием один знаковый и весьма характерный эпизод лета 2009 года, являющийся замечательной иллюстрацией к нашим выводам¹⁹. Эта скандальная история наглядно демонстрирует, что речь идет отнюдь не о каком-то отвлеченном теоретическом споре, а о вещах, самых что ни на есть жизненно-практических. Во время так называемого «миссионерского крестного хода» на мотоциклах по маршруту Санкт-Петербург — Севастополь, проводимого по благословению Патриарха Кирилла и с одобрения премьер-министра России (ныне — снова Президента) В.В. Путина байкерским клубом «Ночные волки» (руководитель — **Александр Залдостанов** по кличке **Хирург**) с участием ряда байкерских организаций России и государств ближнего Зарубежья, некая девица, одетая лишь в короткие шорты, с изображением волка на голом теле уселась на мотоцикл позади одного из участников и была запечатлена папарацци. Фотография обошла весь Интернет. Все бы это не привлекло такого внимания, если бы именно на этом мотоцикле не было прикреплено знамя с изображением иконы Спаса Нерукотворного, которое было практически идентично древним русским воинским стягам. Крайне характерно, что необычайно активное участие в распространении скандальных фотографий принял **околокремлевский политтехнолог Е. Холмогоров**, который в крайне вызывающей, агрессивной манере обвинял православных людей, выражавших недовольство, в «фарисействе» и т.д.

Среди православной общественности начался бурный скандал, не вполне утихший до сих пор. Однако некоторые официальные лица Церкви, а также непосредственные участники широкомасштабной пиар-мис-

сии — **Холмогоров** и наш герой **протоиерей А.Кураев** в своих комментариях пытались представить дело как полный триумф «новой миссии», а кощунственный эпизод глумления над святыней — поначалу всего лишь как случайное досадное недоразумение. Говорилось, что почти голая байкерша — человек в акции случайный («попросила подвезти») и т.п. Байкер, управлявший мотоциклом, был «разжалован», почти что исключен из клуба. Однако журналистское расследование показало, что ни о каком «случае» не может быть и речи. Героиня дня оказалась **фотомodelью и членом днепропетровского клуба женщин-байкеров**. Лишь когда скандал достиг угрожающих размеров, Кураев выдвинул новую версию: подслеповатая (!) фотомodelь, садясь на мотоцикл, не разглядела, что за знамя было на нем прикреплено. Это уже прямо стало выглядеть как дурной анекдот.

Не желая смешивать жанры (расследование истинных причин происшедшего, выяснение того, является ли все это действительно случайностью или все же хорошо продуманной и срежиссированной постановкой, не входит здесь в нашу непосредственную задачу), рассмотрим фактуру события, так сказать, «картинку».

Прежде всего: в основе очередного кощунства с участием Кураева лежит давняя и продуманная с его непосредственным участием идеология «нового миссионерства» — **заигрывание с так называемыми субкультурами, заискивание перед ними, то есть как раз именно то, против чего предостерегает как Патриарх Кирилл, так и официальный документ ВРНС.** (Незадолго до акции Кураев дал свое очередное программное интервью, в котором говорил уже не о «миссии» среди приверженцев субкультур, а о «совместных проектах» с ними.) Последнее уже просто вопиюще, поскольку среди этих приверженцев есть люди с прямой склонностью к сатанизму (например, так называемые **готы**), по сравнению с которыми даже байкеры покажутся невинны-

ми младенцами. Первые плоды проектов — налицо. Вместо ожидавшихся массовых обращений христианская святыня — образ Самого Христа вписывается в типично постмодернистскую «рамку». «Картинка» действительно чисто постмодернистская. Икона Спаса, как символ христианства, с его личностной культурой и идеей спасения, с его тремя главными завоеваниями — личностью, свободой и историей сопрягается здесь, во-первых, с «обнаженкой», как символом разнузданности и вседозволенности (и это можно, и это), а во-вторых, с волком — весьма распространенным **тотемом архаических культов**, который одновременно является и символом данного байкерского клуба. Сама **байкерская эстетика**, где **сочетается крайне продвинутый техницизм** (современный дорогой мотоцикл со всевозможными наворотами — весьма совершенный продукт современной техники) и подчеркнуто **дикая, первобытная «пассионарность»** («не свобода, а воля»), — также типично постмодернистский продукт, в котором **характерная для постмодерна игра с архаикой в сочетании с периферийными достижениями модерна сознательно противопоставляется личностной христианской культуре**²⁰. (Крайне характерно, кстати, что «наших новых миссионеров» в качестве объекта приложения их усилий привлекают именно немногочисленные, во многом десоциализированные слои населения, подобные «ночным волкам», а отнюдь не основная масса, отнюдь не трудовой народ России.)

Совершенно понятно, что в данном конкретном случае произошло именно то, о чем мы и предупреждаем в нашей работе: **субкультурная форма поглотила и подчинила себе предполагавшееся христианское содержание**. Причем если по степени кощунства они примерно равны, то по изощренности вольной или невольной «концепции» данная картинка, конечно, значительно превосходит чтение матерных стихов на фоне иконо-

стаса, имевшее место на «благословленной» Швыдким выставке «Россия-2» («автор» сюжета — Олег Кулик) или испражнение живых кур на восковую фигуру Льва Толстого (там же).

Заключение

Мы назвали наш цикл «Весна Патриарха». Но весна, как и все на свете, неизбежно заканчивается. За ней наступает «лето» — время зрелости, когда явление, субъект либо приносит обильные плоды, либо оказывается вредным пустоцветом.

Патриарх Кирилл — действительно сильная, незаурядная личность, человек яркий и богато, всесторонне одаренный. Однако сейчас он стоит перед нелегким и опасным выбором. Среди людей, окружающих Патриарха, есть, конечно, всякие, в том числе и люди более чем достойные. Однако есть, к сожалению, и такие, которые с упорством, достойным лучшего применения, подталкивают Предстоятеля в сторону ломки традиции, сомнительных неообновленческих экспериментов, репрессий в отношении церковно-консервативного большинства, установления авторитарной власти. Мы сами **по форме** не всегда бываем правы в отношении Патриарха, эмоционально реагируя на волнующие нас события церковной жизни. Однако мы совершенно искренне, вместе со всей Церковью, молимся за нашего Предстоятеля, надеясь на его такт, чувство церковности, на его разум, вдохновляемый Духом Божиим и соборным разумом всей Церкви. Один путь, открытый перед Патриархом, — это путь неообновленческой революции, разрушения традиции, ломки устоев. Другой, тот, что зиждется на Традиции, — это путь, которым на протяжении веков шла Церковь, путь консерватизма, духовного углубления, без чего невозможно развитие и подлинное творчество.

Выбрав одно из двух, Патриарх Кирилл может войти в историю либо как страшный разрушитель, начавший решительную постмодернизацию церковной жизни и революционную ломку церковных институтов, — либо как продолжатель славного, созидательного дела великого сонма наших святых, как наследник, с одной стороны, исихастской духовной традиции преподобного Сергия, Нила Сорского, Серафима Саровского, Силуана Афонского, Оптинских старцев и многих, многих других, с другой же стороны — имперского Православия, неразрывно связанного с монархической и мессианской Русской идеей. Выбрать предстоит между святостью и созиданием — и лукаво-двусмысленным, прельстительным и увертливым духом кураевщины, вызывающей восторг русофобов и предателей в рясах. Для всех истинно православных людей этот выбор очевиден. Неужели же наш отец, наш Патриарх, наш Предстоятель окажется не вместе со своим народом?

Примечания

¹ Подробнее о «партийности» и т.п. вещах в дискуссии см. в нашей статье «Одесское богословие» — <http://www.rusk.ru/st.php?idar=105710>

² Более подробно мы касаемся этой проблемы в нашей работе «Христианская цивилизация — новый перелом», включенной в нашу книгу «На обрыве времен» (М., 2010).

³ См., например, открытое письмо бывшего семинариста **иеродиакона Владимира (Морева)** в приложении к настоящей книге. Это живое свидетельство вполне конкретного человека практически стопроцентно подтверждает то, о чем мы писали в нашей статье «**Призрак Второго Ватикана**» (первая глава книги).

⁴ Не можем не отметить, что в последнее время эту проблему со всей остротой и бескомпромиссностью ставит как раз не кто иной, как Патриарх Кирилл, который делает это, например, в своем выступлении **на встрече с представителями российской молодежи в спортивном комплексе в Измайлово** (см.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/653345.html>). Причем проблема ставится им в более чем критическом ключе. Такое созвучие мыс-

лей вселяет в наше достоинство определенную надежду на возможность некоего взаимного понимания...

⁵ Эта часть работы в основном представляет собой реферат, подготовленный с использованием статей **П.Бойко, В.Лебедев, М.Можейко, А.Грицанова и А.Вашкевича**.

⁶ По нашему убеждению, все эти и другие, соотносимые с ними, особенности постмодернизма являются следствием глубочайшего кризиса цивилизации секулярного модерна, являющегося, в свою очередь, последствием отрыва от духовных истоков христианства, то есть утери той связи с трансцендентным, о которой мы говорили в начале настоящей работы. Об этом мы более подробно рассуждаем в другой работе, уже упоминавшейся выше, — **«Христианская цивилизация — новый перелом?»**, а также в других главах нашей книги «На обрыве времен». Иными словами, выражаясь диалектически, постмодерн есть продукт исчерпанности секулярного модерна, он возникает в его недрах как его собственное самоотрицание.

⁷ Подробнее об этом см. в главе «О Благодатном огне и богословском рационализме».

⁸ См.: http://www.pravmir.ru/article_4203.html

⁹ См.: <http://diak-kuraev.livejournal.com/19260.html>

¹⁰ Цит. по: **Лосев А.Ф.** Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 862–864.

¹¹ См.: «На обрыве времен» (М., 2010).

¹² Анекдот советских времен. Обыск в квартире диссидента «религиозника», чекисты описывают библиотеку. Один опер диктует, второй записывает. «Так. Солженицын. "Архипелаг ГУЛАГ". Ильин. "Наши задачи". Бродский. "Стихи". Записал? Библия». Второй опер переспрашивает. «Библия? Это что, название? А автор кто? У книги должен быть автор...» Хозяин квартиры не выдерживает. «Дух, Дух Святой!!» «Дух... как? — переспрашивает опер. — Что за фамилия такая?.. Иностранец, что ли?»

¹³ В свете вышеизложенного, на наш взгляд, глубоко не случайно, что в решающий судьбоносный момент, когда стоял вопрос о введении ОПК, Кураев выступил жестко против. (См. его публикацию Православие в школе. Церковь пока не готова прийти в класс // Коммерсант, 18 сентября 2006 г. См.: <http://www.kommersant.ru/doc-y.html?docId=705544&issuelId=30202>) В этой статье автор призвал «говорить о вере с отстраненно-культурологических позиций», заговорив о православных педагогах России со свойственной ему надменностью, с абсолютно хамских и унижающих людей позиций. Суть позиции самого Кураева, которую он не раз «менял» с тех пор, выражает заголовок. Теперь же, видимо, в награду за

эту многолетнюю борьбу против проекта ОПК агрессивный протодиакон назначен им руководить: он стал руководителем группы по подготовке учебника по данному предмету! Неисповедимы пути Твои, Господи...

¹⁴ См., напр.: *Мегвегева И., Шишова Т.* «Гарри Поттер»: СТОП. (Попытка экспертизы) — <http://www.netda.ru/belka/texty/shyme/ST-36.html>

¹⁵ См.: <http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=183163>. В главе «Война за веру и мы» см. продолжение сюжета уже на новом материале **официально утвержденного** семинарского учебника по миссиологии.

¹⁶ Теперь-то он, конечно, не против, когда проект наконец отдан ему, но что же внесет он в его содержание?! Впрочем, наш герой уже высказался, причем вполне недвусмысленно, по этому вопросу (см.: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=30928>). В своем комментарии агрессивный профессор не оставил православным педагогам, а также православным детям и их родителям никаких иллюзий. Учебник по ОПК будет готов не раньше чем через три года, заявил он (что будут делать учащиеся и преподаватели все это время, отец протодиакон не уточнил); преподавать предмет «в идеале» должен преподаватель-атеист (alma mater зовет?), а цель обучения — убедить ребенка, что его любят не только мама с папой, но и «Некто сверху», что «мир замешан на любви». (Конечно, о загробных мытарствах души, по поводу которых существует полнейшее согласие среди святых отцов, Кураев в своем учебнике рассказывать не станет!) До этого он не раз выражал возмущение по поводу того, что многие авторы **уже существующих** учебников (а их больше сотни названий!) и преподаватели употребляют такие выражения, как «Господь наш Иисус Христос» или «наш Ангел Хранитель». Что ж, если «Некто сверху» ближе Кураеву в качестве абсолютного начала, чем Бог Творец, Бог Троица и Господь Иисус Христос, это его дело (у нас свободная страна), но с какой стати **православные родители** должны доверять такому своим детям? И с какой стати такая «миссионерская агрессия» должна осуществляться им от имени Православной Церкви?

¹⁷ Хорошо зная внутреннюю «кухню» подготовки подобного рода документов, выскажем одно предположение, на котором, конечно, не можем настаивать. Скорее всего, **предостережение** по поводу того, чтобы слишком не увлекаться «субкультурной игрой», высказано **самим Патриархом**, а вот **вся проблематика** попала сюда не без прямого участия **Кураева и других единомысленных с ним «агрессивных миссионеров»**.

¹⁸ Не в меру агрессивные апологеты проекта в этом месте обя-

зательно обвинят нас в том, что мы «опять посягаем» на достойных, плодотворно трудящихся пастырей. Наверняка будут названы имена **игумена Сергия (Рыбко), отца Максима Первозванского** и других известных священников. Бессовестные манипуляторы и агрессивные лгуны никак не удосужатся напомнить себе и читателю, что **мы никогда не писали и не публиковали ничего негативного по адресу этих и многих других отцов**. Мы всегда выступали не против миссии среди так называемых неформалов, а против того, **чтобы «субкультурность» превращать в какой-то универсальный миссионерский метод**, что есть, конечно же, чисто постмодернистский подход. Кстати, надо сказать, что те, кто реально и вполне конструктивно и плодотворно занимается миссией, в последнее время все лучше понимают губительность и несостоятельность разобранного нами псевдомиссионерского проекта. Именно такое понимание (полностью разделяемое нами) продемонстрировал недавно действительно незаурядный миссионер, сотрудник миссионерского отдела РПЦ **игумен Агафангел (Белых)**. См. его статью **«Гетто или райский сад? Заметки о формах и цели миссии»** (<http://www.rusk.ru/st.php?idar=155771>). В весьма скором времени игумен Агафангел отправился миссионерствовать в места не столь отдаленные, а именно — в Якутию. (Примеч. августа 2013 г.)

¹⁹ Ныне этих иллюстраций накопилось уже более чем достаточно. — Примеч. августа 2013 г.

²⁰ В качестве более чем адекватного исследования, дающего хорошее представление о байкерском движении в России и упомянутом у нас эпизоде в Севастополе, рекомендуем статью А.Рогозянского «РПЦ в мире пиара» (<http://www.rusk.ru/st.php?idar=156081#form>).

Схождение Благодатного Огня у Гроба Господня

«Миссия» на марше

О высказываниях протодиакона
Андрея Кураева по поводу
Благодатного огня

Они, взяв деньги, поступили, как научены были; и пронеслось слово сие между иудеями до сего дня.

Мф. 28, 15

Вот вы тогда обедали, а я веру-то и потерял!..

Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы

В предыдущей главе мы рассмотрели некоторые воззрения протодиакона Андрея Кураева, которые нам представляются глубоко ошибочными, методологически неверными, но которые с некоторой натяжкой можно относить к его богословскому мировоззрению, формально не выходящему, в общем и целом, за рамки православного вероучения. Однако то, что позволил себе Кураев в отношении величайшего чуда, признаваемого несомненным всей Православной Церковью, — схождения Благодатного огня на Гроб Господень, вынуждает уже поставить вопрос вообще о его православности, принадлежности к православной традиции. Собственно богословскую сторону проблемы мы разберем в следу-

ющей главе. Здесь же позволим себе сосредоточиться на, так сказать, более приземленной стороне всей истории, различных ситуативных реакциях на выходку «протодиакона всея Руси», для начала изложив фактуру событий.

За несколько месяцев до анализируемых событий вышла книга двух «церковных историков» — известного своими скандальными публикациями журналиста из «МК» **С.Бычкова** и заштатного диакона Санкт-Петербургской епархии **А.Мусина** (того самого, который был главным предводителем скандала в Санкт-Петербургской духовной академии несколько лет назад. Скандал этот, будучи руководителем сайта «Соборность», тогда активно раскручивал не менее известный персонаж, который находится и в центре скандала нынешнего, — С.Чапнин). Называется книга **«Благодатный огонь: миф или реальность?»** (М.: Тэтис, 2008). В этой книге авторы задались целью «развять» еще один «миф» православного сознания — разделяемую всем православным миром веру в чудо схождения Благодатного огня. В этом плане полное подтасовок и передержек творение двух столпов «либерального христианства» вполне укладывается в ведущуюся современными неообновленцами модернистскую ревизию Предания. Далее последовали такие события.

Великим постом 2008 года состоялась паломническая поездка во Святую землю группы из России, организованная Фондом Андрея Первозванного. В ходе этой поездки была организована встреча российской делегации с Патриархом Иерусалимским Феофилом. Во время беседы с российской делегацией, происходившей на **неродном для обеих сторон английском языке**, Патриарх Иерусалимский, говоря о Благодатном огне, употребил слово *representation*, означающее «представление», «изображение», «манифестация», «демонстрация» чего-либо, и что тут началось! Словно с цепи сорвавшие-

ся деятели типа уже упомянутого Сергея Бычкова радостно кинулись разоблачать очередной «миф церковников». Однако не будем забывать, что повод-то им дал как раз именно дьякон Кураев своей интерпретацией слов Патриарха!

«Во время пресс-конференции, — пишет С. Бычков, — предстоятель Иерусалимской Церкви развеял характерные для русского благочестия представления об обряде возжигания огня в Великую субботу в храме Гроба Господня. По словам диакона Андрея Кураева, патриарх всячески избегал терминов "чудо" или "схождение", заявив, что обряд Великой Субботы — "это церемония. Как некогда пасхальная весть от Гроба воссияла и осветила весь мир, так и ныне мы в этой церемонии совершаем репрезентацию того, как весть о воскресении от кувуклии разошлась по миру"». Кураев так прокомментировал эти слова Патриарха: «Откровеннее сказать о зажигалке в кармане он, наверно, не мог». Используя абсолютно неверную трактовку слов Патриарха, данную диаконом Кураевым, С. Бычков дает «интерпретацию на интерпретацию»: «Огромное впечатление на российских журналистов, поездку которых на Святую землю организовал Фонд Андрея Первозванного, произвела пресс-конференция Иерусалимского патриарха Феофила. Оказывается, Благодатный огонь, по словам Иерусалимского патриарха, совсем не ежегодно свершающееся чудо, а лишь напоминание о свете, воссиявшем при Воскресении Христа»¹. И далее Бычков прибегает к шаблонным «аргументам», в развернутом виде представленным в вышеупомянутой книге, которую он написал совместно с А.Мусиным.

Для начала заметим, что, как уже указано целым рядом пользователей Рунета, здесь «русский Бультман» проявил себя как плохой студент и аспирант, который не удосужился за время обучения на кафедре научного атеизма в МГУ, в Московской духовной семинарии,

в Духовной академии в Румынии, а также в аспирантуре достаточно хорошо выучить английский язык. Ведь если бы Патриарх хотел сказать, что схождение Благодатного огня есть некий спектакль, то есть «представление» некоего вымысла (подобно спектаклю в театре), он бы употребил слово *performance!* *Representation* же отнюдь не означает, что «представляемое» действие является непременно вымыслом. (Ср. близкое к этому по значению вполне освоенное русскими слово «презентация». Здесь речь идет практически всегда о «представлении» некоего **вполне реального проекта**, отнюдь не являющегося фантазией или вымыслом.) Сам же Кураев на своем форуме вполне справедливо замечает, что, к примеру, «малый вход» с Евангелием на литургии — это тоже *representation*. Кстати, из приводимых в статье Бычкова слов Патриарха (см. выше) вполне понятна мысль Иерусалимского Предстоятеля, из которой никак не следует, что он отрицает реальность несомненного чуда схождения Благодатного пламени.

Теперь приведем некоторые данные из замечательной статьи известного богослова **Юрия Максимова** (ныне — диакон Георгий), явившейся достойным ответом на доморощенное «разоблачение» чуда, которая включает всю полноту аргументации, в том числе и лингвистической². В частности, по поводу профессора ЛДА Н.Д. Успенского, на чьи якобы «научные» анализы, разоблачающие феномен Благодатного огня, ссылаются С. Бычков и А. Мусин, автор приводит вполне несомненные данные, из которых видно, что **этот либеральный богослов не раз высказывал мнения, решительно расходящиеся как с Преданием, так даже и с Писанием!** В частности, пишет Ю. Максимов, **«в 1975 году было официально осуждено Русской Православной Церковью ложное учение профессора Успенского о Евхаристии. Он отвергал пресуществление Даров, фактически заявляя, что они остаются хлебом и вином. Неуди-**

вительно, что человек подобных взглядов отвергал и реальность Благодатного огня». Хорошенькие союзнички у «самого великого миссионера» в РПЦ!

Не будем излагать дальнейшие подробности неправославного богословствования профессора Успенского (с ними читатель может самостоятельно ознакомиться хотя бы по той же статье Ю.Максимова), но вот о поднимаемом некоторыми на щит **епископе Порфирии (Успенском)** (который, как известно, также, вместе с Кураевым и К°, не веровал в чудо Благодатного огня) кое-что сказать просто необходимо. Во-первых, как, основываясь на первоисточниках, указывает Ю.Максимов, **все якобы слышанные кем-то и пересказанные епископом Порфирием рассказы о «подлоге» при возжигании Благодатного огня являются именно пересказами. Сам епископ Порфирий не был свидетелем никаких подлогов**, и это крайне важно! Более того, ссылка епископа Порфирия на то, что якобы **архиепископ Мисаил**, один из заместителей Патриарха Иерусалимского, прямо говорил о подлоге при возжигании Благодатного огня, также носит косвенный характер! Сам епископ Порфирий с архиепископом Мисаилом не общался, а **приводил якобы сказанные им слова со слов третьего лица!** А вот русский паломник **иеромонах Мелетий** лично общался с архиепископом и слышал от него слова, прямо противоположные тому, что со ссылкой на недостоверные косвенные источники приводит епископ Порфирий!

Однако главное, на наш взгляд, заключается в том, что пишет Ю.Максимов, характеризуя саму личность епископа Порфирия (Успенского) и его, так сказать, «методологию» работы с источниками:

«Епископ Порфирий отнюдь не является свободным от подозрений в недобросовестности, вызванной желанием подтвердить теми или иными подогнанными историями собственные специфические гипотезы. Он

известен как человек, который отрицал сказания о чудесном явлении Богородицы на Афоне (**"Богоматерь не была на Афоне и быть там не думала"**), считая, будто афонские монахи выдумали эту историю ради того, чтобы, обманывая паломников, увеличить доходы своего монастыря. А святителя Филарета Московского Порфирий, бывший тогда архимандритом, пытался убеждать в том, что греческие новомученики являются **"самозванными мучениками"** и что будто бы их специально готовят афонские монахи к мученичеству ради того, чтобы потом иметь у себя мощи. Святитель Филарет противостоял такому взгляду и в ответ **"защищал афонцев и их мучеников, ссылаясь на пример древних страстотерпцев, которые сами вызывались на мучения и которых Церковь вписала в лик святых исповедников"**. В разговорах со святителем Филаретом отец Порфирий иногда **"позволял себе в беседе употреблять резкие выражения, от которых он же и приходил в смущение"**. Отец Порфирий рассказывает, что при одном таком случае **"владыка взглянул на меня значительно, и я прикусил свой язык... и перевел речь на другие предметы"**.

Как видим, епископ Порфирий был человеком весьма своеобразных представлений, относившимся с предубеждением к чудесам вообще и с большой предвзятостью к греческому благочестию, выражалось ли оно на Афоне или в Иерусалиме. Учитывая такие его взгляды, совсем не удивительно, что он повсюду собирал байки и истории, которые могли бы эти предвзятые взгляды обосновать.

По-видимому, он сам был введен в заблуждение такими историями. Кто был в святых местах, тот знает, что возле них бродит немало сомнительных личностей, которые готовы рассказывать всякую чушь, лишь бы привлечь к себе внимание. Да, впрочем, такое явление, как распространяемые с большим апломбом лож-

ные сплетни, имеет место не только в святых местах. Думается, многие читатели имели неудовольствие это явление наблюдать, а то и пострадать от него. (Ох уж, да! — В.С.)

То, что рассказанные епископом Порфирием истории являются ложными сплетнями, следует из того факта, что уже в близкое к нам время кувуклия Святого Гроба ремонтировалась и никаких тайников за "отодвигающимися иконами" там обнаружено не было».

Не кажется ли вам, дорогой читатель, что в облике этого миссионера проступает что-то до боли знакомое нам по дням сегодняшним? Большой запас апломба, скепсис по отношению к несомненным чудесам, протестантская по духу ревизия Предания, склонность к «искреннему» передергиванию фактов и собиранию сплетен... Только, в отличие от его современных апологетов, епископ Порфирий действительно сделал немало полезного во Святой Земле, в том числе и для русских паломников. Но главная черта мышления, делавшая его и других отрицателем несомненных чудес — **богословский рационализм**, — не в меньшей, а в большей степени свойственна и нынешним «борцам с суевериями», или, как изволил выразиться один батюшка, «магической мутью» в православном сознании.

Характеризуя выходку диакона Кураева, Ю.Максимов, на наш взгляд, совершенно справедливо указывает: **«Здесь мы видим интерпретацию слов патриарха, осуществляющую явное насилие над самим содержанием текста. Патриарх никоим образом не отрицает чуда схождения огня, но лишь говорит о его значении».**

Лингвистический анализ коллеги также вполне безупречен.

Не станем заниматься дальнейшим пересказом статьи талантливого молодого богослова (еще раз настоятельно отсылаем читателя к первоисточнику), а об-

ратимся к дальнейшему изложению нашей темы, тем более что располагаем и вполне эксклюзивным материалом. Но вначале закончим с изложением самих событий. «Интерпретация» Кураевым слов Патриарха Иерусалимского вызвала вполне естественную отповедь главы Попечительского совета Фонда Андрея Первозванного **В.Якунина**³. Он подчеркнул, что, согласно имеющейся записи выступления Патриарха Феофила, тот «совершенно четко говорил о Святом огне, называл его Holy fire». Это подтверждается **опубликованной наконец записью интервью Патриарха**, предоставленной Фондом Андрея Первозванного⁴. *«Не знаю, каких терминов ожидал Кураев, но, на мой взгляд, никаких оснований для толкования высказывания Иерусалимского Патриарха как высказывания, которое отрицает святость этого события, его непознаваемость, там нет. Это есть интерпретация конкретного человека»*, — подчеркнул В.Якунин. Он признал, что каждый человек обладает правом на собственное мнение, и заявил, что ему безразлично, носит ли этот человек *«костюм, рясу или сутану»*. Однако при всем этом **священноначалию Русской Православной Церкви следовало бы определить, «что и как позволительно трактовать священнослужителю, если он таковым является, а что не очень позволительно и не очень правильно»**, считает Владимир Якунин. Для гостиночника столь высокого ранга это максимально дипломатичное и политкорректное выражение крайней степени недовольства.

Через некоторое время появилась одна странная публикация, в которой подлинные слова Патриарха, совпадающие с опубликованным теперь официальным текстом полного интервью, на которое мы ссылаемся выше, перемежаются вполне благочестивыми, но, к сожалению, не совсем грамотными вставками⁵. Источник этой публикации не совсем ясен. Очевидно, что светская журналистка **«Русского репортера» Екатерина Ро-**

жаева, не очень хорошо разбирающаяся в деталях вопроса, стала жертвой ловкой дезинформации. Патриарх очевидным образом не мог произнести некоторых приводимых в ее «интервью» фраз, поскольку они, к сожалению, изобличают невладение достаточно элементарными сведениями, касающимися как Писания и Предания, так и совершаемой ныне церемонии зажжения Благодатного огня. Кураев на своем форуме не преминул воспользоваться этим⁶.

Но всех превзошел по степени наглой самоуверенности и склонности к передержкам небезызвестный К.Фролов (эпитеты пусть читатель придумает сам).

В его полной смысловых манипуляций интерпретации, оказывается, это Бычков вместе с Патриархом Феофилом кощунственно отрицают чудо схождения Благодатного огня, а честный Кураев всего лишь возмущается этим! Так прямо и пишет: *«Выставлять дьякона Андрея Кураева единомышленником Патриарха Феофила — сознательный подлог»*⁷. Обрушивается Фролов и на В.Якунина. *«Якунин, — говорит он, — обвиняет Кураева в передергивании позиции Патриарха Феофила, который, дескать, считает Благодатный огонь несомненным Чудом»*. (Что, как очевидно всем непредвзято настроенным наблюдателям, — несомненный факт. — В.С.) *«Лично я, — продолжает добровольный соработник Самого Честного Диакона, — как нетрудно догадаться — на стороне Кураева. Его мнение для меня более веско, чем мнение также уважаемого мной православного чиновника* (и чем мнение всех предстоятелей поместных Православных Церквей вместе взятых. — В.С.). *Да и нет никакого “мнения” — Кураев просто приводит слова Патриарха Феофила, а В.Якунин требует от Священноначалия чуть ли не санкции в отношении о. Андрея. А вот это просто опасно (!). Миссионерское служение диакона Андрея Кураева незаменимо. Желающих “потеснить” его “миссионерскую монополию”*

и на годы переселиться жить в самолет, и из года в год, объезжая город за городом с лекциями, нет. Поэтому с Кураева пылинки надо сдувать, поддерживать и поощрять, а не "останавливать" его»⁸.

Эту позицию мы знаем давно: назвался миссионером — автоматически стал неприкосновенным. А вот **чему** учит Кураев своих слушателей — этот вопрос даже не задается. Далее г-н Фролов начинает разбираться с Предстоятелем Иерусалимской Церкви. Оказывается, он и «антимиссионер» (ну, это традиционная мулька церковных либералов), и, что самое интересное, — «русофоб» (первым этот ярлык стал наклеивать на Патриарха профессиональный провокатор Чапнин, ныне друг и единомышленник Фролова). Думается, прочитав подлинный текст интервью Патриарха, читатель сам может судить о вздорности этих обвинений. Патриарх говорил, во-первых, о **слабой воцерковленности многих из тех русских, которые приезжают во Святую Землю** и искренне считают себя православными (а что, разве это не так?), а также подробно рассказал о том, как Иерусалимская Церковь помогает этим людям. Он сообщил российской делегации, что **специально для этого в его Церкви есть около десяти русскоговорящих священников**. Далее Патриарх сказал о России следующее:

«Для меня это был великий опыт и благословение — служить в России. У меня была возможность жить с этими людьми и быть с ними. Русская душа — религиозная душа! Независимо от того, во что она верит, это религиозная душа. И это жаждущая душа, в духовном смысле. Это душа, которая впитывает любую духовную пищу, которая доступна. И я думаю, здесь лежит ответственность Русской Православной Церкви, особенно ее священнослужителей. Я думаю, для Русской Церкви важно, что сейчас, когда происходит духовное возрождение, этим людям нужна духовная пища. Духов-

ная пища — это великое наследие Церкви. Когда я говорю "великое наследие Церкви", я имею в виду отцов Церкви. Я думаю, в этом есть большая потребность, и должно быть проделано много работы. Но эта работа со стороны духовных лидеров, священнослужителей и других, очень трудна, и ОНА НЕ ПРИНОСИТ ДЕНЕГ. ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ЕСТЬ ПОТРЕБНОСТЬ В ЖЕРТВЕ. И я думаю, уже пора бы Русской Православной Церкви вложить все ее материальные и иные ресурсы в то, чтобы продвигать, распространять и делать доступным великое духовное наследие Церкви. То есть отцы Церкви, знания об отцах Церкви должны стать доступны всем людям.

То, что я говорю, я не говорю только от себя и касательно своего беспокойства, **но я говорю от лица всех русских людей — как я их видел. Я говорю это, потому что, имея доступ — я имею в виду русских людей — к православной традиции, православному богословию, православной философии, к отцам Церкви, они раскроют свою истинную идентичность. Если бы они придерживались этой духовной, культурной, как угодно назовите идентичности, проблем, которые сегодня Россия испытывает с Украиной, не было бы. Это мое личное впечатление, понимание».**

В понимании окончательно потерявших всякое подобие совести «наших новых миссионеров» это называется «антимиссионерство» и «хамская русофобия». И понятно, откуда берутся эти обвинения, какова их, так сказать, тайная подоплека. Патриарх Феофил на в меру политкорректном дипломатическом языке посылает кое-кому «мессидж» (тут же названный услужливым Чапниным «русофобским»). Содержание его очень простое: «Конечно, то, что вы умеете деньги зарабатывать, — это хорошо, кто бы спорил, но вообще-то пора бы и о душе подумать. И главное — не забывайте, что основа идентичности вашего (то есть русского право-

славного) народа — великое духовное наследие святого Православия, а не что-то иное. Так несите его народу».

На вопрос о взаимоотношениях Иерусалимской и Русской Церквей Патриарх ответил:

«Наши отношения со всеми Православными Церквами превосходны. И то, что мы продвигаем со дня нашего вступления в эту должность, — это единство Православной Церкви в целом. В нашем православном сознании и понимании мощь Православной Церкви и Православных Церквей не в их численности, или мышцах, или физической силе, а в Святом Духе, в нашем единстве. Единство наших Церквей — это наша сила и наша мощь, и через это единство мы действительно можем разрешить всякого рода семейные проблемы. Я лично твердо верю в единство Церкви, я предан этому и работаю в этом направлении. Румыния и Молдавия — не проблема, реальная проблема — это Украина! Давайте будем честны и искренни! Потому что там политика и церковные дела взаимосвязаны, переплетены. А последствия — гораздо более далекие».

Рьяно стремясь любой ценой выполнить полученный заказ, ссылаясь на авторитетный для него «мессидж» Чапнина, Фролов пишет:

«О миссионерских успехах нынешнего Иерусалимского Патриархата ничего не известно. Известно лишь об антимиссионерских "успехах". Совсем недавно, перед смертью, русский рок-музыкант Егор Летов хотел принять Святое Крещение в Иерусалимском Патриархате. Ему устроили "катехизацию", предложив заплатить 200 у.е. После чего Летов "в знак протеста" сам себя "крестил" в Иордане и через некоторое время умер. Боюсь, что таких Егоров Летовых, навсегда забывших дорогу в Православную Церковь после подобной встречи, немало. Создается впечатление, что "работой" нынешнего Иерусалимского Патриарха Феофила является не апостольское служение, а изгнание из Церк-

ви интересующихся Православием, особенно русских.

Антимиссия. (Ср. приведенные выше слова самого Патриарха. — В.С.) Такое впечатление усиливается после ознакомления с “катехизаторской беседой”, которую устроил Патриарх Феофил 50 русским журналистам, которых Фонд святого Андрея Первозванного привез в Святую Землю, чтобы они поняли Истину и Красоту Православия. (Когда Фролов писал **это**, сам текст беседы еще не был опубликован. — В.С.) Организаторы и участники поездки наивно полагали, что уж кто-то, а Патриарх Иерусалимский будет их обращать в Православие, рассказывать, доказывать, объяснять, предложит креститься, исповедаться и причаститься у Гроба Господня. Не тут-то было... “Хамский, русофобский мессидж” Иерусалимского Патриарха Феофила произвел “огромное впечатление” на членов российской делегации., сообщает в своем “Живом журнале” Сергей Чапнин, ответственный редактор “Церковного вестника” — официального органа Русской Православной Церкви. “Мне такого слышать от предстоятеля Церкви еще не приходилось”⁹. Вывод понятный: «Греки не только не справляются с православной миссией на Святой Земле, но и препятствуют ей». **«Это повод для православных русских** (то есть для Кураева с Фроловым. Может, еще Малера в компанию возьмут. — В.С.) **взять на себя такую ответственность**». «Мы можем прямо сказать — Феофил лжет, — распаляется защитник «агрессивной миссии», — и у него нет никакого “непогрешимого” статуса, пусть даже “на кафедре”, который мог бы запутать дело и ввести в соблазн “младенцев в вере”». (Под последними имеются в виду российские журналисты. — В.С.) И т.д. Если это не заказ, то что тогда заказ?!

Верный ученик и сотрапезник Самого Продвинутого Апологета был очень доволен собой. Но... «беда пришла откуда не ждали» — от собственных «френдов»

Фролова. Эти последние указали апологету Настоящей Миссии на следующие «ляпы» в его грубо состряпанном «наезде» на Патриарха Феофила. Во-первых, **эпизод с Летовым произошел не в Иерусалимском Патриархате, а в Русской миссии в Иерусалиме (!)**. (Что можно было предположить: зачем человек из России пойдет креститься в греческую Церковь?) Во-вторых, исповеди у Гроба Господня вообще не бывает, а причащают там вообще всех паломников, которые, как правило, предварительно исповедуются у своих священников, обычно входящих в состав паломнических групп. (Так было и в нашей группе, в составе которой мне довелось посетить Святую Землю.) В-третьих, Ведущий Миссионер Кураев «грубо передернул» слова Патриарха Феофила (вот видите, собственные «френды» Фролова проявляют похвальное здравомыслие!), что даже посетители «ЖЖ» Фролова назвали «предпасхальной провокацией». В-четвертых, Патриарх Феофил и вообще Иерусалимская Церковь — как раз очень поучительной пример подлинной, неполитизированной миссии. «Френды» рассказали кураевскому соратнику о приходе отца Романа в Яффе, где происходит до трехсот крещений в год, о том, что сам Патриарх Феофил — незаурядный миссионер, который строил храм в Катаре, где до этого вообще не было православных, о том, что, вопреки обвинениям в том, что греки не желают рукополагать арабов, «первый епископ-араб в Иерусалимской Патриархии появился как раз при Феофиле». (Кстати говоря, сам Патриарх Феофил во время пресловутой беседы рассказал, что процесс вхождения местных православных палестинцев в состав клира Иерусалимской Церкви идет полным ходом.) Другие (будучи неангажированными пользователями Рунета) обратили внимание на то, что «наезд» на Феофила по сути отнюдь не миссионерский, а явно политический. Наконец, один из пользователей прямо заявил: «Иерусалим-

ская Церковь — последняя, которая еще не погрязла в экуменизме, на нее молиться надо. Эта Церковь действительно в полной мере исполняла и исполняет свой апостольский долг, в отличие от приведенного здесь в пример Антиохийского Патриархата, который вошел в интеркоммунион с еретиками — яковитами и мелькитами». Добило «миссионернутаго» публициста следующее заявление одного из «френдов»: *«Теперь понятно, на чью мельницу льет воду Кураев. В отношении таких, как вы, патриарх Феофил безусловно прав»*¹⁰. Приводить нецензурные «комменты» мы, конечно, не будем. Как говорится, «не рой яму другому».

Однако главная беда для Кураева и его верного оруженосца пришла не от пользователей «ЖЖ». Я уже упомянул о том, что располагаю эксклюзивным материалом, и это действительно так. Дело в том, что, прежде чем писать об этом, я, разумеется, пообщался с Кураевым, поскольку некоторые друзья говорили мне, что тот обвиняет во всем Бычкова, а сам чист как младенец. В телефонной беседе я задал Кураеву соответствующий вопрос. Поначалу он ответил именно в таком духе. Однако когда я предложил отцу диакону поучаствовать в радиопередаче, опровергающей бычковскую клевету, он отказался решительно, заявив, что хотя Бычков, конечно, скомпилировал его слова, но в целом передал их смысл вполне верно. Не веря своим ушам, я спросил: «Но о "зажигалке в кармане" Вы, конечно, не говорили?» Каково же было мое изумление, когда отец Андрей и от этих слов не отрекся, заявив, что «после общения с греками вера в чудо Благодатного огня» в нем «сильно поколебалась». Прямо по Достоевскому: «Вот вы тогда обедали, а я веру-то и потерял...» На всякий случай, слабо надеясь, что плохо понял высокомудрого диакона, я переспросил: «Так Вы не будете ничего опровергать?» «Еще чего, — был ответ, — пусть Феофил опровергает». То есть Патриарх должен еще и ответить за то, что кто-

то его так грубо «интерпретировал»!! «Миссия», основанная на отрицании несомненных, величайших чудес, и «клерикализм», в качестве неперменной константы включающий перманентную войну с высшим священноначалием... Причем заявлено это было буквально за два часа до того, как по молитвам Патриарха Феофила и всей Церкви вновь, по милосердию Божию, сошел Благодатный огонь!

После Пасхи я спросил одного из ответственных сотрудников Фонда святого Андрея Первозванного о всей вышеизложенной ситуации. Тот, будучи непосредственным свидетелем событий, ответил, что «огромное впечатление на членов российской делегации» произвел отнюдь не «хамский русофобский мессидж» Патриарха Иерусалимского, а как раз именно поведение дьякона Кураева, его хамство и грубость, в частности в отношении владыки Берлинского Марка, встреча с которым также входила в программу поездки. Приводить эпитеты, которыми этот ответственный чиновник и крайне интеллигентный человек наградил Кураева, я здесь тоже не буду.

И в заключение — опять о «миссионерстве». Не хочется снова, в который уже раз, повторять очевидное: деньги, власть и технологии — не есть то главное, что составляет основу подлинной миссии. Думается, довольно хорошо сказал о миссии именно для русских как раз Патриарх Феофил. Основа миссии — духовная жизнь и великая духовная традиция Православия, то есть именно то, что больше всего хотят уничтожить неообновленцы. Что до Кураева... Есть люди (лично знаю таких), которые весьма уверенно характеризуют его как человека с «сожженной совестью». Но мне не хочется так думать. Ведь была же когда-то в этом человеке искренность, радость веры и жажда подвига! Была, не может быть, чтобы не было. Поэтому в последний раз хочу обратиться к нему по-человечески и по-хри-

стиански. Отец Андрей! Ваша деятельность становится уже вот именно что опасной. Ведь вы же не Фролов! Не знаю, кто у Вас духовник, но если так дальше пойдет, то можете плохо кончить. (Это не я говорю, это духовные люди говорят.) Поэтому правильнее всего (искренне, дружески советую) было бы на время прекратить Вашу бурную деятельность, эту «жизнь в самолете» (тем более что уже, считай, и не осталось епархий, где не знали бы о Вашей склонности к различным «примочкам и прибабамбасам» типа «засохшего фаллоса монаха» или утверждения о допустимости для гомосексуалиста быть священником, если тот «удерживается» от сексуальных домогательств к прихожанам и к другим клирикам) и на годик-другой отправиться в какую-нибудь тихую обитель (не с лекцией, а для поправки духовного здоровья). От себя могу посоветовать Соловки. Впрочем, это дело вкуса. В Оптиной пустыни тоже неплохо.

Примечания

¹ См.: <http://www.mk.ru/blogs/MK/2008/04/21/society/349639/>

² См.: <http://www.pravoslavie.ru/put/080426153810>

³ См.: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=726530>

⁴ См.: <http://testis-mutus.livejournal.com/109783.html>

⁵ См.: http://www.expert.ru/printissues/russian_reporter/2008/15/interview_feofil/

⁶ См.: <http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=144513.0>

⁷ См.: <http://kirillfrolov.livejournal.com/301953.html>

⁸ См.: <http://kirillfrolov.livejournal.com/303347.html>. С тех пор этот апологет «миссионерства» успел уже много раз отмежеваться от Кураева, тем по факту признав давнюю правоту нашего более чем критического отношения к отцу протодиакону. — *В.С.*

⁹ См.: <http://kirillfrolov.livejournal.com/299885.html>

¹⁰ См.: <http://kirillfrolov.livejournal.com/299885.html>

О Благодатном огне и богословском рационализме

Церковное святоотеческое Предание
против новомодернистских трактовок
протодиакона Андрея Кураева

Впрочем, сам спасется, но так, как бы
из огня...

1 Кор. 3, 15

Трепещу, приемля огонь, да не опалюся...
Огонь бо еси, недостойная попаляяй...
Из молитв ко Святому Причащению

Предисловие

Дискуссия о Благодатном огне, порожденная несдержанностью некоторых духовно нетрезвых и просто враждебных Церкви людей, помимо своей скандальной составляющей имела, по крайней мере, один позитивный результат: она побудила к богословскому осмыслению того явления, которое одни называют «чудом схождения Благодатного огня», а другие (преимущественно иерусалимские греки) — явлением Святого света. В печатной и электронной православной прессе приведено уже достаточно документальных, сегодняшних и исторических, свидетельств подлинности этого чуда. Но наша тема в этой главе отнюдь не историческая, а чисто богословская. Поэтому мы не считаем целесообразным дублировать работу коллег, с результатами которой читатель может ознакомиться в ряде статей¹. Есть, однако, работы, претендующие на богословский анализ, где, наряду с вполне правильными и корректными утверждениями, делаются попытки отвести огонь критики (прошу простить за каламбур) от главного «виновника торжества» — протодиакона А.Кураева — и возводится

явная клевета на русский православный народ. Имеем в виду в первую очередь статью Алексея Потемкина², обнародованную автором в своем «ЖЖ». Не намереваясь вступать в абсолютно непродуктивную мелочную перепалку³ и считая чисто скандальную сторону события к настоящему моменту уже, в общем, исчерпанной, попробуем предложить свой богословский анализ проблемы, основанный на использовании аутентичных текстов Традиции.

Огонь в Священном Писании как знамение встречи Бога и человека

Для начала напомним общеизвестное: чудеса, связанные с огнем, являются в хрестоматийнейшие моменты Священной истории. Священный огонь появляется чудесным образом во время заключения завета между Богом и Авраамом (Быт. 15, 17); в несгораемом кусте в момент призвания Моисея (Исх. 3, 2); на жертвеннике в скинии во время посвящения Аарона (Лев. 9, 24); во время призвания Гедеона (Суд. 6, 21); во время суда Илии на Кармиле (3 Цар. 18, 38); в момент посвящения апостолов в день Пятидесятницы (Деян. 2, 3) и в ряде других эпизодов. Каждый из них заслуживает отдельного анализа, но общее у всех заключается в том, что уже в Писании показано, что священный огонь возгорает именно там и тогда, где и когда встречаются два разноприродных мира, Бог соприкасается с человеком.

В ключевом для Ветхого Завета (ВЗ) эпизоде явления Бога Моисею под образом горящего и несгорающего куста — Купины Неопалимой (Исх. 3, 2) — именно субстанция огня скрывает для тварных очей человека (пусть и избранного) нетварную субстанцию Божества, того личного Бога, Которого ни один человек не может видеть лицом к лицу и не умереть; именно стихия огня задолго до ставшего предметом знаменитых богослов-

ских споров Фаворского света являет здесь вечную Божественную славу. Именно здесь мы впервые слышим произносимое Божественными устами подлинное имя Бога: «Аз есмь Сый» — «Я есть Сущий». В момент так называемого «суда Илии» (3 Цар. 18, 38) субстанция посылаемого от Бога священного огня, попадающего жертвы пророка, оказывается таинственным и парадоксальным образом связанной со стихией прямо и, так сказать, традиционно противоположной, то есть **со стихией воды**. Учитывая прообразовательный характер ВЗ по отношению к Новому Завету (НЗ), ниже мы увидим, что данное обстоятельство оказывается чрезвычайно важным для нас.

Наконец, в новозаветной Пятидесятнице, венчающей центральный этап домостроительства нашего спасения — основание Церкви, дары Святого Духа посылаются апостолам в виде разделяющихся языков пламени. Кто рискнет утверждать сугубо тварный и, так сказать, естественный характер этого огня?

Таким образом, уже из Писания мы ясно видим, что Святой огонь, являющийся в ключевые, поворотные моменты Священной истории, есть не что иное, как совершенно особое знамение. Это есть огонь, как бы **высекаемый при встрече** двух миров, двух **онтологически несовместимых природ** — Бога и человека, огонь, свидетельствующий о нашем обжигающем прикосновении к Божеству. Ниже мы увидим, что для НЗ это есть не что иное, как **огонь обожения**.

Образ огня в «Философии культа» отца Павла Флоренского: постановка проблемы

Эту проблему ставит, предельно заостряя ее, отец Павел Флоренский в своей эпохальной работе⁴. Понимание отца Павла Флоренского основано на той традиции Писания, которой мы уже отчасти коснулись

выше. «Первое, основное и прочнейшее определение культа таково: он — выделенная из всей реальности та ее часть, где встречаются имманентное и трансцендентное, дольнее и горнее, здешнее и тамошнее, временное и вечное, условное и безусловное, тленное и нетленное» (с. 30). «В череду впечатлений мира вклинивается неотмирное, ни с чем не сравнимое, ни на что не похожее, *иное*. И вклинившись, разрывает ткань обычного, а тем и наше, приросшее к обычному сознание; проникает, как меч обоюдоострый, до разделения души и духа, до той спайки, где, собственно, и **соприкасается наше ноуменальное ядро с областью феноменов**, обнаружений и мирских проникновений. Проникши же — **ожогом ожигает наше Я: из времени мы узрели Вечность**» (с. 29). «Не в виде вторгающегося — источник страха, а в ощущении трансцендентности являющегося... Нездешнее открылось — и текучим, шатким, зыблущимся почувствовался весь мир: бывающее померкло перед истинносущим. А с бывающим померкло и само наше бытие: **сами мы (!) оказались дрожащим пламенем**⁵ среди ветреных пространств, на границе ничто, еле-еле не не-сущими. Но тогда-то мы нашли и свою вековую опору — в Сущем от века. Последнее уничтожение наше есть и величайшее возвеличение...» (с. 29). «Это окно в нашей действительности, откуда видятся миры иные. Это брешь земного существования, откуда устремляются питающие и укрепляющие его струи из другого мира. Короче, это есть Культ» (с. 29–30).

Описывая древние культы, преимущественно культ ветхозаветный, отец Павел Флоренский подробно и весьма выразительно описывает никогда не угасавший жертвенный огонь в ветхозаветном Храме и, переходя затем уже к христианству, замечает: «Древние культы внешней стороной своей более потрясали — и **тем** отверзали, **как бы** разрывали и не вещи зеницы, к зрению Тайн. Рассчитанный на большую вос-

приимчивость, культ христианский умеряет практическую глубину своих тайн более сдержанными и сухими формами: **если бы огонь, kloчочуший в Святой Чаше (!), являлся в формах, равносильных формам древним, никакая плоть не выдержала бы.** Если бы свет Святых Таин воссиял, не прикрываемый видом хлеба и вина, — говорил отец Иоанн Кронштадтский, — то не стерпели бы блеска их никакие тварные очи» (с. 41). И далее автор приводит те слова из Последования ко Святому Причащению, которые мы использовали в качестве эпиграфа, где Святые Таины прямо называются огнем и отождествляются с ним: «Хотя ясти, человеце, Тело Владычне, страхом приступи, да **не опалишия: огонь бо есть**». «**Трепещу, приема огонь, да не опалюся, яко воск и яко трава.** Се приступаю к Божественному Причащению. Соделтелю, **да не опалиши мя приобщением. Огонь бо еси, недостойная попадайя**».

Заметим, что эта интуиция отца Павла Флоренского — фактическое отождествление Святых Таин и Святого огня — восходит к самым сокровенным, глубинным пластам именно православной Традиции, выраженной, в частности, в приводимых им общеизвестных молитвах (являющихся, как мы знаем, абсолютно необходимой **непосредственной подготовкой** к участию в центральном для Церкви таинстве Евхаристии), и практически стопроцентно совпадает и с сегодняшней интуицией Иерусалимского Патриарха Феофила, также сравнившего схождение Святого огня с этим главным для православных таинством.

Итак, что мы можем вынести из этих крайне важных интуиций отца Павла Флоренского? Во-первых, Святой огонь есть то, что сопровождает **переход**, реализуемую связь между двумя **абсолютно несовместимыми мирами** — Богом и человеком, природой нетварной и тварной, миром трансцендентного и миром имманентного, здешнего, «посюстороннего» земного бытия. Этот

огонь есть проявление главной антиномии, лежащей в основе религии вообще и ее наиболее зрелой формы — христианства — в особенности. Два этих мира абсолютно **несовместимы**, и в то же время сама суть религии заключается в установлении и осуществлении их **связи**: оставаясь **здесь**, тленными и тварными, мы пытаемся каким-то образом заглянуть **туда**, получить сигнал **оттуда**.

По отцу Павлу Флоренскому, древние, лишённые ещё той истины, что открывается зрелому человечеству в Благой Вести, обладая, однако, религиозной чуткостью, интуитивно чувствовали онтологическую пропасть между Богом и человеком, Творцом и тварью, которую и пытались заполнить жертвоприношениями. Огонь, попадающий жертву, как бы **связывал несовместимое**, был пока ещё плохо осознанным посланием от человека к Богу. Более того. По мысли отца Павла, столкновение человека с явлением иного мира при должной религиозной чуткости и открытости души и самого человека как бы превращало и превращает в пламя, рождая в таких натурах тот самый *страх Божий*, который, по слову Писания, есть *начало премудрости* (Притч. 1, 7). Глубоко не случайно хрестоматийное выражение «огонь веры». Пламень древних культов есть **огонь жертвы** человека Богу, абсолютно неизбежной в силу трагической ситуации нашего греховного, падшего бытия (ср., например, готовность Авраама принести своего сына Исаака в качестве жертвы всесожжения — Быт. 22, 1–10), и насколько же превосходнее «Огонь, kloчущий в Святой Чаше», нежели «дрожащий пламень» приносимого в жертву тварного бытия! Здесь уже Сам Бог приносит Себя в жертву, и Святой огонь, возгорающий от этого «всесожжения», попадает наше греховное, тварное естество, заставляет трепетать человека, приемлющего внутрь себя эту страшную, обжигающую субстанцию Божественного пламени.

В связи с этим **чисто религиозным** восприятием Евхаристии (а забыть о нем совсем мы просто не можем, ибо все читаем молитвы, положенные перед Причастием) несколько по-иному видится развернутая в последнее время церковными либералами довольно нелепая дискуссия о «частоте причастий». Да причащайся хоть каждый день, если в состоянии постоянно жить в таком религиозном напряжении! Евхаристия — это жертва. Можешь ли ты всю свою жизнь, каждую ее минуту воспринять как культ, как служение Богу, по образу святых? В идеале так и должно быть, но в реальности-то это не так! Идея сверхчастых причастий связана не с углублением духовной жизни (что было бы прекрасно), но с ее профанацией (как и самого таинства). Не случайно исповедь (то есть **хоть какое-то** сознательное размышление о своем греховном недостоинстве: «суд себе ям и пию»), а также посты и молитвы, необходимые перед Причастием, они хотят по возможности сократить, а то и ликвидировать совсем. Дабы ничто не напоминало человеку, с какой страшной, судящей нас реальностью соприкасаемся мы, приступая к Святой Чаше!

Святой огонь как огонь обожения.

Данные богослужебных и святоотеческих текстов

Выше мы вкратце показали, что в традиции ВЗ Святой огонь возгорает там, где встречается несовместимое, абсолютно разноприродное — Бог и человек; однако в христианстве, как мы знаем, они не просто встречаются, но именно **соединяются** особым образом, описанным в Халкидонском догмате. В образно-символическом описании этого соединения Традиция снова указывает на огонь. Помимо приведенных выше молитв ко Святому Причащению, где с огнем сравниваются (точнее, прямо отождествляются!) Святые Таины, мож-

но указать на такой пример, как **Акафист Пресвятой Богородице в честь иконы Ея «Неопалимая Купина»**. Логика этого акафиста проста: поскольку Божия Матерь, в отличие от всех других людей, сподобилась принять в Себя Духа Святого — Который здесь прямо именован как «Огонь Божества» (икос 1), — и не опалилась, осталась жива, то, родив Сына Божия, Она обрела особую власть укрощать тварное, вещественное пламя. **«Видим икону Твою, Владычице, яко воистину купину неопалимую, во огни несгорающую, и присутствием Своим жилища человеческая в пламени несгораемыми соделывающую: Тебе бо дадеся благодать свыше, силу естества огненного укрощати, Огонь Божества во чреве Твоем неопально вместившей»** (икос 5).

В этом акафисте Церковь свидетельствует о Божией Матери как о Той, Которая первая среди тварных и грешных людей, вместила в Себя, в Свое чрево **благодать Святого Духа, то есть «Огонь Божества»**, сумела кардинально изменить свою природу; последняя приобрела поистине парадоксальные свойства, прообразовательно явленные Моисею в неопалимой купине. Приснодева **горит и не сгорает**, вечно молясь «у Престола Господня» за весь мир, и этим горением-молением **воспламеняет** к молитве и наши **«хладные сердца»**, одновременно **«прохлаждая» «зной»** (то есть жгущий, иссушающий безблагодатный пламень) наших страстей: **«Радуйся, свеще неугасимая (!), в молитвах своих у Престола Господня присногорящая; Радуйся, огнем любви Божия и наша хладная сердца воспламеняющая; Радуйся, сению молитв Твоих зной страстей наших прохлаждающая»** (там же). Итак, по представлению Церкви, Божия Матерь есть **неугасимая и несгорающая свеча, вечно горящая огнем молитвы**, то есть устремления тварного человека к соединению с нетварным Богом (и это при том, что Она, не имея личных грехов, уже приняла Бога в Себя и ныне пребывает

рядом с Престолом Господним); в то же время Она есть Божественный источник, от которого мы можем **испить воду жизни**: «Радуйся, Божественный Источнике, воду жизни источивый, от негоже пиющии ктому не умирают» (икос 8).

Таким образом, в этом акафисте Церковь свидетельствует о том, что в Божией Матери, как и в ветхозаветном эпизоде «суда Илии», взаимоисключающие стихии воды и огня становятся близкими и дружескими, чудесным образом дополняя друг друга. По отношению к человеку обе они, пребывая в единстве, обладают спасительной и очищающей, «живопитательной» чудесной силой.

Обратимся теперь к наследию отцов. Здесь следует сразу оговорить, что нас будут интересовать тексты не собственно догматическо-богословские (никакого догматического учения о Святом огне в Православной Церкви не существует), но именно аскетические, описывающие **опыт духовной жизни** подвижников. Ведь догматика есть плод попыток Церкви выразить в дискурсивной форме свой духовный опыт, который для живущего в правильном духовном устройении, правильном богообщении понятен и так, без всякого дискурса.

Учение отцов о молитве, о правильном духовном восхождении человека к Богу дает богатейший и интереснейший материал, касающийся именно Святого огня.

В V томе «Добротолюбия» находим рассказ о диалоге **преподобного Григория Синаита**, одного из наиболее выдающихся подвижников поздневизантийского исихазма, со своим духовным наставником — **преподобным Максимом Капсокаливитом**. Учитывая, что выше мы привели ссылки, связанные с одной из древнейших богородичных икон, уместно будет начать с рассказа преподобного Максима, также касающегося иконы Божией Матери. «От юности моей, — говорит святой по-

движник, — имел я великую веру к Госпоже моей Богородице и умолял Ее **со слезами**, да подаст мне сию благодать умной молитвы. В один день, пришедши в храм, как имел обычай, просил я Ее о сем с **безмерною теплотою сердца** и, когда потом с любовью целовал святую икону Ея, **вдруг ощутил в груди моей и в сердце моем некую особенную теплоту и пламя, исшедшее от святой иконы, которое не жгло меня, а орошало и услаждало и вносило в душу мою великое умиление.** С этого момента, отче мой, сердце мое начало из-внутри себя говорить молитву... и с того времени молитва не пресекалась в сердце моем»⁶.

Итак, в духовном опыте исихастов Святой огонь является **даром Божиим человеку, орошая и услаждая душу неземной радостью** о Господе, внося в нее **мир и умиление**. Но это дар не всякому человеку, а лишь **человеку молящемуся**, устремленному к Богу всем своим существом. Источник Святого огня двояк и в то же время един. Это **Сам Бог в Его нисхождении, обращении к человеку, благодать Божия**; и в то же время это **сердце подвижника** со сведенным в него умом, в котором отсечены все земные помыслы и есть лишь **сосредоточенность на Боге**. Одним словом, **Святой огонь есть плод истинной молитвы, как она понимается и практикуется исихастами.**

Сравним с рассказом преподобного Максима (к которому мы еще вернемся) рассказ одного современного подвижника, **пономаря Александра Семенова**, несущего послушание при Гробе Господнем. **«Еще не увидев Благодатного огня, — говорит он, — я почувствовал его схождение в свое сердце.** Это невозможно объяснить. И потом я это всегда наблюдал: огонь зримо мы еще не видим, но он уже сошел. За несколько секунд... до того, как его можно увидеть зримо, он уже есть в сердце»⁷.

Это **опытное знание**, известное православным подвижникам с древнейших времен. Уже упоминавшийся

нами преподобный Максим Капсокаливит так свидетельствует о плодах истинной молитвы, над которой не властно время: «Когда благодать Святого Духа придет в человека посредством молитвы, тогда молитва прекращается, так как ум весь тогда овладевается благодатью Святого Духа и не может более действовать собственными своими силами, но пребывает бездействен и повинуется только Духу Святому, и куда хочет Дух Святой, туда и ведет его...»⁸ «И чтобы тебе понять, как ум наш видит их (то есть высшие и сокровенные Тайны Божии. — В.С.), вникни в то, что я скажу тебе. Воск, когда далеко от огня находится, бывает тверд, и можно его взять и держать; но, **как только ввергнешь его в огонь, тотчас растаявает, и там в огне возгорается и горит, и бывает весь светом (!), и таким образом кончается весь среди огня.** Так и ум человеческий, когда один сам в себе бывает, не сретясь с Богом, тогда уразумевает, как обычно, окружающее его по силе своей, — **когда же приблизится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь всецело овладевается оным огнем Божеским, и бывает весь свет, и там в пламени Духа Святого возгорается и разливается в божественных помышлениях,** и никак невозможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своем и о том, о чем хочет»⁹. «**Тогда ум человека восторгается Божеским оным светом, и просвещается светом Божеского ведения, сердце делается тихим и кротким, и обильно источает плоды Духа Святого — радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, любовь, смирение и проч. (Гал. 5, 22), и душа его восприимлет неизреченное веселие**»¹⁰.

В приведенных отрывках святой Максим говорит о Благодатном огне, этом плоде истинной молитвы, как **одновременно и Божественном и человеческом по происхождению.** Благодатный огонь есть «огонь Божества, Духа Святого», и в то же время огонь сердца человека, огонь веры. Ум «возгорается в пламени Святого

Духа, овладеваясь огнем Божественным». «Воск» сердца и «Божественный пламень» в этом случае суть не две «субстанции», но одна; совершенно понятно, что здесь святой подвижник свидетельствует о многовековом опыте той истины, которая вскоре была догматически сформулирована Церковью на «паламитских» соборах, — то есть об опыте не природного (невозможного по определению), но **энергийного соединения, слияния человека и Бога.**

В этом свидетельстве о Святом огне и о духовных плодах правильной духовной жизни, «правильного» стяжания благодати преподобный является одним из непосредственных предшественников великого вождя исихастского движения, увенчавшего здание нашей святой и спасительной веры своим учением о нетварных Божественных энергиях, **святителя Григория Паламы**, который говорит: «Столп истины, Василий Каппадокийский, пишет, что "человеческое знание достигается трудами и упражнением, а знание, идущее от Божией благодати, — праведностью и умилением; и первое знание могут приобрести даже люди, погруженные в страсти, тогда как второе доступно только бесстрастным, которые **во время молитвы видят, как их озаряет собственное сияние их ума**". Ты понял, брат, что **избавившийся от страстей ум видит при молитве самого себя как бы светом и Божиим светом озаряется?**»¹¹

Итак, отцы учат о Святом огне как порождении той **сердечной теплоты**, которая рождается в человеке от правильного духовного устройства, правильной молитвы, устремления души к Богу. Этот огонь обожения возгорается в сердце человека как **итог покаяния** и невозможен без покаянного плача о своих грехах; горестное оплакивание грехов, разделяющих, разъединяющих человека с Богом, претворяется в плач радости оттого, что грехи прощены и единство с Богом вос-

становлено. «Радостотворному плачу» посвящены многие хрестоматийные страницы аскетической литературы, самые известные из которых находим в Иоанновой «Лестнице»¹². Опытное аскетическое знание, добытое отцами в неимоверных трудах, заключается в том, что, вопреки падшему естеству, «естественным» законам падшей греховной природы, по которым тварный вещественный пламень угашается водой, слезы покаяния есть абсолютно необходимый «горючий материал» для Благодатного огня обожения. Если вспомнить здесь то, что говорилось у нас вначале о прообразовательном значении некоторых эпизодов ВЗ, имеющих отношение к нашей теме, то можно будет сказать следующее. Подобно тому как пророк Илия поливает свои жертвы водой непосредственно перед тем, как исшедший с неба огонь пожирает их, так и Святой огонь благодати Божией, благодати Святого Духа нисходит на сердце подвижника, орошенное, «увлажненное» слезами покаяния.

Именно покаянный плач — критерий «истинности» Святого огня, знаменующего восстановленное единство человека и Бога, именно он предохраняет подвижника от прелести. Об этом прямо говорит ученик преподобного Максима преподобный Григорий Синаит, сыгравший, пожалуй, ключевую роль в духовном становлении поздневизантийского исихазма. «Действие благодати есть **сила огня Духа**, которая в радости и веселии сердца движет, укрепляет, согревает и очищает душу, прекращает как бы на час помыслы и временно умерщвляет телесное движение... Действие прелести есть **воспламенение греха**, разгорячающее душу в услаждении, пробуждающее бешеное страстное влечение к плотскому сожительству в телесном движении...»¹³

«Хранение в молитве и плача является величайшим оружием против того, чтобы от радости молитвы не впасть в самомнение, но, избрав себе [в удел] утешительную печаль, соблюсти себя невредимым... **Свобод-**

ная от прелести [Иисусова] молитва, ввергающая на землю нашего сердца огонь, сопровождается теплотой, пожигающей страсти, как тернии, и образующей в душе тишину и радость. Теплота приходит не с правой или левой стороны, не свыше, но **в сердце струится наподобие источника воды от животворящего Духа**»¹⁴.

Точно так же рассуждает о цели христианской жизни — обожении — другой великий святой, живший на несколько веков ранее преподобных Григория и Макасия, — **преподобный Симеон Новый Богослов**. «Имеющий в себе свет Всесвятого Духа, не в силах бывая терпеть зрение Его, падает на землю ниц, взывает и вопиет, в ужасе и страхе великом, как увидевший и испытавший нечто такое, что выше естества, выше слова и разума, и бывает он подобен человеку, у которого от чего-нибудь возгорелись внутренности огнем, от которого, жегомый и жжения пламени не могли терпеть, становится он весь измученным и совсем не имеющим силы быть в себе. Но, **будучи непрестанно орошаем слезами и ими прохлаждаем, еще сильнее воспаляется он огнем желания божественного, а от этого слезы еще обильнее у него текут**, и он, будучи омываем изливанием их, **еще блистательнее сияет**»¹⁵. Подчеркнем еще раз: покаянный плач, «влага слез», согласно отцам, — абсолютно необходимый «горючий материал» для пламени веры, и только поливаемое покаянными слезами, это пламя способно просветлять человека, делать его боговидным и богоподобным, сильнее проявлять в нем образ Божий¹⁶. «Когда же, весь разжегшись, станет он как свет, — продолжает преподобный Симеон, — тогда исполняется на нем сказанное (Богословом): Бог с богами соединяем и ими познаваем (так Бог соединяется с обожаемыми от Него и Его познающими)»¹⁷. Итак, делает вывод преподобный Симеон, «плач двоякое имеет действие: и, как вода, погашает слезами весь пламень страстей и оmyвает душу от скверны, причиняемой ей

ими, и опять, как огонь, присутствием Святого Духа животворит, **согревает, воспламеняет сердце** и возбуждает в нем любовь и вождение к Богу»¹⁸.

Главная ошибка богословствующих рационалистов. Историческая аналогия

Мы вполне могли бы приводить и другие, весьма многочисленные и красноречивые данные богослужбных и аскетических текстов, касающиеся Святого огня, однако думается, что вполне можно уже перейти к собственно богословскому анализу.

Проблема, проявившаяся в результате высказывания протодиакона А.Кураева и последующей дискуссии о Благодатном огне, отнюдь не нова. Она выражает то главное, что, зарождаясь в самой Церкви, в умах и душах людей, ее чад, становится затем главным препятствием на пути ко спасению, главным двигателем апостасии. Это **богословский рационализм**, истоки которого, в свою очередь, кроются в практическом **отрыве от духовного опыта отцов**, аутентичного опыта Традиции. Вдумчивым историком подобного рода эпизоды сразу опознаются как типичное «дежавю», которыми полна история Церкви.

Те «богословы», которые пытаются ныне богословски «обосновать» кураевский пассаж, произнося на первый взгляд правильные и безупречные слова, в действительности совершают такую же подмену проблемы и подмену понятий, какую совершали в свое время **варлаамиты**. В контексте чисто рационалистической логики те и другие абсолютно безупречны и неопровержимы. Варлаам спрашивал: Фаворский свет тварен или нетварен? Если он тварен, то что есть обожение, в чем оно? Если нетварен, то как ученики могли видеть его тварными очами? Ведь нетварного Бога видеть нельзя!

В ответ на учение Паламы об энергиях варлаамиты вопрошали: энергии суть следствие или причина Бога? Отличаясь от Божественной Сущности, они очевидным образом не могут быть ее причиной, поскольку нетварный Бог есть Сам Себе причина; до Бога и кроме Него вообще ничего не существует, иначе какой же это абсолют? В этом случае нетварные энергии суть то же самое, что и Сама Сущность Божия, и никак от нее неотличимы. Если же они есть следствие Божественной причины, то они не менее очевидным образом тварны, ибо у Бога есть только одно «следствие» — творение. И т.д. и т.п.

Очень похожим образом рассуждают и современные «критики» Благодатного огня¹⁹. Если речь идет о каком-то особом **схождении благодати**, пусть даже и под видом огня, говорят они (за многие столетия терминологию усвоили), то как же нетварная благодать может преобразоваться, трансформироваться во вполне тварную субстанцию самого обычного, вещественного пламени? Ведь **трансформация природ**, как и некое **пантеистическое слияние** человека с «субстанцией» Божества, по нашей вере, невозможна? Так что благодать благодатью (Кураев-то уж, во всяком случае, по крайней мере на словах, благодати не отрицает), а где-то, на каком-то этапе непременно должна быть «зажигалка»... При этом доморощенные остроумцы, очень гордящиеся тем, что Господь сподобил их пройти семинарский курс богословия, оглуляют своих оппонентов, превращая их в каких-то огнепоклонников, выдумывая какое-то «знание самовозгорания», про которое никто из нас никогда ничего не говорил...

Что было делать исихастам во главе со своим вождем, святителем Григорием Паламой, перед лицом ереси, в очередной раз ополчившейся на Церковь, перед лицом богословствующих рационалистов? То же, что всегда делала Церковь в подобных случаях: пере-

вести **опытную истину**, опытное знание об обожении, добытое трудами подвижников, на язык богословского **дискурса**. Ведь паламизм — это не космологическая теория об устройстве мира, но «диалектика» подвига, диалектика духовной жизни, изложенная в терминах, понятных для «внешних». Все богословие Паламы есть венец святоотеческого аскетического, молитвенного опыта; это не «учение о Боге и человеке», но **богословие обожения**. «Когда душа неистовствует и как бы сотрясается неудержимой любовью к единому Желанному, — говорит святитель, — вместе с ней волнуется и сердце, духовной пляской выдавая общение с благодатью и словно порываясь отсюда к обетованной телесной встрече с Господом на облаках (Мф. 24, 30; Мк. 13, 26; Лк. 21, 27; 1 Фес. 4, 17). Так в напряженной молитве, когда **разгорается нечувственный огонь, зажигается умопостигаемая лампада и томление ума вспыхивает воздушным пламенем** духовного виденья, тело тоже странно легчает и разогревается до того, что, по слову изобразителя духовных восхождений (то есть преподобного Иоанна Лествичника. — В.С.), при взгляде на него **кажется словно вышедшим из жара чувственной печи**»²⁰. «Как телесное чувство воспримет свет нечувственный в собственном смысле слова? — отвечает святитель на вопрошания своих противников. — Через ту **всемогущую силу духа**, посредством которой избранные апостолы увидели его на Фаворе, когда **он просиял не только от плоти, несущей в себе Сына, но и от облака, несущего в себе Отца Христова**»²¹. Ибо и «душа, по святому Максиму, через причастие Божией благодати сама делается Богом»²².

Чисто субстанциальному (или «эссенциальному», по С.С. Хоружему) пониманию нетварного Бога и тварного человека, а также вполне иллюзорной и чисто умозрительной в рационалистической логике связи между ними паламиты противопоставили свое учение об энер-

гиях. Характеризуя собственно православное, «византийское» богомыслие, богомыслие Дионисия Ареопагита, святого Максима Исповедника и др., логическим завершением коего является паламизм, В.Н. Лосский пишет, что оно «предполагает различие между непознаваемой «усией»²³ и ее проявлениями (динамическими свойствами, или энергиями), различие, которое вместо того, чтобы ограничивать мистический взлет, ставя человеческую личность перед накрепко запертыми воротами, напротив, распахивает перед ней бесконечный путь — за гранью познания»²⁴. Нетварные Божественные энергии, сообщаемые человеку от абсолютно трансцендентного и непознаваемого Бога, «познаваемые» им в духовном опыте, суть тот же самый Бог, та же нетварная Божественная субстанция, но данная в аспекте своего действия, своей **проявленности**, своего **волевого устремления** к «иному», то есть к тварному миру, творению и его «венцу» — человеку. Бог не просто существует Сам в Себе, в своей нетварности, в своей самодостаточной замкнутости, но устремлен к творению в волевом хотении спасти его от плена греха и смерти, соединить с Собой, обожить. В свою очередь, и человек, подобно Богу, не замкнут в своей тварности, но устремлен к Творцу своей волей к спасению. Соединение несовместимых и несоединимых природ в личности Богочеловека — Христа реализуется в духовной жизни человека, или, что то же самое, в **обожении по благодати, или энергии**. Нетварный Бог вполне реально сообщается тварному человеку через духовно-энергетическое соединение.

Вся хрестоматия аскетики, начальные этапы аскетического «умного художества» — борьба со страстями, послушание, отсечение помыслов, духовное восстание после непрестанных падений, покаянный плач и т.д., в общем виде обозначаемая как «невидимая брань», — суть лишь подготовка личности к тому духовному со-

стоянию, когда тварная энергия человека обретает способность соединиться с нетварной энергией Бога. Более высокий уровень этой подготовки, как мы знаем, обозначается в аскетике как «**сведение ума в сердце**». Это средство преодоления обычной рассеянности ума, «путь организации всех энергий не просто в единство (в некое единство их организует и страсть), но в единство, пригодное для соединения с Божией энергией»²⁵. «Таковою работою создается новый тип энергийного образа, в котором энергии умственные и душевные образуют единую структуру, "сочетание ума с сердцем", "умо-сердце". Эта энергийная структура — порождение подвига и один из его центральных элементов, несущих опор»²⁶.

Резюмируя суть и подчеркивая значение паламитского учения об энергиях, современный исследователь указывает на ту реальность обожения, которая в главном, существенном расходится с представлениями богословствующих рационалистов, полагающих благодать чем-то сугубо внешним для «тварной природы» человека. **«Православие полагает стяжание благодати актуальным соединением тварных энергий человека и нетварной Божественной энергии... Синергия, соработничество Божественной и человеческой энергии — ключевой элемент всей икономии богообщения... "Христианская жизнь — это согласие двух волей: Божественной и человеческой", — говорят Софроний и Силуан... Соединение двух энергий означает их встречу и требует существования "места встречи"; оно не может совершиться, если нет какой-то общей арены, какого-то пространства, измерения, в котором действуют обе. Бытие не доставляет такого общего измерения: между Богом и человеком, тварью — онтологический разрыв. Но Бог и человек встречаются в сфере личности, или же "личностного бытия-общения"; у них нет общего рода, общей области бытия, и, однако, между ними проис-**

ходит личное общение... Синергия возможна исключительно в сфере "личностного бытия-общения" и должна рассматриваться как одна из категорий этой особой сферы». В этой особой личностной сфере энергийного соединения человека и Бога Божественной и человеческой энергии принадлежит различная роль. «Когда соединение сформировалось, деятельным началом в нем является только энергия Божественная, благодать»²⁷. Однако «человеческой энергии должен принадлежать исходный импульс, начальное обращение и устремление к благодати: только оно может послужить завязкой процесса»²⁸.

Более подробное изложение всей этой диалектики обожения не входит в нашу задачу²⁹. Напомним лишь общеизвестное. А именно: подробный анализ святоотеческого учения об энергийном соединении человека и Бога, ставший к настоящему времени уже хрестоматийным, представлен у целого ряда православных богословов XX века, полнее и глубже всего — у В.Н. Лосского.

Если вернуться к феномену Святого огня и проблеме его богословской интерпретации, то следует, во-первых, резюмировать, что все многочисленные высказывания отцов на эту тему, а также то, что представлено в богослужебных текстах нашей Церкви касательно Святого огня, очевидным образом невозможно воспринимать лишь в качестве какой-то художественной образности, пусть даже и символической, какой-то фигуры речи. Здесь мы имеем дело с описанием **совершенно особой реальности, особого опыта — реальности обожения, личной встречи и энергийного соединения человека и Бога**. Святой огонь, началом коего является особая *сердечная молитвенная теплота*, возникающая лишь в сердце, орошенном **«радостотворным» покаянным плачем** и, в силу этого, **свободном от прелести**, — этот огонь на начальном этапе молитвенного подвига

есть **внутреннее порождение молящегося сердца**; и в то же время он, как видимая, осязаемая, воспринимаемая преображенными чувствами форма благодати, исходит извне, есть **дар Божий**.

Вывод. Природа Святого огня не субстанциальна («эссенциальна»), но энергийна

В чуде Благодатного огня нет «превращения» нетварной Божественной природы (или субстанции) в тварную и земную. (Такое понимание, игнорирующее онтологическую пропасть между Творцом и тварью, было бы, в свете православного вероучения, нечестием и ересью, впадением в пантеизм.) Здесь есть, напротив, **соединение двух энергий**: энергии божественного нисхождения не просто к миру, но именно к Церкви, как общине верных, и энергии волевого устремления веры, устремления к Богу молящихся, собирающихся вокруг Святого Гроба. **«Природа» Святого огня, обладающего чудесными свойствами, сходящего вначале в сердца молящихся, не субстанциальна («эссенциальна»), но энергийна.** Верующие говорят о Святом огне: «пью благодать», «умываюсь благодатью» и т.п. Этот странный летучий огонь обладает, оказывается, свойствами воды! В этом своем ежегодном опыте они полностью совпадают с опытом великих подвижников прошлых веков, чьи весьма многочисленные свидетельства (отчасти приведенные у нас выше) сближают (и порой вплоть до отождествления) Святой огонь и «воду живую» Божией благодати. Вещественный огонь светильников, возгорающий затем от этого Благодатного огня веры, огня, «высекаемого» столкновением, встречей двух энергий — Бога и собравшихся людей, — есть знамение и символ, напоминание об этом благодатном соединении, но вопрос о нем в свете вышесказанного вообще вторичен. Однако если уж говорить об этом

вещественном огне, то **именно в нем вполне уместно видеть символический смысл** (напоминание о чуде обожения), почему этот огонь и пользуется таким почитанием молящихся (подобно, скажем, **иконе — образу, возводящему к первообразу**).

Главное здесь заключается в том, что сама постановка вопроса о «превращении» природы Божественной в тварную (прямо ведущая к выводу, что поскольку это невозможно, то никакого Благодатного огня вообще не существует, а есть лишь зажигаемое обычным способом пламя светильников) некорректна и неправомочна. **Благодатный огонь есть энергичное соединение двух волей, а не «природа», или «субстанция».**

Вполне понятно, почему данное явление имеет место именно в Храме Воскресения, где объединены Голгофа и Гроб Господень, **непосредственно из которого воскрес Христос**, ибо крестная жертва Его есть залог нашего спасения, так сказать, предпосылка обожения; без крестной жертвы и Воскресения Христа стяжание Святого Духа невозможно. (*Духа Утешителя пошлю вам от Отца* — Ин. 15, 26.)

Схождение Святого огня — не просто какое-то «частное» чудо, подобное мироточению икон, чудесным исцелениям и т.п. Это **феномен, относящийся к самой сердцевине** именно духовной традиции Православия, «естественное», с точки зрения законов аскетики и вообще духовной жизни, явление, зримо знаменующее **плоды обожения, личностного соединения во взаимном волевом (энергичном) устремлении человека и Бога.**

Здесь нас обязательно спросят: пусть так, пусть Святой огонь — особая реальность, а не символический образ, и говорится о нем во множестве аутентичных текстов Традиции, а не только лишь в свидетельствах, связанных с чудом, которое ежегодно бывает у Гроба Господня. Но ведь то, о чем говорится в приве-

денных Вами текстах, относится к высочайшим ступеням аскетическо-молитвенного подвига; неужели Вы готовы утверждать, что этих ступеней, которых редко достигают и незаурядные подвижники, достигла вся эта масса паломников, всех этих... «теток» (особенно из России)³⁰, которая ежегодно собирается у Святого Гроба?³¹ На это легко ответить.

Первое. Кем заранее (и доказательно) определено, что наш русский православный народ непременно глуп, невежествен и суеверен? Кем решено и подписано, что те паломники, которые тратят свое время и деньги не для каких-то удовольствий и развлечений, а только лишь для того, чтобы увидеть великое чудо, суть ограниченные и суеверные, неразвитые искатели не благодати, а непременно лишь каких-то внешних знамений? Последнее — типичный и очень распространенный либеральный миф, плод гордыни кичащейся своим высокоумием самопровозглашенной образованческой «церковной элиты»³².

Второе и самое главное. Благодатный огонь есть **ответ Бога на молитву, во-первых, Иерусалимского Патриарха, а во-вторых, всей Церкви, со всем сонмом ее часто безвестных и не мелькающих «в телевизоре» подвижников**, которая в этот момент умом и сердцем возносится к воскресающему Христу. Почему Благодатный огонь возгорает именно на Святом Гробе — вполне понятно, и об этом говорилось у нас выше.

Что же до богословского рационализма, этого верного спутника апостасии... Я построил эту свою работу вполне «традиционно», то есть так, чтобы мой личный и, быть может, в чем-то пристрастный голос был слышен как можно тише. Пусть говорит сама Традиция — Писание и Предание, пусть говорят отцы — те, на кого уж точно все мы должны смотреть снизу вверх, даже если кто-то из нас и занимает профессорские должности, не имея, впрочем, не то что докторской, но даже

и магистерской степени. И, думается, вполне уместно будет завершить ее высказыванием нашего великого духовного писателя (не бывшего, правда, никаким профессором) — **святителя Игнатия (Брянчанинова)**, явно не без оснований люто ненавидимого многими из «либеральных христиан».

«Особенное внимание должно обратить на действие в нас **тщеславия**, которого действие на кровь очень трудно усмотреть и понять. Тщеславие почти всегда действует вместе с утонченным сладострастием и доставляет человеку самое тонкое греховное наслаждение. Яд этого наслаждения так тонок, что многие признают наслаждение тщеславием и сладострастием за утешение совести, даже за действие Божественной благодати. Обольщаемый этим наслаждением подвижник мало-помалу приходит в состояние самообольщения, признавая самообольщение состоянием благодатным, он постепенно поступает в полную власть падшего ангела, постоянно принимающего вид Ангела светлого, — делается орудием, апостолом отверженных духов. **Из этого состояния написаны целые книги, восхваляемые слепотствующим миром и читаемые не очистившимися от страстей людьми с наслаждением и восхищением.** Это мнимодуховное наслаждение есть не что иное, как наслаждение утонченным тщеславием, высокоумием и сладострастием. **Не наслаждение — удел грешника: удел его — плач и покаяние.** Тщеславие растлевает душу точно так же, как блудная страсть растлевает душу и тело... Потому-то святыми отцами предлагается в общее делание всем инокам, в особенности занимающимся молитвою и желающим преуспеть в ней, святое покаяние, которое действует прямо против тщеславия, доставляя душе нищету духовную. Уже при значительном упражнении в покаянии усматривается **действие тщеславия на душу, весьма сходное с действием блудной страсти.** Блудная страсть научает стремить-

ся к непозволительному совокуплению с посторонней плотью и в повинующихся ей, даже одним услаждением нечистыми помыслами и мечтаниями, изменяет все сердечные чувствования, изменяет устройство души и тела; тщеславие ведет к **противозаконному приобщению славе человеческой** и, прикасаясь к сердцу, приводит в нестройное сладостное движение кровь, — этим движением изменяет все растворение (расположение) человека, вводя в него соединение с дебылым и мрачным духом мира и таким образом отчуждая его от Духа Божия»³³.

Нам представляется, что высказывание это много дает для понимания духовных истоков того вклада в апостасию, который вносится порой популярными авторами толстых и тощих книг.

Примечания

¹ См., например: *Авраам (Рейдман), схигумен*. О чудесах по расписанию // Церковный вестник. 2008. №9 (382). Май (<http://www.tserkov.info/numbers/shrines/?ID=2562>); *Иов (Гумеров), иеромонах*. Благодатный огонь: величие чуда и бессилие скептиков // <http://www.pravoslavie.ru/put/080617115112>; *Максимов Ю.* В защиту Благодатного Огня // <http://www.pravoslavie.ru/put/080426153810>

² *Потемкин А.* Конфликт интерпретаций: чудо Благодатного огня или «знамение самовозгорания» // <http://alex-potemkin75.livejournal.com/>

³ Считаю своим долгом лишь заметить, что никто из православных паломников, свидетелей чуда, и богословов, его защитников, никогда не употреблял термина «знамение самовозгорания». Этот термин изобретен как раз богословствующими либералами, отрицающими чудо, которые, по своему обыкновению, успешно борются с созданным ими самими образом врага.

⁴ *Флоренский Павел, священник*. Философия культа. (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

⁵ Здесь и далее в тексте цитат знаки препинания — по оригиналу, курсив и другие выделения мои. — В.С.

- ⁶ Добротолюбие. Т. 5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 473.
- ⁷ См.: <http://www.pravoslavie.ru/guest/080426144024>
- ⁸ Добротолюбие. Т. 5. С. 474.
- ⁹ Там же. С. 475.
- ¹⁰ Там же. С. 476.
- ¹¹ *Св. Григорий Палама*. Триады в защиту священнобезмолствующих. М.: Канон, 1995. С. 66–67.
- ¹² См.: *Преподобного отца нашего Иоанна*, игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 76–87 и др.
- ¹³ *Преподобный Григорий Синаит*. Творения / Пер. еп. Вениамина (Милова). М.: Новоспасский монастырь, 1999. С. 92–93.
- ¹⁴ Там же. С. 128.
- ¹⁵ Добротолюбие. Т. 5. С. 25.
- ¹⁶ В связи с этой неразрывной связью Святого огня и плача, «влаги» покаянных слез (знанием, постигнутым отцами опытным духовным путем), небезынтересно следующее наблюдение. Некоторые свидетели, рассказывающие о схождении Благодатного огня у Гроба Господня, говорят о том, что изначально на камне Св. Гроба появляются как бы некие *капли росы*. — Еще одно крайне интересное опытное свидетельство чудесного соработничества в данном явлении двух, казалось бы, враждебных стихий.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 27.
- ¹⁹ Мы полагаем, что всерьез можно говорить лишь о критиках, так сказать, искренних, внутрицерковных. Люди, подобные С. Бычкову или А. Солдатову, нас принципиально не интересуют.
- ²⁰ *Св. Григорий Палама*. Указ. соч. С. 94.
- ²¹ Там же. С. 99.
- ²² Там же.
- ²³ **Усия** — богословский термин, активно используемый, в частности, В.Н. Лосским. Обозначает непознаваемую и несообщаемую человеку сокровенную природу, или «сущность», Бога (в отличие от сообщаемых человеку божественных энергий, которые, будучи также нетварными, тем не менее, по учению Православной Церкви, могут сообщаться человеку, соединяться с его тварными энергиями). Православная Церковь, таким образом, учит об обожении по благодати, по энергии, а не по природе. Именно это строго православное святоотеческое учение лежит в основе нашей концепции, в которой сделана попытка богословски объяснить природу Благодатного огня.

²⁴ Лосский В.Н. Боговидение. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1995. С. 96.

²⁵ Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. С. 106.

²⁶ Там же. С. 108.

²⁷ Ср. приведенные выше свидетельства отцов об их опыте богообщения.

²⁸ Там же. С. 127–129.

²⁹ Отчасти мы заняты этим в работе: **Христианская цивилизация: новый перелом?**, вошедшей в качестве центральной главы в нашу книгу «На обрыве времен» (М., 2010).

³⁰ В последнее время в либерально-неообновленческих кругах наших «просвещенных христиан» для обозначения основной массы «непросвещенных» православных утвердилось странноватое для русского уха презрительное словечко «фофудья».

³¹ Тот же Кураев недавно вполне подобострастно, с истинно «мисионерским» смирением, выслушивал резкие нападки двух гламурно-политизированных дам с НТВ — Т.Толстой и А.Смирновой. В программе «Школа злословия» они так прямо и пеняли ему: «Почему мы (то есть «просвещенные православные») должны терпеть **в этой Церкви** (прямо как «эта страна»!.. — ВС.) всех этих ваших... теток?!»

³² Один из идеологов этого движения игумен Петр (Мещеринов), очень относительный, прямо скажем, богослов, недавно так прямо и заявил: **«"диомидовщина" — мировоззрение не кучки маргиналов, а большей части наших православных»** (см.: <http://www.russia.ru/geroi/peresedov/?507>). Значит, вывод — **сменить народ?** Кто же тогда является выразителем церковной полноты? Ведь без того, что в богословии называется «рецепцией» (то есть одобрительного восприятия того или иного решения церковной власти всей церковной полнотой), оно, в строго православной логике, и не может считаться истинным! Наверно, церковная полнота для неообновленцев — это сам Мещеринов с кучкой своих диссидентствующих единомышленников... Плохому танцору известно что мешает, а реформаторам — всегда народ...

³³ Соч. еп. Игнатия (Брянчанинова). СПб., 1905. Т. 2. С. 214–216.

Современные литургические эксперименты в РПЦ

Опыт постановки проблемы

В воскресенье 20 ноября 2011 года в Храме Христа Спасителя в день рождения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла была отслужена Божественная литургия, на которой собралось множество архиереев нашей Церкви, представители духовенства всех приходов стольного града и несметное число православного народа. Все пришли на Евхаристическую трапезу, чтобы поздравить своего Первоиерарха с 65-летним юбилеем, помолиться за него и причаститься вместе с ним Святых Христовых Таин.

Богослужение проходило чрезвычайно торжественно и благолепно. Алтарь не мог вместить всех представителей епископата и клириков, поэтому большинство из них молилось не в алтаре, а в храме. Все были рады и счастливы, поскольку накануне в главный московский собор прибыла великая святыня — Пояс Пресвятой Богородицы.

Небольшое замешательство произошло лишь тогда, когда была закрыта церковная завеса и в алтаре началось Причастие. Оказалось, что к Причастию Тела

и Крови Христовых у святого престола приглашены вместе с Патриархом не все архиереи, но лишь митрополиты (число которых заметно увеличилось за два последних года). Прочие же владыки — архиепископы и епископы, равно как все московские священнослужители, были направлены для Причастия не в алтарь, но в галерею за алтарем, где были установлены дополнительные престолы. Большого смущения среди епископата и московского духовенства, вероятно, не произошло бы (учитывая исключительную многочисленность собрания), если бы на эти дополнительные престолы были вынесены из алтаря Святые Дары.

Но этого не произошло!

Ни Тело Христово, ни Святая Кровь Господня из алтаря не выносились. Для Причастия было предложено нечто, принесенное из другого места — не из алтаря, где служил литургию Святейший Патриарх Кирилл. Клирики причащались не только «не там» (не в алтаре), но и «не того» — не Тела и Крови, освященных во время служения литургии, за которой они молились.

В итоге большинство представителей епископата и духовенства не смогли объединиться в Евхаристической трапезе со своим Предстоятелем. Чаша Христова оказалась отделяющей «белых клобуков» от «черных клобуков» и прочих низших церковных чинов.

Недоумение, досада и разочарование читались на лицах многих. Правда, публично о таком неслыханном «литургическом нововведении» заявил в своем ЖЖ лишь протоиерей Андрей Кураев.

Чем закончилась та памятная Божественная литургия, помнят многие. После поздравления Патриарха Кирилла с юбилеем Его Святейшества прямо на амвоне рухнул в обморок и был унесен в алтарь, не успев произнести ни одного слова.

Второй раз подобное переживание испытали представители столичного духовенства в воскресенье 9 сен-

тября 2012 года. В этот день по случаю 200-летия торжества победы русского оружия над войском Наполеона все московские клирики были приглашены Святейшим Патриархом Кириллом на литургическое служение в Храм Христа Спасителя.

Благолепная умилительная служба в присутствии чудотворной Смоленской иконы Божией Матери и на сей раз не оставила никого равнодушным.

Недоумение возникло вновь, когда пришло время Причастия. В знакомой московским батюшкам заалтарной галерее были предложены Святые Дары. Но они также были вынесены не из алтаря, а откуда-то сбоку.

Можно было услышать следующие реплики, которыми обменивались причастники:

— Откуда принесли эти Дары?

— Не знаю.

— Может быть, с ранней литургии?

— Да вряд ли.

— Тогда откуда же?

— Отец благочинный говорил, что будто с ранней литургии из нижнего храма.

— Точно ли?

— Да какая тебе разница? Причастился и отходи.

— Так мы причащаемся Преждеосвященными Дарами?

— Выходит, что так.

— По чину больных и умирающих?

— Да мы такие и есть, большего и не достойны.

— А может быть, это вовсе не Святые Дары?

— Не знаю.

— А может быть, в Чаше простое вино?..

— Может, вино, а может, и что похуже. Не искушай меня, отец, я и сам искушаюсь.

В этот день Патриарх в обморок не падал.

Напротив, после завершения Божественной литургии на ступенях храма Христа Спасителя был отслу-

жен торжественный молебен, в конце которого Святейший Патриарх Кирилл предложил всем присутствующим пропеть вместе с ним Символ веры.

Невольно вспоминается духовная обстановка в Храме Христа Спасителя перед его взрывом в эпоху культа личности. Многие обвиняют в этом злодеянии Сталина — как могла подняться святотатственная рука на уничтожение главного собора России, храма-памятника, построенного на народные деньги в честь победы в Отечественной войне 1812 года!

Но мало кто знает, что **в послереволюционные годы этот храм не был православным**. В нем служили обновленцы, враги святителя Тихона. В храме Христа Спасителя располагалась кафедра **лжемитрополита Александра Введенского**. Русификация богослужения, безжалостное коверкание церковных чинопослдований и прочие литургические эксперименты были для живоцерковников обычным делом. Но Бог терпел поругание святыни до тех пор, пока кощунство не коснулось Евхаристической Чаши. В книге Левитина-Краснова описан эпизод, как однажды, во время соборного служения, Введенский обратился к своим клирикам-обновленцам с литургическим возгласом: «Христос посреди нас!» На это **епископ Антонин (Грановский)** громогласно ответил: «Нет Христа посреди нас!»¹ После чего все присутствующие причастились от одной Чаши...

После такого кощунства и глумления над Божественной литургией Сам Господь уже не стал терпеть бесчинства еретиков и предал храм для уничтожения в руки безбожных коммунистов. Так в древности первый Иерусалимский храм Он отдал полчищам Навуходоносора. Так после предательства иудейскими первосвященниками Христа Спасителя на крестную казнь второй Иерусалимский храм был отдан Богом на разрушение в руки римских легионеров под предводительством Тита и Веспасиана.

И Сталин, и Навуходоносор, и римские кесари при разрушении Божьего храма исполняли не свою волю, но были лишь орудием в деснице Господней.

Каким наказанием посетит нас Господь за современное отступничество? Каким демократам-разрушителям предаст в руки Церковь?

Послесловие В.Семенко

Данный небольшой по объему текст, недавно попавший в наше распоряжение, принадлежит перу действующего священника законной, канонической Русской Православной Церкви, человека очень ревностного, который, в отличие, увы, от слишком многих, не боится взглянуть в лицо реальности и признать, что она именно такова, не приукрашивая ее. Этот человек поистине пламенной веры, невзирая на свою бескомпромиссность в отстаивании Христовой Истины, неустанно говорит об угрызениях совести за свою пассивность. «Мы все виновны в том, что происходит, — говорит ба-

тюшка, — ибо молчанием предается Бог». Выполняя волю автора, мы свидетельствуем, что он готов признать свое авторство, открыто объявить свое имя, но лишь в том случае, **если будет дан ход делу**, если будет назначена официальная церковная комиссия для расследования литургических нововведений в главном храме РПЦ, кафедральном соборе Патриарха Московского и всея Руси. Кто знает, быть может, мужественный поступок автора, не желающего молчать в ситуации, когда церковные реформаторы, ныне рядящиеся в консервативные одежды, посягнули уже на самое святое, самую сокровенную сердцевину жизни Церкви — Святую Евхаристию, побудит молчащие церковные массы запуганных и одураченных клириков и мирян прервать молчание и, в свою очередь, засвидетельствовать об Истине?

Проблема, поднимаемая автором, просто дышит кричащей, актуальнейшей судьбоносностью. Ибо всегда, во все времена, что бы ни происходило в нашей Церкви, мы знали и верили, что она, во всяком случае, обладает спасительными Таинствами, среди которых центральное место занимает, разумеется, Евхаристия. Как бы глубоко дух мира (ныне еще поощряемый реформаторами) ни проник в Церковь, какие бы губительные новшества ни вводились, Церковь жива Духом Божиим, действующим в ее Таинствах. И значит, наша надежда на спасение не потеряна. Но что делать, если так называемые реформы коснулись уже и этой сакральной сердцевины, этого духоносного сердца Христовой Церкви? Как быть, если реформаторы уже и сюда вносят вполне мирской, теплехладный, полный «рациональности» и тяги к комфорту дух маловерия, безразличия и преступного легкомыслия в недостойных играх со святыней? И можем ли мы надеяться на помощь Божию, Им даруемую благодать при таком отношении к литургии — самой главной службе Церкви, ее главному общему делу? Когда, в какой момент нарастания нашего маловерия,

небрежения и отступничества Бог отнимает благодать и, промысля о Своей Церкви, попускает гонения? Сие есть тайна, нам безусловно неведомая.

В этом коротком, но удивительно емком и содержательном тексте автор буквально спасает честь русского духовенства, в истинно христианском духе рассматривая важнейший и вновь актуальнейший вопрос о гонениях. Нечестие тех, прежних обновленцев «подготовило» уничтожение храма воинствующими безбожниками. Странно было бы оправдывать этих последних, отрицая наличие в них злой воли. Но если мы и в самом деле реально веруем в Промысл, мы не можем не признать, что всеведущий и всемогущий Господь и сами гонения обращает нам во благо. Злая воля гонителей — отдельный вопрос. Но не учит ли Церковь, что сокровенная суть практического христианства заключена в принципе «Начни с себя»? И есть ли «заговор» внешних сил единственная причина гонений?

И вот теперь, когда с такой любовью и тщанием, с таким восторгом веры восстановленная святыня вновь подверглась явному поруганию, когда вместо благолепия и пышности византийского обряда всю порезвились здесь «скверные плясавицы» — не наше ли равнодушие к происходящему в храме, к профанации литургии тому виной?

Эта маленькая статья — укор всем нам, нашему безразличию и теплохладности. Она будит наш ум и бережит душу. Она зовет к борьбе — не с внешними врагами, принимающими для нас каждый раз удобный нам самый облик, — но к борьбе в Церкви за дело Церкви, к борьбе за веру. Останется ли автор одинок или обретет многих соратников?

Примечания

¹ Автор письма имеет в виду инцидент, произошедший между епископом Антонином (Грановским) и лидером обновленческой «Живой Церкви» протоиереем Владимиром Красницким: как известно, при словах «Возлюбим друг друга» все священнослужители подходят к архиерею для взаимного лобзания «и глаголет архиерей: Христос посреде нас. И отвечает целовавый: И есть, и будет» (Служебник). «Нет Христа между нами», — проговорил на всю церковь Антонин, когда к нему подошел Красницкий; то же самое сказал он П.Сергееву — одному из самых активных живоцерковников. «Нет — и не надо», — единственное, что мог ответить оторопевший Красницкий (Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. — М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 131).

Тупик либерального христианства

О неообновленческой экклезиологии

священника Георгия Кочеткова

Давно замечено, что, пытаясь не просто противостоять всеобщей секуляризации, дехристианизации жизни (к чему неустанно призывает нас наш Предстоятель — Патриарх Кирилл), но, по возможности, завоевывать в ней для себя новые пространства, Церковь воинствующая неизбежно сталкивается с обратным влиянием внешнего мира. «Мир» стремится проникнуть через церковную ограду, пытаясь разрушить церковный организм изнутри. Поэтому прямое или косвенное столкновение, конфронтация с «миром» для Церкви неизбежны. Парадокс нашей нынешней церковной ситуации состоит в том, что вытекающую из самой природы Церкви необходимость распространять слово Божие, христианизировать и воцерковлять все сферы жизни некоторые «ревностные не по разуму» «миссионеры» принимают за неизбежность компромисса, приспособления к «миру», к «духу века сего». Неизбежное для Церкви бытие-в-истории некоторые церковные и околоцерков-

ные деятели лишают самого главного компонента, отличающего Церковь, как учреждение богочеловеческое, от любой чисто человеческой земной организации, — эсхатологического измерения, стремления выйти за ее, истории, пределы.

Из среды либерально настроенных, или, как они себя сами часто именуют, «открытых», христиан все громче раздаются призывы не просто к разумно понятому экуменизму как богословскому диалогу с другими конфессиями, но к *«раздвижению чисто конфессиональных рамок соборности»*, «примирению и согласию», «открытости... ко всем людям доброй воли». Говорят не только об «общехристианской культуре... но и о соборной, планетарной, общечеловеческой культуре, объемлющей все духовные достижения рода человеческого»¹. Предполагая, стало быть, позитивную оценку и внехристианской духовности, что для христианина равнозначно неразличению духов.

С этими тезисами вполне созвучны некоторые ключевые положения неообновленческой экклезиологии, в частности то учение о Церкви, которое давно уже развивает в своих многочисленных публикациях заштатный клирик Московской епархии Георгий Кочетков. Последний прямо говорит о возможности «христианской веры вне Церкви»², о «внецерковной традиции истинной веры»³, о том, что «Церковь истинная, как живое Тело живого Христа, — не имеет жестких и, тем более, жестоких (? — В.С.) границ»⁴, и, в конечном счете, по-своему вполне четко формулирует, что «нет и никогда не будет строгих определений Православия, а значит, и инославия, православности, ереси и раскола»⁵. «Вершиной» богословской мысли отца Георгия является призыв к Церкви «стать чувствительной к Божественному Откровению»⁶. Стало быть, по отцу Г.Кочеткову, Откровение отнюдь не проявляет (или не всегда проявляет) себя в «наличной» Церкви (то есть

богоустановленность Церкви отнюдь не есть принадлежность ее природы), что возможно и некое откровение вне Церкви, к которому ей еще только предстоит стать «чувствительной». Что тогда догматы и каноны, утвержденные отцами Вселенских Соборов, в чем критерий истины и каков путь ко Христу?

Если возможно Божественное Откровение вне Церкви, то, очевидно, вне Церкви возможна и харизма — ключевое понятие неообновленческого богословия. «Церковь, не имея своего голоса, *не может дать руку тому, кто имеет действительные духовные дары...* (выделено мною. — В.С.). Неясно, голос Церкви — где он? Соборы? Далеко не всегда и не во всем соборы. Патриарх — тоже»⁷. Ясное дело, что «харизматикам» с их автономными от учения Христова «смыслами» приходится несладко. Да и Церкви не позавидуешь: несчастная «не знает, как принять это в себя, как впитать и питаться этим»⁸. В соответствии с учением отца Г.Кочеткова о «динамизме», а то и просто отсутствии видимых границ Церкви находится активно насаждаемое его Сретенским братством представление о том, что православные христиане, по крещению и вере принадлежащие к Церкви видимой, могут быть «неполными» членами мистической Церкви и для полноты своего воцерковления нуждаться еще в дополнительной катехизации по системе, принятой в братстве, в то время как люди, очевидным образом находящиеся вне видимых границ Церкви, могут быть не только ее «полными членами», но даже и носителями «личной святости».

Надо сказать, что отец Г.Кочетков давно уже развивает положение о «размытости» границ видимой Церкви. В своей ранней программной работе «Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви», опубликованной под псевдонимом Николай Герасимов⁹, он также пишет, что «границы Церкви рационально четко не

обозначены и не обозначимы никогда»¹⁰. Вместе с тем там же встречаем призыв «верою постигать границы Церкви, ибо войти в Церковь значит таинственно перейти границу, оказаться за этой границей...»¹¹, а также утверждение, что вне своих «границ Церкви, как и Самого Бога, просто не существует»¹². Православное (да и просто здравое!) сознание не в состоянии понять этого богословия, оставаясь в границах нормальной логики: Церкви, как и Самого Бога (!), не существует вне несуществующих границ Церкви, которые мы каким-то образом таинственно переходим!

Опыт Церкви (прежде всего Вселенских Соборов) учит, что догматически строгое, богословски корректное мышление, всегда основанное на духовной трезвости (когда разум лишь постигает богооткровенную Истину, а не занимается самочинным «творчеством»), непременно несет в себе некое высшее равновесие. Таков Халкидонский догмат. Напротив, рассудок самочинного «харизматика» при всей своей видимой, автономно-человеческой и потому неизбежно плоской и примитивной «рациональности», горячащийся и неизменно впадающий в гордыню от близости к «духу», обязательно содержит неразрешимые противоречия, колеблясь от одной крайности к другой, *а часто сочетая в себе все возможные крайности и противоречия*, нимало не достигая трезвости и равновесия соборного разума Церкви. Так и неообновленческая экклезиология, размывая внешние границы Церкви, границы между Церковью и внешним миром, в то же время воздвигает непреодолимые барьеры внутри самой Церкви, между ее разными аспектами, вполне в несторианском духе отделяя Церковь земную от Церкви небесной. Прямо декларируется, что, «поскольку церковь в своем объективированно-социализированном бытии не есть Сам Бог» (что справедливо), она «не божественна, а человечна»¹³. Из этой простой и ясной, предельно

однозначной (в отличие от более ранних построений отца Г.Кочеткова) формулировки очевидным образом следует отрицание Богочеловеческого характера Церкви. Здесь же автор призывает «различать три смысла слова «церковь» (включая церковь-храм). Во-первых, это Церковь (с большой буквы) как мистическое Тело Христово, которое есть Богочеловечество и весь мир Божий, живущий по благодати. В ней поэтому нет иной власти, кроме власти любви, и выше и старше в ней лишь тот, кто ближе к Богу во Христе. Во-вторых, это церковь (с малой буквы) как человеческая организация и человеческое единство во имя Христа. Она человеческа, и в ней поэтому есть еще и административная власть, а выше обычно тот, кто занимает более высокую должность в церковной организации»¹⁴. Таким образом, церковная иерархия есть для отца Г.Кочеткова плод чисто человеческого, земного произвола, а не Богочеловеческое установление по образцу иерархии небесной.

Похожие (хотя и не абсолютно) формулировки находим в уже упоминавшейся статье «Николая Герасимова», где различаются «три реальности и, соответственно, три понятия — Церковь, церковь и храм-церковь, где первое ближе к тому, что чаще всего называют единым Богочеловеческим организмом, столпом и утверждением Истины, полнотой Наполняющего все во всем, мистическим Телом Христовым, народом святым, родом избранным, царственным священством, людьми, взятыми в удел; второе — к церковной институции со всеми ее учреждениями и организациями в их исторических духовно-культурных формах и проявлениях; третье — к тому, что обычно называют домом Божиим и обычным местом совершения богослужения»¹⁵.

Определенного рода запутанность и неясность, некоторая «мистическая неразличенность» богословской мысли отца Г.Кочеткова, преобладание интуи-

ции над духовной трезвостью и четким догматизмом не должны нас обманывать. Утверждение Богочеловечности «мистической» Церкви и чисто человеческого характера церкви «институционально-правовой» есть в действительности не что иное, как нарушение исходного догматического равновесия Божественного и человеческого аспектов в реально существующей Церкви. Если реально существующая, богоустановленная иерархия (или, скажем, орган церковного управления) искусственно лишается своего Божественного, небесного аспекта, если Дух Святой не действует, к примеру, в решениях Соборов и в распоряжениях церковной власти, то понятным образом этот Божественный аспект начинает мыслиться в качестве изолированного и может быть произвольно *приписан* чему *угодно*. Ибо каков же объективный критерий «мистической Церкви», ее «богочеловечности», если последняя отрицается в применении к исторически сложившейся и развившейся Церкви? Правильное догматическое сознание мыслит Богочеловечность как изначальное, объективное качество Церкви, основанной Христом, против которого люди (в том числе и иерархи) могут погрешать себе в осуждение, но не могут (вопреки протестантскому взгляду) нарушить его в принципе, ибо Церковь есть установление Божие, а не плод человеческого произвола.

Все эти построения отца Г.Кочеткова заставляют вспомнить известное предостережение Владимира Лосского, писавшего о двух опасностях, наиболее характерных для современной церковной жизни, — экклезиологическом монофизитстве и экклезиологическом несторианстве. Если экклезиологические монофизиты (к которым можно было бы отнести наиболее радикальных представителей современного церковного фундаментализма), по его словам, «желают только хранить Истину и умерщвляют церковную икономию, ту много-

образную и всегда различную в зависимости от времени и места деятельность Церкви, посредством которой Она питает мир», то «экклезиологические несториане ради икономии готовы забыть о неизменной полноте Истины, обитающей в Церкви, и вместо того чтобы оплодотворять ею мир, начинают искать вовне, в человеческом творчестве... питания для Церкви», переставая «видеть, что источник жизни и ведения Церкви не мир, а Дух Святой». Или, добавим, пытаюсь стяжать Духа не в Церкви, а в «мире», искажая само понятие Церкви, делая его более «мирским». Церковные несториане, по словам Вл. Лосского, «с одной стороны, обесплочивают Тело Христово, превращая его в отвлеченное "духовное начало", с другой — неразлично смешивают его с миром... **Церковь начинает жить жизнью мира как одна из его стихий и уже не может дать ему того, что ждет от Нее мир, ибо Она ничем больше по существу не отличается от мира**»¹⁶.

Осуждая несторианское рассечение единства Церкви на два аспекта, «небесный» и «земной, исторический», Вл. Лосский говорит далее о «двойкой цели», которую преследует церковная иерархия: «с одной стороны, ограждение самобытности и свободы Церкви от начал мира, с другой — икономию по отношению к миру, в котором и для спасения которого Она существует». «Частое нарушение церковного единства в наши дни... пренебрежительное отношение к канонам, в которых хотят видеть лишь внешне-административные распоряжения, а не живое выражение церковного единства, хранимого иерархией, — все эти прискорбные явления таят в своей глубине **неверное восприятие Церкви: отрицание Ее живой плоти, развоплощение или, по крайней мере, расслабление единства божественного и человеческого начал в Церкви**. Эта ложная установка есть некое порождение протестантского спиритуализма на православной почве. Она выражается **в почти**

полном нечувствии к конкретно-историческому характеру Тела Христова. Остается лишь сакраментальное восприятие этого Тела, Церковь как организм, в котором осуществляются таинства. Но понятие о Церкви как Экклезии с ее канонически-иерархической структурой... исчезает из сознания многих. Если конкретно-историческая Церковь не есть само подлинное Тело Христова... то, конечно, все становится относительным и безразличным»¹⁷. Вспомним в этой связи учение отца Г.Кочеткова о невозможности дать «строгие определения Православия... инославия, православности, ереси и раскола».

Хорошо пишет о неприемлемости для правильной экклезиологии дуализма «небесного» и «земного» аспектов Церкви, о необходимости целостно-духовного ее восприятия, об очевидности существования видимых границ Церкви и такой оппонент Владимира Николаевича Лосского, как отец Сергей Булгаков, в своей известной книге «Православие»¹⁸, не случайно, кстати, не указываемой отцом Г.Кочетковым (при всем его широко декларируемом почтении к отцу Сергию) ни в одном известном нам списке рекомендуемой им литературы. Подобные примеры из творчества столь почитаемых нашими либералами русских богословов XX века можно множить и множить.

Если, как следует из учения отца Г.Кочеткова, Церковь земная и Церковь небесная — две абсолютно различные реальности (по крайней мере, у него всегда подчеркивается именно их различие, своего рода параллельность существования и нигде специально не декларируется их неразрывная, мистическая связь), то не ясно ли, что понятие «Церковь земная» в этом случае лишается видимо богоустановленного критерия и может быть наполнено в принципе каким угодно содержанием? Если «сущность» — не является, то то, что ранее (при правильном понимании) мыслилось как яв-

ление этой сущности, теперь, по общеизвестной кантовской логике, оказывается не чем иным, как «вещью-в-себе». Церковь видимая у отца Г. Кочеткова есть не что иное, как кантовская вещь-в-себе, то есть она оказывается как раз невидимой, не в смысле небесного аспекта Церкви, а в смысле ее принципиальной неопределимости.

Церковь земная, таким образом, не обладает видимыми признаками, позволяющими отличить ее от всего иного, от того, что не есть сама Она, отличить ее от «мира». А это-то как раз и означает, что границы Церкви размыты и неопределенны, сколько бы ни делали здесь извиняющихся оговорок.

Но если мы признаем, что объективно границ Церкви не существует, то они могут быть проведены произвольно (вспомним знаменитый пассаж отца Г. Кочеткова о «признаваемой многими христианами настоящей личной святости... в границах Церкви мистической (от Франциска Ассизского до Д. Бонхоффера и А. Швейцера, может быть, даже Махатмы Ганди)»).

Идущие по пути этой произвольности естественным (а в высшем смысле как раз именно противоестественным) образом начинают все сильнее раскачивать церковный корабль, и сектантско-раскольничья логика дает все явственнее о себе знать. Для того и необходимо неообновленцам это стихийное кантианство в богословии (или, правильнее, богословски выражаясь, экклезиологическое несториянство), чтобы, разорвав объективную, сверхъестественную, Богочеловеческую связь земного и небесного аспектов Церкви, вместо нее установить по большей части произвольную, искусственную, чисто человеческую связь, наполненную вполне субъективным содержанием, подменить плоды Богочеловеческого Промысла человеческим произволом. Другой вопрос, насколько такое стремление осознанно.

Согласно отцу Г.Кочеткову (Николаю Герасимову), «соборность Церкви на уровне всемирного Православия в настоящее время до конца не явлена и явлена быть не может»¹⁹. Оказывается, далее, что «в истинной Церкви вся истина не собрана и не явлена, что она же может быть дополнительно обнаружена, по меньшей мере в некоторых своих существенных частях, за видимыми организованными границами Церкви; в единой Церкви не явлено все ее единство, в святой и апостольской церкви — вся ее святость и апостоличность» и т.д.²⁰ С другой стороны, «Дух как объект поисков становится иногда их субъектом»²¹ (С.Т. Богданов — псевдоним отца Г. Кочеткова). «История земной церкви знает... многие... споры и раздоры, возникавшие в церкви во имя полноты духовной свободы против власти иерархии, против единообразия в вере и форме богослужения и т.п. Здесь отчасти и гностики, здесь и монотанисты, первые поколения монахов и ислам... здесь мистические секты, павликиане и богомилство, катары, вальденсы, протестантизм в своей лучшей части, здесь в известной мере оккультизм, теософия и т.д. Отчасти здесь даже юродивые и старцы церкви...»²² Таким образом, мы видим, что **поиски «духа», «истинного харизматизма», свободного от «пут» видимой церковной организации, явным образом выходят у отца Г. Кочеткова за пределы христианства и охватывают сферу духовности, которая самой Церковью в лице святых отцов однозначно определяется как ложная.**

Общеизвестен вывод отца Г. Кочеткова (С.Т. Богданова) о необходимости (или даже скрытом, потенциальном наличии в самой Церкви) «двух типов устройства христианских обществ («ветхозаветного», где в центре стоит храм, и «новозаветного», где в центре — благодать и свобода)», или, по его терминологии, «экклесиического», «с его догматами, канонами, чинными устава-

ми, апостольской преемственностью иерархии и т.д.», и «синагогально-синаксарного», то есть «общинного», устройства. Вывод этот подверг в свое время уничтожающей критике отец Иоанн Мейендорф²³, обвинивший автора в «гностическом элитизме»²⁴. Это противопоставление, выливающееся на практике в весьма агрессивное *противопоставление прихода и общины*, как и все другие умозрительные и практические выводы отца Г.Кочеткова, является прямым следствием теоретического (по отцу Иоанну Мейендорфу, «гностического») дуализма в неообновленческой экклезиологии. Парадоксальным (но лишь на первый взгляд) образом оказывается, что для отца Г.Кочеткова и его окружения «размыты и четко не определены» границы между Церковью и не-Церковью, между Церковью и внешним миром, но *воздвигнута непреодолимая стена* не только между Церковью небесной и земной, невидимой и видимой, между Божественным и человеческим аспектами Церкви, но и между *их «церковью»*, этим воинствующим обновленческим «орденом меченосцев», и тем реально существующим народом Божиим, о котором более всего пекутся они на словах. (Характерно, кстати, что против неообновленчества более всего восстают именно «лаики», то есть миряне, причем богословски наиболее грамотная часть народа Божия, реально (и активно!) живущая церковной жизнью.)

Искусственно разорвав два аспекта Церкви и теоретически размыв границы Церкви видимой, отец Г.Кочетков и иже с ним сталкиваются с реально существующей Церковью, с ее Преданием, историей и традициями, и оказываются перед лицом дилеммы: либо признать действие в ней Духа Божия и бессмысленность искания «Духа» вне Церкви, либо, опираясь на свое по существу протестантское положение о возможности харизматизма вне «церкви» (по отцу Г.Кочеткову,

с маленькой буквы), вести борьбу с ней. Таким образом, признание максимально широких границ Церкви, утверждение об их неопределенности, базирующееся, в свою очередь, на отрицании объективной, богоустановленной связи двух аспектов Церкви, приводит на практике к фактическому (пусть пока потенциальному, данному в виде тенденции) расколу, к противопоставлению своей, до поры до времени функционирующей в рамках Церкви, системы «общин» реально существующей и исторически сложившейся церковной организации.

Церковь видимая также оказывается расколотой, причем та ее часть, которая объявляет себя максимально свободной, максимально «открытой» к тому, что находится вне ее (за пределами «формальных» и «жестких» границ видимой Церкви), оказывается при этом наиболее «жесткой и даже жестокой», наиболее агрессивной по отношению к «историческому Православию».

Примечания

- ¹ НГ-религии. 1997. 27 февр. С. 6.
- ² Афанасьевские чтения. 1994. С. 104.
- ³ Там же. С. 109.
- ⁴ Там же. С. 108.
- ⁵ Вестник РХД. 1994. № 169. С. 16.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Новая Европа. № 1. С. 71.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Вестник РХД. 1979. № 128.
- ¹⁰ Там же. С. 44.
- ¹¹ Там же. С. 43.
- ¹² Там же. С. 45.
- ¹³ Православная община. 1991. № 1. С. 18.
- ¹⁴ Там же.

- ¹⁵ Вестник РХД, 1979. № 128. С. 41.
- ¹⁶ Вл. Лосский. Спор о Софии. Статьи разных лет. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1996. С. 113–114.
- ¹⁷ Там же. С. 117–118.
- ¹⁸ Отец Сергей Булгаков. Православие: Париж, ИМКА-ПРЕСС, 1964. С. 35. 40–42. Репринт: М.: Терра, 1991.
- ¹⁹ Вестник РХД, 1979. № 128. С. 58.
- ²⁰ Там же. С. 59.
- ²¹ Вестник РХД, № 140. С. 56.
- ²² Там же. С. 57.
- ²³ Там же. С. 78–82.
- ²⁴ Там же. С. 81.

Кишиневский погром, или «Миссия по самое не могу»

Как протодиакон А.Кураев борется
с ревнителями православной веры

После выхода весной этого года открытого письма молдавских клириков против экуменизма, направленного ими Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу, было ясно, что в покое их не оставят. А уж после встречи с архиепископом Феогностом, на которой выяснилось, что эти молдаване не только не собираются уходить ни в какой раскол и все время подчеркивают свою каноническую верность Патриарху и митрополиту Владимиру, но и готовы обсуждать проблемы, спокойно аргументировать свою позицию, а не просто ругаться, стало абсолютно понятно, что отныне кое-кто сочтет их своими личными врагами. В полном соответствии с технологией, отработанной в истории с теперь уже бывшим епископом Диомидом, их будут унижать, оскорблять, третировать, пытаясь любой ценой избежать разговора по существу поднятых проблем, любыми средствами стремясь перевести вменяемый богословский диалог в плоскость скандала. Действие вышеозначенной немудреной технологии многие из нас испытали на себе, но только мы оказались кое

для кого орешком более крепким, чем пресловутый Диомид, разгрызть который «технологам» не удастся до сих пор. Надеемся, что с Божией помощью не удастся и впредь.

В случае с молдаванами наш прогноз оказался верным на все сто процентов. Основным орудием провокации, управляемой невидимыми кукловодами, оказался (что неудивительно) небезызвестный «протодиакон всея Руси» А.Кураев, который, приехав в Кишинев якобы для чтения «миссионерских» лекций, сразу взял быка за рога и публично, в передаче молдавского телевидения, назвал главного вдохновителя анти-экуменического письма протоиерея Анатолия Чибрика и членов возглавляемого им Общества святой Матроны Московской «сектантами» и «подонками», что было затем повторено им на встрече со студентами Кишиневского теологического института. Главная претензия отца протодиакона к своим молдавским оппонентам, с помощью которой он доказывает правоту своих слов, заключается в том, что они якобы называли Святейшего Патриарха Кирилла еретиком, при этом оставаясь в каноническом общении с ним. Скажем сразу, что даже если бы это было так, то подписантов молдавского письма можно было бы называть «смутьянами» или, в крайнем случае, «потенциальными раскольниками» (что само по себе недоказуемо и в этом смысле также относится к области оценочных суждений), но никак не «сектантами» и тем более «подонками». Ибо сектант, в отличие от раскольника, отделившегося от спасительной церковной полноты, с которой он ранее составлял одно целое (а молдаване не только не отделились, но и не думают отделяться), изначально пребывает вне церковной ограды, в то время как протоиерей А.Чибрик — действующий митрофорный протоиерей РПЦ, имеющий церковные награды, бывший секретарем у трех архиереев и по определению не может

быть сектантом. Что же касается эпитета «подонок», то это вообще слово, имеющее явно сниженный оттенок и относящееся к сфере субъективных оценочных суждений, не имеющих абсолютно никакого отношения ни к богословию, ни к каноническому праву.

Но дело даже и не в этом, а в том, что отец протодиакон в данном случае позволил себе явно ложное высказывание, абсолютно не соответствующее действительности, ибо отец А.Чибрик и другие подписанты письма нигде не называли Святейшего Патриарха Кирилла еретиком и, таким образом, главный повод для скандала был буквально высосан Кураевым из пальца. В молдавском письме в действительности говорилось, что авторы обращаются к Предстоятелю Церкви «с достоинством к Первосвятительскому сану, с болью в сердце»; в ключевом пассаже письма сказано, что «мы, нижеподписавшиеся православные верующие, **являясь и оставаясь членами Русской Православной Церкви**, заявляем, что отмежевываемся от всех Ваших высказываний на религиозных международных ассамблеях, встречах и саммитах в Канберре, Ереване, Москве, Баку и т.д. и от всех предпринимаемых Вами в последнее время шагов, нарушающих каноны Святой Православной Церкви». «Мы свидетельствуем, — продолжали авторы, — что Вы нас не представляете и все Ваши утверждения на международных встречах не представляют всю полноту Русской Православной Церкви, а являются Вашим личным мнением и тех, которые его разделяют»¹.

Таким образом, в самом письме не содержалось не только таких слов, как «еретик», но и таких, как «еретическое высказывание», а говорилось лишь о том, что некоторые высказывания Святейшего Патриарха являются его «личным мнением», не разделяемым, по представлению авторов, всей церковной полнотой. Правда, надо признать, что на самой встрече в Кишиневе

(что абсолютно точно известно и не отрицается главными участниками скандала с молдавской стороны), а возможно, и раньше протоиерей А.Чибрик, к сожалению, говорил о «еретических высказываниях» Патриарха Кирилла, чего делать, конечно, не следовало.

Однако то, что позволил себе в связи с этим Кураев, выходит за все мыслимые и немыслимые рамки приличий, к тому же изобличает знаменитого миссионера в отсутствии элементарной богословской и канонической грамотности. Поистине, кого Бог хочет наказать, того Он лишает разума... «Миссионер, по его словам, готов был принести извинения всем этим людям, если один из руководителей "Общества Матроны" — протоиерей Анатолий Чибрик публично заявит, что признает Патриарха Кирилла законным Патриархом. Чибрик сказал, что признает, но "осуждает его еретические высказывания", — рассказывает протодиакон Кураев. — Но еретик — как раз тот, кто допускает еретические высказывания. По словам отца Андрея, сектанты считают еретическими добрые слова и Патриарха Кирилла, и Константинопольского Патриарха Варфоломея о людях других вероисповеданий». (Текст взят с блога самого Кураева, см.: <http://diak-kuraev.livejournal.com/>, пост называется «Чибрик предстал перед церковным судом?»)

Итак, по мнению Кураева, «еретик — тот, кто допускает еретические высказывания». Здесь остается только развести руками. Разве профессор-протодиакон никогда не слышал о том, что признать того или иного члена Церкви (а тем более — Патриарха, многая ему и благая лета!) еретиком может лишь непогрешимая церковная полнота в лице законной церковной власти, то есть Освященного Собора архиереев либо Поместного собора, на котором архиереям, представляющим клириков, монашествующих и мирян своих епархий, все равно принадлежит главная роль? Ни аз, греш-

ный, ни какой-нибудь великий богослов и миссионер, ни протоиерей А.Чибрик не имеют ни малейшего канонического права провозглашать человека еретиком, а могут высказывать лишь те или иные свои **частные богословские суждения, мнения по этому поводу**. Поэтому, если кто-то заявляет, что другой член Церкви высказывает, по его мнению, «еретические суждения», то для самой Церкви это вовсе не носит никакого обязательного характера, и до решения Собора данные мнения являются, с канонической точки зрения, абсолютно равноправными, а произносящий, по чьему-то мнению, еретические суждения имеет полное право участвовать в таинствах и считаться полноправным членом Церкви. Так, например, имеется мое частное богословское мнение, совпадающее с мнением членов рабочей группы Богословской синодальной комиссии, о том, что некоторые суждения священника Георгия Кочеткова еретичны, поскольку кардинально расходятся со святоотеческим Преданием. Однако пока своего окончательного суда по этому вопросу Церковь еще не произнесла, эта наша позиция ни в коей мере не может служить каноническим препятствием для целого ряда епископов пребывать в тесном содружестве с отцом Георгием Кочетковым, сослужить с ним, соответственно причащаясь из одной Чаши, и посылать поздравления с разными юбилеями.

Более того, даже и соборное решение по какому-то вопросу далеко не всегда может стать окончательным, как это и демонстрирует нам история Церкви, в которой случались и «разбойничьи» соборы. Церковная полнота, непогрешимая по своей природе, подвергает **рецепции** решения церковной власти, истинность либо ложность которых становится ясной лишь **с течением времени**.

Хорошо понимая все это и в полной мере сохраняя на тот момент духовную трезвость, молдавские клири-

ки и не употребили по отношению к Патриарху Кириллу в своем письме таких выражений, как «ересь» и даже «еретическое высказывание», предпочтя сказать лишь о его «личных мнениях», от каковых и отмежевались, поскольку, по их мнению, они не представляют позицию всей церковной полноты. В этом, в общем, канонически безупречном поведении они следуют 15-му правилу Двукратного собора, которое обязывает членов Церкви отделяться от епископа или пресвитера, если его приверженность ереси является очевидной и несомненной, и сохранять общение с ним, надеясь на внутрицерковное и дружеское увещание в будущем, если такая приверженность не вполне очевидна и может служить предметом словопрений. Здесь, конечно, необходимо оговориться, что если бы молдавские клирики и в дальнейшем, во всех ситуациях и до конца выдержали эту корректную терминологию, то Кураеву было бы гораздо сложнее к чему-либо придраться. Однако при всем том, что фраза о «еретических высказываниях» Предстоятеля, который при этом «не является еретиком», и содержит в себе известную двусмысленность, делая претензии отца протодиакона в некоторой степени обоснованными, все же, думается, вышеизложенная каноническая логика ясно просматривается во всем длинном ряду действий молдаван и доступна для распознавания непредвзятым взглядом, хотя естественная, в силу человеческой греховной немощи, страстность порой ее и затемняет.

Следует отметить, что, при всем вышеизложенном, решительно вопреки мнению Кураева, история Церкви предоставляет нам достаточно примеров, когда члены Церкви не разрывали общения с нею, при этом считая еретиками многих епископов и даже патриархов, а также императоров. Именно так поступали, к примеру, многие иконопочитатели во времена ереси иконоборчества, когда патриаршая кафедра Константинополя была

захвачена еретиками (что и было впоследствии установлено Седьмым Вселенским Собором). Если следовать кураевской логике, то, с канонической точки зрения, иконопочитатели были достойны наименования «подонки» и «сектанты». Абсурдность такого подхода очевидна даже для очень неглубокого ума. И наконец, не можем не указать на то, что кураевское представление, согласно которому непризнание тех или иных взглядов Предстоятеля Церкви должно непременно иметь своим практическим выводом разрыв церковного общения с ним и с его общиной, имплицитно содержит в себе явный папизм и несостоятельно именно в силу того общеизвестного факта, что в Православии отсутствует латинское папистское учение о непогрешимости Предстоятеля Церкви (каковой у католиков считается ее главой). В завершение нашего анализа данного аспекта проблемы позволим себе заметить, что столь демонстративная и нарочитая заботливость Кураева о том, чтобы все вели себя строго в соответствии со святыми канонами (как он их понимает), соблюдали каноническую дисциплину, не вполне вяжется с его известным советом, данным одной журналистке: поцеловать эти каноны и поставить на полочку. Или он одни каноны намерен поцеловать и поставить, а другие, напротив, вовсе даже не целовать, а держать всегда под рукой, как удобное оружие против разных смутьянов? «Сюда целуй, сюда не целуй»?

С сожалением приходится констатировать, что прямая ложь, подтасовки и передергивания, смысловые манипуляции стали за последнее время просто фирменным стилем отца протодиакона, серьезно затрудняя сколь-либо цивилизованную дискуссию с ним. Так, согласно его уже приведенному выше суждению, «сектанты считают еретическими добрые слова и Патриарха Кирилла, и Константинопольского Патриарха Варфоломея о людях других вероисповеданий». Во-первых,

что вполне очевидно, члены Общества святой Матроны Московской — не сектанты, а чада Православной Церкви. Во-вторых, на встрече молдавских «подписантов» с архиепископом Феогностом, а также на пресс-конференции в Москве ими были продемонстрированы видеозаписи, получившие теперь уже достаточно широкое распространение в православной среде, на которых:

— видно, как епископы и священники, принадлежащие к юрисдикции Контантинопольского Патриархата, сослужают литургию вместе с клириками Коптской, Армяно-григорианской и Римско-католической церквей и, соответственно, причащаются с ними из одной Чаши (во время встречи на острове Патмос);

— молодой и полный энергии митрополит Кирилл, выступая на встрече в Канберре в 1991 году, высказывается в том плане, что ВСЦ (Всемирный совет церквей) есть прообраз некой «церкви будущего»;

— во время недавнего визита в Баку, выступая в мечети, теперь уже Патриарх Кирилл говорит, что нас с мусульманами «объединяет молитва»;

— зритель имеет возможность видеть и слышать выступление Патриарха Варфоломея в нью-йоркской синагоге, где под аккомпанемент бодрых ритмов очаровательной еврейской музыки тот произнес столько всего прекрасного, что автор сего скромного текста, боясь быть превратно понятым многоуважаемой еврейской общиной богоспасаемого града Нью-Йорка, просто вынужден умолкнуть, пребывая в полном и благоговейном восхищении от такой варфоломеевой открытости². И т.д. и т.п.

Именно эти фактические материалы, а отнюдь не некие абстрактные «добрые слова о людях других вероисповеданий» послужили поводом для молдавского письма и легли в основу всей истории. Поскольку ложь, сознательно допущенная Кураевым (никогда не поверю, что он не в курсе вышеизложенного), бо-

лее чем очевидно, я, опасаясь нарваться на праведный гнев знатока богословия и канонического права, а также непревзойденного мастера миссии и катехизации, не стану в этом месте употреблять разные странные слова, а просто перейду к следующему аспекту разбираемой темы...

Другая претензия, предъявляемая Кураевым молдавским клирикам и их духовным чадам, касается демонтажа иудейской ханукии, установленной в центральном парке Кишинева незадолго до иудейского же праздника Хануки. Бесспорно, в этом вопросы молдавские отцы и братья погорячились. Однако Кураев и здесь привирает, говоря о каком-то «погроме» еврейского ритуального сооружения и, стало быть, как можно понять, о попрании, унижении религиозных чувств кишиневских евреев. В действительности, как видно на видеозаписи, ханукия была просто аккуратно снята со своего основания и бережно отнесена к подножию памятника молдавскому национальному герою воеводе Штефану Великому.

Ни в малейшей степени не намереваясь указывать независимому государству — Республике Молдова, — что можно, а что нельзя размещать в центральном парке его столицы, выскажу свое опять-таки сугубо частное мнение гражданина иностранного государства — Российской Федерации. Республика Молдова, согласно своей Конституции, — светское государство. Это совершенно четко определено ст. 31, п. 4 ее Основного Закона, где зафиксировано «отделение религиозных культов от государства» с одновременным гарантированием всем гражданам свободы вероисповедания и уважением к религиозным верованиям граждан. В этом смысле Республика Молдова, как и Россия, вполне следует принципам европейской светскости. В отношении религий последние, наряду с отделением религиозных культов и религиозных организаций от государства, озна-

чают полную свободу для приверженцев той или иной религии или конфессии на выражение своих религиозных чувств и верований **внутри конфессионального пространства** своей религиозной организации (храма, мечети, синагоги и т.д.) и уважение с их стороны к аналогичным правам приверженцев иных религий и конфессий. Что же касается пространства светского государства и общества, то, пребывая в нем, адепты религиозных культов обязаны проявлять терпимость по отношению к друг другу и не превращать светское государство и общество в арену религиозной борьбы. Все эти прописные истины, абсолютно одинаково работающие в любом европейском государстве, может подтвердить любой юрист. В этом контексте размещение религиозного символа, являющегося священным (то есть представляющего сугубо религиозную ценность) для приверженцев лишь одной из традиционных религий Молдовы, а именно иудаизма, в центральном парке Кишинева, по определению являющемся частью пространства светского общества данного государства, явилось, на наш взгляд, нарушением принципа светскости, что и породило впоследствии религиозный конфликт. Если бы православные Молдовы напали на синагогу, попытавшись что-то демонтировать в ней, это было бы вопиющим попранием права молдавских евреев на свободу вероисповедания. Однако они всего лишь аккуратно демонтировали еврейский религиозный символ в кишиневском центральном парке, тем самым восстановив принцип светскости, до того грубо нарушенный городскими властями. Конечно, при этом ими был отслужен православный молебен, что до известной степени также является нарушением светскости. Однако это явилось лишь **реакцией** на то, что до этого сугубо светскому пространству центрального парка был неоправданно придан религиозный характер, поскольку ханукия есть сугубо культовый предмет, предполагающий соответ-

ствующие действия религиозного характера со стороны приверженцев лишь одной религии — иудаизма. А для таковых действий существуют культовые сооружения самих иудеев.

Кстати говоря, и главный раввин Кишинева, принадлежащий к числу евреев-ортодоксов, в специально взятом у него по такому случаю интервью вскоре прямо и недвусмысленно высказался в том плане, что ханукия предназначена для культового почитания **лишь в домах религиозных иудеев либо в синагоге** и установка ее вне пространства, являющегося сакральным, с точки зрения самих иудеев, есть не что иное, как самый настоящий **модернизм**, если рассматривать эту проблему с позиций ортодоксального иудаизма. Совершенно понятно, что ортодоксальный раввин вполне прозрачно намекает здесь на то, что этот модернистский обычай внесен в практику современных иудеев **хасидами**. А здесь приходится говорить уже **о расхождении внутри иудаизма**. Таким образом, наши православные братья из Молдовы косвенно защитили позиции консервативных иудеев! Консерватор — всегда консерватор!

Кроме того, следует все же учитывать, что Православие сыграло совершенно особую роль в истории Молдовы, в становлении ее культуры и государственности, что является еще одним косвенным оправданием для действий членов Общества святой Матроны Московской во главе с протоиреем А.Чибриком, которые, повторяем, отнюдь не содержали в себе какой-либо сугубой враждебности по отношению к молдавским евреям — приверженцам иудаизма. Так что мелкое правонарушение, допущенное молдаванами, на наш взгляд, отнюдь не содержало в себе никакой нетерпимости, религиозного экстремизма и, следовательно, общественной опасности.

Вместе с тем мы не можем искренне не согласиться с отцом протодиаконом в том, что и такие, не представ-

ляющие (по нашему мнению) серьезной социальной опасности деяния следует решительно искоренять, тщательно исследуя их причины, дабы пресечь возможные рецидивы. Однако в том, что касается причин и побудительных мотивов не вполне трезвенных действий молдавских ревнителей, то здесь, как представляется, возможны различные мнения. По нашему предположению, вполне вероятно, что молдавские клирики и миряне в свое время излишне тщательно штудировали разного рода литературу по «еврейскому вопросу», в частности сочинения самого отца протодиакона, прежде всего, разумеется, его крайне популярную в радикально-антисемитской среде книгу «Как делают антисемитом». Помнится, тогда отец протодиакон высказывал достаточно радикальные мнения по адресу негодяйки Есфири, по чьим коварным и лживым наветам были казнены 70 тысяч ни в чем не повинных персов. Правда, теперь Кураев предпочитает больше не вспоминать об этом, призывая православных каяться перед евреями за геноцид, якобы допущенный по отношению к ним казаками знаменитого украинского гетмана Богдана Хмельницкого. Пепел ни в чем не повинных персов более не стучит в сердце нашего миссионера, ибо оное занято скорбью по ни в чем не повинным евреям. Оно конечно: такая любвеобильность делает честь не только профессиональному миссионеру, но и простому смертному, только вот окончательно восхититься ею нам упорно мешают наветы разных злопыхателей, что-то там говорящих насчет того, что направленность кураевской сострадательности и гуманизма в серьезной степени обусловлена политической конъюнктурой. В консервативные времена — умеренная критика по отношению к евреям; в более либеральные — плач по жертвам холокоста. Все это заставляет вспомнить мудрые слова нашего Предстоятеля — Патриарха Кирилла, сказанные на встрече с участниками фестиваля православной прессы «Вера

и слово». Патриарх, помнится, говорил, что ему бывает не вполне приятно наблюдать за тем, как некий журналист еще вчера говорил одно, а сегодня изрекает прямо противоположное, причем, по мнению Патриарха, причины такой метаморфозы вполне очевидны и лежат на поверхности...

Аналогичная метаморфоза произошла у Кураева и с его отношением к блаженной Матроне Московской. Еще вчера необычайно широкое почитание ее в православном народе он называл не иначе как «оккультизмом в православии» (даже целую книгу об этом написал), а сегодня приводит святую в пример ее неразумным почитателям, проникновенно рассказывая всем, как она молилась за весь мир. Все это, увы, не добавляет уважения к Кураеву не только как к миссионеру и катехизатору, но и как к богослову и человеку.

Приближаясь к завершению нашего краткого анализа, считаем своим долгом решительно не согласиться с еще одной позицией отца Анатолия Чибрика и его организации. После инцидента в Кишиневском теологическом институте протоиерей Анатолий заявил, что, по его мнению, именно Святейший Патриарх Кирилл послал Кураева в Кишинев, и призвал Его Святейшество решительно отмежеваться от действий Кураева, в отсутствие чего он, по его словам, останется при своем мнении. По нашему глубокому убеждению, в этой своей позиции отец Анатолий глубоко неправ. Так вести себя по отношению к Предстоятелю Церкви — очень нехорошо! И здесь мы вынуждены отчасти согласиться с коллегой А.Степановым в том, что провокация Кураева отчасти удалась, поскольку ему удалось вынудить молдавского протоиерея к неоправданно резким и даже грубым действиям по отношению к Патриарху³. Доказать данный тезис он все равно не может, а разговаривать со священноначалием с позиции силы — никуда не годится. Вместе с тем, если вынести за скобки непо-

добающий тон, недопустимый в диалоге с Предстоятелем Церкви, то по существу своего требования удалить Кураева подальше, поскольку тот своими действиями просто дискредитирует Церковь и лично Патриарха, отец Анатолий, по нашему убеждению, глубоко прав. Мы не вполне согласны с коллегой Степановым в том, что Патриарх вовсе не посылал Кураева в Кишинев, а просто тот изначально действовал исключительно по своей личной воле, как говорится, «от ветра головы своя». Рискнем высказать предположение, что, конечно же, посылал (иначе перед тем, как по волшебству, не открылись бы все двери). Но только с целью **уврачевания нестроений, профилактики скандала**. Кураев же, в силу своей нетрезвости и ненависти к людям православной традиции (а возможно, и «мессиджа», полученного из другого весьма специфического места), не сдержался и устроил скандал. Теперь некие закулисные кукловоды, стремящиеся к «зачистке» консерваторов в РПЦ, используя технологию «качелей» (в свое время подробно проанализированную нами⁴), со своей почти уголовной логикой, видимо, полагают, что, поскольку протоиерей А.Чибрик лично «наехал» на Святейшего, тот, действуя, по элитно-клановым «понятиям», просто не может не ударить по молдавскому ревнителю, дабы «не потерять лицо».

Нам же хочется выразить искреннюю надежду на то, что этот номер у них не пройдет и наш Предстоятель с присущей ему мудростью и дипломатичностью поступит совсем иначе. Ибо не может не видеть, чем подлинная вера отличается от начисто лишённого духовной трезвости лжемиссионерства.

Вместо послесловия

В последнее время широкое хождение в сети имеет один отрывок из некой лекции протодиакона Ку-

раева, прочитанной им перед семинаристами. В очередной раз уличенный в пошлятине, тянущей на хороший материал для психоаналитика, Кураев отвечает, что это-де была «закрытая лекция для чисто мужской аудитории». Последнее побуждает нас нарушить слово, данное в этой статье, и задать неистовому миссионеру еще один вопрос:

— Будучи миссионером, протоиерей Кураев должен бы сосредоточить свои усилия на людях внешних, еще неверующих и невоцерковленных, при этом ни от кого не скрываясь. По какой причине он вместо этого регулярно выступает перед семинаристами и церковными активистами, то есть как раз перед наиболее воцерковленной и активной в религиозном плане аудиторией, да еще и, как теперь выясняется, «в закрытом режиме»? Что, с какой целью и от кого скрывается на этих «миссионерских» выступлениях? И почему конкретное содержание данных лекций столь далеко от традиционного русского благочестия?

Поскольку Кураев в связи с тем же пассажем упрекнул своих оппонентов в отсутствии чувства юмора, попытаемся доказать обратное.

14 октября, 18:27

Старик Козлодоев и миссия среди девочек

Новое о миссии среди девочек, от о. Андрея Кураева

Пишет Человек печальный (die_ante_bellum)

<http://die-ante-bellum.livejournal.com/192212.html>:

« — Отец Андрей, как найти матушку?

— Регентши — студентки регентского отделения — это девушки православные, в основном из поповских семей. Она тебе будет всю жизнь лысину протирать: "А у меня папа так не делал, а мама так не советовала; это можно есть, а это нельзя есть; сюда целуй, а сюда не целуй" и т.д. Поэтому лучше, ребята, так, по-миссионерски скажу: идите в город, на дискотеке найдите

неверующую девочку. Отмиссионерьте её, катехизните её по самое не могу. Заслуга будет ваша: вы душу спасли для Церкви!» <http://blagogon.ru/news/71/>

На что ранее неведомый нам блоггер (см. выше адрес его ЖЖ) отвечает:

«В целом ясно, но надо бы разъяснить подробнее несколько моментов.

1. Девочку миссионерить прямо на дискотеке в на-зидание остальным неверующим или отвести в подворотню?

2. Что делать, если она будет сопротивляться, кричать, драться и кусаться?

3. Как быть, если неверующие пацаны с дискотеки не оценят благого желания откатехизнить их девочку и сами примутся катехиздить миссионера? Их по какой статье привлекать, по 282-й?

4. Зачтутся ли принятые от этих гонителей миссии п...ли в исповедничество?

5. Не связано ли номинальное безбрачие отца Андрея с неудачным опытом катехизации девочек по этой схеме?»

Как говаривал в одном анекдоте лучший друг всех зеков и всех православных, «но в это нелегкое время мы находили повод и для шуток, не правда ли, товарищ... э... отец протодиакон?».

Примечания

¹ См.: <http://www.mdn.md/ru/index.php?view=viewarticle&article-id=6037>

² В этот красноречивый ряд вполне можно было бы добавить и недавнее зажжение ханукальной свечи (!) Сербским Патриархом Иринеем в белградской синагоге.

³ См.: http://www.rusline.ru/news_rl/2010/10/16/kishinevskij_skandal/

⁴ См. главу «Качели» в настоящей книге.

Момент истины

Травля тульских миссионеров в связи с «делом» Б.Гребенщикова и другое

В этом интервью речь идет о следующей истории, ярко характеризующей нравы нынешней околоцерковной среды. Группа миссионеров Тульской и Белевской епархии выступила с заявлением, в котором выразила свое отношение к творчеству известного рок-музыканта и поэта **Б.Г. Гребенщикова**. Миссионеры констатировали, что, при всех несомненных художественных достоинствах, с духовной точки зрения творчество Гребенщикова не имеет никакого отношения к Православию, сам он не может считаться человеком православным, а скорее принадлежит к популярному на Западе течению нью-эйдж. Отсюда очевидным образом следует, что творчество Гребенщикова никак не может использоваться в целях православной миссии, поскольку он сам нуждается еще в серьезных миссионерских усилиях с целью привести его в спасительное лоно нашей святой Матери Церкви. После этого началась настоящая кампания травли тульских миссионеров. С осуждающим письмом выступил известный «рок-миссионер» **игумен Сергей (Рыбко)**. Имели место и серьезные нападки на известного сектоведа **А.А. Дворкина**, выступившего в поддержку туляков. Беспрецедентная кампания травли и давления завершилась тем, что в итоге тульский архиерей формально осудил действия своих миссионеров, что вынудило одного из них уйти с занимаемой должности. До «Pussy Riot» и нападок на РПЦ в либеральной прессе было ещё далеко...

Русская народная линия: Владимир Петрович, в своем последнем интервью, данном нашему сайту, Вы были достаточно оптимистичны, довольно позитивно оценив нашу нынешнюю церковную ситуацию. Что Вы можете сказать о все еще продолжающейся травле туль-

ских миссионеров, посмевающих всего лишь добросовестно выполнять свою миссионерскую работу? Или это, по-Вашему, всего лишь частный эпизод?

Владимир Семенко: Понимаю, в чем намек. Не исключаю, что поторопился. Всегда хочется верить в лучшее. А жизнь сейчас такая, что пессимист имеет заведомо меньше шансов ошибиться. Ситуация с тульскими миссионерами поистине вопиющая! Наглость и самоуверенность, с которой действует кучка интриганов из так называемой Ассоциации православных экспертов, где ключевую роль играют игумен Сергей (Рыбко) и давно потерявший всякие остатки адекватности Фролов, превосходит все мыслимые границы. Я специально выдержал некоторую паузу, не комментируя эти события, надеясь, что высшее священноначалие вмешается, чтобы восстановить элементарную справедливость. Увы, если иметь в виду последнее заявление тульского архиерея, я ошибся и здесь. Давайте задумаемся, что произошло. Должен же быть хоть кто-то, кто смотрит на реальность чисто аналитически, не поддаваясь гипнозу...

Первая ложь заключается в утверждении: Гребенщиков — выдающийся музыкант. Тоже мне, Моцарт... В музыкальном плане крайне спорен сам феномен рок-музыки, в значительной степени находящейся вообще за гранью искусства (если, конечно, стоять на позициях классической эстетики). Слышал я его песни. Песни как песни. Тексты, конечно, попадаются интересные, это правда. Но говорить о том, что перед нами — некое великое, выдающееся явление культуры, можно лишь находясь под сильным гипнозом массмедиа и всей этой весьма специфической «роковой» субкультуры, поддаваясь ему. Я все ждал: неужели не найдется никого, кто скажет для начала, что **все «величие» Гребенщикова** (а факт его массовой популярности среди молодежи бесспорен) **неотделимо от феномена «маскульта»?** Элитарность его во многом дутая, иначе бы он не

был столь популярен! Если уж говорить о поэтах, то он гораздо менее элитарен и в несоизмеримой степени дальше от высокой поэзии (хотя кому он был бы нужен как поэт отдельно от течения, называемого «рок-культурой»!), чем тот же Бродский или Седакова. Вот больше чем уверен, что все эти воздыхатели, которые вопят: ах, нельзя деятелей культуры трогать, ах, с ними надо осторожнее, и не слышали, кто такая Седакова. Еще раз повторяю: феномен БГ — это не музыка и не поэзия в чистом виде, это тусовочная субкультура, которую, как ни называй и как к ней ни относишься, с высоким искусством не спутаешь, если, конечно, у тебя в голове не каша, а хоть какие-то систематические знания о культуре и понимание ее. Так что никакие оценочные параллели с Толстым или даже с Есениным тут абсолютно неуместны. Впрочем, борцы с «инквизицией» из АПЭ и не скрывают, что их интересует не само по себе творчество БГ (кто из них удосужился его всерьез проанализировать?!), а именно его популярность...

Крайне далек от мысли, что БГ — бездарность. Так сказать было бы абсолютно неверно. Человек, бесспорно, интересный, талантливый. Но при чем тут «выдающийся»? Надо же правильно употреблять слова! Както в ИМЛИ прошла конференция «Значение Пушкина и Окуджавы». Мы все любим стихи и песни Окуджавы, но при чем тут Пушкин-то? Это все равно что Аллу Пугачеву с Моцартом сравнивать... На мой взгляд, то, что такие темы вообще формулируются, — свидетельство сильнейшего вырождения культуры. Все-таки хотя бы исследователи-то должны сохранять чувство масштабности!

Кроме того, чтобы закончить с оценкой невольного «виновника торжества» и пойти дальше, нельзя не сказать и о самом главном. Классическая эстетика основана на иерархии, как эстетической (где категория прекрасного играет ключевую роль), так и ценностной.

Почему Толстой (типологически, казалось бы, близкий к разбираемому феномену) — классик, хотя всю свою сознательную жизнь боролся с христианством и Церковью? Не только потому, что он гений по уровню своего дарования! А и потому, что, ломая, отрицая одну иерархию, он не отрицал идею иерархии в принципе. Просто одну заменял другой. То же делали и большевики. В этом смысле они все еще люди классики. Постмодерн производит принципиальную революцию, отвергая саму мысль о том, что какая-то иерархия нужна и возможна. Здесь, в постмодерне, возможна лишь плюральность, всеобщая относительность. Этот, если можно так выразиться, «антипринцип» с железной последовательностью проводится на всех уровнях, как нож масло взрезая всю секулярную утопию, выступая в роли ее могильщика. Поэтому, когда БГ представляет себя одновременно как православного, буддиста, суфия и последователя Шри Чинмоя, он всего лишь выдает «страшную тайну» свою и всего так называемого «современного искусства», свидетельствуя о себе и своих адептах как **продукте постмодерна**. В религии это и называется «нью-эйдж», термин вполне устоявшийся и понятный, и в этом плане сектоведы (Дворкин, отец Хвыля-Олинтер, см.: <http://www.blagogon.ru/news/107/> и др.) ничего нового не открывают. БГ не сознательный постмодернист, а «всего лишь» продукт постмодерна, со своим заведомо плюралистичным сознанием. Быть одновременно православным, буддистом и всем остальным, конечно же, невозможно в нормальной, классической логике и системе ценностей. Но это вполне возможно в системе постмодернистской, где шизоизация сознания является одним из базовых принципов. Надо ли повторять, что «нью-эйдж» не содержит в себе ни одной из известных исторических религий, подменяя их все свальным грехом «суперэкуменизма»! Это есть **качественное понижение религиозно-метафизического**

типа по сравнению со всеми известными нам историческими мировыми религиями, поскольку религиозный синтез в современном мире, конечно же, невозможен, в силу принципиальной несовместимости известных нам мировых религий, прежде всего на уровне практической духовной жизни, так сказать, **типа богообщения**. И тогда понятно, что в реальности весь искомый синтез есть подмена собственно религии оккультизмом. А в оккультизме никакого личного отношения человека к Богу быть не может, там может быть и присутствует лишь «технология», набор приемов, при помощи которых человек намеревается достичь духовного «просветления». Только для одних это все плод искреннего «поиска», внутренней неукорененности в вере (вполне допускаю, что и БГ из таких), а другие внедряют все эти вещи сознательно, хорошо понимая, что они делают. Что же сделали тульские миссионеры? В чем «инквизиция»? Разве они призвали как-то ограничить пресловутую «свободу творчества» для Гребенщикова? Или его диски уничтожать? Запретить кому-то его слушать? Нет, они всего лишь спокойно констатировали очевидный факт, попытавшись проанализировать сей феномен с нормальных классических позиций. И эта позиция ревностных людей Церкви вызвала такую истерику и давление! Крайне важно, что в данном случае тревогу забили как раз самые активные и деятельные люди, которые реально занимаются практической миссией и именно как миссионеры, именно с религиозной точки зрения понимают всю опасность типично постмодернистского «плюрализма», внедряемого внутрь массового сознания с помощью таких деятелей, как Гребенщиков. Ничего общего ни с какой христианской миссией это, конечно же, не имеет. Точно так же в свое время самая непримиримая критика в адрес Кочеткова с его «общинами» раздалась из уст тех, кто как раз в наибольшей степени стремился и стремится возрож-

дать в Церкви нормы общинной жизни. В данном случае **речь идет не о нападении, а о защите. Люди просто попытались противодействовать проникновению постмодернистской скверны внутрь самой Церкви.** Все разговоры об «инквизиции» — чистейшая демагогия. Акция тульских миссионеров (которых в узнаваемом очаровательном стиле сразу же обозвали «околоцерковными деятелями») — это попытка начать **оборонительную войну**, войну людей христианской классики, нормального (потому что нормативного!) сознания против свирепо атакующей нас безжалостной постмодернистской машины¹. «Матрица. Перезагрузка».

Я принципиально считаю, что сдавать тульских миссионеров ни в коем случае нельзя, это просто преступно. Логика, которую нам навязывают, во-первых, не миссионерская, во-вторых, вообще нехристианская. Для самого же БГ и сотен погубленных им молодых людей (о которых справедливо упоминает хорошо знающий свое дело Дворкин — см.: <http://www.blagogon.ru/news/106/>) было бы гораздо полезнее и душеспасительнее иметь дело с честной церковной позицией, а не с заискиванием «миссиофилов». Речь идет о том, сумеем ли мы отстоять нашу православную идентичность или она будет размыта и разрушена оккультно-экуменической болезнью под названием «нью-эйдж».

Мы много поучительного узнали из уст участников «дискуссии». Например, то, что есть священники, которые впустили экуменический плюрализм в святая святых — в пастырскую практику. Под подозрением оказывается именно христианская классика, то есть последовательное отстаивание веры, а крайне сомнительная с духовной точки зрения «субкультурщина» как раз напротив — поднимается на щит. Нечего лукавить: тульских миссионеров травят не за «инквизицию», а за то, что они попытались бороться с мутацией именно

церковного сознания, когда считается, что «миссия» — это приспособление Церкви к окружающему миру, а не преобразование его за счет принципиально иноприродной ему духовной энергии.

— *Если мы правильно поняли, Вы придаете этому эпизоду некое глобальное значение?*

— Видите ли, здесь есть одна крайне тревожная тенденция, которую мы до сих пор недооценивали. Чем вызвана острота данного конфликта? Почему в ответ на вполне спокойное заявление тульских миссионеров началась такая истерика и настоящая кампания травли? На мой взгляд, дело еще и в том, что ревностные люди с вполне традиционным христианским сознанием (основанным на идее и чувстве иерархии, а не на «плюрализме») оказались сотрудниками той структуры, которая кое-кем мыслится как своего рода **параллельная иерархия в Церкви**. Ведь что такое все эти миссионерские отделы с их разветвленной сетью на епархиальном, приходском, «уездном» и общецерковном уровнях? **Это выстраиваемая кем-то система, которая по факту может стать вообще неподконтрольной канонической иерархии**. Все эти штатные «миссионеры», входящие в свою чисто бюрократическую вертикаль, побуждаемы некоторыми к тому, чтобы, грубо говоря, просто «стучать» на священноначалие (прежде всего на настоятелей храмов, да, как показывает опыт, и на епархиальных архиереев) своему вышестоящему начальству. Вот, дескать, у такого-то епископа и таких-то и таких-то отцов плохо поставлена миссионерская работа, не ведется проповедь на рок-концертах, мало молодежи в храмах и вообще требоисполнительство... Стало быть, через голову архиерея, благочинных и т.д. (не говоря уже о епархиальном собрании и прочих пережитках соборности), прямо по «вертикали» донос куда следует: этого и этого пора менять. «Призрак Второго Ватикана» в действии. В этом, что ли, «миссионерский проект»?

Помимо священной иерархии, в нашей Церкви образуется еще и «миссионерская» вертикаль. До сих пор удивляюсь: надо же мне было так угадать насчет «менеджеров среднего звена»! (Сегодня, продолжая анализировать ситуацию, я вижу все больше сходства у выстраиваемой параллельной системы управления нашей Церковью с той ролью, которую сыграл и продолжает играть у католиков орден «Опус Деи», при Иоанне Павле II получивший, как известно, статус личной прелатуры папы.) И вот, так здорово все было задумано, и вдруг свои «родные» миссионеры стали проводниками проклятого фундаментализма! Есть от чего прийти в ярость...

Поведение церковной бюрократии, похоже, все-таки сломавшей тульского архиерея, во всей истории просто позорно. Про отца Сергия (Рыбко) говорить больше не будем, это вообще особый случай. Но чего стоит тот же Синодальный информационный отдел, в просторечии **СИНФО!** **Функции его — разъяснять и комментировать выступления, заявления и действия высшего священноначалия, а не выступать с собственными заявлениями.** Однако, когда Патриарх Кирилл несколько раз подряд (что свидетельствует о продуманности и убежденности его позиции) предельно жестко выступил по демографической проблематике, фактически сказав твердое «нет» ювенальной юстиции, что-то мы не дождались от СИНФО быстрых комментариев. Как воды в рот набрали. То же самое касается и «объединенной редакции» ЖМП и «Церковного вестника». Едва-едва выдавили из себя что-то маловразумительное. А в деле тульских миссионеров какая активность! Знает кошка, чье мясо съела...

Что же касается нас, то для нас и в этом вопросе и во многих других настал момент истины. Если наступающая на нас система сумеет одолеть Церковь Божию, значит, «близ есть, при дверех», и колокол звонит по

нам всем, значит, Дух Божий ушел из этой Церкви. Но **случится так или нет — зависит от нас самих**, от нашего спокойствия, трезвомыслия, стойкости и мужества².

— Есть ли еще какие-то новые тенденции и события, вызывающие особое беспокойство?

— Ну вы же видите, что происходит! Внедрение электронных карт, этого средства тотального контроля за личностью, производится небывало ускоренными темпами. Это еще один момент истины. Сколько было истерических криков, хамства и оскорблений по адресу «маргиналов, которые призывают выкидывать паспорта»! И вот теперь «выкидывать паспорта» нас фактически призывают разные государственные мужи. Только теперь становится в полной мере понятной прозорливость тех старцев, тех духовно одаренных подвижников, которые давно уже видели опасность бесконечного обмена документов, когда нас приучали и приучают не бояться очередного шага, приближающего к поголовной чипизации! Теперь эти потерявшие остатки совести и трезвого разума крикуны скажут, что и в электронных картах нет ничего особенного, потом они же скажут, что и в чипах, внедренных в тело человека, нет ничего особенного. «Богословие модернизации», понимаешь...

Если уж говорить о позитивной роли церковной бюрократии, то есть людей, назначенных на определенные должности, то она нужна именно для таких случаев, когда необходимо отстаивать права членов Церкви, православного большинства наших граждан. Эти люди, занимающие свои должности, обязаны делать это и в данном конкретном случае, **исполняя соответствующее решение церковной власти, то есть недавнего Архиерейского собора**. Именно в этом заключается их обязанность, а вовсе не в комментариях по поводу того, что, дескать, большинство священников не видит в электронных картах никакой опасности. Они их что, опра-

шивали? Я, например, довольно много общаясь с разными клириками, пока еще таких не встречал. Обеспокоены абсолютно все. И вот интересно: если светские власти проигнорируют пока еще, прямо скажем, довольно вялые заявления наших церковных чиновников по поводу «прав верующих», готовы ли они, как делают все порядочные чиновники во всех странах в случае подобной неудачи, уйти в отставку, уступив место более эффективной бюрократии? Или вся эта «забота» — только слова?

Сейчас, когда, по свидетельству духовно умудренных старцев, все больше зримых черт последних времен, с особой силой осознается необходимость углубленной трезвенности, духовной работы над собой. Самое время поразмышлять: почему **такое** возможно в нашей Церкви? Что является причиной? Духовно трезвый ответ очевиден: **причина в первую очередь в нас самих**, в недостатке ревности и мужества в отстаивании Святого Православия. Разве древние христиане стояли перед лицом менее изощренных врагов? Но они же выстояли, победили! Дай Бог нам всем крепости духовной в той битве, которую мы ведем, и да пребудет всемогущий и вселивый Господь со Своей благодатью, со Своей Божественной помощью с нами во все дни нашей земной жизни!

Примечания

¹ Подробнее об этом см. в главе «Модернистский соблазн».

² Но пока, как видим, модернизация Церкви *несколько* замедлилась в связи с внешними обстоятельствами. Значит, Господь дает нам еще один шанс. (Примеч. августа 2013 г.)

Клирики и клерки

За последнее время мы много слышали об «успехах» и «укреплении» РПЦ. Однако при ближайшем рассмотрении эти «успехи» и «укрепление позиций» оказываются чисто виртуальной реальностью, не имея собственно к Церкви и к делу спасения никакого отношения.

Сравнительно недавно мы достаточно подробно, с помощью целого ряда весьма красноречивых примеров уже показали, что в реальности позиции Церкви в современном российском обществе как раз ослабляются; однако параллельно с этим церковная бюрократия действительно укрепляет свои позиции и в России и в мире, причем делает она это так, что самый непритязательный анализ заставляет говорить о последовательном и все нарастающем перерождении самой церковной институции.

С прискорбием приходится констатировать, что времена сложных аналитических построений, доказательств, основанных на логике и богословских знаниях, стремительно проходят, и в этом смысле мы с горечью ощущаем, что наши собственные, сравнительно недавние, работы быстро устаревают, теряя свое актуальное прикладное значение. Богословие, догматы, каноны и пр. в нынешней церковной «элите» мало кого интересуют; на смену церковности и духовному взгляду на мир приходит «чистая» дипломатия и политика на грани политиканства.

Еще совсем недавно официальные церковные СМИ и разного рода клерки в рясах потратили немало усилий, доказывая, что во время визита Святейшего Патриарха Алексия в соборе Парижской Богоматери не было совместного с католиками **молебна**, а просто православные и паписты молились самостоятельно, отдельно друг от друга; сегодня же впавшая в состояние столбня-

ка православная общественность читает вполне официальные сообщения о том, что католические епископы «присутствовали» за православной **литургией**, отслуженной митрополитом Иларионом в одном из католических храмов Милана. Мне не вполне понятно, почему столь гостеприимные католики никак не возмущаются этими стереотипными сообщениями патриархийных СМИ: ведь в них фактически предполагается, что те настолько неблагочестивы, что перестают молиться **в своих храмах у принадлежащих им святых** всякий раз, как только это начинают делать православные! Столь «дипломатическая» трактовка предполагает, естественно, что католические епископы и не причащались; как быть с многочисленными призывами наших модернистов причащаться за каждой литургией, остается пока неясным...

Такие формулировки, предназначенные для внутреннего использования, рассматриваются в качестве более чем «убедительного» формального препятствия для всякого, кто (конечно же, в силу своей неразвитости и склонности к мракобесию) вдруг станет напоминать о каких-то там апостольских правилах, запрещающих молиться с еретиками. Ведь имело место не сослужение, а дипломатическо-экуменический протокол! К многочисленным разновидностям литургии, имеющимся у современных римо-католиков, следовало бы добавить еще одну литургию — дипломатическую. Впрочем, инициатива в данном случае принадлежит как раз православным!

Такая изощренность экуменической дипломатии предполагает, что в крайне дурацком и, не побоимся этого слова, достаточно непристойном положении окажется всякий, кто станет ломиться в открытую дверь и напоминать о метафизической пропасти, разделяющей Запад и Восток (о чем мы говорили совсем недавно¹) — о не осужденной папистами варлаамитской

ереси с ее мировым значением, о духовной прелести поздnekатолического «подвижничества», догматически обоснованной в учении о *filioque*, о ложном, папистском понимании самой Церкви. Незаурядно образованный митрополит Иларион, конечно же, все это хорошо знает. Должны ли мы думать, что принципиальнейшие богословские расхождения, духовность, метафизика и прочие отвлеченности сознательно игнорируются и приносятся в жертву во имя глобальной экуменической политики, органически встроенной в другую «глобальность», — глобальность глобализма?

Но весь этот новый всплеск дипломатической активности ОВЦС в ее, так сказать, «респектабельном» варианте выглядит невинной шалостью на фоне очередного экуменического действия в Мюнхене с участием представителей РПЦ, где вся картина приобрела какие-то уж поистине гипертрофированные и карикатурные формы. Если сегодня православные, «предстоящие» за экуменическим богослужением, не используют икон, дабы «не смущать протестантов», то какое уже значение имеют на этом фоне продолжающиеся в разных местах всевозможные «богословские собеседования»? Жизнь, реальность в любом случае первична! Никаких формальных решений в духе экуменического «соединения Церквей» не принимается; однако экуменическая идеология все активнее внедряется в повседневную практику!

Все большее число православных, не потерявших веры и церковного сознания, начинает испытывать серьезнейший духовный дискомфорт, не в силах воспринимать происходящее как какой-то совсем отвлеченный процесс, не имеющий отношения **к их жизни в этой Церкви**; однако большая часть клириков и архиереев, запуганная историей с Диомидом, продолжает делать вид, что ничего особенного не происходит, надеясь «отсидеться в окопах».

Действия церковной бюрократии порой таковы, что возникают сомнения в какой-либо церковности и самой вере этих людей. Чего стоит (уже воспетое придворными борзописцами) решение традиционный Крестный ход на праздник святых Кирилла и Мефодия заменить неким «патриаршим шествием», куда людей, как сообщают, собирали по разнарядке от префектур! Из тридцати тысяч планировавшихся участников (СМИ сообщают, что собрали сорок) для православных приходов Москвы была выделена квота в одну тысячу (!) человек, остальное составили люди, в лучших «совковых» традициях собранные от вузов, предприятий и общественных организаций. Церковная администрация, которая собственноручно расписывается в своем бессилии (или нежелании) собрать на свое мероприятие собственно церковный народ, — весьма красноречивая картина реальности, прикрываемая победными реляциями о «православном прорыве»!

Крестный ход — это общественная молитва, освящение города, когда храмовое действо выходит на улицы; участие в такой молитве возможно лишь по зову сердца; спрашивается, молились ли люди, которых начальственная воля грубо оторвала от учебы, работы для пропитания и других насущных забот? Пиар побеждает все? Значит, цель **этой церкви** — убедительная телекартинка, а не спасение?

Последний шокирующий ход чувствующей себя абсолютным победителем церковной бюрократии — это решение пригласить на Всемирный Русский народный собор не нуждающуюся в дополнительных эпитетах и рекомендациях гламурную теледиву Ксению Собчак, мотивируя это в очередной раз «миссионерскими целями». Разве кто-то не знает, что Христос, общаясь с мытарями и блудницами, нес им Слово Божие, «Путь, Истину и Жизнь», то есть Самого Себя, обращая их к истинной вере, а не вел с ними политический диалог?

Это мы, простые православные, можем каяться в грехах на исповеди; г-жа Собчак должна непременно поучать нас с трибуны ВРНС!²

Соборность отсутствует в принципе, мнение православного народа в церковной «элите» никого не интересует. Кому-то еще неясно, что Межсоборное присутствие будет штамповать решения, заранее подготовленные кучкой церковных клерков?³ Говорите и пишите что хотите, только потише; все непременно будет старательно замалчиваться. У них нет ответа на наши богословские аргументы (по тому же экуменизму), но он и не планируется. «Собака лает, караван идет».

Главный враг церковной бюрократии (и эмоции последней периодически прорываются) — народ Божий, те истинно православные люди, которые, ощущая себя перед лицом Христа, смотрят на жизнь с позиций веры, а не политической целесообразности, примитивной корысти и элитно-клановых раскладов. Именно поэтому всякий раз, когда где-то начинает накапливаться сгусток подлинной духовной энергии и религиозного энтузиазма, она злобно пикирует на этот очаг, всеми силами, любой ценой стремясь его разорить. Сейчас уже вполне ясно, что реальный проект, носителем коего являются «симфонически» срачиваемые церковная и светская бюрократии, заключается ни больше ни меньше как в смене самой паствы (для нас это было ясно уже давно). К.Собчак, рокеры-байкеры и Иван Демидов не станут вникать в богословско-канонические вопросы.

Но Промысл победить нельзя. Парадоксальным образом оказывается, что тотальное наступление церковной бюрократии приводит к самому насущному: возгреванию веры, накалу религиозного чувства. Ибо все большее число церковных людей, наблюдая зримые черты последних времен, избавляется от гордыни, перестает уповать лишь на свои слабые человеческие силы;

перед ними открывается бесконечная метафизическая перспектива древней Церкви, жившей радостным эсхатологическим ожиданием: *Ей, гряди, Господи Иисусе!* (Откр. 22, 20).

Примечания

¹ Подробнее см. об этом в нашей книге «На обрыве времен», а также в главах настоящей книги: «Межрелигиозный диалог и конец модерна» и «У кого чего болит».

² Надо отдать должное г-же Собчак, которая проигнорировала это предложение. Очередной «миссионерский проект» провалился!

³ Справедливости ради следует отметить, что в самое последнее время проекты документов, подготовленных Межсоборным присутствием, стали публиковаться и даже предлагаться для открытого обсуждения. Другое дело, способно ли это обсуждение повлиять на принятие окончательных принципиальных решений... Что ж, посмотрим. В некоторых случаях это уже удалось...

«Перестройка–2» в исполнении РПЦ?

Итоги церковного года–2010

Интервью сайту информационно-аналитической службы «Русская народная линия»

— Уважаемый Владимир Петрович, за три недели, прошедшие с начала нового, 2010 года, высказано немало оценок году минувшему и прогнозов на будущее. Каково Ваше восприятие прошедшего церковного года, какие события в жизни нашей Церкви Вас порадовали, какие, быть может, огорчили? Как Вы вообще оцениваете ныне основные тенденции в нашей церковной жизни? Каковы Ваши прогнозы?

— Что ж, что касается прогнозов, то это дело неблагоприятное. В отношении Церкви прогнозы делать вообще, я считаю, неправильно, это просто какое-то неверие в Промысл. Если какие-то негативные события и происходят, то для православного сознания очевидно, что они бывают попущены по нашим грехам. От нас самих на самом деле зависит гораздо больше, чем мы думаем. Но, как бы там ни было, в минувшем году были и позитивные события, поэтому логичнее начать с них. Прежде всего, это триумфальный визит Святей-

шего Патриарха Кирилла на Украину. А ведь перед началом визита отнюдь не все было так безоблачно! Негативным прогнозам в немалой степени способствовала и бурная деятельность так называемых «политправославных», осужденная Архиерейским собором УПЦ МП, и абсолютно провальная антимиссионерская акция с байкерским стрип-шоу под Спасом в Севастополе, и, конечно же, бесконечные игры с раскольниками и сектантами, которые в ущерб интересам канонической Церкви ведут украинские чиновники. В этой непростой ситуации Патриарх принял единственно правильное решение: в своих проповедях и выступлениях, сделанных во время визита, решительно обозначил **свою принципиальную опору на церковный консерватизм**. Практически впервые из уст недавно избранного Предстоятеля мы услышали слова решительного и недвусмысленного осуждения не просто либерализма вообще, но **либерализма, проникшего в само христианство, в богословие** (на встрече в Киевских духовных школах). Мы услышали также замечательные слова **о Святой Руси как высшей духовной общности России и Украины**, о православных святынях (столь презируемых и третируемых ныне нашими церковными либералами и модернистами), о верности православной традиции. Этот вполне недвусмысленный мессидж был услышан и понят православным народом Украины. Вот почему визит прошел столь триумфально, вот почему Патриарха встречали как подлинного духовного лидера. Что бы ни говорили, Патриарх на Украине продемонстрировал хорошее и очевидное умение обращаться с субстанцией власти, и это на какое-то время вселило в нас определенные надежды, не вполне иссякшие до сих пор¹.

— Но, наверно, не все представляется в столь радужном свете?

— Разумеется. Главное из негатива, на что хотелось бы обратить внимание, так это то, что вся наша церковная ситуация все больше начинает приобретать до

боли знакомые черты «перестройки»: много красивых, уверенных слов, мощный, яркий лидер, молодая, перспективная команда, но в итоге общая ситуация, то, что в аналитике называется мегатрендом, становится все хуже. К сожалению, по моим наблюдениям, пока еще мало кто из наших церковных людей это понимает.

— *Что конкретно Вы имеете в виду?*

— Вопреки чьим-то ожиданиям я даже не буду делать привычный для себя акцент на идеологии, на проблемах церковного модернизма и обновленчества. Давайте для начала рассмотрим ситуацию с позиций тех, кто стремится ею управлять изнутри нынешней высшей иерархии Церкви, а также тех идеологов церковной «перестройки», кто не устает говорить о «сильной Церкви», о «миссии», о качественном усилении влияния РПЦ на жизнь общества и т.д. Одно из важнейших направлений усиления позиций и влияния Церкви во внешнем социуме — разумеется, образование. О чем в последние годы больше всего говорилось в церковной и околоцерковной (а также порой и светской) прессе в связи с образованием? Все знают, о чем, — о проекте ОПК, об инициативе преподавания Основ религиозной культуры в светской общеобразовательной школе. В целом ряде регионов такое преподавание и осуществлялось уже больше 15 лет, причем в полном объеме, с 1-го по 11-й класс; были разработаны необходимые учебники и методические пособия, интенсивно готовились какие ни на есть преподавательские кадры, осуществлялась юридическая поддержка, на местах были выстроены отношения между епархиями и светскими органами управления образованием. Это все имело место, подчеркнем, в то время, которое кое-кто (к примеру, протодиакон А.Кураев) сейчас называет «временем застоя» в РПЦ. И все это происходило вопреки бешеному сопротивлению Минобрнауки во главе с Фурсенко и Калиной! Не стану пересказывать подробно все перипетии, связанные с эпопеей ОПК, это сюжет для отдель-

ной работы. Но, по факту, к чему все свелось в итоге? Региональный компонент образования ликвидирован, и то преподавание предмета, которое продолжается в некоторых регионах, теперь **не имеет под собой никакой правовой основы**, оно может быть ликвидировано по воле светских властей на вполне законных основаниях в любой удобный момент; это преподавание держится сейчас не на законе, а всего лишь на честном слове, на обещании Президента и министра Фурсенко не трогать эти регионы. Образовательная область «Духовно-нравственная культура», которую столько лет обещало нам министерство, серьезно профанирована в новом стандарте начального общего образования (с 1-го по 4-й классы), недавно наконец утвержденном самим министерством. Что же касается ублюдочного «эксперимента», на который соизволило пойти министерство, то о нем и говорить не хочется. На фоне той немалой работы, которая проведена в регионах, преподавание какого-то странного сравнительно-религиоведческого курса в последней четверти 4-го и первой четверти 5-го класса (какое может быть сравнительное религиоведение в таком возрасте?), чем так называемый эксперимент и ограничивается, выглядит просто издевательством. И это при том, что изначальное поручение Президента Медведева предусматривало совсем иное, а именно — конфессионально окрашенный культурологический курс по выбору! Фурсенко и К° просто всех обманули, включая и самого Президента с его поручением! Спрашивается, почему же РПЦ в лице своего высшего руководства согласилась на эту профанацию? Ведь без ее согласия столь интенсивное движение назад было бы невозможно! И вот, вместо того чтобы задуматься над этой, прямо скажем, страшной для нас реальностью, православная общественность и православная журналистика не находят ничего лучшего, кроме как обсуждать достоинства и недостатки учебника Кураева! Да какой учебник, если принципиальные пози-

ции сданы и весь 15-летний опыт, накопленный в регионах, спускается в песок! Сколько можно жить по-страусиному? Спрашивается, имеем ли мы моральное право бить в литавры по поводу «усиления влияния Церкви в обществе» и «массовой миссии», если важнейшие позиции в системе светского образования по факту как раз сданы, какие бы правильные и красивые слова при этом ни произносились? В итоге мы вместо духовного и культурного просвещения имеем в нашей школе моральных уродов, расчеловеченных, нечистоплотных и похотливых зверьков, показанных в сериале «Школа». Их жизнь сводится к удовлетворению естественных физиологических потребностей, а также к постоянному блуду, наркомании и беспробудному пьянству (плюс еще постоянное хамство по отношению к старшим). Разговаривают они в основном на сленге, который лишь отдаленно напоминает русский язык, если не считать виртуозного владения ненормативной лексикой. Сфера идеального снята, срезана совсем. Многолетние противники ОПК, в том числе и в рясах: внимательно, каждый вечер смотрите сериал «Школа»! Вы смотрите на дело рук своих. Быть может, если в вас осталась хоть капля стыда, хоть это подвигнет вас к покаянию...

— Но, может быть, это исключительный пример? Все-таки на блокирование ОПК были брошены беспрецедентно мощные силы...

— Во-первых, что значит «мощные силы»? Если кто-то во внешнем мире заведомо сильнее «сильной Церкви», то, значит, никакая она не «сильная», и нечего об этом говорить. Но самое главное здесь заключается в том, что, будучи все-таки журналистом, я информацию собирать умею. Я читал **закрытую служебную переписку** и знаю много милых подробностей. Поэтому возьму на себя смелость утверждать: проект был именно сдан со стороны РПЦ, и сдан сознательно. Вы знаете из истории известный эпизод, связанный с деятельностью архимандрита Фотия. Когда нужно было закрыть

Библейское общество, он пришел к митрополиту, положил на стол свой клобук и сказал: «Либо это масонское гнездо будет разорено, либо я выйду отсюда без клобука». Общество, как мы знаем, было закрыто. Но самое интересное заключается в том, что в данном случае не было абсолютно никакой необходимости в столь сильных жестах. Ведь многочисленные наблюдатели давно и во всех подробностях рассказали нам, какие у нашего Патриарха с нашим Президентом, а также с его семьей доверительные и теплые отношения...

Возьмем другой момент, из той же оперы: социальную работу монастырей. Когда наш Предстоятель говорит, что монахи должны не только молиться, но и вести активную социальную работу, просто прослезиться хочется. Как это верно! И понятно, что одно из главных направлений такой работы — это работа с детьми. Но что происходит в последнее время с детскими церковными (в том числе и монастырскими) приютами? В том же Минобрнауки разработан законопроект, на основании которого, если он будет принят, все эти заведения можно будет просто закрыть на вполне законных основаниях. Но деятельность команды Фурсенко — это вообще отдельный вопрос. Нас с вами должна интересовать прежде всего сама РПЦ. Всем известна нашаумевшая история с боголюбовским приютом. Церковный читатель, который не только и не столько телевизор смотрит, сколько следит за событиями, пользуясь честными и объективными ресурсами, хорошо знает: шесть комиссий, включая группу из Следственного комитета прокуратуры, неопровержимо доказали: все то, что изложено в письме сбежавшей Вали Перовой, — вымысел, никаких ужасных фактов насилия над детьми в монастырском приюте не выявлено. Каков же итог? — Приют по факту закрыт, и сделано это руками самой РПЦ! Ибо: чисто юридические проблемы, которые имелись в отношениях с госорганами, удавалось решить вполне успешно и безболезненно, но именно от имени Патри-

архии были в итоге «выкачены» такие претензии, которые сделали само существование приюта в пределах монастыря невозможным!

Хотел бы еще раз спросить: если считать всю интригу с побегом двух девочек делом рук внешних сил и если позиции монастыря после всех разбирательств оказались настолько сильными в моральном плане, ибо злобная клевета не подтвердилась, то почему же церковный официоз занимает столь странную позицию, не защищает своих? Ведь для этого есть все возможности! Даже глава комиссии Общественной палаты известный адвокат А.Кучерена и член этой комиссии Н.Сванидзе ведут себе в целом вполне прилично. Ювенальщика Зыкова, что ли, наши иерархи испугались? Истина заключается в том, что, как я уже недавно говорил, **исходит-то вся интрига как раз изнутри самой РПЦ**, в ней крайне важную роль сыграли два клирика: **протоиерей Максим Хижий и игумен Сергей (Рыбко)**, которые нарушили дух и букву святых канонов, через голову священноначалия обратившись к Зыкову и К°, начав «судиться у внешних»². И что же? Приют «по-тихому» разоряют³ (и это после того, как гонители монастыря потерпели столь сокрушительное поражение в информационном пространстве!), а эти клирики, поступившие столь нецерковно, соединившись с гонителями и прямыми врагами Церкви в борьбе против своих братьев и сестер, на общецерковном уровне даже не наказаны! Более того: ничего не известно и о том, чтобы, так сказать, «на высшем уровне» хоть как-то пожурить тех абсолютно бессовестных лжецов и интриганов, которые все это время злобно клеветали на святую обитель, изрыгая хулу, непривычную даже для внешних. Чего стоит милитаревское: «Замочит ли Патриарх Кирилл архимандрита Петра в монастырском сортире?»! Это что — дух «нового православия»? Сортиром от этого и несет за версту! Таким образом, самая мощная, самая позитивная монастырская инициатива в области

социального служения по факту придушена, и в решающей степени — отнюдь не внешними «врагами». И это при всех замечательных и более чем справедливых призывах нашего Предстоятеля к монастырям усиливать социальную работу! Сколько я могу сослаться на католика Лефевра, который говорит, что самый страшный враг Церкви пребывает ныне в ее собственной ограде?

Итак: **постоянные заклинания по поводу усиления внешних, социальных позиций Церкви сопровождаются реальным ослаблением этих позиций**, блокированием позитивных инициатив в области социального служения и духовного просвещения, идущих снизу! При этом позиция высшей иерархии выглядит, говоря откровенно, как-то странно...

— Примеры, которые Вы приводите, конечно, красноречивы, но, может быть, не стоит делать столь глобальные выводы?

— Почему же? Примеров можно привести сколько угодно. Вот, скажем, новый приходской устав. Я сейчас не буду критиковать или хвалить его, хотя священники, с которыми удалось эту тему обсудить, просто в шоке. Сама возможность какой-либо действенной инициативы снизу этим уставом блокирована, говорят они. А ведь не секрет, что все так называемое церковное возрождение последнего десятилетия во многом — плоды трудов энтузиастов, безвестных и бескорыстных тружеников, которые не ездят на лимузинах, не ходят на фуршеты и приемы и не строят себе дворцов. Вопрос в другом. Это ведь то, что касается всех нас, нашей повседневной жизни в Церкви. Между тем принимался документ сугубо кулуарно, без какого-либо намека на общецерковное, соборное обсуждение. Не понимая того, что сочиняют просто злую пародию на самих себя, некоторые придворные борзописцы, подражая В.Суркову, даже окрестили такой стиль «управляемой соборностью»! Это какое-то новое слово в богословии...

Или, скажем, столь близкая нашему сердцу издательская деятельность. Об этом я могу рассуждать уже просто как профессионал, хотя бы потому, что в немалой степени приложил свою руку к той записке о реформе отрасли, которая, как мне абсолютно точно известно, легла на стол Его Святейшеству чуть меньше года назад. (Кстати, сам Предстоятель об этом до сего момента не знал, ибо «рулили процессом» совсем другие люди.) Конечно, от имени Церкви порой издается столько низкопробной, безграмотной литературы, что идея какого-то подобия церковной цензуры носилась в воздухе уже давно. Однако, прежде чем закручивать гайки, следовало бы создать соответствующую структуру и подготовить в достаточном количестве необходимые кадры, которых на данный момент нет. Вместо этого просто набрали в Издательский совет семинаристов, которые теперь будут старательно выискивать ереси у епископов и маститых протоиереев. Сам же Совет, по-моему, вообще не собирается. То есть идея о том, чтобы ведущие издатели регулярно собирались для координации своих планов и вообще всей работы, естественно, не реализована. Теперь, что нас ожидает? В решении Синода много чего не прописано. Например, как быть с переводными книгами, получившими благословение в иных Поместных Православных Церквях? Как быть с книгами светских издательств, которые порой пользуются немалым спросом на церковном рынке и руководители коих никогда в жизни не пойдут благословляться в Издательский совет? И наконец. Совершенно понятно, что институт, задуманный как средство для того, чтобы очистить рынок от всякого рода псевдоправославной литературы, полной суеверий и далекой от православного вероучения, будет теперь использоваться как средство идеологического диктата, причем вполне произвольно. Мне почему-то кажется, что опять править бал будут либералы, подобные г-ну Чапнину, захватившие командные высоты в отрасли.

Но вот интересно: как поступят, например, с сочинениями отца Г.Кочеткова? То, что Кочетков — крупный ересиарх, очевидно, Богословская комиссия (как московская, так и синодальная) в свое время очень хорошо это доказала. Но его теперь на самом высшем уровне привечают, с разными юбилеями поздравляют...

В общем, здесь ситуация такова, что прогноз в данном случае как раз вполне уместен. Если все дело спустят на тормозах (как это часто в нашей стране и в нашей Церкви бывает), то все будет более-менее по-прежнему, а если всерьез будут давить, то какая-то часть православных издателей просто покинет отрасль, уйдет в другой бизнес, а оставшиеся, более крупные и мощные в финансовом плане, станут активнее осваивать светский рынок либо, невзирая на издержки, попытаются создать параллельную систему реализации, альтернативную ныне существующей при Церкви.

— *Перечисленные Вами моменты, конечно, весьма красноречивы, но все же: можно ли говорить о каких-то событиях, так сказать, знаковых, определяющих, как Вы выражаетесь, «мегатренд» развития?*

— На мой взгляд, это, несомненно, **системные гонения на святые обители**, что является более чем тревожной тенденцией. Помнится, когда мы с вами обсуждали ситуацию вокруг Боголюбова, я предположил, что следующей будет Оптиная пустынь. К сожалению, так и случилось. Причем все смехотворные обвинения, которые воздвигаются на монастырь пока еще в медиа-сфере, устами услужливых «благоухающих политехнологов», точно так же, как и тогда, буквально высосаны из пальца. Там хоть сумели многоходовую провокацию организовать с побегом двух девочек. Здесь же все причитания о том, что Оптина — страшное фундаменталистское гнездо, подкрепляются уж совсем смешным эпизодом. Рассказывают, что некие злые фундаменталисты выгнали из храма, не допустив к Причастию, некоего «православного негра-новостильника». Не знаю,

какая глобальная политика за этим стоит, новый календарь, что ли, собираются лоббировать? Но даже в этом самозванные обвинители, наши добровольные борцы с монашеством, красиво садятся в глубокую лужу, изобличая свою полную профнепригодность как журналисты. Я в Оптиной бываю довольно часто, это моя духовная родина, можно сказать. Мне не составило труда расследовать этот несчастный эпизод. Во-первых, все произошло не сейчас, а 10 ноября 2009 года. Спрашивается: почему же информационная кампания по дискредитации монастыря развернулась лишь спустя 2,5 месяца?⁴ Ответ на такой вопрос бывает обычно довольно простым: просто кто-то от кого-то получил отмашку. Они же по-другому не работают... Но самое главное: африканец по имени Джон, имеющий паспорт гражданина Республики Конго, действительно останавливался в это время в монастыре, и с ним действительно произошла такая история. Только никаким «православным новостильником» он не является и быть им не может, по той простой причине, что вообще не принадлежит к Православной Церкви, а является самым натуральным католиком, в чем и признался гостиничной, посетовав на то, что у нас «нет экуменизма». Стало быть, злые «фундаменталисты», проявив незаурядное чутье, совершили просто благое дело, не допустив к Причастию инославного. Или, может, кому-то не терпится возродить практику «интеркоммуниона», введенного в свое время в нашей Церкви с подачи митрополита Никодима и отмененного Синодом при Патриархе Пимене?

Что же до обвинений оптинцев чуть ли не в расовой нетерпимости и нелюбви к иностранцам, то эта самая беспардонная и наглая ложь. Я много раз лично становился свидетелем необычайно радушного отношения к паломникам как из ближнего, так и из дальнего зарубежья, с некоторыми из которых мы в свое время вместе несли различные послушания. Открытость и гостеприимство — это как раз характерная оптинская

черта, не всем монастырям, к сожалению, свойственная. Все-таки дух старцев там очень чувствуется...

— *Пожалуй, с этим эпизодом ясно. Но нас ведь усиленно пугают тем, что в нынешней Оптиной вообще процветает страшное мракобесие, и, в частности, ссылаются на деятельность насельника монастыря иеромонаха Василия (Мозгового).*

— Ну, во-первых, отец Василий в настоящий момент пребывает в довольно странном положении с канонической точки зрения. Поселение его сторонников, называемых в народе «васильками», находится в нескольких километрах от монастыря, и в самой обители он появляется довольно редко, почти не принимая участия в общих богослужениях. Монахи вполне консервативной ориентации считают его раскольников.

Поскольку монастырь ставропигиальный, то правящим архиереем в нем является сами понимаете кто. Он вполне может применить к данному конкретному клирику какие-то меры канонического плана, на то, как говорится, его полная патриаршая воля. Но при чем здесь Оптина как таковая? Другое дело, что сторонники отца Василия из мирян как раз приходят в монастырь на службу, — что ж, их выгонять, что ли?

На мой взгляд, деятельность «васильков» является для кого-то лишь предлогом, главная мишень «блуждающих» — как раз не они, а сама обитель.

— *А что Вы скажете о фундаменталистских сайтах, ведущихся некоторыми оптинцами, на которые в последнее время так много ссылок?*

— Это как раз самый интересный вопрос. Шаблонная технология «качелей», о которой я подробно писал в связи с «делом Диомида»⁵, выпирает здесь слишком явно. То, что объективно, по факту, среди оптинских насельников существуют люди разной идеологической ориентации, — отнюдь не тайна. То, что отношения между ними бывают порой довольно «неоднозначными», — тоже достаточно известный факт. Но это

все монашеские дела, которыми нам, мирянам, интересоваться бесполезно. Они между собой как-нибудь сами разберутся. Мы же в монастырь приезжаем не за этим... Однако кому-то хочется настолько накалить ситуацию, чтобы она приобрела общественно актуальное, во всяком случае — общецерковное звучание. Сделать это посредством слухов затруднительно. В наше время это архаичная технология. Понятное дело, к услугам провокаторов вся медиасфера, и прежде всего Интернет. Появляются сайты: фундаменталистско-«ревнительские» и противоположной ориентации; те, которые усиленно борются с экуменизмом и либерализмом, а заодно, естественно, с евреями и масонами, и те, которые противостоят «мракобесию» «ревнителей». Натурально, вместо обсуждения чего-то по существу те и другие начинают острую перепалку, начинают поливать друг друга всякого рода неллицеприятными выражениями. Я эти сайты почитал, полюбоществовал. К жизни монастыря и к его истории все это, по сути, отношения не имеет. Но вот что любопытно. Когда «фундаменталисты», пытаясь побольше уязвить своих оппонентов, через каждое слово поминают евреев и масонов, это понятно и удивления не вызывает. Но когда с «той» стороны на них начинают нападать практически в тех же выражениях, в таком же стиле, то это уже гораздо интереснее. Ведь, казалось бы, для «либералов» такая лексика и столь обостренный интерес к теме «еврейско-масонского заговора» в стенах монастыря должны быть строго табуированы! Впечатление складывается такое, что все эти малосодержательные и остроконфронтационные тексты пишутся и все эти сайты делаются где-то в одном месте.

Вспомним, что в самый острый момент нашей борьбы за Боголюбово вдруг появился интернет-ресурс, который процентов на восемьдесят состоял из вполне реальных публикаций защитников обители, позаимствованных с других сайтов, а в остальном был напол-

нен нарочито грубым, лживым и бессмысленным «жидобойством». Верный способ дискредитировать справедливое дело. Причем что интересно: сайт этот отсутствовал в рейтинге религиозных ресурсов Яндекса, и зайти на него можно было только через ЖЖ Фролова и Милитарева!⁶ Милая подробность, не правда ли? Ну и, понятное дело, гонители монастыря в медиапространстве радостно ссылались на этот сайт как на официальный монастырский (каковым он, разумеется, никогда не был). Похожая картина и с теми сайтами, которые некоторые интерпретируют как сетевой продукт самой Оптиной. Вот вам и виртуальная картина «ужасного раскола» внутри обители, подтверждающая необходимость жесткого вмешательства извне⁷.

— Ну и в чем же, на Ваш взгляд, причина столь нетерпимого отношения к монашеству со стороны тех, кто воздвигает ныне такие гонения на святые обители и устраивает все эти провокации?

— Мне представляется, что здесь есть как общие, так и частные причины. Что касается общих, то я склонен связывать их с той кадровой революцией в нашей Церкви, которая в свое время была произведена при решающем участии **митрополита Никодима (Ротова)**. Ведь что значит, что высшая власть в Церкви принадлежит монашеству, что у нас нет и не может быть женатого епископата? Это означает попросту, что она принадлежит тем, кто стоит выше других членов Церкви в духовном плане, духовно более умудрен. «По уму» будущий епископ должен не только получить достойное образование, но и пройти начальную школу церковной жизни в монастыре, приобрести навык смирения, пройдя обычный круг монашеских послушаний. Он должен там вжиться в самый строй и ритм церковной жизни, узнать и полюбить Церковь, так сказать, изнутри, из ее духовной сердцевины. И лишь после этого его можно, так сказать, отяготить властью, дающей право распоряжаться судьбами простых клириков, применять

к кому-то в случае необходимости канонические прещения, поставлять диаконов и иереев, «вязать и решить», ну и нас, окаянных мирян, «пасти жезлом железным». И это всегда так было, хотя всегда, во все времена случались, конечно, и недостойные епископы. Но, как правило, народ видел: владыка такой же человек, как и мы, только он больше трудился и больше молился, большего достиг в духовной жизни, в «умном художестве» обожения, поэтому и достоин нас учить и наказывать. Что же сделал Никодим? Он, апеллируя к тому, что в Церкви после периода жесточайших репрессий был острый дефицит кадров и нужно было спасти церковную институцию (в каковой позиции уже сказалось какое-то обмирщение, неверие в Промысл), пользуясь своими, так сказать, спецвозможностями, начал ускоренное продвижение молодых способных клириков по служебной лестнице, нисколько не заботясь об их духовном воспитании. Люди за три года буквально «из никого» становились епископами. Разве это нормально? В 22 года постриг, в 27 — архимандрит, «далее везде». Буйным цветом расцвело явление, которое, конечно, всегда было, особенно в синодальный период, но никогда в таком масштабе, — так называемое карьерное монашество. Любой духовно умудренный человек вам скажет, что столь ранний постриг (за исключением каких-то совсем уж особых и редких случаев явного духовного призвания) — это просто безумие. В итоге сформировалась генерация, которой весь этот традиционный духовный строй двухтысячелетнего Православия внутренне глубоко чужд, которая слишком верит в свои чисто земные силы, слишком горда своей «образованностью» (каковая тоже ведь отнюдь не абсолютна). Все это приводит к тому, что разрыв между высшим епископатом и, так сказать, обычными епископами и рядовыми клириками и мирянами все усиливается. Слава Богу, Святейший Алексий во многом порушил плоды этой никодимовской кадровой революции, рукополагая в епископы

в основном очень достойных и консервативных людей, пусть и лишенных какого-то особого «блеска».

Ну а дальше деградация ведь усиливается! Сейчас некоторые из юного поколения (слава Богу, не все!) вообще сформировались в духе откровенной кураевщины, ни о каком традиционном Православии часто практически и понятия не имеют!

Все эти люди, заикляющиеся на «совместимости христианства с богатством и успехом», не имеют совершенно никаких причин любить подлинное монашество и вообще православную Традицию. Так что истоки неообновленческой, модернистской революции в Церкви, происходящей ныне на наших глазах, имеют, помимо всего прочего, еще и вполне очевидные причины психологического плана.

— Если предположить, что Вы правы и все это действительно так, то к чему может привести подобное развитие событий, так сказать, углубление и усиление вышеописанного «мегатренда»?

— Здесь хотелось бы вернуться к началу нашего разговора, а именно к перестройке. В последнее время я что-то все чаще вспоминаю Горбачева, в частности его глаза, то, с каким нескрываемым презрением он смотрел на всех этих секретарей обкомов и райкомов, сидящих в первых рядах съезда (то есть на свою опору, свою социальную базу!) Поймите, речь идет сейчас вовсе не о судьбе коммунизма или чем-то подобном. Человек, который так презирает тех, на ком он реально держится, — на что он может рассчитывать? Чего хотел и на что рассчитывал Горбачев — кто его знает... Но все помнят его финал: власть, которая поначалу казалась (да и была!) железобетонно абсолютной, постепенно становилась все эфемернее, пока к августу 1991 года эта субстанция власти не истончилась и не иссякла совсем. Итог — развал страны. До сих пор в памяти незабываемый эпизод, когда модный журналист Артем Боровик (Царствие ему Небесное!) снисходи-

тельно похлопал по плечу (и телевидение показало!) когда-то всемогущего генсека. Я сейчас скажу нечто, для многих, быть может, странное и непривычное. Метафизическая суть перестройки — виртуализация власти. Это есть нечто, прямо противоположное тому, что мы видели на Украине во время патриаршего визита, когда всем было ясно, кто здесь носитель подлинной власти, кто духовный лидер и что такое в действительности Михал Антоныч Денисенко. В сущности, виртуализации власти, как метафизической проблеме, мучающей страну последние десятилетия, посвящен один из последних романов Александра Проханова «Виртуоз». Превращать реальную историю, реальный подвиг, реальное страдание и т.д. в общество спектакля — нет занятия более богопротивного!

— Да, в общем, понятно, что окончательные прогнозы делать еще рано и несвоевременно. Но все же: после всего изложенного — не могли бы Вы сказать читателям что-нибудь утешительное?

— Пожалуй, вы правы, и стоит закончить наш разговор на мажорной ноте. Есть еще одно несомненное достижение в церковной политике минувшего года. Это — усиление и углубление межрелигиозного диалога. Чтобы не быть голословным, приведу выдержки из одного документа.

«Москва. 20 июля. ИНТЕРФАКС — Первое заседание **Группы высокого уровня** по межрелигиозному диалогу во главе с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом состоится 22 июля в Свято-Даниловом монастыре Москвы, сообщил Интерфаксу источник в Кремле... Среди участников заседания — глава Управления мусульман Кавказа Аллахшукюр Паша-заде, заместитель генсекретаря Всемирной исламской лиги (Саудовская Аравия) Мохаммед Хайят, главный раввин Израиля Йона Мецгер, раввин, президент фонда "Призыв совести" (США) Артур Шнайер, руководитель управления по связям с зарубежными странами и други-

ми христианскими конфессиями Евангелической церкви Германии епископ Мартин Шиндехютте, представитель Святого Престола в РФ архиепископ Антонио Менини... Договоренность о создании Группы высокого уровня по межрелигиозному диалогу стала итогом активного обсуждения Русской Православной Церковью с ЮНЕСКО вопросов формирования механизма постоянных консультаций между системой ООН и ведущими мировыми религиями, заявили в Кремле. "Ожидается, что уникальный формат группы позволит в перспективе создать эффективный механизм консультаций между системой ООН и традиционными религиозными объединениями, — сказал источник. — Это будет в значительной степени способствовать решению таких важных задач, как урегулирование межрелигиозных конфликтов, предотвращение диффамации религий, сохранение религиозных святынь в ходе вооруженных конфликтов". "Россия как страна, обладающая уникальным опытом мирного сосуществования различных национальностей и вероисповеданий, придает большое значение межкультурному и межкультурному диалогу в самом широком глобальном контексте, поиску консенсуса в отношениях между представителями различных культурных и духовных традиций", — заявил источник».

Это, повторюсь, — несомненное достижение, чтобы там ни говорили злопыхатели, сетующие на то, что в группу столь высокого уровня не были включены руководители шотландских лож и «Великого Востока Франции».

Примечания

¹ Подробнее об этом см. в настоящей книге, в главе «В поисках Святой Руси. О визите Патриарха Кирилла на Украину».

² Через год история повторилась, только в роли «застрельщика» был уже другой батюшка, беспредельно любящий детей, — **священник Виталий Рысев**.

³ В настоящее время этот приют закрыт, он больше не существует; дети разобраны по семьям и другим приютам (примеч. июля 2013 года).

⁴ Писалось в начале 2010 года.

⁵ В настоящей книге — глава «Качели. Политтехнологи и Церковь в "деле Диомида"».

⁶ В настоящее время упомянутый выше уже довольно сильно «раскрученный» сайт «Москва — Третий Рим».

⁷ К настоящему моменту «вмешательство» уже состоялось, и ситуация полностью «разрулена». Информационные войны вокруг Оптиной, как по команде, вдруг прекратились. Известную нам в общих чертах закулисную сторону событий позволим себе опустить. Поскольку, во-первых, автор не принадлежит к числу людей абсолютно бесстрашных, а во-вторых, не всяко слово в строку пишется...

Сохранять духовную трезвость...¹

О письме ижевских священников, реакции на него и некоторых актуальных проблемах церковной жизни

Русская народная линия: *Уважаемый Владимир Петрович! В последние дни в православном Рунете, в светских СМИ, а также в блогосфере активно обсуждается нашумевшее письмо трех священников Ижевской и Удмуртской епархии, объявивших о том, что они прекращают поминовение Патриарха Кирилла, и уже запрещенных в служении своим правящим архиереем. Авторы перечислили целый ряд претензий к высшему священноначалию нашей Церкви, которые в известной степени перекликаются с тем, что писали и пишете Вы и другие наши православные публицисты и аналитики. Между тем никакого комментария от Вас мы пока не слышали. Не могли бы Вы прояснить свою позицию по данному вопросу?*

Владимир Семенко: Знаете, это мне что-то напоминает. Ну, скажем, сидит охотник в засаде, ждет волка.

А к нему приходит корреспондент с камерой и микрофоном, всех зверей, естественно, распугивает и спрашивает: проясните свою позицию по крайне актуальному в нашем лесничестве вопросу о тушканчиках... Если говорить серьезно, то да, не получилось отмолчаться...

В этой ситуации, как и во многих аналогичных, следует, конечно, четко различать разные планы. Если их не различать, то как раз искушения и происходят и даже весьма близкие по духу люди начинают необоснованно враждовать между собой. Первое. У нас нет абсолютно никаких фактов, указывающих на то, что ижевские священники — какие-то сознательные провокаторы. Другое дело, что результат их действий, конечно, скорее вредный, чем полезный, что позволяет осторожно предположить, что без пресловутого «управления по тенденциям» и обязательных в таком деле «операторов» дело, по-видимому, все же не обошлось. Вполне можно сравнить с «Письмом пятисот»: подписанты все были люди субъективно честные, искренние и порядочные, но результат — прямо обратный той цели, которая декларировалась инициаторами².

С чем решительно нельзя согласиться — это с уходом в «непоминание». Уход этот какой-то странный. Ведь логика 15-го правила Двукратного собора предполагает последующую апелляцию «непоминающих» к суду высшего органа власти в земной Церкви — то есть Архиерейского либо Поместного собора. «Непоминающие» (совершающие крайне ответственный шаг) должны, во-первых, четко, грамотно, на высоком богословском уровне сформулировать свои идеи. В данном случае этого сделано не было. Общий богословский уровень письма, во всяком случае, не выше, чем у Диомида. Во-вторых, они должны обратиться к Освященному собору и сказать: вот суть наших претензий, рассудите нас, а пока мы прекращаем поминовение патриарха, или какого-то епископа, либо группы епископов. Если собор встанет на их сторону, вопрос

на данном этапе закрывается, если же он подтвердит православность тех, кого они обвиняют, а они не смиряются с таким решением и продолжают «непомянутое», это создаст четкую каноническую основу для запрещения в служении, а в случае упорства — и извержения из сана самих «ревнителей». Кстати, те, кто в последнее время любит ссылаться на 15-е правило, как-то забывают, что оно как бы двустороннее, его можно применить и «в другую сторону», то есть, сохраняя разномыслие, не уходить в непомянутое (дабы не провоцировать раскола), надеясь, что все проблемы, связанные с имеющимися разномыслиями, могут быть урегулированы впоследствии путем братского увещания и диалога. В данном случае ничего подобного не было. Люди просто скороговоркой перечислили смущающие их проблемы, которые они как бы хотели предложить для обсуждения, и сразу вслед за этим объявили о своем «непомянутом» Патриарха. Такие действия по факту **не открывают, а закрывают** те самые проблемы, которые так взволновали подписантов. Что, спрашивается, нельзя было предвидеть реакцию священноначалия? Так зачем же было действовать столь неумно? Критикуя пресловутое «сергианство», авторы, к сожалению, как и бывший епископ Диомид, в полной мере проявили свою сугубо сергианскую, **авторитарную, нетерпимую психологию**: свое мнение восприняли как некую высшую истину, призывая Патриарха перед ними каяться. Это совсем нецерковно. И вместо того чтобы стать инициаторами и моральными лидерами серьезного консервативного движения, общецерковной дискуссии по перечисленным ими же актуальным, животрепещущим проблемам, в очередной раз, подобно Диомиду, дискредитировали сами эти проблемы, связав их в сознании многих со смутой и расколом. «Заставь дурака Богу молиться...» Я, конечно, извиняюсь... Ну и реакция на это непродуманное действие была вполне под стать. При всем уважении к отцу Александру Шумско-

му не могу не отметить, что по своему прокурорско-обличительному тону, вполне авторитарной нетерпимости его ответ не менее сергианский документ, с точки зрения, так сказать, психологии диалога, чем письмо ижевских отцов.

— *Хорошо, давайте пока отставим в сторону все эти личностные оценки... Но, если не вдаваться в психологию, а просто предположить, что некое двойное дно во всей ситуации все же имеется и пресловутые «операторы» сейчас потирают руки, то какая, чисто теоретически, могла бы быть цель данной спецоперации?*

— Ну почему же «теоретически»? Пока что все, о чем я сказал выше (то есть дискредитация определенных, крайне важных, тем, как и самой идеи их обсуждения), имеет вполне практическое значение! Параллельно мне видится еще одна цель: это удар по «Русской народной линии». Вспомните, что происходило год назад (то есть весной 2010 года. — В.С.) Для многих РНЛ — это ключевой ресурс, на котором ставятся и обсуждаются проблемы церковной жизни. А для кого-то — «красный, просоветский сайт»! «Просоветскость» РНЛ весьма относительна. Вряд ли такие авторы, как Виктор Аксючиц, диакон Георгий Малков, да и аз, грешный, могут считаться апологетами «левой», коммунистической идеологии. Но тогда наша критическая позиция по отношению к внутрицерковному либерализму, модернизму и неообновленчеству лукаво привязывалась к якобы «красной» идеологии сайта; теперь же происходит на деле тот же рукотворный разлом, но при другом соотношении фигурантов. Посмотрите. В письмо ижевцев, наряду с темами экуменизма, обновленчества, лжемиссии и пр. включено это пресловутое «сергианство». Для меня, например, «сергианство» есть просто такая своеобразная «традиция» церковного управления, которой совершенно новое качество придал митрополит Сергей, **превысивший свою каноническую власть,**

трактовавший ее **в сугубо административном ключе**, использовавший чисто прагматическое расположение светских властей для устранения конкурентов, **расчищавший при помощи государства путь к власти над земной Церковью**³. (Потом еще новый этап в развитии этой «традиции» будет связан с именем митрополита Никодима.) Но для большинства это есть своего рода маркер «сотрудничества с большевиками». И вот в письме ижевцев все важнейшие проблемы нашей церковной жизни как бы намертво связываются с этим самым «сергианством». Можно было спрогнозировать реакцию таких авторов РНЛ, как священник Александр Шумский? Для тех, кто хорошо знает предмет, вполне. Дальше понятно: вступает в свои права элементарная логика борьбы. «Зарубежный след», «власовская провокация», «удар по единству Церкви и государства» и т.д., а параллельно батюшка, не в силах сдержать свой темперамент, ударяет и по всему остальному комплексу проблем, затронутых (насколько удачно — другой вопрос) в письме. И что в итоге? А вот что: сама идея вменяемой общецерковной дискуссии по этим проблемам, к которой мы все время призывали, торпедируется руками той самой РНЛ, которая еще совсем недавно их ставила! В итоге вбивается клин между ресурсом и основной массой православных ревнителей, настроенных гораздо радикальнее даже и ижевских отцов при возобновлении прокурорского тона «фролов». Получается, что **РНЛ как бы борется с самой собой образца двухлетней давности**, и всякая возможность какой-либо консолидации сил среди консервативного большинства нашей Церкви окончательно закрывается. Ловко, ничего не скажешь... Как говорится, если бы этого не было, кому-то стоило бы это выдумать.

— *Если мы правильно поняли, то, как и в ситуации с Диомидом, Вы призываете принципиально отделять недолжное каноническое поведение подписантов (которое невозможно оправдать) от тех проблем, которые*

поставлены в ижевском письме? Если так, то каково все же Ваше сегодняшнее видение этих проблем?

— Ну, я надеюсь, Вы понимаете, что одной фразой проблемы не решаются. Я на эту тему высказался достаточно. Сегодня могу лишь подтвердить, что ваше понимание моей позиции абсолютно правильное. Мы не должны, не имеем никакого морального права совершать действия, могущие привести к внутрицерковной смуте, но при этом просто обязаны, если хотим жить в ладах с нашей христианской совестью, настаивать на своем праве ставить проблемы, задавать вопросы в надежде услышать на них вменяемые, взвешенные ответы от тех облеченных высоким саном лиц Церкви, которым вверена совершенно особая, архипастырская ответственность за ее судьбу, за внутрицерковный мир.

Так, в частности, очень хотелось бы узнать, какие именно богословские аргументы позволяют считать совместимым с духом и буквой святых канонов и действующего церковного устава решение, принятое на недавнем расширенном заседании Епархиального совета Москвы, согласно которому в Москве по факту образуются некие «викариатства», или благочинные округа, руководимые викарными архиереями. Достаточно бегло заглянуть в церковный устав, чтобы понять, что никакой своей территории у викария по определению быть не может, поскольку викарий — это просто помощник правящего епископа. Мало кто задумывается о революционности данного решения, о том, насколько оно ломает устоявшийся церковный строй. Теперь викарии становятся как бы промежуточной инстанцией между благочинными и Патриархом. По нашему скромному разумению, такое чисто административное решение, плод чисто административного, бюрократического мышления, — **еще один шаг в формировании как бы параллельной, чисто административной системы управления Церковью, альтернативной священной, канони-**

ческой иерархии, то есть, попросту говоря, еще один шаг в сторону фактической **секуляризации системы церковного управления по образцу папистов**. Весьма характерно, что та инсайдерская информация, которую мы сейчас озвучиваем, **не была в полном виде обнародована** на официальных церковных ресурсах⁴.

(См.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1437343.html>;
<http://www.patriarchia.ru/db/text/1437173.html>)

Далее, нам очень интересно, чем руководствуются те, кто, опять-таки полностью игнорируя святые каноны, благословляет уже мирян проповедовать с амвона (как, скажем, известного политического публициста Егора Холмогорова, см.: <http://holmogor.livejournal.com/4165139.html>). Или главным образцом для подражания в нашей Церкви является теперь практика, принятая в секте матерого ересиарха Кочеткова, а каноны, по заветам великого протодиакона, нашли свое место на дальней полочке?

Но в особенности мы стораем от интереса (наверное, в силу наших греховных немощей, нездорового) по поводу информации, поступившей от неназванных лиц, о том, что прославившийся воинствующе русофобским и антиправославным фильмом «Царь» **режиссер Павел Лунгин** уже снимает (или планирует начать снимать) фильм «Страсти по Матфею» по сценарию известного композитора и сочинителя, председателя ОВЦС митрополита Илариона (Алфеева). Неужели это правда? Очень хотелось бы, чтобы заинтересованные лица подтвердили либо все-таки опровергли слухи о таком кощунстве, якобы готовящемся по благословению высшего священноначалия РПЦ⁵.

Но все вышеизложенное не идет ни в какое сравнение с нашим крайним недоумением в связи со следующим информационным сообщением (см.: <http://kpp-russia.ru/vstrecha-s-chlenami-gruppy-pri-forume-v-davose>):

Предстоятель Русской Церкви встретился с членами Глобальной группы по лидерству при Всемир-

ном экономическом форуме в Давосе. Опубликовано 14.03.2011.

12 марта 2011 года в Красном зале кафедрального соборного Храма Христа Спасителя Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл встретился с членами **Глобальной группы по лидерству** при Всемирном экономическом форуме в Давосе.

Во встрече приняли участие председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин, заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата игумен Филипп (Рябых), ответственный секретарь Экспертного совета "Экономика и этика" при Патриархе Московском и всея Руси П.А. Шашкин, а также студенты Московской школы управления "Сколково".

Святейший Патриарх Кирилл обратился к собравшимся с речью, в которой обозначил позицию Русской Православной Церкви по ключевым проблемам современной политики и экономики.

Затем Святейший Владыка ответил на вопросы участников встречи.

Профессор Гильберт Пробст, управляющий директор офиса лидерства и академических вопросов Всемирного экономического форума, передал Его Святейшеству приглашение от руководителя Давосского форума Клауса Шваба посетить Давос.

Глобальная группа по лидерству (The forum of young global leaders) была образована при Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2005 году. В состав группы входят **более 700 руководителей со всего мира не старше 40 лет. Молодые лидеры** представляют интересы правительств, бизнеса, гражданского общества, научного и культурного сообщества и средств массовой информации.

Источник: Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси».

Если кто не понял, речь идет о том, что РПЦ устанавливает весьма тесные и вполне деловые контакты не только с такими одиозными структурами, как Банк Ватикана (чей руководитель **Готти Тедески**, напомним, находится под следствием в Италии по обвинению в отмывании грязных мафиозных денег), о чем мы уже упоминали в одном из наших предыдущих интервью⁶ (см.: http://ruskline.ru/analitika/2011/01/28/arhierejskij_sobor_agenty_nacional_noj_opasnosti_i_missiya_s_oranzhevym_ottenkom/), но и прямо **со структурами мирового глобализма**. При этом в данном информационном сообщении говорится о встрече нашего Предстоятеля с «молодыми лидерами» («более 700 руководителей со всего мира не старше 40 лет»), которые входят в состав «глобальной группы по лидерству», действующей в рамках **Давосского форума**. Это чисто глобалистская структура, не подчиняющаяся ни одному из мировых правительств. Не здесь ли подлинные корни всей этой плеяды «молодых, успешных (виноват, «эффективных») менеджеров среднего звена», которые должны в перспективе заменить консервативное большинство нашего духовенства? Кстати, поищите в Интернете ссылки на эту «глобальную группу по лидерству» — не найдете ни одной! Стало быть, эта структура Давосского форума создана специально под «диалог» с РПЦ? Или она такая тайная, что ссылки отсутствуют по определению? Но почему тогда в данном конкретном случае они всплывают в большом количестве? А если все же структура не такая тайная, то где искомые ссылки??

Итак, не могли бы заинтересованные и ответственные лица как-то отреагировать на наше смиренное вопрошание касательно того, **имеет ли данная глобалистская структура какое-либо отношение к подготовке наших церковных кадров** (например, сотрудников синодальных учреждений, многие из которых — будущие епископы) и чем конкретно руководствуется наше свя-

ценноначалие (многая ему и благая лета), устанавливая соответствующие контакты?

Не менее интересна и следующая информация (см.: <http://kpp-russia.ru/events/2011s/zasedanie-29-03-11/>). В рамках действующего при РПЦ **Клуба православных предпринимателей** (чьи представители, кстати, участвовали в семинарах по «православному банкингу», проводимых при участии Банка Ватикана⁷) *подготовлен некий документ по этике бизнеса, которому раточает похвалы не какой-нибудь там Сурков, а сам Юргенс — знаковая фигура современной российской политики, представитель крайне либерального ее крыла, можно сказать, либеральный радикал! То-то этот «КПП» пользуется такой благосклонностью фролеров! Кстати, в названии доклада присутствуют два ключевых слова всего проекта — «духовность», «духовные основы» и «модернизация». Вспомним: «богословие модернизации» и т.д. В связи со всем этим возникают следующие вопросы.*

1) Означает ли внедрение на территорию России столь одиозной структуры, как Банк Ватикана (чье руководство обвиняется итальянской прокуратурой в уголовных преступлениях), внедрение, осуществляемое при прямом посредстве РПЦ, возможность последующего аффилирования капиталов сего финансового учреждения и соответствующих структур РПЦ (например, банка «Пересвет»)?

2) Озабочены ли при этом заинтересованные лица чистотой происхождения внешних капиталов? О связях Банка Ватикана с мафией и масонскими кругами на Западе существует достаточно обширная литература, а на русском языке всем настоятельно советую почитать недавно вышедшую **книгу О.Н. Четвериковой** (ссылку см. выше).

3) Имеет ли какое-либо отношение сия финансовая коллизия к финансированию строительства «шестисот быстровозводимых храмов шаговой доступности»?

4) Если нет, то из каких источников и через чье посредство осуществляется финансирование сего богоспасаемого проекта? (Согласно комментариям официальных лиц РПЦ, бюджетные средства здесь не используются.)

5) Как мы, простые представители православной общественности, видящие церковные деньги исключительно на подносе, должны воспринимать заявление финансового советника митрополита Илариона (Алфеева) **Л. Севастьянова**, в котором тот применяет к церковной собственности, срочно «возвращаемой» государством, понятие «активы»? (См.: <http://www.gzt.ru/top-news/politics/-pereiti-na-novuyu-tserkovnuyu-ekonomiku-rpts-/340357.html>) Ведь «активы» в экономике принципиально предполагают **ликвидность**. Значит ли это, что если, к примеру, взятый РПЦ кредит будет обеспечен ее «активами», то есть, скажем, недвижимостью, то в случае неотдачи кредита соответствующее обеспечение перейдет в собственность кредитора?

6) Только ли боязнью «расколов» (по большей части все же мифических) объясняется тот факт, что «быстро возводимые шестьсот храмов» будут непременно собственностью РПЦ в целом, как юридического лица, но ни в коем случае — не своих общин?

Ну, это только некоторые из вопросов...

— *Да, неожиданный поворот... Но как же все-таки, на Ваш взгляд, мы должны вести себя по отношению к нашему священноначалию?*

— Убежден, что мы с вами полностью сойдемся в двух вещах. Во-первых, какая бы ситуация ни сложилась, следует сохранять то, что является отличительной чертой именно православного устройства души, — духовную трезвость: сначала хорошо думать, а затем уже говорить и делать, боясь навредить своей душе и земной Церкви. Во-вторых, следует непрестанно молиться за наше священноначалие, и прежде всего — за Предстоятеля, то есть делать имен-

но то, от чего столь опрометчиво отказались ижевские отцы.

— Ну, это не подлежит никакому сомнению. Но что касается заданных Вами вопросов: Вы надеетесь быть услышанным?

— Разумеется, иначе зачем было и высказываться? Тем более что разные ответственные лица нам постоянно рассказывают, как в Чистом переулке заинтересованы в конструктивном диалоге. Правда, пока что реагируют в основном «фролеры». За последнее время я узнал о себе массу интересного. Оказывается, на презентации своей последней «книжонки об электронном концлагере», прошедшей в Доме Лосева (это «На обрыве времен» имеется в виду), я что-то такое «кричал» о «захвате власти в Церкви либералами» и о необходимости всем срочно уходить в раскол (см.: <http://kirillfrolov.livejournal.com/1242388.html>; <http://kirillfrolov.livejournal.com/1240344.html>). Книга «На обрыве времен» имеется в широкой продаже и в библиотеках. Каждый, кто ее хотя бы открывал, хорошо знает, что в ней вообще не поднимается тема электронных документов, как и темы церковной жизни. Там собраны мои наиболее фундаментальные исследования последних лет богословско-историософского и политологического характера. Каждый, кто был на презентации, хорошо знает, что речь там о внутрицерковных проблемах вообще не шла. Запись этой презентации имеется. Из той же оперы — сообщение другого «фролера» о том, что, оказывается, в книге «Как разрушают Церковь» я собрал свои статьи в защиту Диомида через два года после его извержения из сана (см.: <http://andrej-belous.livejournal.com/384619.html>).

В действительности всего лишь одна глава книги посвящена истории с Диомидом, и представляет она собой объективистское прикладное исследование, не содержа, разумеется, никакой «защиты». Эта книга на сегодняшний день вообще распродана. Еще раньше обо мне пи-

сали, что, оказывается, я — сторонник учения о «филиокве» (только потому, что в определенном контексте сослался на Лефевра). Хоть бы удосужились прочитать соответствующую главу из последней книги, где содержится как раз более чем критический анализ учения о «филиокве»! Но настоящим шедевром этих обвинений является душешевный рассказ, широко распространенный по Сети, о том, как на клубе у Кургиняна я «кричал» (я у них обязательно должен кричать) о том, какой негодяй Фролов и как он враждебен «модернизации» (?!). На каждом заседании клуба бывает человек по двести, ни один из них ничего подобного не слышал. Стоит приходить на клуб, чтобы с места что-то «кричать» про Фролова! Где мы — и где он... Значит, еще слуховые галлюцинации у «фролера»? И так продолжается уже года четыре. На любые содержательные вопросы, концептуальный критический анализ — только такие «ответы». Очевидно, что больше сказать нечего. Поневоле вспоминается Солженицын: «Обо мне лгут, как о мертвом»⁸.

Но все это не стоило бы абсолютно никакого внимания, если бы при каждом удобном случае эти люди не клялись именем Патриарха и не высказывались бы так, будто их Церковь официально уполномочила озвучивать ее позицию. Может быть, наконец, от высших заинтересованных лиц последуют какие-то разъяснения о том, что в действительности эти люди — просто самозванцы?

Примечания

¹ Публикуется в авторской редакции.

² Подробнее об этом см. в кн.: *Анатомия провокации*: Сб. статей. М.: Бост—К, 2005.

³ Подробнее об этом см. в кн.: *Регельсон Л.Л.* Трагедия русской Церкви. Париж, 1977.

⁴ К настоящему моменту данная система окончательно вступила в свои права (примеч. июля 2013 года).

⁵ К настоящему моменту данная информация не подтвердилась (примеч. июля 2013 года).

⁶ К настоящему моменту Готти Тедески уже ушел со своего поста, а новый папа Франциск предпринимает меры по усилению прозрачности проводимых банком финансовых операций. Даже появились сообщения о том, что готовится первый в истории этой структуры открытый финансовый отчет. Таким образом, в своем прежнем виде Банк Ватикана уже, по-видимому, прекратил свое существование.

⁷ См. сетевую публикацию: *Четверикова О.Н.* Опасные игры с Ватиканом: вперед, к православному «банкингу»! Подробнее о Банке Ватикана см. в ее книге: *Измена в Ватикане, или Заговор пап против христианства.* М.: Алгоритм, 2011.

⁸ С сожалением приходится констатировать, что ныне и некогда союзная РНЛ, увы, уже на **той стороне** и действует аналогичными методами (примеч. июля 2013 г.).

«Межрелигиозный диалог» и конец модерна

Интервью сайту информационно-аналитической службы «Русская народная линия»

В настоящем интервью речь идет о документе, который некоторые поспешили наименовать «критской унией». Шум в прессе, в церковных и околоцерковных кругах начался тогда, когда произошла утечка информации и в блогосфере, а затем и на ряде сайтов был размещен **католический проект итогового документа** собеседований о роли римского епископа (то есть папы) в I тысячелетии. Некоторые информационные ресурсы представляли опубликованный текст как некий «промежуточный документ» комиссии, за который якобы несет ответственность и православная сторона. Однако последние события показывают, что никакой унии на заседании **Смешанной комиссии по православно-католическому диалогу**, которое происходило на Крите, а затем в Вене, конечно же, не заключено и не могло быть заключено. Католический проект итогового документа не был согласован с представителями РПЦ, да и необходимых полномочий у богословской комиссии, как понятно, нет. Однако в целом проблема отношений

с католиками, в частности богословского диалога с ними, продолжает оставаться актуальной.

Русская народная линия: *Уважаемый Владимир Петрович, сейчас кое-кто говорит о том, что процесс нашего «объединения с католиками» уже не остановить и что документ, называемый некоторыми «критской унией», — всего лишь один из этапов этого неотвратимого процесса. Насколько, на Ваш взгляд, верно понимание текущих событий как подготовки новой унии?*

Владимир Семенко: Если относиться к этому всерьез, то необходимо «интерпретировать такую интерпретацию» как самую настоящую провокацию, подлинная цель которой — лишь взбудоражить православную общественность и дискредитировать священноначалие. Я вообще не понимаю, с какой стати богословским собеседованиям, имеющим предысторию, по-моему, уже в несколько десятилетий, следует придавать столь глобальное значение. Чего бы там эти богословы ни решили, ни приняли, это в любом случае будет носить сугубо предварительный, рекомендательный характер, выражая лишь позицию данных богословов. Рецепция подобного рода решений церковной полнотой, прежде всего собором архиереев всех включенных в процесс Поместных Православных Церквей, носит порой достаточно длительный характер, и никто никогда не знает, чем и когда она завершится. Но даже если иметь в виду, наверное, промыслительно засвеченный в пресесе документ, то нет никаких оснований предполагать, что он представляет собой плод совместного творчества православных и католиков, а не католический проект итогового документа. В самом деле, посмотрите. Со стороны официальных лиц РПЦ, в частности главы ОВЦС митрополита Илариона (Алфеева), не раз вполне четко и недвусмысленно заявлялось, что ито-

гового взаимопонимания на критских переговорах достигнуто не было, и это при том, что сам опубликованный документ вполне однозначно трактует вопрос о роли римского епископа в типично католическом духе. Сейчас вот появились разъяснения члена рабочей группы ОБЦС **протоиерея Андрея Новикова**, в которых сформулирована весьма жесткая критическая позиция по отношению к критскому документу (см.: <http://www.rus-obr.ru/idea/5718>). Этот документ, с точки зрения его содержания, имеет вполне логичный и законченный вид, и если бы все православные участники этих богословских собеседований под ним подписались, то планируемые следующие заседания были бы уже не нужны. Документ вполне ясный, и если бы он реально был подписан всеми участниками диалога, то вопрос стоял бы уже о рецепции его церковной полнотой, а не о продолжении работы «Смешанной богословской комиссии», то есть группы профессиональных богословов-спичрайтеров. В этом плане, на мой взгляд, совершенно очевидно, что разговоры о некоей «промежуточности» указанного документа носят спекулятивный и недобросовестный характер. Он никакой не «промежуточный», а представляет собой именно **католический проект**, подготовленный, как теперь стало известно, без участия представителей РПЦ, а лишь с участием представителя Константинополя — известного богослова-модерниста **митрополита Иоанна (Зизиуласа)**. Не случайно «сожаление» в связи со столь нечаянной засветкой в прессе высказывалось именно Ватиканом.

— *Хорошо, пусть все это так. Действительно, у нас нет никаких оснований не верить вполне ясным и четким разъяснениям официальных лиц нашей Церкви. Но согласитесь, что это не снимает остроты самой проблемы. То, что политика в отношении РКЦ меняется, вполне очевидно. Из уст самых высоких представителей РПЦ мы постоянно слышим слова о необходимости*

сти совместной с христианами Запада борьбы против негативных последствий секуляризма и т.д.; представители Ватикана, как, например, сам кардинал Вальтер (Каспер), говорят о «прорыве» в наших отношениях и т.д. Россия устанавливает дипломатические отношения с Ватиканом. Не кажется ли Вам, что критский документ, справедливо вызывающий серьезную критику со стороны православных, в связи со всем этим становится все актуальнее просто с точки зрения его проблематики, а не той конкретной позиции, которая в нем выражена?

— Это и верно и неверно одновременно. Верно в том смысле, что весь круг проблем, связанных с отношениями западных и восточных христиан, становится в наше время все актуальнее, но абсолютно неверно в силу того, что сама тематика собеседований «Смешанной богословской комиссии» неоправданно сужает этот круг.

Если реально ставить вопрос о взаимопонимании христианского Запада и Востока в условиях нынешних катастрофических процессов «постсовременности», то в первую очередь следует задать себе и другим самый главный вопрос. Мы говорим об отношениях **христиан и их церквей**. Стало быть, предполагаем неповрежденными глубинные корни не только восточного, но и западного христианства. Оставим пока в стороне Восток, а также литургическую реформу (которую совсем миновать в нашем разговоре все же, думаю, не удастся). Попробуем твердо встать на почву самого папства. Папа, молящийся в синагоге, просящий прощения у иудеев за многовековой «антисемитизм», — это тот самый папа, каким его привыкла знать римская традиция? Торквемада признал бы такого папу своим? Пий X согласился бы с тем, что это — продолжатель его дела? Меч святого Петра вручен папе для того, чтобы совать записки в «Стену плача»? Жалкий лепет оправданий перед иудеями во время истории с прощением этого

несчастливого лефевриста — епископа Вильямсона, доносившийся из уст «ведущего богослова современности» папы Бенедикта XVI, — это полные внутреннего достоинства и сознания своей высшей правоты слова носителя «первоапостольской» духовной власти? Как видите, я сейчас чисто условно пытаюсь встать на позицию ревностного католика, для которого дорого сердце своей традиции, самый дух и, так сказать, «аромат» папства. Надо ли говорить, что он безвозвратно утерян! Именно поэтому я свой некролог по Иоанну Павлу II (к которому как к личности у меня очень непростое отношение) и назвал в свое время «Конец эпохи?».

Западное христианство выродилось, кончилось. Храмы закрываются, святыни распродают с молотка. Рим потерял главное — сознание своей исторической правоты продолжателей апостольского дела, святой огонь той веры, что способна если не сдвинуть горы, то, во всяком случае, радикально изменить лицо эпохи, повернуть ход истории¹. Нынешние церкви Запада (мы, православные, ведь римской папской идеи не признаем; для нас земная Церковь есть совокупность поместных Церквей) погрязли в «толерантности»; они боятся разговаривать с «міром» как «власть имеющие», давно уже в арьергарде, а не в авангарде мировых процессов. Они в большинстве своем состоят из завзятых гедонистов и «консюмеристов», больше всего на свете боящихся потерять свой комфорт — душевный и телесный. Эти «чада церкви» в весьма значительной части не веруют в богочеловечество Христа и в непорочное зачатие и недоуменно вопрошают во время рождественских распродаж: «What is Christ in Christmas?» Эти потомки Карла Великого до смерти боятся двух вещей: 1) что их не похвалят евреи и 2) что их обидят мусульмане. Вот вам и все папство! Если, конечно, иметь в виду «жизнь, как она есть», а не «планы».

— *То есть дух традиции утерян, и безвозвратно?*

— Все знают, что это так, и в этом все дело! Я не вижу на Западе живых носителей аутентичной традиции. Если католики во Франции протестовали против визита туда предшественника нынешнего папы! Куда уж дальше!.. Где наследники Франциска, чье слово облагодадо бы живым авторитетом? В России я вижу людей, про которых еще можно сказать: вот, их преподобный Сергей мог бы признать своими учениками. Вот отец Кирилл (Павлов) до известной степени — такой человек. К умирающей Феодосии² едут архиереи, игумены и генералы со всей России; где монахи доминиканского ордена, чье слово было бы хоть кому-то интересно? Европейцы и американцы скорее пойдут к какому-нибудь новомодному гуру или парапсихологу, чем к ним.

— *Хорошо, давайте поставим вопрос так. Для нас, православных, наша Церковь есть носитель неповрежденного апостольского предания; она является таким носителем не теоретически, а вполне практически, в лице конкретно взятых людей, сколько бы их ни было, и в этом смысле можно сказать, что наше современное Православие вполне традиционно. Когда мы вступаем в диалог с теми, кто мыслит себя наследниками западнохристианской традиции, можно ли признать за ними, хоть за кем-то, такое право? Или же мы обречены на то, чтобы разговаривать с уже какими-то полными вырожденцами, «постхристианами»?*

— Это как раз самый главный вопрос. Но он слишком сложен, на него невозможно ответить одной короткой фразой. Главное, что очевидно нам всем: так называемый современный (точнее постсовременный) мир давно уже не просто изменился, но прямо восстал против своих христианских корней, против собственной традиции. И что значит «модерн»? Вот Индия или Китай сейчас стремительно модернизируются, но мы не видим там никакой войны с индуизмом или даосизмом!

Враждебность так называемого Запада по отношению к собственной христианской традиции общеизвестна. Значит, в нашем случае, когда говорят об оживлении диалога между православием и католицизмом, о совместном противостоянии духу апостасии, речь идет о людях внутри западного общества, которые отдают себе трезвый отчет в том, о чем мы сказали выше, то есть в том, что современное западное христианство во многом выродилось, которые готовы взглянуть реально-сти прямо в лицо. Такие люди на Западе все-таки есть, хотя и пребывают в явном, так сказать, подавляющем меньшинстве. И именно они, и никто другой, имеют моральное право рассуждать о традиции.

Но если так, то главный вопрос, который следует ставить в диалоге, — это вопрос **об истоках апостасии**, вопрос, основанный на исторической честности и мужественном, ответственном понимании сути так называемых современных процессов.

— *Вы полагаете, что Запад, и в частности, если можно так выразиться, сознательные католики, не обладают этой честностью и ответственностью?*

— А как Вы думаете? Если, с одной стороны, паписты говорят о том, что нас поедает секуляризм (и, стало быть, необходимо как-то этому совместно противостоять), с другой — они же делают все, чтобы приспособить собственную церковь к существованию в условиях этого самого апостасийного секуляризма, а с третьей — не находят ничего лучшего, кроме как обозначить в качестве главной темы так называемого «богословского диалога» «роль римского епископа в первом тысячелетии»?! Какое первое тысячелетие, опомнитесь! На дворе двадцать первый век с его страшным оскалом, и папы давно уже лебезят перед мировым правительством, а не говорят как «власть имеющие»! Нельзя же настолько забывать историю! А может, как раз напротив, слишком хорошо помнят? Некоторые исследовате-

ли вполне убедительно показывают³, что современное папство, при всем ужасном вырождении самой католической религии, вовсе не отказалось от своих властных амбиций, только **амбиции эти вписаны ныне в глобалистический проект; папство пытается мимикрировать и, так сказать, просочиться в структуры мировой власти.** Ну а с чем, точнее с кем, эти структуры в конечном счете связаны, я думаю, всем православным людям очень хорошо понятно...

Так что я полагаю, что подобного рода богословские отвлеченности никакой пользы в себе не несут. Вопрос об отношениях с католиками есть для нас, православных, не столько чисто канонический, сколько духовный, догматический и культурно-историософский, и без того, что в науке называется междисциплинарным подходом, здесь не обойтись!

Еще раз хотел бы подчеркнуть: опыт показывает, что люди, с которыми можно иметь дело и достигать взаимопонимания, на Западе все-таки есть. Знаете, я просто восхищен недавно опубликованной на РНЛ статьей священника **Андрея Филлипа «Против неоарианства»**. Какое четкое понимание именно современной проблематики и современных опасностей Церкви! Однако неприятие нынешнего церковного модернизма, обличение его не должно быть, так сказать, самодовлеющим. Если в истории все-таки действуют какие-то закономерности, то, стало быть, вполне очевидно, что нынешний кризис начался не вчера. Так что вопрос, поставленный выше, то есть вопрос об истоках апостасии, является все-таки ключевым.

— То есть, иными словами, для того чтобы диалог с западным христианством был полезным и продуктивным, важно понимать причины, истоки отхода от христианства прежде всего на Западе, а затем и в самой России?

— Разумеется! Ведь все эти попытки Церкви «приспособиться» к современному миру возникают в силу того, что **сам этот мир слишком далеко ушел от Церкви, от своих христианских основ**, а на это, в свою очередь, есть свои причины.

— *На эти причины у Вас есть свой взгляд?*

— Ну что значит «свой»... В моей схеме есть оригинальные моменты, не без этого, но совсем уж каких-то небывалых открытий я, конечно, не делаю.

Можно по-разному подходить к этой теме, с разных сторон. В свое время покойный В.Л. Махнач, рассуждая чисто исторически, обращал внимание на важнейшее обстоятельство, связанное с совершенно особой ролью, которую сыграл в становлении Европы знаменитый университет Кордовы. Когда-то он играл роль ведущего центра образования в Европе, наряду с древнейшим Константинопольским университетом. Во времена ереси иконоборчества, когда считалось, что нельзя ехать учиться в Константинополь, к греческим еретикам, многие европейцы поехали в Кордову. А там — иудеи заразили их скепсисом по отношению к Писанию, то есть к основе собственной традиции, а арабы преподали им начала анализа, то есть аристотелевской логики. Вот эта **гремучая смесь скепсиса и анализа** и легла в основу того, что можно назвать западноевропейской ментальностью.

Но это взгляд, так сказать, чистого историка, с элементами культурологии. Он объясняет многое, но не все. Резонный вопрос: в чем истоки апостасии с богословской точки зрения? На мой взгляд, совершенно очевидно, что они — **в богословском рационализме**, внесении рационализма в решение чисто богословских проблем (как, скажем, внутритроичная жизнь, отношение Бога к миру и т.д.). А это, в свою очередь, происходит в результате **практического отрыва от аутентичного духовного опыта отцов, духовного опыта подвижников**

Церкви, то есть сердцевины Традиции. Именно в этом и заключается главный «нерв», глубинная суть всей проблемы.

— То есть можно говорить о том, что с какого-то момента духовная суть западного христианства меняется, хотя догматически все остается поначалу как прежде?

— Ну, это как сказать. На догматическом уровне тоже начинаются aberrации. Тут весь вопрос в методологической позиции исследователя: что первично, что вторично — духовная жизнь или догматика. В принципе я считаю, что духовная жизнь, конечно, первична, а тот или иной догмат (в том числе и ложный) отражает на дискурсивном уровне духовные процессы, идущие, так сказать, в недрах народного духа. Но, с другой стороны, если взять, например, проблему filioque... Здесь очевидно только одно — сама связь этого учения и абсолютно прелестной, соблазнительной для православного сознания позднекатолической мистики, многочисленных видений всех этих несчастных женщин, которых католики в своем глубоком прельщении почитают как святых, — **Терезы Авильской, Екатерины Сиенской, «блаженной» Анджелы** и др. Ведь что такое filioque? Это, как ни крути, **внесение субординационизма внутрь Троицы**, принижение Святого Духа по отношению к первым двум ипостасям. А это автоматически означает, что **Святой Дух как бы сближается с тварным миром**. А что такое все эти «видения» позднекатолических подвижниц, которые некоторые наши духовные и богословские авторитеты прямо называли духовной порнографией, считая их плодом глубокого прельщения? Это есть внесение чувственности в духовную жизнь, **смешение чувственного и духовного**. Так что учение о filioque в конечном счете догматически очень точно описывает этот, с точки зрения Православия, абсолютно ложный, прелестный духовный опыт!

Эта мысль — вовсе не мое творчество. Об этом по-разному писали и святитель Игнатий (Брянчанинов), люто ненавидимый нашими модернистами, и Лодыженский, и Алексей Федорович Лосев. Если кто-то в наше время решит отрицать тот несомненный и доказанный факт, что filioque и тесно связанный с ним полный эротики и прямой сексопатологии псевдодуховный опыт некоторых католических «святых» противоречит самому главному в христианстве — учению отцов о духовной жизни, о правильной молитве, то, как говаривал один старец, «у меня к нему много вопросов»...

Тогда стоит спросить: что же такое для современных православных, наследующих великую духовную традицию своей Церкви, означает «соединиться с католиками»? Это означает признать истиной явный абсурд, а именно: согласиться, что опыт Иоанна Лествичника, Аввы Дорофея, Максима Исповедника, Григория Синаита, поздневизантийских исихастов есть то же самое, о чем говорит Игнатий Лойола в своих «Духовных упражнениях» или все эти дамы, описывая свои «видения». Конечно, Православная Церковь такого признать никак не может, а если вдруг чисто теоретически предположить, что она это признаёт, то она тут же перестанет быть православной⁴. Наше с вами положение сильно облегчается тем, что сейчас во главе нашей церковной иерархии стоят не какие-нибудь необразованные простецы, но люди, очень хорошо разбирающиеся и вообще в богословии и во всех этих вопросах, которые, конечно же, не могут не понимать прежде всего духовной несовместимости Православия и католицизма.

— *Хорошо, но ведь католики сейчас готовы от чего угодно отказаться, в том числе и от filioque. Что Вы скажете, если на официальном уровне это все же произойдет?*

— Я не вполне понимаю, что значит «отказаться от filioque»? Реально это означает отказаться не от какой-

то никому не интересной отвлеченности, а **от духовного опыта целого ряда своих святых**, необычайно почитаемых Католической церковью. **Отказаться от глубинных духовных оснований своей веры, что по факту означает в каком-то, очень существенном смысле перестать быть католиками** и стать снова **кафоликами**, засвидетельствовав великую духовную правоту православного Востока! Вы полагаете, это реально?

— *Вы строите свое неприятие бурных экуменических устремлений некоторых наших церковных деятелей только на вышеизложенном моменте?*

— Вовсе нет! В конечном счете речь идет о еще более глобальных и фундаментальных вещах. Когда говорят, что Запад и Восток христианства, а конкретнее — Православие и католицизм, не разделяет ни одна великая ересь, это вызывает, мягко говоря, недоумение. То есть формально это, конечно, так, если иметь в виду ереси, осужденные Вселенскими соборами. Однако любой человек, обладающий хотя бы поверхностным историческим и богословским образованием, хорошо знает, что последний в истории, Седьмой Вселенский Собор, осудивший иконоборчество, отнюдь не исчерпал великие ереси в истории Церкви. Через несколько веков после него была еще ересь варлаамитов, осужденная «паламитскими» Соборами 1341 и 1347 годов и наконец — великим Константинопольским Собором 1351 года. Имея в виду необычайно важное значение этого собора, некоторые даже называли его восьмым вселенским. Варлаамитство в конечном счете, при ближайшем рассмотрении — это и есть уже упомянутый нами богословский рационализм, внесение рационализма в рассмотрение и решение таких вопросов, адекватное постижение которых возможно **лишь на основе правильного богообщения, духовного опыта** Церкви в лице ее великих подвижников. Как указывают наши православные богословы, в частности **В.Н. Лосский**, Вар-

лаам и его сторонники **вносили причинно-следственную логику в учение о Боге** и не воспринимали учение святителя Григория Паламы о нетварности Божественных энергий, являвшееся просто дискурсивным выводом, объяснением духовного опыта отцов. В конечном счете это учение — **чисто западное**, в определенном смысле повторяющее сугубо рационалистическую логику схоластов. Лосев называет Варлаама духовным отцом западного Ренессанса. Это ключевой момент, однако, прежде чем обратиться к нему, следует упомянуть, что после своего осуждения Варлаам бежал в Италию, где латиняне не только не осудили его, но, напротив, возвысили, сделали епископом. Не произошло осуждения варлаамитства на Западе и в течение последующих 660 лет. Там, кстати, в этот завершающий период своей преступной жизни злостного и нераскаявшегося еретика, он и написал свою апологию латинства, став, между прочим, одним из первых убежденных идеологов экуменизма. А в исполнении папистов экуменизм есть всегда объединение всех христиан под властью папы Римского!

Богословский рационализм есть прямой путь к экуменизму, поскольку кладет в основание «познания» Бога чисто рационалистические схемы, а не духовный опыт, а тварный и несовершенный человеческий разум, естественно, не в силах в полноте познать тайны Божии. А раз это невозможно, учил Варлаам, то почему бы нам не пренебречь богословскими расхождениями и не объединиться?

Варлаамиты, как и все рационалисты в богословии, в принципе не понимали, что в основе «богопознания» лежит опыт истинного (православного) богообщения, а не отвлеченные схемы.

— *Все так, но какое практическое значение все это имело для последующего развития христианской цивилизации?*

— Значение это трудно переоценить! В самом деле, что такое чисто рационалистическое представление варлаамитов о тварности Божественных энергий? Ведь это означает попросту, что **реальное обожение, соединение человека с Богом невозможно!**

На протяжении многих веков рационалистическое сознание, оторванное от духовного опыта Церкви, не могло постичь тайну обожения, то есть того же Богочеловечества, но реализованного на духовном, а не на природно-сущностном уровне. Соединение человека с Богом по природе, как мы знаем, невозможно, ибо между тварным и нетварным бытием — онтологическая пропасть. Но соединение по благодати, о котором учит Церковь, означает, что, в отличие от природы, соединение которых означало бы прямой пантеизм, тварная и нетварная энергии, энергии Бога и человека все же соединяются неким таинственным образом, непостижимым при помощи чисто рациональных методов. Весь опыт подвижников Церкви, весь колоссальный массив святоотеческой литературы, жития, богослужебные тексты — все это просто вопиет о том, что духовное, энергийное соединение человека и Бога («обожение») — и есть та **высшая цель духовной жизни**, без которой спасение невозможно и к которой, в конечном счете, устремлена Церковь воинствующая в своей земной активности.

Варлаамиты же, выражавшие общий вектор начавшейся апостасии, будучи вполне чужды этому опыту, пытались рационализировать учение о Боге в его обращенности к миру, то есть именно об энергиях. Варлаамитская ересь представляла собой самую настоящую **апостасийную революцию** в восприятии Бога и мира и в этом оказалась очень созвучна западной схоластике. Варлаам воспринимался как вполне свой на Западе. Если энергии Бога тварны, то это попросту означает, как мы уже указали выше, что никакого реаль-

ного обожения, соединения человека и Бога не происходит, оно невозможно. И на место Богочеловечества и его духовного аналога — обожения приходит антропоцентризм и ренессансный гуманизм с его представлением о самоценности человека; постепенно происходит решительная смена всех главных ценностных парадигм цивилизации. Бог остается Сам в Себе, в Своей неизреченной и непознаваемой Сущности, или Природе, а человеку не остается ничего другого, кроме как изживать свои внутренние энергии и потенции, питаясь духовными сокровищами, накопленными Средневековьем. Это есть прямой путь к тому, что во вполне устоявшейся европейской терминологии называется секулярным модерном. Модерн именно в силу своей вышеописанной особенности **всегда тратит, расходует духовную энергию человечества, но не создает, не накапливает ее**, ибо, в конечном счете, разрывается богочеловеческая вертикаль, как бы засоряются каналы связи человека и Бога, мир обезбоживается, утрачивает благодатность, даруемую Господом.

Корни Западной Европы — там, в этой апостасийной подмене. Исторически именно папство было лидером этого процесса! Поэтому Лосев и говорит, что Варлаам выразил апостасийный дух надвигавшегося Ренессанса. Как же могли латиняне его не принять!⁵

— *А как же консервативная традиция, достаточно сильная на Западе?*

— Дело в том, что все эпизоды консервативной реакции на Западе, порой весьма грандиозные, в принципе не выходили и не могли выйти за рамки культурно-цивилизационной парадигмы, окончательно сформированной в эпоху Ренессанса. Тридентский собор ведь не отказался от схоластики! Никто из католиков, борясь с Реформацией, не смел даже и подумать, что в основе самой западной цивилизации лежат ложные метафизические принципы. Поэтому западный консерва-

тизм — это есть, в конечном счете, путь в никуда, он не имеет принципиальной исторической перспективы, будучи не в силах преодолеть тот детерминант, который был сформирован, сложился в определенную ключевую эпоху и с тех пор определяет весь ход развития Запада. (Стремящегося распространить свою апостасийную болезнь на весь мир.)

Таким образом, между западным и восточным христианством, в конечном счете, — метафизическая пропасть. Совместить одно с другим — означает примирить два противоборствующих, антагонистических принципа — обожение, синергию (соработничество человека и Бога) и антропоцентризм, что по определению невозможно! От ссылок на неразделенную Церковь первых веков легче не становится. Что толку в этих ссылках, если апостасийные процессы с тех пор ушли далеко вперед! Как можно отменить историю, просто забыв о том, что происходило все последнее тысячелетие?! Преодоление апостасии есть нечто совсем другое!

— То есть экуменизм невозможен как принцип просто в силу невозможности выйти из истории и проигнорировать те реальные различия между западнохристианской и восточнохристианской традициями, которые в ходе нее сформировались? Но тогда что значит преодоление апостасии перед лицом тех общих угроз, на которые указывают нам сегодня некоторые из весьма авторитетных западных христиан, что находит весьма серьезный отклик здесь, в России?

— Прежде чем ответить на этот вопрос, следует понять несколько, на мой взгляд, достаточно очевидных вещей. Во-первых: что реально означает в истории упомянутый нами выше разрыв богочеловеческой вертикали, отрыв человека от Бога, замена синергии и обожения антропоцентризмом? Это означает постепенное складывание цивилизации, которую Владимир Соловьев называл **«цивилизацией безбожного челове-**

чества». Это и есть **секулярный модерн**. В силу ее описанных выше и вполне общеизвестных особенностей цивилизация эта обречена на постепенное, все большее истощение, самоисчерпание, которое и происходит на наших глазах. Можно сказать, что мы являемся свидетелями новой цивилизационно-культурной революции, **глобальной, общемировой смены модерна постмодерном**. Постмодерн есть продукт разложения модерна и одновременно его самоотрицание. Это, между прочим, тоже попытка выйти из истории, объявить о ее конце, подменив реальный, живой исторический процесс управлением мировыми процессами при помощи игровых методов. В свое время я достаточно писал об этом, и вообще по этому вопросу существует достаточно обширная литература. Сейчас это не является напрямую нашей темой⁶.

И теперь стоит спросить: к чему реально может привести и приводит то, что цивилизация безбожного человечества исчерпывает себя, все свои внутренние возможности? Диалектически это ясно что означает: переход в свою противоположность. А что является здесь противоположностью? Ясно, что: то, что тот же Соловьев называл «цивилизацией бесчеловечного Бога», то есть **трансцендентный монотеизм, в котором нет учения о Богочеловечестве**. А это и есть **ислам**. Иудаизм, конечно, тоже сюда относится, но в нем нет такого, как в исламе, миссионерского пафоса, обращенного ко всему миру. Иудаизм есть религия еврейского народа, а все по определению не могут стать евреями. Так что всемирно-историческое значение иудаизма связано не столько с историей, сколько уже с эсхатологией, со столь значимой в эсхатологическом плане фигурой Мошиаха, то есть, по нашему, христианскому представлению, антихриста.

Ислам же ныне весьма агрессивно завоевывает мир, и прежде всего Европу, оторвавшуюся от своих хри-

стианских корней. Я в очередной раз хотел бы особо подчеркнуть: нынешняя исламизация Европы — глубоко не случайное явление, она диалектически закономерна, Это **неизбежная реакция монотеизма на апостасийную революцию Запада**. Исчерпавший себя секулярный модерн сменяется самым темным и варварским, архаическим, лишенным какого-либо гуманистического содержания, бесчеловечным средневековьем, выстроенным прямо противоположным образом по отношению к принципу «человек — мера всех вещей». При чем «средневековье» это хорошо владеет современными технологиями! При этом крайне важно, что наступает на когда-то христианскую Европу не традиционный, исторический ислам, не цветущая культура какого-нибудь первого халифата, а ислам суррогатный, несущий в себе очевидную тенденцию к дальнейшей деградации, понижению метафизического типа. Сталкиваясь с этой страшной силой, с этой стихией, полной религиозного энтузиазма, Европа начинает платить по счетам, расплачиваться за ложный метафизический выбор, сделанный много веков назад⁷.

— Ну а Россия? Можете ли Вы утверждать, что она — в стороне от апостасийных процессов?

— Для нас это как раз самый больной вопрос. Конечно, на мой взгляд, вполне очевидно, что и Россия с определенного момента пошла в значительной степени по западному пути, причем гораздо раньше, чем кто-то может подумать. Так, еще **протоиерей Георгий Флоровский** отмечал, что учение о власти Ивана Грозного — это в основе своей **очень западное учение** (есть гипотеза о прямом влиянии Макиавелли), представляющее собой **отход от византийской симфонии в сторону абсолютизма**, то есть секуляризации монархии. Главная проблема христианского Востока заключается в том, что исихастской цивилизации, где принцип обожения был бы основой, в настоящее время вооб-

ще нет. После падения Византии Россия продержалась где-то два столетия, потом и здесь начались неоднозначные процессы, хотя, конечно, говорить о тождестве России и Запада не приходится, это ясно всем. Здесь мы уже вторгаемся в историософию России, это отдельный вопрос⁸.

Для нашей же темы главное заключается в том, что хранителем неповрежденного апостольского предания (а стало быть, и опыта правильного, православного богообщения) является только наша, святая, соборная и апостольская Православная Церковь, а отнюдь не паписты. Поэтому экуменизм, вся экуменическая «философия» ложна в своих последних, прежде всего метафизических, основаниях. Ибо **пытается замазать метафизическую пропасть между Православной Церковью, хранильницей неповрежденного Предания, и латинской, папской ересью**, проигнорировать всю представленную выше проблематику.

Современный экуменизм стремится как раз **не поставить проблему принципиально**, как это сделано у нас, а, напротив, **приспособить Православие для своих нужд**. Совершенно понятно, что **церковный модернизм и реформаторство, с одной стороны, и экуменизм, с другой, неразделимы**. Ибо преодоление «разрыва» между восточным и западным христианством здесь осуществляется на методологически ложной основе, в которой игнорируется тот непреложный факт, что современное «христианство» Запада есть уже в значительной степени плод вырождения традиции. Тогда понятно, что сближение с Западом, прежде всего с католиками, будет означать, что такое же вырождение должно быть осуществлено и здесь. Но **если на Западе это стало плодом достаточно долгого исторического процесса, то в современное Православие вырождение вносится искусственно, путем сознательных реформ**. Понятно почему: «**историческое**» Православие, в котором дух

подлинной Традиции еще жив, само по себе является обвинением западным еретикам, зовет к пересмотру глубинных метафизических основ апостасийной западной цивилизации, а это не входит, так сказать, в планы тех мировых сил, которые инспирируют и всячески подпитывают, поддерживают экуменические устремления как в России, так и на Западе, практически по всему «христианскому» (постхристианскому) миру. **Экуменизм есть прямой плод апостасии, путь к сдаче православными своих принципиальных позиций.**

— Но существует ли все же подлинный экуменизм? Ведь наиболее умные и вменяемые экуменисты все время говорят о «возврате» к «неразделенному христианству» первого тысячелетия.

— Конечно, такой «экуменизм» можно было бы только приветствовать! Но этот «возврат» **есть вещь, прямо противоположная компромиссам с «современным миром», с духом апостасии**, столь свойственным экуменической дипломатии. Ведь он же не может быть просто декларативным! Преодоление апостасии — слишком серьезное дело, чтобы доверить его спичрайтерам и пусть даже вполне вышколенной церковной бюрократии!

В одну и ту же реку нельзя войти дважды. Стало быть, **преодоление апостасии возможно лишь в истории, в развитии**. А это значит, что **самые глубинные основания так называемой современной цивилизации, цивилизации секулярного модерна, должны быть пересмотрены. Ответить на «кризис» — значит преодолеть его**, а не спрятать голову в столь приятную и по своей природе прелестьную мечтательность, в песок утопии!

В принципе существуют три ответа на то, что все большее число исследователей называет «концом модерна». Первый — это попытка спасти модерн, героическая попытка неоконцов, ныне уже успешно провалившаяся. Второй — это постмодернистское манипулирование смыслами, попытка подменить историю игрой

(что доминирует на современном Западе). Ну и, наконец, третий — движение религиозного возрождения, находящее себе все больше сторонников, на Западе в том числе. Но если говорить об этом всерьез, то очевидно, что такой «экуменизм» (в русле этого движения) означает нечто прямо противоположное происходящему в рамках так называемого официального «экуменического диалога» — **изживание «современности»**, отказ от антропоцентризма, возвращение к тем **неиспользованным возможностям внутри христианства**, которые в свое время были отброшены западным человечеством, начавшим строить свой «прекрасный новый мир», — мир, основанный на гордыне, жажде власти и гедонистических вожделениях. Несостоявшаяся в истории исихастская цивилизация, цивилизация синергии и обожения, может состояться, но лишь ценой величайших жертв и самоотверженности, ценой новых катакомб. Поворот от гедонизма к новому аскетизму во имя высшей цели — спасения — есть нечто прямо противоположное итоговому банкету после очередного межрелигиозного «саммита», где участники вполне дружно и единомысленно объединяются, отдавая должное прелестям средиземноморской гастрономии.

Мы верим (как верят наиболее духовно чуткие люди на Западе), что в этом процессе России принадлежит совершенно особая роль. Многословно философствовать на эту тему сейчас неуместно, однако думаю, что выражу общие чаяния достаточно многих духовно просвещенных и умудренных людей, сказав: **если спасение миру не придет из русских катакомб, то оно не придет ниоткуда. Либерально-экуменический, абсолютно безудержный социальный оптимизм, причудливо сочетаемый со сдачей принципиальных вероучительных, пастырских и прочих религиозных позиций Православия**, не имеет с этим чаяниями ничего общего. Надеяться на то, что нам удастся выйти из тупика постсо-

временности, — значит готовить себя и других к новым великим жертвам, возгревать в себе религиозный пламень, огонь веры, возвращаясь к духовному опыту отцов, пытаясь пронизать им свою повседневную жизнь. Не полные искусственного энтузиазма лозунги насчет «православного прорыва» и «модернизации на основе традиции», но сознание своего недостойнства и сокрушенные слова молитвы «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных!» — вот основа возможного возрождения.

Примечания

¹ О современном католицизме, и в частности о богословии папы Бенедикта XVI, рекомендуем читателю две очень содержательные статьи диакона Владимира Василика на сайте **«Русской народной линии»**: «Папа Римский — поклонник вудуизма?» и «Богословие папы Римского изменилось в сторону двоения истины и лукавства».

² Имеется в виду схимонахиня Феодосия, пользующаяся огромным духовным авторитетом и почитанием во всей России.

³ См., напр.: *Четверикова О.Н.* Католицизм в наступлении: идеология и политика Ватикана в условиях перехода к глобализированному мировому порядку // Россия–XXI. №1 (2010). В Интернете (на сайте «Русской народной линии») см. работу того же автора: «Ватикан: курс на мировое правительство».

⁴ Подробнее на все эти темы см. мою работу «Духовная жизнь и папская ересь», вошедшую в качестве главы в книгу **«На обрыве времен»** (М.: Домострой, 2010).

⁵ Подробнее см. об этом в моей фундаментальной работе «Христианская цивилизация: новый перелом?». Вошла в качестве центральной главы в книгу **«На обрыве времен»**.

⁶ Подробнее см. в упомянутой выше книге, в главе «Ситуация постмодерна и деконструкция культуры». В настоящей книге включена в большую главу «Модернистский соблазн».

⁷ Подробнее см. там же, в уже упомянутой работе «Христианская цивилизация: новый перелом?».

⁸ Из всего огромного объема литературы на эту тему отметим одну из последних фундаментальных работ: *Аксюциц В.В.* Миссия России (М.: Белый город, 2010).

У кого чего болит...

На либеральные гонения в России
Патриарх Кирилл ответил усилением
экуменической активности

Состоявшийся на днях¹ визит Предстоятеля РПЦ Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Польшу был запланированным и давно ожидаемым. На первый взгляд, обычное официальное мероприятие. Без подобного рода дипломатических акций официальные структуры Церкви обойтись не могут, чего никак не хотят или не могут понять крайне фундаменталистски настроенные круги наших ревнителей. Церковь не может не поддерживать внешних контактов — с инославными, иноверными, с политическим руководством иностранных государств, со светским обществом и государством. Необходимо постоянно разъяснять, комментировать позицию Церкви по различным актуальным вопросам современной жизни, не говоря

уже о защите прав и интересов ее чад, которых немало в разных странах мира. Эти контакты с внешним миром тем более важны теперь, когда мы наблюдаем мощнейший всплеск либеральных гонений, пока еще охвативших лишь информационную сферу, где непосредственным поводом являются такие моменты, в каких Церковь никак не может пойти на принципиальные уступки враждебно настроенным внешним силам.

Польша является для нашей церковной дипломатии важнейшим участком работы. Общеизвестно, что именно с Польшей исторически в значительной степени связан целый клубок проблем в наших отношениях с католиками: уния с ее непрекращающейся экспансией, прямые гонения на православных, в том числе и довольно кровавые; интервенция Смутного времени; очень непростые отношения между русскими и поляками уже в Новое и Новейшее время и т.д. и т.п.

Поэтому сам факт того, что Патриарх и его ближайшее окружение озаботились отношениями с Польшей, где, естественно, католицизм по-прежнему играет важнейшую роль, никакого принципиального противления у разумных людей вызвать не может. Дипломатия — такая вещь, без которой никак не обойтись. Тем более церковная дипломатия, которая в известных условиях может сыграть крайне позитивную миротворческую роль. Вполне понятно, что, готовя визит, чиновники РПЦ наверняка находились в теснейшем контакте со светскими властями России, не меньше их заинтересованными в налаживании мирного диалога с гордыми шляхтичами и сглаживании всевозможных острых углов, коих между нашими странами и народами, к сожалению, все еще немало. И если бы содержание визита, прошедших во время него переговоров и принятых документов сводилось к обычной и, повторяем, неизбежной в нашей жизни дипломатии, никаких вопросов в связи с этим не возникло бы. Но, увы, это не так. Во всяком случае, **не вполне так.**

Имеем в виду, конечно же, главный итог визита — принятый в результате него итоговый документ (в настоящей книге см. в **Приложении**). Здесь, к сожалению, как представляется, никак не обойтись без некоторых критических замечаний. И поскольку мы в полной мере расположены к конструктивному диалогу и сотрудничеству с официальными структурами нашей Церкви, надеемся, что замечания эти будут встречены там с пониманием.

Документ этот, как представляется, страдает вполне традиционным пороком подавляющего большинства экуменических документов. Если цель переговоров заключается в укреплении мира, в налаживании добрососедских контактов, то совершенно неясно, какова необходимость переводить весь дискурс непременно в богословскую, экклезиологическую плоскость. Получается, что самое главное (во всяком случае, в понимании Церкви) становится, в лучшем случае, каким-то довеском, дополнением к дипломатии, а в худшем — еще и ошибочно трактуется. Не вполне понятно, что мешает Высоким Договаривающимся Сторонам просто засвидетельствовать свое твердое стремление к миру и добрососедству, при взаимном уважении друг друга, оставаясь **на позициях независимых друг от друга религиозных институтов**, не трогая разделяющие православных и папистов богословские, и в частности экклезиологические, вопросы.

«Грех, который является основным источником всех разделений, человеческие недостатки, индивидуальный и общественный эгоизм и политическое давление приводили к отчуждению, открытой вражде и даже борьбе между нашими народами», — говорится, в частности, в итоговом документе. Здесь сразу неясно: если Высокими Договаривающимися Сторонами являются независимые государства — Россия и Польша, то какова же, собственно, во всем этом роль Церкви? Не правильнее ли было бы в таком случае просто пору-

читать вышеозначенные переговоры светским дипломатам (чем те, собственно, по роду своей работы и заняты)? Если же (что очевидно) речь идет специально о церковной стороне дела (переговоры-то происходят между иерархами), то почему речь здесь идет о вражде и борьбе между **народами**, а не между православными и католиками, что не вполне одно и то же? Кроме того, утверждение, что люди разделились на разные «языки» (то есть народы, нации, этносы и т.п.) в силу греха, греховной человеческой немощи, конечно, с одной стороны, верно с богословской точки зрения, если иметь в виду вавилонское столпотворение (Бог смешал «языки» в наказание за гордыню людей.) Но здесь также неясно, какое прямое касательство сей библейский сюжет имеет к нынешнему состоянию российско-польских отношений. Ведь не хотят же Высокие Договаривающиеся Стороны не просто мирно жить и сосуществовать друг с другом, конструктивно сотрудничая там, где можно, но вообще ликвидировать различия между русскими и поляками, вернувшись к временам до столпотворения? Вряд ли с этим согласятся и русские, и поляки...

Очевидно, что все неясности текста происходят от того, что за русско-польскими отношениями в нем кроется традиционная экуменическая проблематика. Авторы устремлены **к институциональному единству Церкви**, то есть Западной и Восточной церквей, а вовсе не намерены ликвидировать различия между русскими и поляками или объединить Россию и Польшу в одно государство. Следующий пассаж все проясняет.

*«Этому (вражде и борьбе между нашими **народами**. — В.С.) предшествовала утрата изначального христианского единства. Разделения и расколы, противоречащие воле Христа, стали большим соблазном, и именно поэтому мы прикладываем новые усилия ради сближения наших Церквей и наших народов, чтобы нам стать более достойными свидетелями Евангелия Христова в современном мире».*

Итак, как можно понять из всего приведенного отрывка, главная причина, главный источник разделений в церкви — грех. Оно, конечно, верно, да не совсем. Прежде всего, неясно, как понимают авторы раскол — как **разделения в Церкви** или как **отпадение от Церкви**? Ведь в тексте документа сказано *«разделения и расколы»*! Но Православная Церковь ведь однозначно учит о том, что сама Церковь Христова, как Его Тело, внутри себя разделиться не может, а действительно, в силу греха, греховной немощи некоторые люди отпадают от Церкви, становясь раскольниками, о чем отцы и высказываются в том плане, что **«нет греха в Церкви, есть грех против Церкви»**. Кроме того, из вышесказанного неясно, кто именно согрешил, и если согрешили все (и западные и восточные), то кто же, собственно, помимо Самого Христа и святых апостолов, представляет земную Церковь после так называемого разделения? Готова ли православная сторона в данных переговорах признать общеизвестное: **именно латиняне отпали от полноты вселенского Православия и именно папизм есть грех, ересь и нечестие с православной точки зрения** (к чему упоминаемые далее в документе *«богоборческие режимы в наших странах»* и прочие перипетии российско-польских отношений, собственно говоря, не имеют ни малейшего отношения)?

Кстати, раз уж зашла речь, немного, так сказать, о жизни. В документе, где, прямо скажем, несколько смешаны собственно церковный и политический планы, немало сказано о различных трагических страницах российско-польских отношений, содержится призыв к взаимному покаянию, к братскому диалогу, жестко критически упоминаются «тоталитарные режимы» социалистической Польши и СССР и преследование ими «наших церквей». Вместе с тем он содержит и призыв «к нашим верующим» «простить друг другу обиды и причиненное зло». Все эти, казалось бы, самоочевидные пассажи опять же, если вдуматься, содержат в себе

немало неясностей. Сразу возникает вопрос: так кто же причинял ближнему вышеупомянутое зло: «верующие» (то есть православные и католики) друг другу или вышеупомянутые «режимы» тем и другим вместе взятым? Кроме того, в Польше, в отличие от СССР, как мы хорошо знаем, никакого «тоталитарного», да еще и атеистического, режима в период между двумя мировыми войнами не было. Католическая церковь пользовалась там традиционным для этой страны уважением. Да и в послевоенное время, когда Польша стала членом соцлагеря, Восточного блока, преследования религии носили там гораздо более мягкий характер по сравнению с СССР 20–30-х годов минувшего столетия. Так за какие же «преступления богоборческих тоталитарных режимов» призывают авторы документа каяться поляков? Между тем, даже при отсутствии какого-либо намека на «тоталитаризм», политический режим буржуазной Польши, всегда претендовавший на европейскую респектабельность, уморил в своих концлагерях **на порядок больше** пленных красноармейцев, нежели та цифра, коей исчисляется количество жертв Катыни (даже если безоговорочно признать ответственность за это преступление Сталина и НКВД). И причина здесь, думается, все же не в «режиме», а в русофобии. При этом многие поляки вообще считают, что пресловутый «тоталитаризм» (то есть коммунизм) привнесен в их страну из Советского Союза (который они вполне по-европейски именуют Россией), и вряд ли согласятся с равной ответственностью наших народов за преступления коммунистической эпохи, провозглашаемой в документе.

Это что касается стран и народов. Но существуют ведь еще и «церкви». Конечно, всякому народу есть в чем каяться. Но вот, например, в Ватикане беатифицирован (первая стадия причисления к лику святых у католиков) идеолог геноцида православных сербов **кардинал Степинац**, к деятельности которого многими исследователями даже применяется такой не вполне

обычный для русского уха термин, как «клирофашизм», или «клиронацизм». Как известно, устройство Католической церкви таково, что все католики иерархически подчиняются папе. В католицизме нет понятия «поместная церковь». И если польские католики, которые к преступлениям самих хорватских усташей, благословленных Степинацем, по понятным причинам не имеют прямого отношения, признают вслед за папой этот акт беатификации, то, стало быть, они и на самих себя возлагают косвенную моральную ответственность за эту совершенно беспрецедентную, позорную беатификацию. Могут ли православные почислить за собой сопоставимый коллективный грех, коллективное преступление? Документ, к сожалению, старательно обходит все эти острые проблемы, ограничиваясь лишь общими словами о значении и ценности исторической памяти.

Но главные вопросы к документу, повторяем, вызывает его богословская составляющая, где странности и неясности кроются за самыми, казалось бы, простыми и самоочевидными формулировками. Так, например, в послании говорится: *«Как русские, так и поляки **особо почитают Пресвятую Деву Марию**»*. Если речь идет о народной вере, народном почитании, с этим, конечно, не поспоришь. Однако общеизвестным является учение римокатоликов о так называемом «непорочном зачатии» Пресвятой Девы и не менее известно то, что Православная Церковь всегда считала это учение ересью. Здесь опять-таки неясно: если главная цель переговоров политическая и миротворческая, то по какой причине в итоговом документе все время затрагиваются богословские вопросы с явными уступками со стороны православных? Упоминание в документе «особого почитания» Божией Матери русскими и поляками (подавляющее большинство которых, как мы знаем — католики) и отсутствие какого-либо указания в нем на принципиальнейшие богословские расхождения двух церквей в вопросе о Ее «непорочном зачатии» наводит на

естественную мысль о том, что вероучительная истина православными участниками переговоров приносится в жертву чисто церковной, экуменической дипломатии, для которой внешнеполитические аспекты служат всего лишь удобным прикрытием.

На первый взгляд вполне невинно выглядит и следующая пассаж: «*Мы убеждены, что **Воскресший Христос есть надежда не только для наших Церквей и народов, но и для Европы и всего мира***». Здесь, если речь идет о **нашем** убеждении (то есть убеждении людей Церкви), то так и надо бы сказать, что Воскресший Господь есть **наша** надежда, что для церковного сознания вполне естественно. Если же речь идет далее не только о Европе, но и обо всем мире (население коего составляют вовсе не одни христиане), то, строго говоря, уважая богодарованную свободу людей, следует спросить их самих, на кого и на что они возлагают свои надежды, и не приписывать нехристианскому миру надежды, ему несвойственные. Тем более что и сами авторы документа чуть выше правильно отмечают, что *«под предлогом соблюдения принципа светскости или защиты свободы выбора подвергаются сомнению моральные принципы, основанные на заповедях Божиих. Пропагандируются аборт, эвтаназия, однополые союзы, которые пытаются представить как одну из форм брака, насаждается потребительский образ жизни, отрицаются традиционные ценности и изгоняются религиозные символы из общественного пространства»*. Причем, что особенно важно, происходит это прежде всего в той части мира, которая когда-то считала себя христианской, то есть в той же Европе, хотя, конечно же, и не только в ней. Правильно отмечается далее в документе: *«Нередко мы сталкиваемся с проявлениями враждебности ко Христу, к Его Евангелию и Кресту, а также с попытками устранить Церковь из общественной жизни. **Ложно понятая светскость принимает форму фундаментализма** и в действительности*

является *разновидностью атеизма*». В свете этих абсолютно справедливых констатаций уместно спросить: как же можно в применении к **такому миру**, так далеко зашедшему по пути апостасии, говорить о Христе как его *надежде*? Совершенно понятно, что последнее относимо лишь к **сохранившим верность**, к тому «малому стаду», которое Господь убеждал «не бояться» апостасийного мира, ныне уже открыто приуготовляющего приход антихриста. Не содержится ли в вышеприведенных словах некая смутная отсылка к экуменической философии (которую сложно назвать **христианским богословием**) митрополита **Никодима (Ротова)** и его единомышленников, в свое время откровенно сведенной им к лапидарной фразе: «**Фактом Своего воплощения Господь наш Иисус Христос принял в Свое Тело весь человеческий род**»?² Не здесь ли, не в этом ли учении, подрывающем все выстроенное отцами стройное здание христианской догматики, — корень всех нынешних всплесков экуменизма, всей активно навязываемой нам «открытости», о которой в официальных документах высоких саммитов говорится куда как более завуалированно и обтекаемо, нежели в выступлениях отдельных богословов, и чем говорилось в свое время «отцами-основателями» всего экуменического движения?

Примечания

¹ Речь идет об осени 2012 года. Анализируемый документ в полном виде представлен в Приложении.

² Подробный анализ экуменических лжеучений митрополита Никодима с отсылкой к весьма серьезным исследованиям этой проблемы читатель может найти в главе «**Богословие открытости: перезагрузка**», вошедшей в состав настоящей книги.

Неистовый реформатор священник Георгий Кочетков

Церковь и постмодерн

Изучение религии и актуальное освещение событий, с ней связанных, следует вести как изнутри нее самой, так и с полным и всесторонним учетом контекста современного мира.

С одной стороны, в нынешней православно-патриотической публицистике популярен взгляд, согласно которому в настоящее время в России существенно повышается роль традиционных религиозных институтов, прежде всего Православной Церкви. В действительности, по нашему мнению, все видимые успехи РПЦ, достигнутые в течение последнего десятилетия, объясняются просто снятием внешних запретов, характерных для советского времени, в результате чего прежде скрытые духовные силы, которые всегда существовали и действовали в Церкви, вышли на поверхность. С другой же стороны, общепринятой среди специалистов является констатация того факта, что религия и ее институты в современном мире находятся в состоянии несомненного кризиса. Религиозные институты, всегда основанные на связи с определенной духовной и социокультурной традицией (лишаясь которой они просто не могут функционировать, исполнять свою роль), по факту встраиваются в систему отношений, характерных для эпохи «зрелого постмодерна». В итоге они подвер-

гаются разложению, деформации по законам последовательной постмодернизации.

Сталкиваясь с теми или иными проявлениями религиозности в постсовременную эпоху, несведущий человек полагает, что имеет дело с традиционным религиозным сознанием. В действительности же часто это бывает религиозность, в значительной степени потерявшая глубинную связь со своей традицией, религиозность в превращенной форме. Таковы:

- суррогатный ислам с его суицидально-террористической практикой с точки зрения традиции ислама;

- кришнаизм и другие восточные секты с позиций традиции индуизма;

- популярная каббала в свете традиций иудаизма;

- «либеральное христианство», идеология «аджорнаменто» и все формы неообновленчества с точки зрения традиции христианства и т.д. и т.п.

То, что многими порой вполне искренне воспринимается как вынужденная, чисто внешняя **модернизация религиозных институтов**, неизбежная с течением времени, весьма часто является в действительности **постмодернизацией самой религии**, что предполагает **уничтожение ее духовного содержания, сакрального ядра с помощью превращенных форм**, полную и последовательную трансформацию данной религиозной традиции в соответствии с основными принципами постмодерна. Главным из этих принципов является, как известно, уничтожение, во-первых, абсолюта как такового (а в монотеистических религиозных системах это единый Бог Творец), а во-вторых, основанной на вере в Него иерархии ценностей, самого принципа единства мира и единого стержневого смысла мира, творения, а также цивилизации и культуры. Целенаправленное попрание, поругание единого стержневого смысла, за который религиозные люди готовы умирать, жертвовать самой жизнью, — главный, так сказать, фирмен-

ный стиль всех, кто впустил в свою душу и в свое сознание постмодернистский вирус. Люди, вовлеченные в данный процесс, могут руководствоваться различными, в том числе и субъективно вполне благими, намерениями. Однако сознание их, в силу определенных обстоятельств, приобретает **постмодернистское устройство**, из-за чего в принципе теряет способность адекватно воспринимать традиционный религиозный смысл и содержание, а сам человек — полноценно осуществлять традиционные религиозные практики и традиционный религиозный дискурс. Для обозначения такого устройства мира и сознания, в котором нет структуры, единого стержневого смысла, абсолюта и ценностей, в постмодернизме существует особая категория — «ризомы». Подобная перестройка сознания связана и с определенными чисто духовными процессами, которые могут быть описаны не только научно-аналитически, но и в терминах самой религиозной традиции.

Последнее обстоятельство рождает необходимость применить в анализе вышеописанных явлений **междисциплинарный подход**, в котором традиционно-богословское понимание и интерпретация тех процессов в жизни религиозных институтов, которые характерны для «постсовременности», сочеталось бы с их анализом с помощью инструментария современной религиоведческой, политологической, исторической, культурологической науки. Только такой комплексный системный анализ, основанный на серьезном понимании всей многоплановости и сложности происходящих процессов, заточенный на «аналитику действия», позволит успешно противостоять тому, что некоторыми православными публицистами именуется «неообновленчеством», и на уровне ситуативного реагирования.

Характернейшим и весьма симптоматичным примером того, как постмодернистские технологии работают против религиозной традиции, является нашумев-

шая история с «перформансом» панк-группы Pussy Riot в Храме Христа Спасителя. В силу общеизвестности и, прямо скажем, одиозности данной истории не будем пересказывать фактуру события, а также в очередной раз заниматься более чем очевидной моральной оценкой произошедшего. Наши цели в данном случае заключаются в максимально холодном научном анализе феномена, весьма интересного для понимания того, что происходит с религией, и в частности с православием, в современном мире. Отметим при этом, что для нас наиболее интересен не сам довольно примитивный «перформанс», а реакция на него, в том числе и в православно-церковной среде.

Реакция православного большинства, многие представители коего изощрались в изобретении наиболее подходящего наказания для «пуссек», в общем, вполне понятна. Это, как представляется, проявление того, что, во-первых, религиозные смыслы для большинства принадлежащих к Церкви людей все еще живы и вполне актуальны (религиозное чувство понятным образом уязвлено), а во-вторых, это чувство характерным для «постхристианского» мира образом в значительной мере уже ослаблено, уходит в рефлексию, ибо, в отличие, например, от мусульман в аналогичных ситуациях, данная реакция не содержит в себе никакого активного действия. Так что притворные страхи за «девочек», которые высказывали наши либеральные «левозащитники», вовсе не обоснованы. Но, кроме того, в этой реакции православных людей, все еще в значительной степени сохраняющих живую связь со своей религиозной традицией, реакции, при всей ее обоснованности, не лишенной серьезного заряда истеричности, сказывается значительная растерянность перед лицом небывалой, незнакомой и оттого особенно страшной угрозы.

Но особенно интересна реакция добровольных адвокатов «пуссек», в том числе и из церковной среды.

Скажем сразу, что рассказы о «глупых девочках», чуть ли не школьницах, — из разряда дурных сказок. «Перфоманс» осуществлен в полном соответствии (для наглядности позволим себе такое «невозможное» выражение) со всеми «классическими» «канонами» постмодерна, и осуществлен он вполне сознательными людьми, хорошо понимающими, что они делают. Читателю (если кто еще не знает) полезно будет узнать, что, к примеру, Надежда Толоконникова, бывшая участница скандально известной группы «Война», ранее участвовала в другой нашумевшей акции — публичном групповом половом акте в помещении Биологического музея, будучи на девятом месяце беременности, за четыре дня до родов. Родившаяся девочка, будучи положенной на компьютерный стол, упала с него на пол, получив серьёзную травму головы. Подобного рода подробностей можно привести много. Совершенно понятно, что все участницы «перфоманса» крайне далеки от какой-либо наивности, невинности и подростковых комплексов. С точки зрения православной аскетики все это не что иное, как прямое беснование, то есть погруженность в inferнальную стихию злых сил, падших духов. Но нас больше интересуют «адвокаты».

Среди них отметилось несколько клириков во главе со столь известным деятелем, как протоиерей Андрей Кураев. Главным мотивом «адвокатов» является не осуждение кощунства (о чем говорится вскользь и как-то сквозь зубы), а боязнь адекватной реакции православных людей, защищающих свою веру. (Притом что для традиционного сознания вполне естествен взгляд, согласно которому Бог и вера есть ценности, бесспорно, высшие по отношению к человеку, да еще и не просто к человеку, а к тому, кто целенаправленно занимается их поруганием.) Один из этих защитников договорился до того, что наказание кощунниц станет бóльшим несчастьем для Церкви, чем само кощунство.

«Продвинутые» клирики не просто берут под защиту «карнавальное» действие панков; они сами вовлечены в постмодернистский карнавал, что называется, в полном объеме, ибо демонстрируют перверсию смыслов, типичную для карнавализованного сознания детей постмодерна. (Главная опасность, говорят они, — со стороны защитников религиозной традиции, а не со стороны ее разрушителей.) Под это дело естественным образом подверстывается и «правозащитная» демагогия.

Полемика по существу с вышеописанной позицией интереса не представляет. Совершенно понятно, например, что ссылки на евангельскую мораль (которыми отметился, в частности, Кураев) здесь не работают: Христос учил прощать своих личных врагов, а не врагов веры и Церкви.

По нашему убеждению, защита кощунства некоторыми — к счастью, совсем немногочисленными — клириками РПЦ вызвана тем, что эти люди почувствовали в панках некий родственный дух, хотя, быть может, и не готовы самим себе до конца откровенно признать в этом. Полностью разделяя справедливое возмущение миллионов верующих касательно «перформанса», считаем своим долгом заметить, что в целом ряде случаев до этого аналогичные действия, хотя и в более утонченной форме, предпринимались с полного согласия и благословения отдельных представителей нашего духовенства. Притом что утонченная форма, делающая кощунственные действия менее узнаваемыми, тем самым фактически способствует лучшему усвоению содержащегося в них духовного яда неокрепшими в вере и несведущими людьми. Таковы были, в частности: оскорбляющая христианскую веру выставка так называемого актуального искусства в стенах храма Святой мученицы Татианы в Москве (его настоятель протоиерей Максим Козлов ныне — среди активных обвинителей «пуссей»); полные непристойностей и оскорб-

лений православных святых «миссионерские лекции» протодиакона А.Кураева; благословляемые некоторыми клириками столь же «миссионерские» странности рок-музыкантов, граничащие с откровенным беснованием; беспредел байкеров, в своих «миссионерских мотопробегах» помещающих православные хоругви со священными изображениями на фоне своих бесстыдно обнаженных подруг; недавний «концерт» известного «эзотерика» и приверженца New Age Б.Гребенщикова в священных для всех православных людей стенах Троице-Сергиевой Лавры и многое другое.

Кошунство, целенаправленное попрание стержневого смысла веры становится ныне фирменным стилем тех, кто называет себя миссионерами, но в действительности является носителем постмодернистского вируса возведенной в абсолют тотальной плюральности, фактически религиозной веры во всеобщую относительность, терпимости к врагам Православия. Для тех, кто хорошо знает творчество протодиакона А.Кураева, его нынешнее снисходительно-добродушное отношение к «авторам» и исполнителям кошунственного «перформанса» отнюдь не неожиданность. Ибо подобного рода «пассажи» в смягченном словесном выражении буквально разбросаны по его лекциям. «Тонкое» глумление над святыми и святынями, ревизия Священной и церковной истории, двусмысленные фривольности на тему «любви и секса» настолько привычны для «миссионерской» деятельности Кураева, что позволяют предполагать: попрание и развенчание центрального, стержневого смысла веры, угашение религиозного огня, воспитание в слушателях теплохладности (ныне называемой толерантностью) — подлинная цель всего этого «миссионерства». И абсолютно неважно при этом, сознательно действует Кураев или не в состоянии совладать со своим языком. Постмодернистское по своему устроению сознание просто не в силах проявлять себя иначе.

Кураев отличается от некоторых своих собратьев по «миссии» тем, что в своей эволюции вырвался вперед, продвинулся дальше них.

Однако главная проблема для РПЦ и всех нас, ее чад, заключается отнюдь не только в наличии в составе духовной иерархии таких фигур, как протоиерей А. Кураев, но прежде всего в том, что они являются не какими-то маргинальными деятелями, чье мнение никому не интересно и ни на что не влияет, но выражают определенный мейнстрим в нынешней деятельности самой церковной институции, являются идеологами того, что мы называем «проектом новой миссии». В основе данного течения, которое, как раковая опухоль, изнутри разъедает и поражает церковный организм, лежит вполне определенная философия, по факту подвергающая ревизии православную Традицию, святоотеческий подход к миссии Церкви во внешнем мире. (В книге со странно-косноязычным названием «Перестройка в Церкви» Кураев прямо свидетельствует о своем довольно агрессивном неприятии святоотеческого подхода к миссии, который он, чтобы хоть как-то замаскировать свой модернизм, именует византийским.)

Суть данной философии заключается в идее некоего диалога с внешним, подлежащим воцерковлению, миром, что, как всякий диалог, предполагает некое равноправие его участников, то есть Церкви и этого мира, по слову Писания, «во зле лежащего». Получается, что непросветленный Благой Вестью и отпавший от Бога мир может нести в себе некую истину, равновеликую той, которую содержит Откровение и православное Предание. Об этом, разумеется, нигде не говорится прямо. Но таков уж «метод» неообновленцев: нигде не формулировать свою «философию действия» прямо и систематически, но незаметно разбрасывать ее ядовитые семена, инкорпорируя соответствующие принципы в свои тексты и в свою практику. Вышеозначенное по-

нимание в его логическом развитии приводит к еще более радикальной мысли о совместимости православной веры и этого мира. Зачем же тогда нужна миссия, вопрошают церковные люди, если Церковь и мир и так совместимы? Подобный подход, несостоятельность которого наглядно продемонстрирована, в частности, опытом римо-католиков после Второго Ватиканского собора, на деле может привести (и приводит!) лишь к все большему обмирщению Церкви, а отнюдь не к воцерковлению мира. В итоге происходит недопустимое размывание границ между церковно-сакральным и мирским, мутация традиционного православного сознания верующих.

Люди, чье сознание поражено идеей приспособления Церкви к внешнему миру, якобы необходимого и потому принципиально допустимого ради миссионерских целей, просто не в состоянии реагировать на «перфоманс» Pussy Riot с эффективной жесткостью и непримиримостью мусульман, с которой те восприняли хотя бы пресловутые «карикатуры на пророка». Постмодернистский вирус убивает горячую, живую веру. Поэтому инквизиторский пафос, которым вдруг воспылали все подряд представители церковного официоза, как-то неумовимо отдает неисправимо карнавальным душком. Положим (как думают многие), и сам пафос как-то случайно появился именно тогда, когда кощунницы посмели в своей акции задеть не какого-то там Христа или Божию Матерь, а самого патриарха вкупе с только что избранным президентом (многая им и благая лета). Но и сама эта инквизиция нашего официоза очень скоро начинает приобретать вполне уже привычный постмодернистский характер. Вдруг, в самый разгар крестового похода против Pussy Riot (теперь-то мы хорошо знаем, кто на самом деле главный враг святого Православия), тот самый протоиерей Всеволод Чаплин, который оный поход столь вдохновенно возглавляет, заявил о своем намерении создать галерею

«современного искусства» вместе... с Маратом Гельманом (идеологом всего постмодернистского безобразия в этом самом современном искусстве) на территории своего храма. Торквемада рассуждает о смысле творчества вместе с ведьмами и Джордано Бруно... То, что Гельман, стоявший за спиной практически всех «художественных» провокаций яркой антихристианской направленности последних лет, обладающий несоизмеримыми возможностями (в том числе финансовыми), международными связями и проч., несоизмеримо опаснее, чем Pussy Riot, — это понятно, думаем, всем. То, что данное заявление фактически дезавуирует все предыдущие выступления отца Всеволода, которого некоторые особо простодушные представители нашей православной общественности за последнее время успели уже как бы и полюбить, — также вполне очевидно. Как не менее очевидно и то, что такой нестандартный и чисто инквизиторский ход — еще одно блестящее подтверждение нашей гипотезы о триумфальном шествии постмодерна по мозгам наших церковных верхов.

Сразу после кураевского демарша автор этих строк обратился с открытым письмом к Святейшему Патриарху Кириллу с просьбой принять меры канонического характера против тех клириков, которые в своей агрессивной защите панков фактически предают веру. Как, видимо, уже догадался читатель, письмо это осталось без ответа. Что и не удивительно: ревнители веры всегда воспринимались нынешним церковным официозом в качестве куда более опасных врагов, нежели те (в том числе и в самой Церкви), кто ее попирает. Не является ли нынешний всплеск «ревнительства» по отношению к Pussy Riot в официальной Церкви отчасти сознательной, отчасти бессознательной попыткой скрыть от других и от самих себя смутное подозрение, что их «перформанс» — это своего рода материализация тех духов зла, нагло и бесстыдно попирающих веру, что

угнездились в наших собственных душах, в нашем собственном сознании, и тогда, стало быть, это несомненное кощунство попущено нам в назидание? Не стоит ли нам, православным, от беспроектной в пиаровском плане борьбы со злом внешним обратиться к осмыслению и противостоянию злу внутреннему? Что ходит вокруг нас, гнездится внутри нас и порабощает нашу волю к спасению.

Церковные корни «пуссек»

*Игумен Петр (Мещеринов) —
духовник движения «Даниловцы»*

Вскоре после скандала с **Pussy Riot** досужие блоггеры и редакторы православных интернет-ресурсов выяснили, что по крайней мере одна из участниц скандальной группы — **Мария Алехина** для РПЦ человек не чужой (см.: <http://inok-arkadiy.livejournal.com/224644.html>; http://www.rusline.ru/news_rl/2012/06/06/duhovnik_pussy_riot/). Она оказалась причастной к благотвори-

тельной деятельности православного молодежного **движения «Даниловцы»**, окормляемого главой патриаршего Центра духовного воспитания молодежи **игуменом Петром (Мещериновым)**, ранее не раз засветившимся в качестве жесткого оппонента православно-консервативного большинства и тех людей в Церкви, которые ревностно отстаивают традиционное историческое Православие от нападок церковных либералов (этих людей в церковно-либеральных кругах с оттенком плохого скрываемого презрения именуют «ревнителями»). Игумен Петр несколько лет назад прославился бессмертным афоризмом, в котором выразил незатейливую мысль о целесообразности отправить в раскол всех ревнителей, поборников традиции и т.п. жителей «чукотской пещеры». (Ныне же люди, близкие к Патриарху, все озабоченнее говорят об опасности раскола «слева», то есть раскола либерального, и говорят правильно!) При этом, что интересно, не кто иной как сам Патриарх Кирилл, еще до своего патриаршества, практически открыто покровительствовал «соседу» — игумену Петру (ОВЦС, возглавлявшийся тогда будущим Предстоятелем, находится, как известно, на территории Свято-Данилова монастыря, рядом с которым ныне возведено весьма претенциозных размеров и архитектуры здание этого самого молодежного центра).

Ныне ситуация, на первый взгляд, кардинальным образом изменилась. Патриарх в своих официальных выступлениях не устает обличать «предателей в рясах», столь неудачно проявивших себя в финале политического выборного цикла и взявших под защиту «пуссек». А эти последние, напомним, посягнули не только на Христа и Божию Матерь, но и на самого «хозяина» корпорации РПЦ, то есть на все того же Патриарха Кирилла. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Вот и выдвигай после этого этих креативных либеральных игуменов! Рано или поздно обязательно нарвешься... По-

неволе вспоминается классика: *«Мария, бедная Мария, краса черкасских дочерей! Не знаешь ты, какого змия ласкаешь на груди своей!!»* Наш Патриарх, конечно, не дочь Кочубея, совсем даже напротив, но насчет змия лучше классика не скажешь.

Подробно, на серьезном концептуальном уровне данную ситуацию мы разбираем, в частности, в главах настоящей книги **«Церковь и постмодерн»** и **«Торжество веры?»**. Наша нынешняя тема — всего лишь частный, хотя и весьма важный момент, а именно упомянутая выше, ставшая очевидной связь между одной из, так сказать, идейных кощунниц и одним из лидеров либерально-реформаторского движения в РПЦ.

Ранее митрополит Кирилл (Гундяев), став Патриархом, регулярно, в частности, на епархиальных собраниях Московской епархии ставил в пример «даниловцев», их миссионерско-катехизаторскую работу с молодежью. Как выяснилось, по крайней мере в этом вопросе он оказался не вполне прав. Эпизод с выходкой Pussy Riot однозначно свидетельствует: те, кого особенно рьяные проводники церковных реформ все эти годы считали будущим Церкви, оказались наглыми, отвязными, лишенными чувства святого, да и простого уважения к священному сану, к государству и просто к старшим по возрасту врагами Традиции, а значит и Самого Христа, Чьим именем так любят клясться церковные реформаторы, противопоставляя свою «истинную веру» «темному и невежественному фундаментализму» традиционных верующих. В главе «Торжество веры?» мы указываем на вполне очевидное: нынешний «ревнительский» пафос высших лиц Церкви, когда как ни в чем ни бывало объявляется мобилизация среди тех самых ревнителей, которых все последние годы столь ожесточенно третировали, ничего не будет стоить, если он не будет подкреплён конкретными практическими делами. Среди этих дел главное, чего ожидает церков-

ный народ, — это **изменение кадровой и образовательной политики Церкви**.

Помнится, в разгар небывалой, по своей наглости и отвязности типично либеральной **травли Боголюбско-го монастыря** (см.: <http://www.ruscline.ru/tema/raznoe/bogolyubovo/>) один из близких ко «двору» и особо стремившихся услужить начальству публицистов (ныне этот автор, правда, тусуется где-то на воинствующе антицерковном «Кредо.ру») выдал замечательный, истинно христианский афоризм: *«Замочит ли Патриарх Кирилл архимандрита Петра в монастырском сортире?»* (см.: <http://militarev.livejournal.com/1334962.html>). Имелся в виду духовник обители, необычайно авторитетный в народе старец **архимандрит Петр (Кучер)**. Памятуя о том, что ныне наш отец и Предстоятель (многая ему и благая лета!) находится в крайне тяжелом положении (его настоящие, а не выдуманные враги не щадят буквально ничего святого, вплоть до горячо любимой троюродной сестры) и главе корпорации РПЦ, как той Марии, еще предстоит пережить укус пригретого ранее «змия», мы, разумеется, не станем уподобляться столь недостойным примерам. Хотя... Бес журналистики, причем именно интернетовской, просто навязывает нам эти пошлые стереотипы насчет Петра. Правда, пока все еще игумена...

Наши новые ревнители

За последнее время в нашей церковной, околицерковной и, так сказать, антицерковной жизни произошли весьма симптоматичные изменения. Изменения эти, как представляется, во-первых, являются не чем-то абсолютно новым, но как раз напротив — продолжением тех процессов нарастания «антиклерикализма», которые начались отнюдь не вчера. Хотя сейчас новое ка-

Протоиерей Всеволод Чаплин и Марат Гельман

чество этого антиклерикализма заметно, как говорится, невооруженным взглядом. Во-вторых, как-то незаметно так получилось, что знаковые для РПЦ события явно негативного характера совпали с окончанием очередного выборного цикла и победой в нем ставленника «консервативной» части кремлевского и околоскеевского олигархата. В-третьих же, реакция на внешние события со стороны церковного официоза, как мы полагаем, наглядно продемонстрировала слабость реальных позиций этого самого официоза перед лицом внутренних и внешних угроз. В чем же суть произошедших событий?

Во-первых, окончательно растабулированной оказалась тема, связанная не просто с финансово-экономической деятельностью РПЦ и имущественными отношениями, в которые по факту втянуты те или иные высшие иерархи, но с той стороной этой деятельности и этих отношений, которая кому-то (справедливо или нет — отдельный вопрос) представляется неприглядной.

В таком тоне, с такой поистине сладострастной отвязностью писать про скандал с «патриаршей квартирой», до бесконечности муссировать незамысловатый сюжет про «часы за € 34 000», да еще и засвечивать различные финансовые и коммерческие структуры, якобы связанные с Патриархом, как это вдруг стала делать **светская обозревательница** (то есть по своей журналистской специализации предельно далекая от церковных тем) **Божена Рынска** (см., напр.: <http://www.echomsk.spb.ru/blogs/rynska/5220.php>), еще год-другой назад вряд ли кто осмелился бы. Не говоря уже о сравнительно недавних временах Патриарха Алексия II. «Наезжать» на отдельно взятых иерархов еще могли (ср. многолетнюю деятельность журналиста «Московского комсомольца» С.Бычкова). На самого Патриарха — никогда.

Все это (информационный «слив», вне зависимости от его достоверности, и нарочито-показная «отвязность» журналистов) явным образом лишает Патриарха Кирилла какой-либо возможности играть в российской элитно-клановой борьбе ту значимую роль верховного арбитра, высшего морального авторитета, к которой он в последние годы столь стремился. Здесь, кстати, стоит напомнить и о более старых, хотя и тоже сравнительно недавних, засветках связей РПЦ со столь одиозной структурой, как **Банк Ватикана**, чье руководство обвинялось тогда итальянской прокуратурой в **отмывании денег мафии** (см., напр.: <http://6chuvstvo.pereprava.org/index.php/component/content/article/61-qnashe-deloq-2-2010/488-gaz2-2010opasnye-igry-s-vatikanom-vpered-k-pravoslavnomu-lbankingur>; или: <http://www.zavtra.ru/content/view/2011-08-2381>), что вызвало в тот момент крайне болезненную реакцию в официальных кругах нашей Церкви.

Во-вторых, резко активизировались нападки на собственно веру, на религиозные ценности, что для рядовых верующих гораздо важнее, чем засветки ком-

промата и элитно-клановые разборки. «Перформанс» теперь уже трижды одиозных **Pussy Riot** в Храме Христа Спасителя, так же как и вышеупомянутое явление, с одной стороны, может быть встроен в известный ряд (в данном случае следует говорить о многочисленных выставках «актуального искусства» подчеркнуто антиклерикального и прямо антирелигиозного содержания), но, с другой, содержит в себе нечто **качественно новое**. Что же это за новое? Никогда еще в сегодняшней России кощунственные акции не выходили за пределы так называемого художественного пространства музея или галереи, не захватывали сакральное, храмовое пространство самой Церкви, что побуждает многих уже прямо вспомнить времена богоборческого террора, воинствующего безбожия.

И наконец, нечто новое появилось и в поведении самого церковного официоза. Последние годы, годы активных попыток реализации так называемых церковных реформ, прошли под знаком нарастания и усиления церковного модернизма, попыток либерализовать и модернизировать Церковь изнутри. Отнюдь не либералы и модернисты, а напротив — консерваторы и ревнители веры считались в церковных верхах самыми страшными, самыми опасными врагами. Любые попытки выступить со спокойным, взвешенным анализом церковного модернизма (как в плане его сути, содержания, так и методов «реформ») встречались в штыки, вызывая неконтролируемые всплески ярости у старательных придворных публицистов. Само использование термина «неообновленчество» (который, как известно, впервые употребил покойный **Патриарх Алексий II** на епархиальном собрании Московской епархии в 1993 году; см.: <http://www.blagogon.ru/articles/305/>) встречалось «наверху» крайне болезненно, просто в штыки. И вот мы видим, как этот самый «неприличный» термин, да еще и в достаточно агрессивной манере, упо-

требляет не кто иной, как председатель ОВЦО **протоиерей Всеволод Чаплин**. (См.: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=44901>) Напомним, что этот тот самый Чаплин, который: инициировал создание «православных ночных клубов» и «православный» же показ мод с участием моделей-трансвеститов (см.: <http://www.blagogon.ru/news/123/>); оправдывал роскошный образ жизни отдельных представителей клира, считая это «отражением общественного престижа Церкви» (см.: <http://www.blagogon.ru/news/119/>); выступал за послабление поприща Великого поста (см.: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=40259>) и т.д. и т.п. Выступление отца Всеволода в защиту роскоши иерархов как отражения общественного престижа Церкви оказалось настолько одиозным и вызывающим, противоречащим элементарным основам церковного Предания, что возмутился даже Кураев. Впрочем, помимо очевидной неправоты оппонента, на которую он здесь правильно указывает, у Кураева есть и глубоко личные причины быть недовольным Чаплиным, ибо именно этот последний фактически дал отмашку на весьма нелिцеприятную критику отца протодиакона в церковной среде в связи, в свою очередь, с не менее одиозной и вызывающей позицией неистового «миссионэра» по делу Pussy Riot. Если все это — церковный консерватизм, то я, наверно, папа Римский. И вот такой поворот. В чем же здесь дело?

Думается, что на позицию церковного официоза повлияли два тесно связанных обстоятельства.

Во-первых, определенная группа священников и мирян «отметилась» в период предвыборной борьбы, засветившись в поддержке либеральной «несистемной» оппозиции, которую некоторые ныне устойчиво именуют «либерально-оранжевым болотом». Тем самым они прочно дискредитировали и церковный либерализм в глазах высшего политического руководства страны

(прежде всего Путина и его окружения), что для церковной «элиты» куда как серьезнее, чем недовольство каких-то там православных ревнителей. Этих либерально настроенных людей в Церкви не очень много, но они активны и крепко сплочены, группируясь, в частности, вокруг еще совсем недавно столь любимого церковным «начальством» **интернет-ресурса «Правмир»**. Следует отметить, что наиболее известные и влиятельные из церковных либералов смогли удачно избежать этой группой политической ошибки и в предвыборный период мудро промолчали.

Во-вторых, практически та же группа с некоторыми вариациями весьма активно бросилась на защиту Pussy Riot, о чем мы писали в предыдущей главе. Смириться с такой защитой публичной акции, в которой, помимо «обычного» кощунства, имела место практически лобовая атака на Патриарха и на избранного Президента, церковный официоз, разумеется, никак не мог.

Часть церковных консерваторов, не устояв перед искушением, бросилась радостно поддакивать новоявленным официальным «ревнителям», словно забыв, что еще совсем недавно эти же самые представители церковного официоза практически неприкрыто травили их вместе с либералами, ныне неожиданно вдруг оказавшимися в оппозиции к «линии партии».

Следует ли из всего вышеизложенного, что произошел решительный поворот церковной политики «вправо» (чем тешат себя некоторые из консерваторов, в мечтах ощущающие себя уже «при власти»)? Разумеется, нет. Ибо, за исключением громких заявлений по двум конкретным поводам, ничего принципиально не изменилось. Главное заключается в том, что нет и не предвидится никаких существенных изменений в кадровой политике Церкви. Даже наиболее одиозные из так называемых неообновленцев преспокойно остаются при своих должностях. Пресловутые менеджеры среднего

звена — костяк либерально-неообновленческой революции в РПЦ никуда не делись. Все косметические изменения касаются исключительно **сферы пиара**, декларативных заявлений отдельных официальных лиц. Да и с этим большие проблемы, если вспомнить, что главный Торквемада наших дней — протоиерей Всеволод Чаплин проявляет завидную широту души, стремясь к сотрудничеству с самим **М.Гельманом**, о чем и поведал недавно в своем нашумевшем интервью. (См.: <http://www.blagogon.ru/news/188/>) Причем это отнюдь не чисто словесная декларация. В храме, где настоящим является отец Всеволод, идет активная подготовка к открытию выставки «современного искусства», в помещении галереи «Винзавод» недавно прошла дружеская встреча высокого церковного чиновника с Гельманом и другими апологетами постмодернистского антиискусства. Так что пока, за исключением отдельных чисто дисциплинарных случаев, вся каноническая строгость в РПЦ применялась и применяется исключительно к ревнителям. Тем, кто, в отличие от увлекшихся инквизиторскими мотивами представителей официоза, всерьез отстаивает веру, отдельно от политических игр.

Все это побуждает нас задаться вполне естественным в этой ситуации вопросом: что дальше? Надежды некоторых искренних, хотя и очень наивных церковных консерваторов на то, что сама логика реальности, сама, так сказать, природа вещей заставит нынешний патриархийный истеблишмент кардинально «изменить курс», пока относятся к области всего лишь страстно желаемого многими, выдаваемого за действительное. Для того чтобы это произошло, некоторым людям необходимо измениться внутренне, а не просто следовать временной конъюнктуре. Это и есть та проблема «трансцендирования», коренного выхода за пределы своих «естественных» возможностей и «естественного» жизненного пути, о которой приходится говорить

и в связи с перспективами светской власти современной России, ибо все кому не лень в патриотической среде после 4 марта успели уже продекларировать, что «власть должна опереться на патриотов». Может ли человек вдруг по каким-то своим внутренним причинам, а не только следуя политической конъюнктуре, измениться настолько, чтобы в своей основной деятельности начать отрицать свои убеждения, свою жизненную школу, пройденный до сих пор жизненный путь? Теоретически это, конечно, возможно. Однако пока что (если вернуться к Церкви) на фоне ожесточенной борьбы с «пуськами» и грозных обличений неомонохизма мы видим, как продолжает развиваться реформа конфессионального образования в духовных школах РПЦ, в ходе которой из сознания будущих пастырей вымываются остатки традиционности, как потихому в ряде епархий народ приучают к возможности совместных храмовых молитв с еретиками-папистами, как незаметно, без всяких официальных распоряжений «сверху», в форме частной инициативы происходит ослабление евхаристической дисциплины, сокращается и русифицируется богослужение и т.д. и т.п. Не говоря уже о не раз отмеченном нами ранее плохо скрываемом презрении церковной «элиты» к простому народу, который скорее вынужденно терпят, не испытывая к нему особой любви. Примеров этого множество. Один из последних — крестины дочери Филиппа Киркорова (рожденной с помощью суррогатного материнства), что противоречит благословляемой Церковью практике семейной жизни) в храме Илии Обиденного, во время которых оттуда были удалены все «обычные» прихожане. (См.: <http://melissa-12.livejournal.com/325959.html>) Естественно, что подобного рода эпизоды всегда рождают в независимых наблюдателях закономерный вопрос касательно цены подобных ритуальных услуг. Все это вместе взятое и составляет настоящий мейн-

стрим в сегодняшней жизни РПЦ, а не вышеописанный, вполне конъюнктурный всплеск официального «ревни-тельства», который не стоил бы такого нашего внима-ния, если бы стараниями некоторых коллег не занимал столько места в информационном пространстве.

По нашему скромному мнению, если не произойдет какое-то чудо, то эти, отчасти сознательные, отчасти, так сказать стихийные, уступки духу времени внутри Церкви будут сопровождаться постепенным ослаблени-ем и ее внешних позиций. Ибо, как мы уже не раз за-мечали, «внешние», те миллионы жителей России, кто в принципе по своей культурной традиции принадле-жит к Православию, но не живет активной церковной жизнью, а судит и делает выводы о Церкви как ин-ституте в основном «по картинке», руководствуясь со-общениями СМИ, накапливают все больше претензий к этому институту, глядя на двусмысленное и далеко не всегда искреннее поведение церковной бюрократии. А это, в свою очередь, означает, что постепенное уси-ление стихийного антиклерикализма в обществе (не пу-тать с принципиальным, мировоззренческим атеизмом и безбожием!) будет все в большей степени служить тем фоном, на котором продолжатся элитно-клановые «разборки» с участием высшего клира РПЦ не в каче-стве верховного арбитра, а уже, так сказать, в качестве рядового участника. Оптимизмом все это отнюдь не на-полняет...

Уроки Pussy Riot

Информационные технологии, основанные на мани-пулировании общественным сознанием, ныне управляют обществом. Одиозная история с мусорной группой «Бешеные матки» (именно таков точный перевод на русский язык самоназвания группы) — тому яркий при-

мер. Вся история, как и многое другое в том же роде, отнюдь не имела бы такого значения и влияния на умы и состояние общества, если бы не сопровождалась беспрецедентной по масштабам информационной кампанией. Те, кто разбирается в информационных технологиях, хорошо знают: если в разных концах мира почти одновременно незнакомые друг с другом люди, которые еще вчера понятия не имели об обсуждаемой проблеме, начинают единогласно интерпретировать ее, делясь практически в унисон, используя однотипные клишированные выражения, — это не может быть случайным. В этом случае очевидно, что включена машина СМИ, мировой информационный монстр, умело управляемый тайной властью мировой закулисы. Спрут СМИ, «заточенный» на промывание мозгов обывателю, навязывание ему нужных стереотипов, почти всегда действует вместе с «правозащитно»-либеральной тусовкой, где свои узнают своих почти буквально по запаху.

Так что я, пожалуй, соглашусь с теми, кто говорит, что главное — не в том, что сделали мусорные девки (подобные вещи, пусть и не в столь резкой и вызывающей форме, бывали и раньше), а в **реакции** на данное

действие. Очевидно, что перед нами **проект**, в котором сама концепция «панк-молебна» (придуманная, понятно, теми, кто, посмеиваясь, остался в тени) и та часть этой концепции, которую удалось реализовать в ХХС, вовсе не единственная составляющая.

В свое время, анализируя эту проблему на ряде конкретных примеров¹ (см.: http://ruskline.ru/analitika/2006/11/15/transformaciya_normy_kak_informacionnaya_tehnologiya/), мы выявили одну из главных особенностей работы информационных технологий по расшатыванию традиционной нравственности, традиционных духовных скреп общества. Времена прямых гонений на веру и Церковь давно миновали. Сейчас давно уже идет **война за язык, война интерпретаций**. Закулисные игроки, постмодернистские политехнологи не говорят устами манипулируемых кукол: «Мы против Церкви, против христианства, ваша религия — ложь». Попирая центральный стержневой смысл веры, без которого невозможна и светская культура европейской классики, **они утверждают, что в этом посправании и заключена истина о вере, подлинная, угодная Богу религия**, что кощунство и глумление — есть обретение истинной веры, затушеванной, скрытой от народа, поспранной коварными клерикалами. Зло выступает в личине добра, демонстративный, гипертрофированный порок пытается предстать в роли добродетели, антихрист выдает себя за Христа, смерть представляет себя в формах жизни. В этом нет ничего нового для тех, кто хотя бы поверхностно знает Библию и отцов. Любой прилежный ученик воскресной школы хорошо усвоил, что сатана есть не просто насмешник, но именно паразит, который, не имея собственной силы и собственного смысла, кроме тотального отрицания, а значит устремления к небытию, похищает все это у Бога и Его творения.

Просто удивительно, как наши граждане (даже те из них, кто уже привычно и регулярно прокликает ма-

шину СМИ и мировую закулису) отучены аналитически мыслить. В упомянутом исследовании мы указали на несколько примеров, однозначно свидетельствующих ныне о **глубокой вторичности** мусорных девок и всего нынешнего проекта, в смысловой центр которого их услужливо поместили. Пример первый и теперь у всех на слуху. Это **Луиза Чикконе**, взявшая себе кощунственный псевдоним «Мадонна», прямая и непосредственная предшественница и учительница «бешеных маток». (Поэтому вполне закономерной и ожидаемой стала ее защита «пуссек» на концерте в Санкт-Петербурге.)

Ее ключевые концертные номера построены на изощренных и откровенных кощунствах; сама ее биография (побег из католического пансиона и путь на эстраду через стриптиз-бар и т.п. «ступени») — демонстративное отрицание, попрание христианского подвига с его борьбой со страстями и духовным совершенствованием; между тем главная «фишка» проекта «Мадонна» заключается отнюдь не в музыкальных способ-

ностях или артистическом даровании «певицы» (вся собственно музыкальная сторона здесь — продукт тех же технологий и регулярно осмеивается серьезной музыкальной критикой Запада), но также и не только в кошунствах и попрании веры как таковых. СМИ давно позиционируют ее как **высокий образчик добродетелей**, прежде всего женских и семейных. Выставить в качестве образцовой добродетели бездарную певичку с металлическим голосом (который никто никогда не слышал в «необработанном» техникой виде), далекую от целомудрия стриптизершу, демонстративно выставляющую напоказ свои пороки и обветшалые «преlestи», — это... Да, это классная работа. И ведь какой эффект! Стратеги и тактики информационной войны словно бы нарочно демонстрируют свое могущество, свою истинно бесовскую «креативность». Они словно бы говорят «хавающему» их продукцию быдлу: «Мы, если надо, и из этих камней сотворим вам кумира. И ведь слопаete, никуда не денетесь. Потому что куда ж вам от нас деваться-то, обездушенным приложениям к компу и телевизору? Молиться, что ли, начнете?»

Аналогично обстоит дело и с другим проектом — с уже подзабытым ныне **романом Дэна Брауна «Код да Винчи»**. Действующий там орден «Приорат Сиона» позиционирован в романе не как группировка атеистов, врагов Бога и Христа, но — как **общество истинных христиан**, ведущих войну не на жизнь, а на смерть с этой проклятой Церковью, исказившей истинное учение Христа. Кстати, связано оно в романе с «истинной ученицей Христа» Марией Магдалиной, противопоставленной апостолам, и носит в конечном счете ярко выраженную **феминистскую окраску**. А инициацией для вступления в орден являются **массовые оргии**, то есть, говоря по-простому, обычная «групповуха». Кстати, дочь Христа и Марии Магдалины в романе — будущая мессия (!). «Тайна Грааля», понимаешь.

«Мессия уже пришла...» (Дина Рубина). Вы уже начинаете прозревать, дорогой читатель, вам это ничего не напоминает?

Итак, «истинное христианство», инициированная и инициирующая женщина, воинствующий антиклерикализм, радикальный разврат как «преодоление пола» (пародия на аскетически-молитвенный труд подвижников), в данный момент существенно дополненный философией «гендера» (то есть играми в перемену пола, радикальными сексуальными экспериментами), и все это — как путь к «истинной вере», искаженной проклятыми церковниками. Ну, теперь к этому еще можно добавить столь любимую некоторой частью общества оранжево-болотную мантру: «Жулики и воры (в РПЦ) — пять минут на сборы». Да, и главное: эти клерикалы — ну, они, в общем, почти как террористы. Просто страшные люди, свирепо преследующие «истинных христиан», знающих сокровенную тайну веры (существенный момент в романе Дэна Брауна). Последний пазл встал на место. Что же мы получили? — Правильно, родимых «пуссек»! Публичный групповой секс (Толоконникова, группа «Война»); текст «стишат», пронизанный гендерно-феминистской идеологией; истерика среди «либеральных христиан» и «правых постмодернистов» (есть и такие, оказывается среди нашей «православной общественности») насчет «истинного христианства» пассионарных барышень; три женщины в центре событий, ну и, конечно же: «Клерикалы, проклятые попы из РПЦ!» И какая ж здесь, собственно, революция? Схема в целом довольно старая, давно отработанная в мировом масштабе. И во всем этом — один из главных уроков дела Pussy Riot.

Внушаемость обывателя, необычайная легкость, с которой он ведется на примитивное шулерство прожженных информационщиков (впрочем, по большей части всего лишь уныло выполняющих отмашку) и ли-

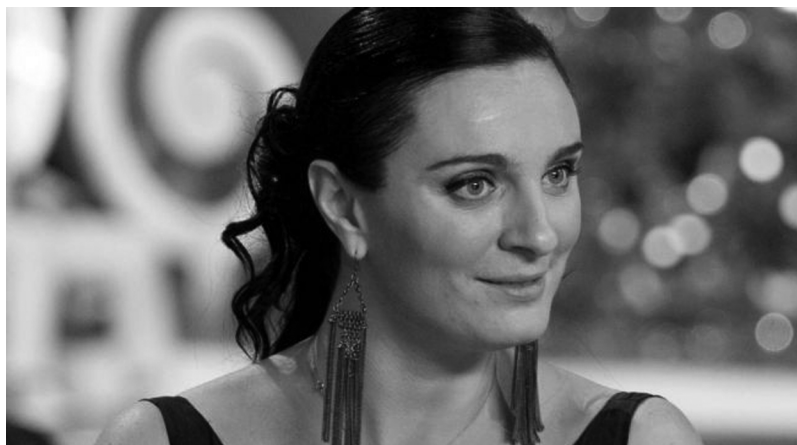
беральный флер, изначально сопровождающий весь проект, поистине сатанинское могущество, казалось бы, примитивных и легко читаемых информационных технологий. Разве кампания по защите «бедных девочек» не привела к тому, что известной частью общества они стали восприниматься почти как святые? Разве новый миф об ангелах, которых мучают, держа в застенках, спевшиеся с церковниками путинские опричники, уже не вошел в качестве неперменной составляющей в кухонную мифологию либеральной образованщины? Разве причитания насчет «сфабрикованного процесса» (на самом деле, по свидетельству профессиональных юристов, проведенного почти безупречно) не заполонили печатную прессу, телевидение и Интернет? И разве не **абсолютно такое же моральное давление** со стороны руководимого тайными силами информационного монстра мы наблюдали сравнительно недавно, во времена первой и второй чеченских войн (там ангелами были чеченские террористы и их международные пособники), а также грузинской агрессии против Осетии (там соответственно роль посланников света выполняли пронаркотиненные «коммандос» безумно жующего собственный галстук Миши Саакашвили)? Как сказано в одном анекдоте: «Ну сколько же можно?»

Другой важнейший урок дела Pussy Riot — это окончательно выявленное благодаря им **крайне печальное состояние нашей «православной общественности»**. Про «православных» адвокатов «пусек» говорилось довольно, и сегодня мы еще скажем. Но для начала еще раз акцентируем то, о чем, помнится, уже писали раньше. 99 процентов всех рассуждений о том, что бы надо сделать с кощунницами, как бы их наказать, коренным образом отличаются от аналогичной реакции тех же мусульман, когда дело касается оскорблений их веры, почти полным отсутствием живой и здоровой непосред-

ственности, какой-то безнадежно-унылой рефлексивностью. Напрасно Кураев и К^о пугают «прогрессивную общественность» мифическими православными боевиками из несуществующей «Черной сотни». Эти добровольные инквизиторы, погруженные в свою мечтательность, никогда не сдвинутся с места, уповая единственно на защиту государства. Мы почти потеряли способность реагировать на поправление нашей веры живо и непосредственно, без той унылой рефлексии, что выдает в нас высокую степень деградации религиозного сознания, почти полную неспособность воплощать свою веру в дела, отсутствие активной любви к Богу и Его людям.

Удивительно, но факт: на фоне всей этой безнадежной картины, всей инерционно-пассивной, мечтательно-виртуальной «инквизиции», когда люди сами с трудом верят в то, что как бы по обязанности говорят, в глубине души надеясь, что дело в очередной раз «рассосется» без них, едва ли не единственным светлым пятном оказалась вполне светская артистка (хотя и исключительно русская и православная по духу), да еще и находившаяся тогда на девятом месяце беременности, **Елена Ваенга** (в «миру» — Елена Владимировна Хрулева), выразившая свое возмущение поступком «пусек» вполне в духе оскорбленной женщины (см.: <http://amin.su/content/analitika/9/64/>; <http://amin.su/content/news/5/69/>), что не думая, от всей души лепит пощечину какому-нибудь зарвавшемуся хаму. Есть в этом какая-то промыслительная символика: заводила среди «пуссек» Надежда Толоконникова на девятом месяце беременности, почти накануне родов сношалась в публичном месте, нагло попирая наши светские и религиозные моральные нормы. Русская артистка Елена Ваенга на девятом месяце беременности, почти накануне родов, нашла в себе силы, чтобы залепить мусорным девкам свои «пять копеек».

Это было редкое проявление той **живой и непосредственной веры**, что без всякой неуместной в таком деле рефлексии заявляет о своих поправленных правах, о том, что святое — трогать нельзя, как нельзя насиловать наших жен и матерей, обливать своей либеральной грязью и клеветой Царя и Патриарха, посягать на нашу великую историю. Чуть больше года назад наша раздумчивая и легкая на осуждение ревнительская общественность, теперь буквально готовая носить артистку на руках, высказала мне немало нелицеприятных слов за мое эссе о творчестве Елены Ваенги² (см.: http://ruskline.ru/analitika/2011/08/02/krasavica_skvoz_chudoviwe), написанное и опубликованное тогда, когда **так** хвалить ее в нашей церковной среде считалось еще моветоном. Что ж, эти слова осуждения давно прощены и забыты. Ибо теперь-то уж всем понятно, что в той работе автор до известной степени проявил все же известную проницательность...

Но есть и третий урок дела Pussy Riot, для нас, несомненно, самый важный. Промысл — победить нельзя, и смешон тот, кто спорит с Богом. Господь порой избирает Себе самые недостойные орудия и через них

являет Истину и Свою Божественную силу. Так было в 1941 году, когда нападение нацистских полчищ под водительством бесноватого Гитлера побудило богоборческий режим Сталина кардинально изменить политику в отношении религии и Церкви. Не так ли произошло и сейчас?

Последние годы нашего нового патриаршества прошли под знаком либерально-модернистских церковных реформ. Нам много рассказали об «открытости», о «новой миссии» (в частности, через субкультуры), о «православии с человеческим лицом», о том, что, отказавшись от «фанатизма» и убрав прочь «ревнителей» мы (то есть Церковь) станем привлекательны для мира и «народ к нам потянется». Мы немало написали в ответ. Мы всегда уверенно утверждали, что все эти излюбленные действия церковных либералов (понижение аскетических требований, ослабление евхаристической дисциплины, терпимость к свободе нравов и стяжательству среди духовенства и т.д. и т.п.) никого и никогда еще до добра не доводили, и что «новая миссия» может привести и непременно приведет не к воцерковлению мира, но к обмирщению самой Церкви, как это уже и случилось у католиков. Нас презирали, ненавидели и травили пришедшие к власти реформаторы из новой команды и их услужливые борзописцы. И вот — в акции Pussy Riot Господь подставил им зеркало. Вы хотели быть ближе к миру, вы хотели «нового христианства», «терпимости и открытости», многообразия культурных форм? Вы не хотели «фанатизма» ревнителей, но хотели миссии через субкультуры? Вы противопоставляли традиционному церковному народу, всем этим замшелым консерваторам, которых в Церкви пока еще большинство, передовую и «продвинутую», динамичную «церковь будущего»? Вы ожесточенно травили каждого, кто смел вам наперекор что-то там бубнить о Традиции и святых канонах? Ну что ж, получите!

(Как там у Пелевина? «Ты зачем это сделал? — Хотел ощутить полноту жизни... — Ну, ощути...») Вы хотели поиграть с субкультурами и даже принимали специальные документы, кардинально перестраивая обучение будущих пастырей? Что ж, теперь субкультуры сами пришли к вам! Если бы «пуссек» не было, их следовало бы выдумать, дабы вразумить зарвавшихся церковных реформаторов! Акция (виноват, «перфоманс») Pussy Riot — это **материализовавшийся вирус церковного модернизма**, отравляющий церковный организм изнутри, и глубоко не случайно то, что идеологи реформ во главе с бродячим протодиаконом Кураевым столь активно бросились на защиту мусорных девок.

«Не торопитесь бороться с церковными модернизмами. Предоставьте действовать Богу», — помнится, говорил мне один мудрый владыка. И вот мы видим, как лицо церковного модернизма отражается не только в уродливых рожах нагло глумящихся над нашей верой панков, но и в пьяной физиономии одного известного реформатора, поставленного «на кормление» в один из самых почитаемых и намоленных московских храмов, что будучи, как говорится, в полностью неадекватном состоянии, на своем спортивном автомобиле (откуда у игумена, принявшего обет нестяжания, спортивный автомобиль??) сбивает двух женщин, после чего, отказавшись сдать анализы на алкоголь, тем не менее клятвенно обещает «больше никогда не пить за рулем». Теперь **фото кривой физиономии церковного реформатора** широко разошлось по сети, представляя благодатнейший материал для стебущихся блоггеров (см.: <http://amin.su/content/news/5/100/>). Что еще надо сделать, какое зеркало подставить этим людям, чтобы они опамятались, покаялись и отказались от своих губительных планов?

Дух мира, со всех сторон атакующий «святой остаток» верных, церковный корабль спасения, многолик

и в то же время уныл, примитивен и однообразен. Этот дух окружает нас и проникает в нас отовсюду. Он живет рядом с нами и приходит издалека. Он свирепо воюет со Святым Православием, но трусливо отступает, если дать ему твердый отпор. Когда я пишу эти строки, мы еще не знаем итогов суда; приговор еще не объявлен. Мы еще не знаем, уступило ли наше слабое государство бешеному «гевалту», либеральному накату последних месяцев или проявило необходимую твердость³. Но как бы ни случилось, мы, с нашей столь явной духовной немощью, должны усердно молиться за тех немногочисленных исповедников веры, что мужественно стояли в этом процессе, — за судью, обвинителей, экспертов, потерпевших и их адвокатов, что каждый день проходили сквозь строй беснующейся либеральной толпы, особенно за тех из них, против кого уже сегодня развернута настоящая травля. Либеральный монстр, готовясь к осенней революции, разворачивается в боевые порядки, чтобы нанести свой последний удар. В деле Pussy Riot в бой вступил авангард. Ибо Церковь Божия, Святая Русь, Дом Пресвятыя Бо-

городицы — последний оплот Истины и веры, что еще не сдался. И чтобы устоять, мы должны крепко усвоить промыслительно преподанные нам уроки.

Примечания

¹ Работа «Трансформация нормы как информационная технология. Проект “Посткультура” сквозь призму СМИ» — включена в нашу книгу «Преодоление распада. Традиция в эпоху постмодерна» (М., 2013).

² Эссе «Красавица сквозь чудовище. Елена Ваенга как явление русской души» — включено в нашу книгу «Преодоление распада. Традиция в эпоху постмодерна» (М., 2013).

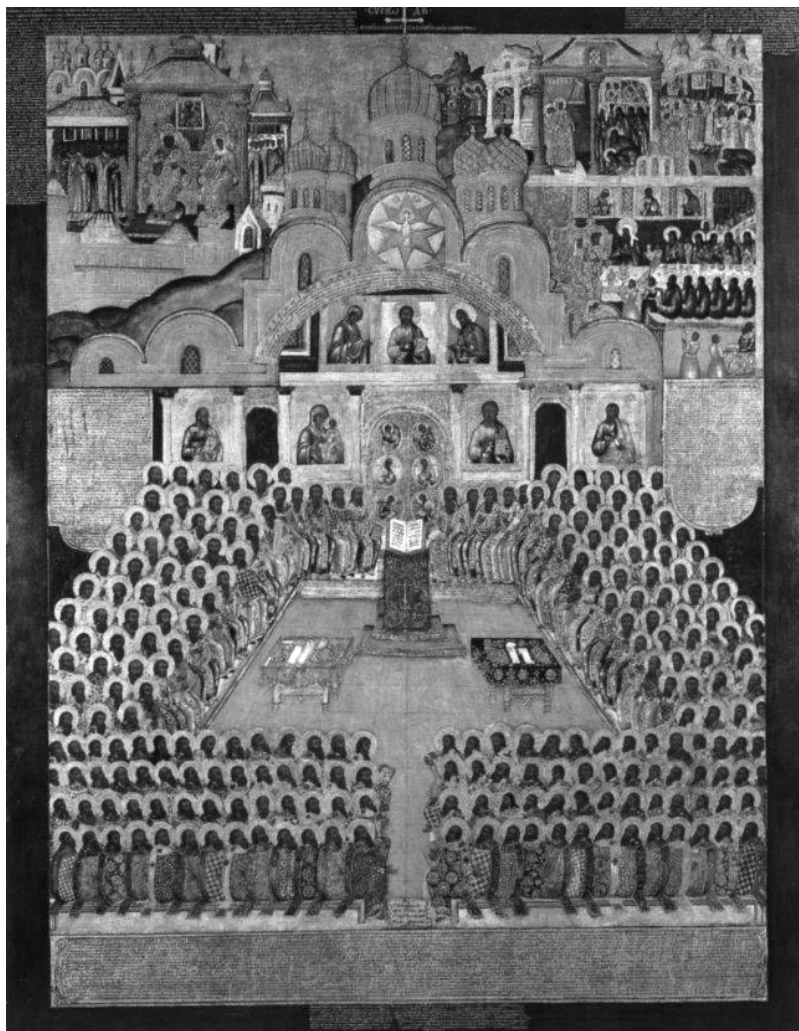
³ Слава Богу, проявило. — *Примеч. августа 2013 года.*

Война за веру и мы

О странностях реальности
и нашей позиции

В последнее время меня частенько просят что-нибудь прокомментировать. То в очередной раз суд над Pussy Riot (хотя я по этой теме не то четыре, не то пять статей уже написал, сам со счета сбился), то весьма странную программу Аркадия Мамонтова на эту тему, вызвавшую такой скандал, то новое заседание так называемого Общества христианского просвещения, на котором новомодная ныне гендерная философия обосновывается через Библию, то очередную выставку на «Винзаводе», где мусорные девки перешли в разряд иконописных образов, то, наконец, недавнее собрание неких странных и самоуверенных людей, вдруг осознавших себя церковными реформаторами (см.: <http://russiaforall.net/material.jsp?matid=351>).

В ответ на все эти просьбы я с каким-то странным для самого себя, как и все вокруг, и все нарастающим философическим беспокойством отвечаю, что реальность ныне с каждым днем становится настолько интереснее, чем еще совсем недавно, что никакого желания реагировать на каждое из ее мелких изменений вовсе не возникает, а хочется лишь наблюдать и наблюдать за

ходом процесса. Как говорил Стендаль, «*быть участником и рабом этой действительности я не собираюсь. Достаточно того, что я умею ее описывать*». Впрочем, для аналитика такая философичная позиция в буквальном виде все же вряд ли возможна: ведь адекватно

описать реальность, то есть дать ее понимание, — уже означает в каком-то смысле поучаствовать в ее «исправлении», дать правильный рецепт оного. Однако и здесь очень духовные, аскетично настроенные люди, совсем не похожие на Стендаля, вдруг порой говорят что-то похожее: «Не торопитесь кидаться в борьбу, успокойтесь, предоставьте действовать Богу».

Это, конечно, отнюдь не означает, что аналитик должен запретить себе мыслить, задавать себе и другим разные глупые и не очень вопросы, а порой и пытаться как-то отвечать на них. Вот и я, видя всю немыслимую еще недавно, вываленную на меня кучу фактов, не могу не видеть в этой куче определенных странностей, причем странностей абсолютно очевидных, лежащих на поверхности. То, что в разных регионах мира абсолютно синхронно, практически одновременно пытаются расковырять определенные болевые точки, связанные с религиозной верой, заставить религиозных людей реагировать на попрание их веры, одновременно свирепо атакуя их самих, — это настолько очевидно, что не нуждается ни в каких доказательствах. Pussy Riot, «крестоповал», фильм «Невинность мусульман», преследование коптов в Египте, «карикатуры на пророка» во Франции, убийство шейхов в Дагестане и на Памире — этот тревожный ряд можно бы и продолжить. «Ну и что? — спросит досужий скептик, — может, это все случайные совпадения?» «Ну и ничего, — отвечу я ему, — я же не утверждаю, что здесь есть некая железная закономерность. Я лишь констатирую: **религию атакуют во всем мире. Это факт.** А дальше вы можете с этим фактом поступать как вам заблагорассудится: можете его игнорировать, можете абсолютизировать, а можете включить в длинный ряд других аналитически рассматриваемых фактов. А вопрос закономерности или совпадения — это, знаете ли, вопрос сильно философический, историософией пахнет и разными

там Гегелями». В семинарии идет экзамен, семинариста спрашивают, что такое закономерность. Тот мнет-ся, молчит. Ему бы чинопоследование Божественной литургии усвоить, не до философии. Препод пытается помочь, спрашивает: «Ну вот, например, если человек один раз упал с колокольни и не разбился — это что?» «Случай, ваше преподобие». «А если два раза подряд?» «Счастье». «Ну хорошо, а если три раза подряд упал и не разбился — это что?» «Привычка, ваше преподобие». Так что все зависит от стиля мышления. Если это можно так назвать...

Как человеку наивному, но иногда видящему разные бредовые аналитические сны, мне вот совсем неясно: американские политики вместе с аналитиками совсем тупые или как? Сначала они приводят к власти в Египте исламистские режимы (уже, по-моему, все знают, что сама Хилари Клинтон звонила по телефону кому следует и требовала, чтобы результат на выборах был какой надо, то есть в пользу исламистов). Потом исламисты, натурально, начинают прессовать египетских коптов. Копты просят у американцев защиты и политического убежища. Пока те размышляют, американец коптского происхождения, проживающий в Калифорнии, инспирирует фильм «Невинность мусульман», оскорбляющий ислам. В ответ мусульмане начинают атаковать американцев, вплоть до нападений на их посольства и даже убийства посла в Ливии. Штатники грозят вводом войск. А параллельно выходит американский же доклад по религии, где выражается беспокойство по поводу религиозной нетерпимости в разных странах, в том числе (угадайте, где) — ясное дело, в России и в Белоруссии. Это как-то уж не просто топорно, а прямо, не побоимся этого слова, нарочито топорно. Это уже не управляемый хаос, а неуправляемое безумие, игра с таким огнем, который может так полыхнуть, что мало не покажется никому. Игроки сходят с ума, Big

Game теряет присущую ей тонкость, Santa Fe уступает место тупой спекуле в купе с тупейшей пропагандой, и все это называется распространением демократии. А общественность, как зомбированная, с беспокойством следит за новостями и повторяет мантру про происки Аль Каиды и угрозу демократическим ценностям. Вот что это такое? Сложно сказать, но ясно, что меня там нет. В этом участвовать? Ну уж нет. Для этого есть у нас еще, наверно, специально обученные люди, пускай они разбираются. Я могу в лучшем случае прокомментировать процесс, еще раз указав на очевидные странности распространения демократии.

Но это, как говорится, их дела, хотя и напрямую касающиеся нас и всего процесса в России. Поскольку Ближний Восток — это, знаете ли, такая материя, мимо которой кому-либо пройти сложно. Эта материя все равно рано или поздно всех нас достанет. Но и у нас здесь, как говорится, под боком, своих странностей до фига. Приведенный выше очевидный факт не одинок в своей очевидности, которую все видят и мало кто замечает. Есть и другие, аналогичные, носящие более мелкий и, так сказать, частный характер. Вот, к примеру, касаясь упомянутой выше программы Мамонтова и сопутствующего ей флера. Я тему пресловутых «пуссек» отработал, считай, на тысячу процентов, в том числе и в этой книге. Я начал анализировать аналогичные явления, когда весь церковный официоз на эту тему еще боялся слово вымолвить¹. Моя жесткая позиция по поводу «инцидента» общеизвестна. Поэтому заподозрить меня в симпатии к мусорным девкам или в какой-то двойной игре крайне сложно. И при этом я не могу не видеть очевидного, лежащего прямо на поверхности: история с программой и вся ситуация вокруг Pussy Riot становится все менее однозначной и прямо мутной. И несет от нее такой тухлятиной, что, прямо скажем, становится не по себе.

После программы «стороны» были накалены до предела, осыпая друг друга проклятиями. Фейгин (адвокат «пуссей») грозит подать в суд, православная общественность, как ей и положено, продолжает обличать кощунниц и наглость их защитников, Кураев наезжает на Мамонтова, Мамонтов — на Кураева. И никто не задается лежащим на поверхности детским вопросом: зачем эта программа вообще была нужна? Суд позади, мерзавки сидят, и вряд ли на суде кассационной инстанции возможны какие-то неожиданности. Что касается раскола в обществе: «ты за девочек» или «ты против кощунниц», то его таким способом уж точно не преодолеешь. Зачем вдруг понадобилась столь, прямо скажем, прямолинейная информационная поддержка в выигранном и уже откипевшем деле?

Далее, вообще неясна сама цель. Тот народ, который против «пуссей», он и так против. А тот «малый народ», который «за», от столь примитивной пропаганды своего мнения не переменит. Если цель в том, чтобы еще раз наехать и обличить (вместо того, чтобы хотя бы попытаться понять механизм работы тех вовсе не простых и не примитивных информационных технологий, в которые изначально вписаны «пуськи»), то совсем непонятно, зачем делать это в жанре ток-шоу, по определению предполагающем диалог и столкновение разных мнений. Если цель — ток-шоу, то, во-первых, неясно, зачем оно вообще сейчас нужно, причем неясно именно с прагматических позиций защиты интересов Церкви и осуждения кощунства. Во-вторых, в этом случае вопиющим образом нарушены законы жанра.

Мамонтов — опытный журналист и наш современник. Поэтому он не может не знать, что жанр ток-шоу предполагает столкновение **принципиально разных** мнений. Существуют законы профессии и отработанные профессиональные приемы. Журналист, телеведущий может быть сколь угодно пристрастен и скло-

нен к одной из представляемых в его программе позиций. Он легко может поместить неприемлемую для него позицию в такую информационную «рамку», что носитель ее много раз пожалеет, что ввязался в эту игру. Он может подыграть одной из сторон так, что не подкапаешься, и выставить наивно-доверчивого дилетанта в роли полного идиота. Это, в общем, все знают. Знают в том числе и опытные, раскрученные «медийные» фигуры, поневоле принимающие не ими придуманные правила игры. Одного делать журналист не имеет права, дабы не потерять лицо среди коллег и среди зрителей, — **не представить альтернативной позиции вовсе**, сколь бы она ни была, по его мнению, ужасна и неверна. Это дальше шлагбаума, ибо превращает современную журналистику в архаично-тоталитарную пропаганду советских времен, когда правила были принципиально иными.

Что же побудило Аркадия Мамонтова поступить подобным образом? Скажем сразу, что мы менее всего склонны бросаться камнями в уважаемого коллегу, ибо, по нашему глубокому убеждению (как говаривал один литературный персонаж, «я их сердцем чую»), он тут вовсе ни при чем. Ибо сценарий изобретен и «спущен» с такого «верху», такой политической волей, перед которой все заинтересованные лица, да и просто попавшие под руку сразу ложатся носом в пол, не думая сопротивляться. Как опять же сказано в одном из исторических рассказов, «абсолют», да и только. Где-то в одной из соцсетей Мамонтов, кстати, проговорился об этом, прямо заявив, что это он не сам, это его настойчиво «попросили».

Зачем же понадобилось уважаемому, почтенному журналисту связываться со столь мутной историей, в ходе которой **проблематизируется сама ситуация с Pussy Riot**, поскольку главным «свидетелем обвинения» в рамках программы оказывается человек с весьма

неоднозначной репутацией? Ответ на самом деле кроется в самом вопросе. Цель программы состояла отнюдь не в том, чтобы в очередной раз лягнуть мусорных девок. Подлинной целью было — указать на «заказчика», в каковой роли выступил в данном случае беглый (ныне уже покойный) олигарх Борис Абрамович Березовский. Я не знаю, может быть, Вишняк действительно убил своих родителей, а затем откосил от тюрьмы «по дурке» с «диссидентским» диагнозом «вялотекущая шизофрения», вскоре после этого став околоцерковным торговцем. (Наличие кураторов из специальных ведомств и полная зависимость Вишняка от них в таком случае очевидны.) А может он, напротив, ангел во плоти, оклеветанный свирепыми врагами. Дело вовсе не в этом. А в том, что совсем неясно, зачем его вообще привлекли к «процессу».

И здесь-то и кроется некий момент истины, связующий воедино все странности. «Обвиняемый» Березовский (который из Лондона, естественно, все отрицал) со «свидетелем» Вишняком, введенные в процесс некой железной высшей волей, понадобились в программе (где Мамонтов поневоле играл роль прокурора), **чтобы отвлечь внимание зрителя от настоящего процесса**, где реальное законное следствие должно было не только наказать исполнителей, но и выявить реальных заказчиков и организаторов. Причем не как-нибудь, а следуя **установленной процедуре**, прописанной в уголовно-процессуальном кодексе. Вместо этого **реального** процесса вниманию зрителя предложили дурной спектакль, **процесс виртуальный**, ритуальное заклинание на тему врагов и заговора против России. Не потому ли возник в программе традиционный демон российской политики, подобный полумифическому Бен Ладену Б.А. Березовский, что следствие либо не может, либо не хочет рассказать нам о том, как все было на самом деле, кто в действительно-

сти этих «пуссей» накачал, профинансировал и на нас натравил?

Я, опять-таки, не знаю, причастен БАБ к делу «пуссей» или нет. Может, и причастен. Но **это должно быть выявлено в рамках следствия и доказано судом** и только тогда станет фактом серьезной политики, а не рассказом про «заговор». Рассказ про заговор, который плетут против нас враги, с претензией на истину в последней инстанции, — как раз и есть проявление той повсеместной шизоизации сознания и «сдвига по фазе» самой реальности, когда все видят нелепость, лежащую на поверхности, но при этом никто ее не замечает, не может и не хочет ее выявить и объяснить. Что такое заговор? По сути это есть не что иное, как закрытый проект. Но закрытый проект на то и закрытый, чтобы не давать о себе открытой информации. Если Березовский — «крестный отец» Pussy Riot и стоит во главе заговора, он не станет рассказывать об этом за чаем какому-то Вишняку, даже если тот крышует все церковные ларьки вместе взятые. Он в этом случае будет молчать в тряпочку и, тщательно конспирируясь, плести паутину заговора. Надо все-таки определиться с тем, кто такой БАБ. Если он демон, то не может быть дураком (бесы умные существа). Если же он такой лох, что выбалтывает свои тайные планы именно тому персонажу, которого некоторым серьезным людям по каким-то причинам удобно пригласить в программу, которую смотрят миллионы зрителей, то на его «заговор» можно не обращать внимания. Здесь или — или. Для того и нужны спецслужбы, следствие, профессионалы сыска, чтобы вывести злодея на чистую воду. А если это и без них возможно, то... Как говаривал капитан Лебядкин, какой же я после этого капитан?.. Если мы всю рассуждаем о тайных пружинах процесса («вот они, пружины») и при этом считаем происходящее заговором, то либо мы ошизели, либо заговора нет, а тот,

кто подкинул нам инфу, ведет свою игру, далекую от той, которую нам предлагают обсуждать. И что же это за игра??

В целом ряде своих последних работ я уже не раз говорил, что все, происходящее и вокруг поначалу казавшейся ничтожной акции пресловутых «девочек» и вокруг других событий подобного рода, носит очевидным образом многослойный характер. Нам же упорно пытаются навязать одномерную, однослойную, двухтактную схему: есть стройный монолит церковной институции, свято хранящей сокровища Предания, и — консолидированные враги, атакующие его извне. А почему — тоже понятно. Потому что они враги России и нашей святой веры. Точка. Одна нация, одна партия, один вождь. Да здравствует... Впрочем, это уже несколько о другом. В соответствии с этим каждый, кто ежеминутно и ежедневно не проклинает врагов и не повторяет, наряду с молитвой, заклинание о том, что у нас самый великий Патриарх и самый великий Президент (коего некоторые уже всерьез предлагают венчать на царство), есть пособник мирового заговора, американского империализма и недостоин вкушать пирожки в паломнической трапезной Данилова монастыря и переступить порог ХХС. Надо ли говорить, что эта одномерная примитивная схема не просто не объясняет всей сложности реальности, но страдает прямо-таки какой-то бездуховностью, напоминая не религиозный взгляд верующих и кающихся людей, а агитку советских времен!

Древнюю Церковь тоже атаковали многочисленные внешние враги, так что многим ее представителям, впоследствии причисленным к лику святых, приходилось становиться мучениками. Но святые отцы исписали множество страниц, на которых объясняли своей пастве, что корень всякого зла — наши собственные грехи и что, насылая на нас гонения и страдания, Всемилоливый Господь заботится лишь о нашем исправлении

и спасении. И порой в истории нападение внешнего врага играло очистительную и спасительную роль по отношению к Церкви, помогая людям Церкви очиститься и подняться на еще одну ступеньку духовного совершенства. Порой же оно просто физически спасало их.

Древность была давно, поэтому приведу пример, для всех нас, пожалуй, наиболее актуальный. С тем, что Адольф Гитлер злодей и враг человечества, сегодня никто не спорит. Поскольку это правда. С тем, что нападение нацистов на СССР стало величайшим несчастьем, трагедией для нашего народа, тоже спорить было бы странно. Однако. Перед войной на свободе в нашей стране оставалось 3 (три) православных архиерея, да и их должны были со дня на день арестовать. Действующих храмов оставалось всего несколько десятков. А в 1943 году состоялось знаменитая встреча Сталина с иерархами, после которой было решено изменить, пусть и очень частично, дозированно, государственную политику по отношению к Церкви. И земная Церковь на тот момент была спасена. Чем руководствовался Сталин — отдельный вопрос. Гитлер-то уж точно не хотел возрождения Православия в России... А вот поди ж ты!.. Стало бы все это возможным, если бы не война? Вряд ли. И что, война от этого может трактоваться как благо? Ясное дело, что ни в коем случае. Такими вещами, такими темами не шутят. Но факт налицо: это, по общему признанию, самое трагическое в истории страны событие способствовало тому, что раннебольшевистский план по искоренению веры на нашей земле провалился. На этом очевиднейшем примере ясно видна полная несостоятельность и неприменимость к истории примитивных одномерных схем.

В отношении уже серьезно доставшей большую часть общества темы Pussy Riot я высказался сполна, в том числе и в этой книге. На протяжении последних лет мы были свидетелями ряда церковных реформ,

причем ту, которую с уверенностью следует признать одной из важнейших, мало кто и заметил, как и те странности сегодняшней реальности и информационного пространства, о которых говорилось выше. Это **настоящая революция в области миссии**, в принципиальных, фундаментальных подходах к этой важнейшей стороне в деятельности Церкви. **Опора на субкультуры в церковно-миссионерской деятельности** — отнюдь не заморочка отдельно взятых авторов, а **важнейшая часть доктрины нынешней РПЦ**, доктрины, вполне **легально и ОФИЦИАЛЬНО** действующей в нашей Церкви вплоть до сегодняшнего дня и на официальном уровне никак не отмененной. Вот что сказано в новом учебнике по миссиологии, по которому занимаются и готовятся к экзаменам наши семинаристы — будущие пастыри: *«Общаясь с представителем той или иной субкультуры, миссионер должен понимать, что духовный поиск современного человека ярче всего выражен именно на языке его субкультуры, которая несет в себе определенные духовные ценности (пусть даже безнравственные). Понять их значение для данного человека и осветить их сквозь "призму" ценностей Евангельских — вот начало поиска точек соприкосновения и "рецепции" субкультуры для проповедника»*². Если внимательно и непредвзято вчитаться в этот текст, то нельзя не признать его совершенно замечательным. В нем признается, во-первых, что в субкультуре вполне могут содержаться некие «духовные ценности», причем тут же оговаривается, что эти самые ценности бывают (чаще всего) «безнравственными». Это, в свою очередь, означает, что данные ценности, с точки зрения христианства и Церкви, являются ложными. А как же иначе? Безнравственные и ложные духовные ценности (опять же, с точки зрения Церкви) не могут быть ничем иным, кроме как **анти-христианством**, как бы это ни называлось. Далее говорится, что их, эти ложные ценности, следует «осветить

сквозь призму Евангелия». Что происходит с ложными ценностями, освещенными сквозь призму Евангелия (то есть Откровения, Благой Вести о Христе)? Их ложность и безнравственность, при грамотном освещении, становятся ясны их носителю! Далее, по идее, следует сказать, что, вдохновленный светом евангельской истины, носитель ложных ценностей должен отречься от лжи и безнравственности и вступить наконец в спасительную ограду нашей Святой Матери-Церкви (в чем, собственно, и заключается конечная цель миссии). Но не тут-то было! Согласно учебнику, меняться в процессе вышеупомянутого освещения через призму должен сам миссионер, а не носитель безнравственных ценностей!! Субкультура с ее ложными и безнравственными ценностями должна, оказывается, быть подвергнута «рецепции», как какое-нибудь постановление вселенских соборов; между ней и проповедником следует искать «точки соприкосновения».

Вы хорошо все поняли? Это — **официальный учебник, по которому занимаются семинаристы, на котором стоят все необходимые церковные грифы.** Ценности субкультуры — ложные и безнравственные. Их следует осветить светом Евангелия. И в результате — **найти общность** (ибо что иначе могут означать «точки соприкосновения»?) между нравственным и безнравственным, истиной и ложью, светом и тьмой, Христом и Велиаром. Такая вот миссия... Если это не революция, то что тогда революция? «Оставайтесь в своей субкультуре с ее ложными ценностями, — говорит официальный учебник РПЦ, — мы подвергнем ее "рецепции" и найдем "точки соприкосновения"». Итак, доктрина «новой миссии» учит не о борьбе между истиной нашей святой и спасительной веры, истиной Евангелия и злом «мира», по слову Писания, «во зле лежащего», а по меньшей мере о компромиссе между тем и другим. Надеюсь, всем понятно, что это **напрямую противоре-**

чит словам Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, который прямо учил о невозможности примирить истину Благой Вести и ложь «мира»?

«Новые миссионеры» истратили кучу бумаги для того, чтобы внушить людям свою «передовую» доктрину о совместимости несовместимого. Они упорно третируют «упертых» ревнителей, называя традиционную культуру Церкви, освященную светом Предания, лишь одной из множества субкультур. Они распростерли «субкультурам» свои объятия, готовясь принять их в свою толерантную церковь будущего, в которой дружно и мирно будут цвести все цветы. Субкультуры пришли и заявили свои права, свое видение и понимание христианства. Они не встали в позу учеников, но сами стали учить. Война — это мир, зло — это добро, поправление святынь — это молитва, мусор («панк») — это соль мира. Кукушонок как-то очень быстро окреп и занялся своим делом. Толерантные миссионеры быстро оказались лишними в своем собственном доме, и глумливо стебущаяся «массовка.ру» неласково попросила их посторониться. «Миссионерская» революция совершилась, и «рецепция» произошла. Просвещенные носители субкультур не оценили стараний проповедника по поиску «точек соприкосновения», и сам он, передовой и либеральный, столь толерантный проповедник, оказался лишним в «райском» обществе новой церкви. Конец определил начало, верх стал низом, и карнавал заменил само богослужение, превратив храм из дома Божия и места молитвы в место поправления Веры и Смысла. В общем, все получилось, как и было задумано. Почти. Как бы ни оценивать самих «пуссей» (сколько можно их проклинать!), но промыслительное значение того, что произошло, очевидно. Господь подставил самоуверенным реформаторам зеркало, и, взглянув в него, они ужаснулись. Стало ясно, что *такая* миссия, конечно, возможна. Только в ней уже

не будет самого миссионера. Да и Церкви не будет. А что будет... Впрочем, я не большой специалист по толкованию Апокалипсиса, тем более что, на мой сержантский взгляд, все еще можно поправить. Была бы политическая воля.

Но «пуськи» сегодня — это уже день вчерашний. И день сегодняшний (позволим себе столь смелое выражение) — это уже не «новая миссия». На повестку дня вышла «новая реформа», заставив зябко поежиться недавно еще столь уверенных в себе и победоносных реформаторов сверху. Имеем в виду состоявшееся 16 сентября 2012 года в конференц-зале гостиницы «Марко Поло Пресня» действо, названное организаторами «научно-практической конференцией», — **«Реформация: судьба Русской Церкви в XXI веке»**. Участники приняли документ такой прекрасный, такая в нем слышна музыка сфер, что по сравнению с ним, бесспорно, меркнет даже все, изложенное выше про «новую миссию». Прежде всего о самих участниках. Среди них затесалось лишь одно духовное лицо — **священник Павел Адельгейм**, на старости лет по наивности все-таки превратившийся по факту из почтенного старого диссидента, хотя и со спорной репутацией (такое порой случается с диссидентами) в пешку на шахматной доске, где разыгрывает свою партию король провокации **Стас Белковский**³. Все остальные — одни совсем малоизвестные, другие, напротив, крайне широко известные в предельно узких кругах журналисты, околоцерковные общественные деятели и научные работники. Назвать действо собранием церковных реформаторов, могущих в будущем составить серьезную конкуренцию законному, каноническому священноначалию и привести Церковь к расколу, вряд ли возможно, поскольку, с канонической точки зрения, они никого не представляют. Так, в лучшем случае группа условно православных мирян и атеистов, среди которых затесался один запрещен-

ный священник и один «епископ»-самосвят (**Григорий Лурье**). Но ведь и «пуссек» можно называть несерьезным и второстепенным фактором, который ни на что не влияет. Однако какой эффект! Понятно, что Стас Белковский никакой не Лютер (в котором, как ни крути, все же горел сильный религиозный огонь, полыхала серьезная страсть), а холодный политтехнолог. Но ведь и Гельман не Врубель. Тем не менее основы сотрясает! Дело не в том, что враги РПЦ больно сильны (на наш сермяжный взгляд, они довольно ничтожны), а в том, что сама институция РПЦ в определенной своей части представляет собой порядочную труху, для которой и такие враги опасны. Но главное даже не в реальной сиюминутной опасности самозванных «реформаторов», символически задумавших заседать в то время, когда порядочные люди еще молятся за воскресной литургией. При наличии серьезной политической воли, повторяю, таких «врагов» законная каноническая церковная власть может сделать «на раз». Самое главное здесь в том, что, как и пресловутые «пуськи», «новые реформаторы» неожиданно выражают **грозную метафизическую реальность**, что прорывается через них из таких сфер, перед которыми бессильна всякая власть, кроме, разумеется, власти Бога.

Каково же практическое содержание итогового документа конференции? Оно поистине изумительно. Прежде всего, в документе содержится оценка действий реформаторов сверху. Их усилия по развалу церковной традиции не пользуются у «новых реформаторов» никакой благосклонностью. Так прямо и сказано: *«Так называемая "православная миссия", о которой ведущие церковники особо активно рассуждают в последние годы, фактически свелась к систематической кампании по выбиванию из государства (власти) различных материальных ресурсов для реализации программ, не имеющих к интересам православных верующих ре-*

ального отношения». Да, это от души... Могла ли еще совсем недавно бодрая и оптимистичная команда «эффективных менеджеров» ожидать от либерального общества, с которым столь долго и столь упорно заигрывали, без жалости жертвуя «ревнителями» и собственными традициями, такой поистине черной неблагодарности? Пнув походя лично Патриарха Кирилла, а также его духовника схиархимандрита Илия и самого ближайшего сотрудника и любимого выдвиженца — митрополита Илариона, самопровозглашенные реформаторы без обиняков заявляют: *«То, что ныне происходит с РПЦ МП, — концентрированный результат процессов, которые шли десятилетиями. Но именно 2012 год ясно обозначил линию размежевания между Церковью и гражданским обществом, показал роль Московского Патриархата как института, способствующего не сплочению, но расколу и разобщению нации. Детонатором "взрыва" стало дело Pussy Riot, негативные последствия которого для репутации РПЦ МП трудно поправимы»*. Не будем лишний раз заикливаться здесь на обычном либеральном шулерстве: никто не давал права ничтожному болотно-оранжевому меньшинству, нагло узурпировавшему информационные рычаги, выступать от имени гражданского общества и большинства народа России, каковое как раз, при всем промывании мозгов, устроенном либеральными СМИ, «пуссей» в лучшем для них случае просто холодно презирует. Главное здесь не в этой привычной для нас либеральной наглости, а в принципиальном посыле: «Какие же вы нафиг миссионеры, если полную перверсию христианского смысла, произведенную авторами и модераторами проекта Pussy Riot, за истинное христианство не принимаете?» (См. выше и по уже приведенной ссылке: <http://amin.su/content/analitika/9/102/>) Ишь, че удумали, «рецепцией субкультуры» решили отделаться! Нет уж, родные, вы давайте-ка без терпи-

мости. Мы в вашей терпимости не нуждаемся! Потому как истинная церковь — это мы и есть. А кто такие вы тогда, спросите? Да мы и сами не знаем. Но спросим с вас сполна. *«Которые тут временные, слазь! Кончилось ваше время!»*

Далее, авторами заявлены основная цель и, так сказать, метод реформ. Во-первых, это скорейшее проведение Поместного Собора (интересно, кто и как будет определять принципы его созыва?) и, во-вторых, приходская реформа. Точнее, **полное разрушение освященного Традицией канонического строя Церкви**, называемое авторами приходской реформой: *«Члены приходского собрания должны быть избираемы открытым голосованием, не иметь никаких привилегий по сравнению с рядовыми членами общин».*

Священники не должны быть “подчиненными” епископата... Переход священника из одного прихода в другой должен, прежде всего, быть согласован между общинами. Епископ лишь уведомляется об этом».

Особое внимание авторы документа уделяют **институту оглашения**, а также тому, что они называют **развитием общинной жизни**, вплоть до того, что само **крещение**, по их мнению, возможно не как просто вхождение в Церковь (как это было и есть до сих пор), а **лишь как вхождение в конкретную приходскую общину**. (Практика, абсолютно небывавшая в Церкви, коренным образом, в числе других положений, подрывающая ее традиционный канонический строй.) Словом, кочетковщина в самом крайнем выражении. Доказать это на данном этапе, конечно же, невозможно, но нам во всем этом видится явное присутствие абсолютно подрывной и разрушительной для Церкви идеологии, давно уже разработанной в недрах той структуры пресвитерианской церкви, которую заштатный клирик Московской епархии **Георгий Кочетков** много лет подряд упорно создает в рамках Церкви епископальной, формально

не порывая с ней. Тому, кто был у него ректором в духовной академии и с кем он вечерами гулял под липами, обсуждая перспективы церковных реформ, остается лишь много раз пожалеть об этом.

Помимо перечисленного, документ содержит еще много замечательнейших положений: предоставление автокефалии УПЦ; отказ от реституции; отказ от проповеди «религиозных ценностей» вне Церкви (вот тебе и «миссия»!); запрет на освящение любых зданий, сооружений и проч., находящихся вне непосредственной церковной ограды; вынос за пределы государственных, военных учреждений храмов и часовен; разрешение «совершать богослужение по любому чину, принятому в любой из Поместных Церквей, строить храм в любой архитектурной стилистике, приглашать для его оформления любых художников»; деканонизацию ряда святых (святителей Филарета Московского, Арсения Матвеевича и др.); «новый перевод Ветхого и Нового Завета с учетом последних достижений библеистики» (представляем себе этот перевод, см. «опыт» протестантов!); введение конфирмации по образцу католиков и многое другое, в том же радикально-разрушительном и революционном роде.

Но самое прекрасное, своего рода квинтэссенция, формулировка главной цели «реформаторов» звучит еще круче: *«Мы полагаем, что в обозримом будущем должен пройти Поместный собор, который не только одобрит ДОБРОВОЛЬНЫЙ УХОД НА ПОКОЙ ПАТРИАРХА КИРИЛЛА ГУНДЯЕВА, превратившегося в символ дискредитации РПЦ, но, прежде всего, примет основные положения церковной реформы, утвердит новый Устав и социальную концепцию Церкви... Конечная цель Реформации — возврат в Церковь евангельского духа любви и мира, когда власть в Церкви принадлежит народу Божию в лице ДЕМОКРАТИЧЕСКИ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРИХОДОВ. ДЕСЯТИЛЕТИЕ РЕ-*

ФОРМ должно привести церковную жизнь в соответствие с потребностями современной эпохи». Пусть теперь некоторые люди вспомнят, как они давали отмашку своим клеветам злобно гнобить нас за то, что несколько лет назад мы указали на опасность подобного рода модернистских, реформаторских тенденций, уже тогда зревших в недрах земной Церкви и в либеральном околоцерковном обществе...

Итак, некая случайная группа людей, неизвестно кем уполномоченная и кого представляющая, с подкупающей прямоотой заявляет: «Реформа, конечно, возможна, только не надейтесь на реформу сверху; вы сами, Ваше Святейшество, со всей своей командой в этом процессе не нужны». Ибо нечего было занимать столь антилиберальную позицию поддержки законной действующей власти России в острый период зимнего противостояния России и Церкви, ее консервативного большинства (на языке либералов, «анчоусов») и оранжево-болотного движения, считающего себя солью столь ненавидимой ими Русской земли. Эти люди не прощают «предательства».

Здесь много чего можно сказать, помимо чистой «политики». Можно сказать, например, что излишний упор в сторону бюрократизации Церкви, имевший место в последние годы, породил противоположную крайность в виде этих разрушительных, деструктивных обновленческих речей. Но сказать так было бы по меньшей мере неточно. Ибо **бюрократизация в РПЦ последних лет ведь вовсе не сопрягалась с укреплением в ней консервативного начала.** Мы много раз указывали, что как раз консерватизм и традиционализм все эти годы находился в положении гонимого, и теперь мы имеем дело не с либерально-модернистской реакцией на якобы консервативную политику нынешней патриархийной команды, а с совершенно иным явлением: радикальные либералы, в силу целого комплекса причин, пытаются

смести либералов более умеренных, находящихся у власти, — ситуация, полностью подобная, аналогичная той, которая имеет место и в масштабах нашего государства, о чем мы также не раз писали.

«Новые реформаторы» с присущим либералам лукавством пытаются представить дело так, будто соборность в Церкви неизбежно влечет за собой либерализацию, то есть будто бы понятие соборности = понятию «демократии». Все церковные люди, знакомые с соответствующей литературой, хорошо знают, что это не так и что соборность в Церкви, в ее каноническом строе неотделима от иерархичности. Главный вопрос в том, какого качества то и другое. Но довольно об этом. Тема масштабная, за один раз не охватишь; написано по ней уже много, и будет написано еще.

Какой же может и должна быть наша позиция в свете всей этой весьма тревожной реальности? Ничего принципиально нового по сравнению с тем, что уже говорили раньше, мы здесь сказать не можем. Православно-консервативное большинство Церкви, сохраняющее верность Священному Преданию и ее, Церкви, каноническим основам (к каковому большинству автор относит, разумеется, и самого себя), никак не может мириться с попытками либерально-модернистских «реформ», искажения нашей великой православной Традиции, **вне всякой зависимости от того, откуда эти попытки исходят**: изнутри церковной институции, будь то от иерархов либо внедрившихся в церковную ограду квазицерковных либерально-модернистских групп, либо же извне, от всякого рода странных «светских» сообществ, руководимых интеллектуальными авантюристами, олигархами и политехнологами. Мы — защитники Предания и традиционного канонического строя Церкви и именно поэтому посреди всех жизненных бурь и антицерковных кампаний нашего времени сохраня-

ем духовную трезвость и верность богоустановленному, законному священноначалию. Но это вовсе не значит, что мы не можем критиковать любого члена Церкви, сколь бы высокое положение он ни занимал, если его высказывания, воззрения либо практические действия, по нашему мнению, начинают противоречить тем традиционным святоотеческим основам, на которых стоит Церковь.

Что же касается иерархии, то и здесь не скажем ничего нового. Иного пути, кроме решительного консервативного поворота, опоры на церковно-консервативное большинство, сейчас уже не осталось. Три-четыре года назад это понимали не все, и на эту тему в принципе можно было спорить. Сейчас это ясно уже всем. Всем тем, кто смотрит на мир с позиций интересов Церкви. Если такого поворота не случится, с церковной институцией РПЦ произойдет катастрофа — та самая, со свидетельствами **сознательной подготовки** которой мы сталкиваемся сегодня все чаще.

*2012 год, Отдание праздника Воздвижения
Животворящего Креста Господня*

Примечания

¹ Работа «Трансформация нормы как информационная технология. Проект "Посткультура" сквозь призму СМИ» включена в нашу книгу «Преодоление распада. Традиция в эпоху постмодерна» (М., 2013).

² Миссиология: Учебное пособие. Изд. 2, исправленное и дополненное. Миссионерский отдел Русской Православной Церкви, 2010. С. 188.

³ И вот, удостоился мученической смерти за веру! Церковные и околоцерковные либералы попытались выжать из этого события максимум возможного, пытаясь связать его с внутрицерковной, ультрареформаторской позицией покойного. Это типичная для либералов грязная игра, ибо, если быть объективным, вполне очевидно, что одно к другому не имеет никакого отношения.

В поисках Святой Руси

О визите Патриарха Кирилла на Украину (2009 год)

Сообщения о событиях религиозной и церковной жизни на Украине с начала 90-х порой напоминают сводки военных действий — то затихающего, то вспыхивающего вновь конфликта. Особенно ярко после официозной безмятежности советского времени это проявилось в начале тех самых «лихих девяностых». Нападения, захваты храмов (в том числе и с использованием частных и государственных вооруженных формирований), вопиющие случаи насилия, порой и со смертельным исходом, голодовки протеста, жизнь целого ряда православных общин в режиме непрестанной обороны своих храмов, постоянного ожидания возможного нападения. Не правы будут те, кто попытается свести все содержание этого конфликта к противостоянию законной, канонической Православной Церкви и раскольников, присутствующих здесь в лице целого ряда «юрисдикций», либо к противостоянию Церкви и ряда украинских политиков, разыгрывающих карту «незалежной церкви», либо, наконец, к борьбе различных конфессий, прежде всего православных и униатов. То есть все перечисленное, конечно же, является составляющей частью вышеозначенного конфликта, но тем не менее не выражает его целиком. Ибо главное, глубинное содержание его — это **выбор пути**, пути духовного, культурного, цивилизационного развития, того, что на языке современной политологии обозначается как **«проект»**, — для значительной части территории и народа, которые исторически издавна входили в состав «большой (или «исторической») России», но стали ныне независимым государством.

В контексте этого конфликта, этой беспощадной, ибо основанной на глубинных, стержневых ценностях **духовной войны** визит Патриарха Кирилла на Украину

с точки зрения как заявленных целей, так и достигнутого результата выглядит если не как «десять сталинских ударов», то, во всяком случае, как свой Сталинград. Говорить об «успехе» визита совершенно неправильно (успех может быть и мелким, частным). Это не «успех», а решающий перелом в войне. Что, в конечном счете, понятно даже бескорыстным, как сама нищета, публицистам с «Кредо.ру». Между тем такой результат был отнюдь не прогнозируемым, и даже обычно падкая на опережающие похвалы придворная пресса вела себя перед началом визита необычно тихо.

Накануне визита

Крайне осторожным прогнозам одних и ожиданию провала другими перед началом визита способствовало несколько факторов. **Во-первых**, это необычайно «упертая» позиция зависимых от внешней поддержки «оранжевых» политиков, становящихся особенно несговорчивыми во всем, что касается, с их точки зрения, «влиятельности Москвы», накануне своих, украинских, выборов. Вот уже немало лет украинские власти и подконтрольные им люди из СБУ и украинского Совета по делам религий с упорством, достойным лучшего применения, всеми силами поддерживают раскольников из неканоничной УПЦ КП, возглавляемой лишенным сана и отлученным от Церкви М.А.Денисенко, самочинно провозгласившим себя «патриархом», и притесняют законную, каноническую УПЦ МП, руководствуясь чисто политическими соображениями. Если бы лейтенанты советского КГБ, в одночасье сделавшие феерическую карьеру в новом независимом государстве, хотя бы в небольшой степени соответствовали своим должностям, обладая необходимым минимумом профессиональной компетенции (то есть просто разбирались бы хотя бы во внешних, формальных сторонах церковной

жизни), они бы давно поняли бесперспективность такой неумной тактики. Однако ненависть к мифической «москальской экспансии» и любимая мечта касательно «незалежной церкви» регулярно оказываются сильнее разумных соображений. Это ставит каноническую Украинскую Церковь порой в невыносимое положение. Накануне визита вполне можно было ожидать широкомасштабных провокаций со стороны украинских спецслужб и связанных с ними националистических группировок.

Во-вторых, конечной неудаче миссии Патриарха Кирилла давно и упорно способствовала необычайно бурная активность на Украине так называемых политправославных, своими неумными, агрессивными и порой просто провокационными действиями дискредитирующих промосковскую позицию¹. Эта деятельность, воспринимаемая как однозначно одиозная и священноначалием, и простыми украинскими верующими (о чем имеется достаточно свидетельств **вполне конкретных православных граждан Украины** — наших корреспондентов), сравнительно недавно была **осуждена Архиерейским собором Украинской Церкви**. Напомним, что это был тот самый собор, который одновременно с этим осудил и муссируемую некоторыми идею так называемой **украинской автокефалии**.

Однако **третьим** и крайне тревожным негативным фактором накануне патриаршего визита на Украину была недавняя (приуроченная практически к началу визита) абсолютно провальная «миссионерская акция», связанная с пресловутым байк-шоу в Севастополе, которая вкратце проанализирована нами в заключительной части главы **«Модернистский соблазн»**. К этому анализу мы здесь можем добавить лишь то, что, извинившись перед байкерами (!) за распространение скандальных снимков, ни Холмогоров, ни Кураев, ни другие организаторы и участники «акции» и не подумали из-

виниться перед православным народом России и Украины, чьи святыни подверглись поруганию.

На эту тему в сети на данный момент достаточно материалов². Сейчас для нас крайне важно лишь отметить, что все события, связанные с «миссией через скандал» (а по данным наших украинских источников, «миссионерская акция» закончилась, говоря мягко, не вполне воздержанным поведением участников-байкеров после завершения ее, так сказать, официальной части, что еще подлило масла в огонь), происходили как раз накануне патриаршего визита! Понятно, что украинская националистическая пресса не могла не воспользоваться столь неожиданным подарком московских пиарщиков. Националистические газеты, с удовольствием смаковавшие скандал, запестрели заголовками типа «Москальские свиньи — вот как они понимают православие» и т.п. При этом то подавляющее большинство УПЦ, которое традиционно настроено пророссийски, в пользу единства с Матерью-Церковью, воспринимало произошедшее крайне болезненно. Ведь получалось, что пресловутые «миссионеры» фактически уравнивали святое дело православной миссии с ритуальными кощунствами какого-нибудь Гельмана, Кулика или Самодурова! Словом, как говорится, «напряжение нарастало».

Концепции. Народ и Патриарх

Предчувствия некоторых информированных людей, бывших, что называется, в теме, были далеки от безмятежности. Однако они не оправдались. Здесь, думается, сыграли роль два главных фактора. И оба не могут не радовать. Во-первых, теперь понятно, что оперативная разведка у РПЦ все-таки есть (насчет стратегической не скажу, не знаю), и Патриарх был вовремя проинформирован о настроениях среди украин-

ских православных. После этого стало понятно, что, как ни делай хорошую мину при плохой игре, речь идет ни много ни мало как о **переламывании ситуации**, а отнюдь не о легкой прогулке. Во-вторых, следует, конечно, говорить о **личной роли самого Предстоятеля**, и именно это в значительной степени есть главная тема настоящей работы. Обладая достаточной полнотой информации и понимая не просто важность, но судьбоносность визита, Патриарх смог переломить ситуацию, по сути, тремя ударами, тремя программными заявлениями.

Во-первых, это не раз повторенные слова о **недопустимости заигрывания с субкультурами**. (*«Церковь не должна замыкаться от светской культуры... но это не значит, что она должна принимать все, что присутствует в этой культуре»*). Священник вполне может прийти туда, где собралась молодежь, подчеркнул Патриарх. (А разве кто-то когда-то утверждал обратное? — В.С.) — Но: *«Не надо мимикрировать под молодежную субкультуру»*. И т.д. Слова о «священнике в шортах», который проповедует на дискотеке, были услышаны и поняты благодарной аудиторией православной Украины, с радостью воспринявшей скрытый подспудный смысл мягкого, но недвусмысленного отмежевания Предстоятеля от «субкультурщиков»³, которое очень напоминало аналогичное отстранение тогда еще митрополита Кирилла от «политического православия» два года назад.

Во-вторых, нашумевшее **обличение либерализма на встрече с преподавателями и учащимися Киевских духовных школ в Киево-Печерской Лавре**. Правда, Патриарх развивает подобные идеи уже давно, но в данном выступлении, являющемся, по сути, центральным среди всех проповедей и выступлений во время украинского визита, следует признать крайне важными некоторые новые акценты. Многие комментаторы (как светские,

так и церковные) по горячим следам кинулись обсуждать, насколько правильно или насколько глубоко, насколько резко Патриарх обличил либерализм. Однако мало кто обратил внимание на то, что суть данного выступления отнюдь не в этом (негативное отношение Патриарха Кирилла к самому феномену либерализма, повторяем, отнюдь не новость). Главный смысл здесь в другом. Острые критики Патриарха оказались направлены **не столько против либерализма как такового, сколько против присутствия и влияния его в христианском богословии, то есть, по сути, — против того самого «либерального христианства», с которым православные консерваторы (в терминологии некоторых — проклятые «миссиофобы») борются по меньшей мере с начала 90-х годов XX века!**⁴

«Реально существует колоссальная опасность: христианское богословие попадает в плен светской мысли, причем этот процесс пленения христианского богословия на Западе оказался далеко не безобидным. Это не было просто философским заимствованием какой-то светской идеи и перенесением ее на христианскую почву... Здесь совсем не так. Здесь происходила **диффузия, проникновение светских идей в ткань богословской мысли** настолько глубокое, что на выходе появлялся очень недоброкачественный продукт. Я имею в виду огромное влияние на западное христианское богословие идей эпохи Просвещения и философских идей либерализма...» И т.д.

«Диффузному» взаимодействию собственно богословской и светской мысли Патриарх противопоставил святоотеческий подход.

«Какой первый урок нам дают святые отцы как ученые богословы? Они дают замечательный **урок того, как богословие может и должно использовать достижения светского разума**. Если вы читаете отцов-каппадокийцев, вам может казаться, что идеи плато-

низма и неоплатонизма вошли в сознание каппадокийцев. Некоторые говорят — нет ничего нового у каппадокийцев, это просто заимствование платонистических идей, перенесение языческой философии на христианскую почву. Но так говорят только люди близорукие, не видящие смысла того, что происходило в ту эпоху. Святые отцы сумели использовать светскую ученость, светскую методологию, даже светские языческие категории философского мышления для того, чтобы выразить христианские идеи. И то, что сказано ими о Святой Троице, то, что живет уже на протяжении двух тысяч лет и привлекает своей силой, было сформулировано именно таким образом. **Не заимствовались и не пересаживались на христианскую почву идеи. Заимствовался инструментарий, посредством которого выражались глубочайшие истины христианства».**

Стоит ли напоминать, что эти вполне безупречные формулировки Предстоятеля Церкви, по сути, в главном, в методологии подхода, решительно противостоят кураевским умствованиям насчет «впечатывания» своего, христианского смысла в чужой, например языческий, текст!⁵

Далее, опять-таки мало кто обратил внимание на то, что **начало апостасийных процессов** в так называемом современном мире Патриарх видит отнюдь не в эпохе Просвещения, окончательно сформировавшей идеологию и систему «ценностей» секулярного модерна, а по меньшей мере **в Ренессансе**.

«Эта эпоха (Просвещение. — В.С.) окончательно поставила человека в центр мира, хотя все началось намного раньше, **в эпоху так называемого Ренессанса**, когда человек был поставлен в центр — не Бог, а человек»⁶.

И наконец, еще одно важнейшее идеологическое положение Святейшего Патриарха, сформулированное

в этом выступлении, заключает в себе вполне недвусмысленную **критику постмодернизма**, в полном созвучии с некоторыми недавними публикациями все тех же «миссиофобов», не получившими ни малейшего ответа по существу от Кураева и К°!

Но все-таки решающую роль в переломе ситуации в сторону безоговорочного успеха визита сыграли даже не эти крайне важные заявления, а решительный **традиционалистский пафос и традиционалистская идеология ключевых выступлений Патриарха**, необычайно выгодно контрастировавшая как с суетливой агрессивностью «политправославных», так и с позорно-провальными «заходами» «миссионэров». Практически впервые в постсоветский период **идеологема «Святой Руси»** стала смысловым центром проповеди Предстоятеля Церкви, и это не могло быть не замечено той массой православных людей Украины, которые пришли приветствовать своего Патриарха либо внимательно следили за происходящим по телевидению и другим СМИ.

«Ни одна страна не называлась святой страной, а Русь называлась Святой Русью. Возникает вопрос: откуда это словосочетание — Святая Русь?.. Русь стала Святой Русью потому, что святость была доминантой жизни нашего народа.

Святой человек был положительным героем нашего эпоса, житийной литературы, а затем художественный образ святого человека вошел в классическую литературу. Он потерял многие житийные черты святости, но образ положительного героя классической литературы — нашей общей литературы — дает замечательное понимание того, как святость, христианский образ жизни, высокая нравственность могут проявлять себя в конкретных жизненных обстоятельствах...

Люди не устремлялись к богатству, хотя и не чурались этого; люди не устремлялись к тому, что сделало бы их успешными в этой жизни, хотя и не чурались

успеха. А к чему устремлялся народ? К тому, чтобы достичь идеала святости. Ясно, что в истории никогда не бывает, чтобы идеалы достигались в полной мере, и только, может быть, отдельным героям духа удавалось это сделать, но то, что святость была национальным идеалом, очень сильно отразилось на всей нашей истории; возможно, именно это обстоятельство спасло нас от страшного атеистического разгрома».

Святая Русь, как духовная сущность, духовная субстанция, объединяющая народы «большой» России поверх национально-государственных границ, которая не отрицает национально-государственный, так сказать, частный и светский патриотизм, но возвышается над ним как качество принципиально более высокого уровня, — стала не только идеологической, но и прямо метафизической доминантой «явления» Патриарха своему народу во время украинского визита. В конечном счете, если не брать жившую в условиях относительной свободы белоэмиграцию и Зарубежную Церковь, здесь, в самой большой России (или, политкорректно выражаясь, «на постсоветском пространстве»), впервые после 1917 года именно этот глубинный архетип народного сознания, именно эта глубочайшая символическая мифологема была положена в основу ни много ни мало — **проектного вызова**, который Патриарх бросил Европе и вообще Западу.

«Я думаю, что наше единство — **единство духовного пространства Святой Руси, исторической Руси**, — это огромной силы цивилизационный проект, и **ОН НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕН ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ БЫТЬ ВЕДОМЫМ**. Он предназначен для того, чтобы генерировать идеи, и это сейчас происходит; он предназначен для того, чтобы бросать мировоззренческие вызовы, на которые другим потребуется ответить. У нас есть потенциал для развития подлинного диалога Востока и Запада — не диалога всадника с лошадью...

*Единая Европа не может быть построена по лекалам, которые не создавались нашей с вами великой цивилизацией, самостоятельной и самобытной. Если мы хотим строить эту Европу, мы должны договориться о том, чтобы **СОЗДАТЬ НОВЫЕ ЛЕКАЛА**. Может быть, Господь приведет нас к этому, и мы сможем внести свой цивилизационный вклад в построение в мире тех справедливых отношений, о которых многие мечтают».*

Не политиканство в Церкви («политическое православие»), но **привнесение духовного измерения в саму политику, напоминание о Боге, о силе Божией, как не только высшем Судии, но непосредственном участнике самого исторического процесса** — стало доминантой выступлений Патриарха на Украине.

*«В какой-то момент мы все нуждаемся в том, чтобы отдать свой разум благодати Божией. Человек часто противится действию благодати, стремится идти наперекор этому Божественному потоку. Но **когда-то нужно отдаваться ему, особенно в критические моменты... в сложных вопросах истории**, в сложных и запутанных политических схемах современности мы, верующие люди... должны сопрягать проникновение в суть проблем с призыванием помощи Божией».*

Не «технологии» и приемы «миссии», не кураевско-мещериновская «просвещенность», но живая связь верующих и жаждущих веры сердец — стояли в центре его проповеди. Патриарх не раз говорил о вере встречавших его людей, о живо ощущаемой им силе духовной убежденности народа в истинности своей веры и своей Церкви как о самом сильном впечатлении за все время визита.

«Самое яркое впечатление — от встречи с верующими людьми... То, что я очень глубоко пережил, — это горячую молитву людей в Киево-Печерской Лавре. Живая вера, которая настолько сильна, что способна

переставлять горы (Мф. 17, 20)... Я чувствую, насколько сильна и горяча вера православных украинцев. Благодаря этому и в советское время гонения не достигали цели; благодаря этому сегодня, несмотря на многие проблемы в общественной жизни Украины, у людей сохраняется... надежда и, я бы сказал, оптимистический взгляд в будущее».

Именно вера, по мысли Патриарха, является «за-
кваской солидарности всего общества», «той силой, ко-
торая только и способна изменить жизнь к лучшему
в этой стране, а все остальное вторично. Первична же
сила народной веры и благочестия, **сила призывания
имени Божия**, и будем молиться, чтобы эту простую
мысль поняли все: и политики, и люди бизнеса, культу-
ры, науки, и землепашцы, и рабочие; чтобы еще раз это
поняли люди Церкви — священники и архиереи. Тогда,
объятые общей силой веры и великим вдохновением,
мы сможем сделать все, что благословит нас Господь,
сможем преодолеть любые трудности».

Ключевые выступления Патриарха, его обращения
к народу шли, мягко говоря, вразрез с рационалисти-
ческим посылом «нового», либерального богословия,
представители коего не раз кощунственно посмеива-
лись над тем, что они считают проявлением «народной
веры», а не собственно православного Предания, на-
пример над величайшей святыней Православной Церк-
ви — «Стопой Богородицы», хранящейся в Успенском
соборе Почаевской Лавры. Как отличается **по духу и по
стилю** от теплохладных построений протестантствую-
щих, погрязших в богословском рационализме «мисси-
онэров», например, вот это:

*«Сегодня великий праздник: мы празднуем 450-ю го-
довщину со дня принесения на сию святую землю чу-
дотворного образа, который стал щитом и великим
символом надежды для тысяч и миллионов людей; мы
прославляем силу Царицы Небесной, явленную всем нам,*

всему роду человеческому, через этот чудотворный образ. Потому и притекаем мы сюда в таком множестве, что **знаем историю этих чудес, знаем не понаслышке**, потому что и сегодня многие люди, делясь друг с другом, говорят о том, что совершила Божия Матерь в их жизни после молитвы **на этом святом месте у чудотворного образа, у отпечатка стопы Царицы Небесной**. Мы прославляем Божию Матерь, Которая слышит наши молитвы и отвечает на них; именно в этом ответе и содержится основание нашей веры в то, что Она, Матерь наша, предстательствует за нас пред Престолом Сына Своего и молится за род человеческий».

В главе «**Наши новые миссионеры**» мы говорим, что:

«Задача проповедника, миссионера не в том, чтобы написать на религиозно девственном сознании современного человека свои произвольные письма, а в том, чтобы ПРОБУДИТЬ, ВЫЗВАТЬ К ЖИЗНИ ДРЕМЛЮЩИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ДУХОВНЫЕ КОДЫ, помочь людям осознать свое Православие не просто как культурную традицию, составляющую основу самоидентификации человека в истории и в окружающей реальности, но как именно веру, как двустороннюю связь со Христом, побудить его к началу активной церковной жизни».

По существу, Патриарх во время украинского визита сделал именно это. Он «вызывал к жизни дремлющие социокультурные и духовные коды» православного сознания, сказал именно те ключевые слова, которыми обозначил свою глубинную духовную связь с народной общностью. И благодарно раскрывшаяся в ответ душа народа ответила ему самой искренней и горячей любовью. Тайна **духовной власти**, грубо попираемая в наши дни «технологами и пиарщиками», усиленно подменяемая суррогатами, рождаемыми в прокуренных «ситуационных комнатах» постмодернистских манипуляторов и регулярно ускользающая от них, превращающих все

в «симулякр», вдруг «далась» — и перед лицом этой тонкой и грозной, опасной для безрелигиозного сознания реальности все «здешнее» (политические расклады, интриги политиканов, суэта дворни и экспансия внешних сил) оказалось вдруг неважным. Электрическая дуга народной любви к своему отцу вдруг установилась как ответ на обращение Патриарха к реалиям, рожденным в соработничестве Отца Небесного и народного гения. Украинские националисты и их помощники в РФ, zaangażированные журналисты и раскольники могут теперь сколько угодно рассуждать о «неудаче визита» — это шипение раздавленных. Однако раздавлены они оказались отнюдь не чисто человеческой силой, ловкостью и умением тех или иных церковно-политических персон, а силой Божией, **силой патриаршей харизмы**, даруемой при хиротонии, которая вдруг «сработала» именно тогда, когда тот, кому она дарована, отдался естественному чувству истории и неотвратимо действующих в ней духовных, неотмирных сил. На языке православного богословия это называется, если не ошибаюсь, «трансцендирование», преодоление человеком своей ограниченной и грешной натуры, прорыв в иное, к божественному замыслу о себе, когда Сам Бог начинает победоносно и неотвратимо действовать в человеке.

В 30-е годы XX века можно было сколько угодно заниматься партийными разборками, репрессиями в армии и чистками аппарата. Но в грозный для Родины час, в час, когда «враг у ворот», стало с неотвратимой ясностью ощутимо, что ничто не спасет. Кроме одного. И тогда прозвучало знаменитое: «Братья и сестры». И народ — измороженный, измученный (но, к счастью, недобитый), со своими не раз оплеванными святынями, неисправимо склонный вопреки всему — верить «царю», встал на защиту Отечества, про которое во время войны многие как-то стали забывать, что оно «социалистическое». И дошел до Берлина, свято поверив (иначе

воевать невозможно), что «братья и сестры» — это все-ррез. И не его, не народа, вина за последовавший после войны новый откат к государственному террору.

После последнего Собора можно было сколько угодно заниматься «реформой» всего, что попадет под руку, тасовать кадры, расставлять в нужных местах нужных людей, поощрять начатую уже в некоторых местах ломку богослужения и продвигать вперед реформаторов в рясах. Однако в час «X», когда горела земля и пришлось самолично спасать ситуацию после кучи дров, наломанных «новыми, молодыми и успешными», пришло безобманное чувство, что апеллировать нужно к тому, кто спасал Русь всегда, в самых страшных невзгодах и испытаниях, — **к православному народу**. И это чувство, не каждому даруемое, неотрывное от **харизмы**, — как обычно, не подвело. На площади Почаевской Лавры *своего Патриарха* встречали и называли «родненьким» отнюдь не десоциализированные отморозки, перед которыми, чувствуя их темную энергию и притягивающую «пассионарность», так заискивают в своей теплостудности «новые миссионеры», и не жалкие кучки «просвещенных христиан», вылезших на свет Божий со своих прокуренных либерально-образованческих кухонь. Но — Православный Народ, созидатель великой державы, держатель тех вечных **имперских смыслов**, которые неразрывно связаны с духовной реальностью Святой Руси. Все эти монахи, сельские священники, паломники, без гроша преодолевающие огромные расстояния, чтобы приложиться к какой-нибудь святыне, православные педагоги, безвестные подвижники, всю жизнь тянущие приходскую лямку в безнадежной, ибо слишком уж далекой, глубинке... Народ, столько раз ошельмованный либерально-христианскими публицистами за его «темноту», «невежество», «склонность к суевериям и «диомидовщине»» и прямо «магическое сознание». И перед лицом **этого**

народа — что могла сделать нанятая массовка «незалежных»?!

Патриарх на Украине открыл новую страницу в истории большой России. Ибо вызвал к жизни тот **Большой Смысл**, который казался многим утерянным, но — таился в сокровенных глубинах истории. Теперь Рубикон перейден, и назад дороги уже нет. Ибо Церковь держится на духовных реалиях, и любовь народа — слишком серьезная вещь, чтобы относиться к ней без пиетета и без должного ответного чувства. Сказав «Святая Русь», придется соответствовать харизме, и держать в своем окружении безграмотно-местечковых «малеро́в»⁷ (выражение покойного В.Л.Махнача, Царствие ему Небесное) и кощунствующих «миссионэров», а также неудержимо тянущихся ко всякого рода моральной грязи, доносам и т.п. «фролеров» — совсем уже неприлично. И вряд ли совместима с этой апелляцией к Традиции и Большому Смыслу «реформаторская» ломка этой самой традиции, начиная с ее духовной, сакральной сердцевины — богослужебного строя Церкви⁸. Шутить с любовью народа, с духовным эросом Святой Матери Руси — плохая идея.

Итак, что же сказать нам в заключение? Только одно: мы, Церковь, русский православный народ, должны усиленно молиться за нашего Патриарха, вознося его святое имя за литургией. И не из «чисто человеческого», придворного угодничества. Но потому, что он — наш Патриарх, носитель дарованной от Бога харизмы, той Божией силы, которая преобразует человеческое и без которой все наши земные усилия тщетны. Патриарх Святой Руси, которая по нашим и его молитвам, вопреки нашему недостойнству, по всесильному произволению Божию может и должна воскресить — великую Россию.

Примечания

¹ Более подробный концептуальный анализ этой темы см. в главе **«Блеф “политического православия” и православная политика»** в нашей книге «На обрыве времен» (М., 2011). Нам **совершенно точно известно**, что **в свое время** эта наша работа послужила хорошим подспорьем для ответственных лиц УПЦ МП в ходе небезуспешных попыток развернуть деятельность так называемого Союза православных граждан Украины в более конструктивное русло. См. также: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=114099>

² См., например, статью **А.Рогозянского «РПЦ в мире пиара»** (<http://www.rusk.ru/st.php?idar=156081#form>).

³ Вместе с тем, однако, справедливости ради не можем не заметить, что в другом, так сказать, спокойном контексте Патриарх продолжает употреблять термин «субкультура» в необычайно широком значении. По-видимому, здесь не обходится без каких-то **внешних влияний**.

⁴ Правда, несколько омрачает нашу неподдельную радость от чтения нижеследующих текстов включение нескольких кочетковцев (то есть как раз либеральных реформаторов именно в богословии) в состав Богословской синодальной комиссии и Межсоборного присутствия. Следует ли нам воспринимать сей прискорбный факт как простую недоработку, накладку или все же как некоторое расхождение слов с делами?

⁵ Об этом см. в главе **«Модернистский соблазн», в части третьей — «Христианство в нагрузку»**. В первой части этой главы мы высказываем осторожную надежду на усиление взаимного понимания с Предстоятелем в недалеком будущем (прим. 3). Радостно сознавать, что эта надежда в итоге оказалась не беспочвенной!

⁶ Опять-таки не можем с искренней радостью не констатировать, по сути, полное созвучие наших давних идей и позиции Предстоятеля. На все эти темы см. нашу фундаментальную работу **«Христианская цивилизация: новый перелом?»** (<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/923.htm>).

⁷ Полная профнепригодность и несостоятельность как философа нового члена Богословской синодальной комиссии (!) и Межсоборного присутствия **А.Малера** убедительно показана в блестящей рецензии **Яны Бражниковой «Эластичное гиперправославие»** (<http://www.pravaya.ru/idea/20/12715>).

⁸ Главной задачей нового состава Богословской синодальной комиссии объявлено ни много ни мало, как... **написание нового катехизиса!** Значит, кого-то уже и катехизис не устраивает?! А ведь это уже сфера вероучения! И еще будут говорить, что «Второй

Ватикан в РПЦ» — сказки... Если даже и катехизис будет «новым» (надо полагать, более «прогрессивным»), то что же тогда останется, так сказать... «старого»?

Торжество веры?

Для тех, кто «в теме», отнюдь не секрет, что начало нынешнего патриаршества воспринималось как старт либеральных реформ в РПЦ. Все три года, прошедшие с тех пор, люди, ревностно стоявшие за веру, за сохранение традиционных основ Церкви, ощущали на себе пристальное недоверие церковных верхов. В течение этого и предыдущего времени мы не раз обращали внимание на главные внутренние проблемы церковной институции, которые пока что не только не решены, но все больше обостряются. Мы говорили о реформе конфессионального образования в духовных школах РПЦ, в ходе которой из сознания будущих пастырей вымываются остатки традиционности, о том, как потихому в ряде епархий народ приучают к возможности совместных храмовых молитв с еретиками-папистами, как незаметно, без всяких официальных распоряжений «сверху», в форме частной инициативы происходит ослабление евхаристической дисциплины, сокращается и русифицируется богослужение и т.д. и т.п. Наконец, мы пытались обратить внимание на кадровую политику в Церкви, в результате которой продвигаются в епископы и оказываются на ключевых должностях по большей части люди либеральной и модернистской ориентации, а авторитетные духовники и просто уважаемые в народе пастыри и архипастыри в ходе кадровых перемещений весьма часто оправляются в глушь, на дальние окраины «канонической территории» РПЦ. Именно ревнительство, защита веры неравнодушными людьми, ряды которых (если иметь в виду людей ак-

тивных и небоязливых) все редуют, все эти годы воспринималась «наверху» как главная опасность, и уж во всяком случае как крайне нежелательное явление.

В начале и в последующие годы нынешнего патриаршества мы пережили настоящую травлю ревнителей, которая подспудно, в хорошо замаскированной форме продолжалась до самого последнего времени.

Однако последние события, связанные с внутренней и внешней жизнью РПЦ, неожиданно создали определенные предпосылки для того консервативного поворота, о котором наиболее наивные церковные консерваторы не уставали говорить все это время и продолжают до сих пор. Что же это за события? Прежде всего, необходимо заметить, что они блестяще подтвердили нашу правоту, правоту нашего диагноза, состоящего в том, что главная опасность для земной Церкви, исходящая изнутри нее самой, заключается в наличии в ней не очень многочисленного, но зато крепко сплоченного и упорного либерального лобби. Опыт последних месяцев наглядно свидетельствует, что именно церковные либералы были и остаются носителями той смертельной опасности, которая угрожает как внутреннему миру в Церкви, так и ее положению в обществе (не говоря уже о том, что они посягают на ее духовные основы). Церковные либералы (хотя и не все, наиболее хитрые из них «мудро» промолчали) сполна явили всем свое подлинное лицо, во-первых, поддержав антироссийское, антигосударственное «оранжевое» движение, которое изначально было нацелено на слом российского государства, а во-вторых, фактически взяв под защиту кощунниц из пресловутой панк-группы Pussy Riot, тем самым по факту заявив о своей терпимости по отношению к кощунству как таковому (то есть к прямому поруганию веры), а значит и к богоборчеству в принципе. Таким образом, эти «истинные христиане» проявили себе как антихристиане, наглядно продемонстрировав

то, на что мы в нашем анализе обращали внимание уже давно: полную несовместимость либерализма и христианства.

Кроме того, абсолютно верным оказался и другой наш аналитический вывод, касавшийся особой опасности постмодернистских информационных технологий (тесно связанных с так называемым «актуальным искусством») для традиционной культуры и традиционных религиозных ценностей. Именно кошунство Pussy Riot, посягнувших на сакралитет, центральный стержневой смысл веры, при этом, как говорится, в лоб атаковавших и Предстоятеля Церкви, Святейшего Патриарха Кирилла, в полной мере раскрыло как перед священноначалием, так и перед широкими кругами верующих губительность столь популярного в последние годы лжемиссионерского заигрывания с так называемыми субкультурами. До некоторых из тех, кто до самого последнего времени активно поддерживал проект «новой миссии», вдруг начала доходить простая евангельская истина о несовместимости Бога с мамоной и Христа с Велиаром.

А ведь мы не забыли, как еще совсем недавно придворные публицисты РПЦ злобно травили подлинных миссионеров, слабо пытавшихся посягнуть на «священную корову» новой команды Чистого переулка – заигрывание с молодежными субкультурами и постмодернистские приемы «миссии». Мы хорошо помним, с какой наглой отвязностью практически те же самые люди травили старцев, подвижников, приверженцев православной аскезы и традиционных методов воспитания в Церкви, носителей духа подлинного Православия, как чувствовали себя хозяевами ситуации, представителями мейнстрима «молодые и успешные» карьеристы-реформаторы, посягавшие на Традицию поистине в духе последних времен.

И вот выяснилось, что в «час X» грозной опасности, когда гонители Церкви (и лично Патриарха) поднимают голову, опереться на это новое поколение, на все это окружение властного церковного субъекта, «жадной толпой стоящее у трона», никак невозможно. И как всегда бывает в час опасности, востребованными оказались традиционные смыслы и традиционные ценности, тот самый народ Божий, что пользуется таким презрением со стороны реформаторов.

Люди, свезенные из разных епархий на молебен к Храму Христа Спасителя, — не ученики Кураева и не поклонники «православного рока», не завсегдатаи гламурных тусовок и не адепты «европравославия». Они не изучали труды протоиереев Шмемана и Афанасьева и не входили в квазицерковные группировки Кочеткова и ему подобных; не призывали устроить в Церкви «небольшой раскольчик», как игумен Петр (Мещеринов), не глумились над чудом Благодатного огня, как Кураев, и не устраивали сомнительных литургических экспериментов. Наконец, они никогда не жалели о том, что мы не пребываем в литургическом единстве с папистами, называя великий раскол «несчастливым недоразумением». Они все эти годы угрюмо и стойко терпели те поверхностные эксперименты, попирающие дух и букву Традиции, которыми развлекались реформаторы. И веровали в Церковь, в силу Божией благодати, неколебимо пребывающих в Церкви спасительных таинств. Их час настал. Сила их веры оказалась востребованной, и «просвещенные» менеджеры в шелковых рясах вдруг куда-то попрятались. На молебне перед ХХС были православные братчики с русскими имперскими знаменами, казаки и военные в форме, церковные активисты с суровыми, опаленными ветром и солнцем лицами подвижников, словно высеченными из камня; сестры милосердия в своих форменных одеяниях, напоминающих ангельские воскрылия; интеллигентного

вида воцерковленная молодежь, начисто лишенная налета «субкультурности». На них нет гламурного блеска, но навсегда отложилась печать тяжелого будничного труда. Эти люди, живущие в Церкви ради спасения, обладают разным уровнем церковности и богословского образования. Но одно они понимают хорошо: речь идет о пощении святынь и защите веры; их призвали на войну, где вовсе не интересны клановые разборки и стоимость элитной недвижимости. Они пришли — и встали рядом не с гражданином Гундяевым, наверно, имеющим какие-то свои, отдельные от всех жизненные интересы, но — рядом с первоиерархом Церкви, чье имя они возносят за литургией, с кем их объединяет единая Чаша. Они жаждали вдохновляющего слова духовного вождя. Они его слышали. Произнеся вслух ключевые слова о «предателях в рясах», Патриарх Кирилл сделал первую за все свое правление серьезную заявку на консервативный поворот. Слово Предстоятеля — не пустой звук, но обладает онтологической подлинностью, в основе которой — благодать, та сила Божия, что даруется в хиротонии. Теперь народ ждет, что за этими знаковыми словами последуют конкретные дела, среди которых главное — коренное изменение кадровой и образовательной политики, прекращение безумных литургических экспериментов, сворачивание экуменизма и пресловутой «новой миссии». Которая, как мы не раз уже показали, и не миссия вовсе, а профанация самой веры. И горе нам, если эти ожидания не сбудутся.

2012 год, Антипасха

*Авторитетный гуру «православных» харизматов,
специалист по «миссии» среди молодежи
игумен Евмений (Перистый)*

Приложения

«Помолимся “папочке”»

Письмо прихожан
Покровского храма
села Рузино Московской епархии

Дорогие братья и сестры!

8–10 октября 2007 года по благословению и при непосредственном участии настоятеля Церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Рузино Солнечногорского района Московской области **отца Максима Гудкова** часть прихода указанной церкви лукавым образом была вовлечена в участие в сектантском движении «**Альфа-курс**».

Отец Максим предложил прихожанам паломническую поездку к мощам преподобного Серафима Саровского в Дивеево, сказав, что организаторами паломнической поездки являются представители миссионерского отдела МП. Обрадованные возможностью поклониться святым мощам преподобного Серафима Саровского вместе со своим приходом во главе со своим настоятелем, прихожане отправились в паломничество на автобусе в 21 час 8 октября 2007 года. Представителями миссионерского отдела МП назвались иеромонах

Павел, Вадим Вершинин и две женщины, имена которых мы не запомнили. Традиционно женщины приходят в храм и отправляются к святыням в юбках и платках, а эти представительницы миссионерского отдела были одеты в брюки.

8 октября, как известно, Православная Церковь празднует память преподобного Сергия Радонежского. В этом году этот праздник попал на понедельник — рабочий день. Многие прихожане отработали целый день, кто-то ходил в церковь (в нашем храме литургии в этот день не было), естественно, хотелось отдохнуть, тем более что время было уже позднее. Мы думали, что можно соборно помолиться на ночь и устроиться поспать и отдохнуть перед напряженным днем в Дивеево. Однако представители миссионерского отдела предполагали иначе.

К нам обратился Вадим Вершинин и стал учить нас. В общем, смысл его речи был в том, что он решил (неизвестно, на каком основании), что мы неправильно веруем, и он будет нас учить, как правильно верить. Когда он начал нас учить, мы поняли, что он учит не как православный, а как протестант. Кто-то из прихожан даже сказал, что не радио ли «Теос» звучит. Вадим продолжал учить нас любви к Иисусу, так он называл Господа Нашего Иисуса Христа. Много он говорил и о Святом Духе, что не соответствовало учению Православной Церкви, а скорее представлениям о Святом Духе неопятидесятников... Многое он читал с какого-то листа, и мы подумали, что он еще учится в каком-нибудь учебном заведении и многого не понимает.

Наш отец Максим Гудков его не перебивал, не поправлял в соответствии с каноническим учением Православной Церкви. Многие уснули, кто-то не хотел слушать явную ересь, были и такие, кто выступил против насильственного обучения азам протестантизма. Поскольку было уже очень поздно, Вадим все-таки закончил свое выступление. Отец Максим прочитал прави-

ло преподобного Серафима Саровского и благословил на сон.

На следующее утро, 9 октября, когда Православная Церковь празднует память апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, представители миссионерского отдела решили, что паломникам необязательно идти в монастырь на Божественную литургию, хотя, когда отец Максим объявлял о поездке, он говорил, что именно в этот праздник мы будем в Троицком соборе на Божественной литургии. Автобус направлялся не в монастырь, а на святой источник преподобного Серафима Саровского в Цыгановке.

И с самого утра нас опять стали учить верить по-протестантски, теперь уже иеромонах Павел. Наши прихожане Игорь Дрождин и Светлана Карповская решительно выступили против навязывания нам протестантских, сектантских представлений о вере. Отец Максим резко осудил эти выступления, предложив покинуть автобус Игорю, который был с ребенком, и Светлане, которая была со своей пожилой мамой. Очевидно, что Игорь и Светлана мешали организаторам поездки проводить намеченные планы обучения наших прихожан новой вере. Отец Максим много говорил в поездке, что «все у нас теперь будет по-новому, что мы должны ему во всем доверять, безропотно слушаться его во всем».

До этой поездки мы и так доверяли отцу Максиму, любили его как своего верного православного пастыря. Но почему-то на фоне проповеди протестантизма и неопятидесятничества со стороны миссионеров пламенные призывы отца Максима безоговорочно доверять ему, устранение инакомыслящих в лице Игоря и Светланы воспринимались как авторитарные, присущие скорее лидеру секты, а не православному пастырю. Почему-то любовь, о которой так много говорили миссионеры и отец Максим, не распространялась на Игоря и Светлану и их родственни-

ков. Расценивалось это как неуважительное отношение к священникам.

Надо отметить, что против навязывания нашим прихожанам обучения неопятидесятничеству были не только Игорь и Светлана, но и многие другие прихожане. На источнике преподобного Серафима Саровского миссионеры сказали, что необязательно посещать все четыре источника, связанные с батюшкой Серафимом, а достаточно одного. Тем самым они выигрывали свободное время для вечернего общения. После посещения святого источника нас повезли в гостиницу, где мы разместились и после этого пошли в монастырь. В монастыре свою экскурсию начал Вадим Вершинин, который решил, что необязательно сначала идти в храм поклониться святым мощам преподобного Серафима Саровского, а стал опять говорить о любви к Иисусу на площади перед храмом.

Те прихожане, которые уже поняли суть миссионерской проповеди иеромонаха Павла и Вадима, пошли поклониться святым мощам преподобного Серафима Саровского самостоятельно, прошлись по святой Канавке, а остальные всё это время на холоде слушали Вадима. Потом мы пошли на всенощную, приложились к святым иконам. Оказалось, что миссионеры не пошли на всенощную, а отправились в гостиницу. Видимо, иеромонаху Павлу и остальным миссионерам поклонение святым мощам преподобного Серафима Саровского и посещение всенощного бдения в монастыре необязательно и не являлось их духовной потребностью; не ходили они и на Божественную литургию, что вызвало недоумение и недоверие к этим миссионерам со стороны прихожан. Как может православный иеромонах приехать в святое место и не посетить всенощную и Божественную литургию?!

Самое главное меню всей поездки миссионеры подготовили на вечер 9 октября. Всем объявили, что после всенощной в гостинице состоится общий молебен.

Часть прихожан решила помолиться перед святым Причащением келейно и, к своему счастью, не пошла на так называемый общий молебен. То, что происходило в гостинице вечером 9 октября под руководством иеромонаха Павла и отца Максима, трудно назвать молебном. Те, кто пошел на него, думали, что соборно помолятся батюшке Серафиму, а оказалось все иначе.

Все сели в крут, свет выключили, зажгли свечу и поставили в центр круга на пол. После замечания одного прихожанина свечу поставили в стакан на табурете. Некоторые думали, что вот-вот поставят икону перед свечой, но этого не случилось. Отец Максим обратился к прихожанам, что давайте познакомимся поближе, пусть каждый расскажет о себе, как он пришел к Богу, что у него болит, давайте все помолимся за него, давайте помолимся за каждого своими словами. В качестве примера начал свою исповедь перед всеми иеромонах Павел, потом остальные миссионеры, потом матушка Екатерина. Помолиться своими словами предложили под гитару. Когда зазвучала гитара, некоторые прихожане покинули этот странный молебен, не находя в нем ничего общего с православным молебном, тем более что нужно было рано вставать на литургию, помолиться на ночь, прочитать правило перед святым Причащением. Некоторые из тех, кто остались, как бы оцепенели и не смогли уйти, воспринимали это как шок. Были и те, кому все это понравилось, было интересно, их это взбудоражило.

В заключение этого странного молебна иеромонах Павел кинулся на колени, стал молиться своими словами за всех, обращаясь к Богу очень просто: «Папочка». Во время этого странного молебна родители, приехавшие со своими детьми, оставили их без присмотра.

В то время когда родители учились у иеромонаха Павла любить по-новому Иисуса, себя и своих близких, их дети баловались, прыгали, скакали и вопили до та-

кой степени, что обслуживающий персонал гостиницы был шокирован, на их замечания дети не реагировали. Дети мешали отдыхать и молиться келейно тем прихожанам, которые не пошли на «молебен», а среди них были и пожилые люди, очень уставшие за ночь в автобусе и за целый день.

На следующий день, 10 октября, мы пошли на Божественную литургию. Многие прихожане исповедовались и причастились. Все почувствовали Благодать Божию. На обратном пути, в автобусе, певчие нашего хора стали петь от всей души русские народные песни. Иван и Валентина Деревянко являются профессиональными певцами, создали фольклорный коллектив, который успешно выступает на самых разных сценах. Многие прихожане никогда не бывали на их концертных выступлениях и были очень обрадованы экспромтному пению наших певчих. Многие подпевали.

Однако миссионерам и отцу Максиму не понравилось, что прихожане пели русские народные песни, а вчерашним вечером под гитару своими словами молиться не стали. Грубо прервав и обидев певчих, отец Максим предложил просмотр видеофильма с выступлением владыки Антония Сурожского. Многие стали протестовать против просмотра фильма, но, видимо, программу миссионеров надо было выполнять.

Потом мы заехали в старинный город Арзамас в кафедральный собор, в котором поклонились многим святым иконам. На обратном пути миссионеры опять стали учить любви к Иисусу, но прихожане уже стали совместно противостоять насильственному, навязчивому проповедничеству ереси. Начали играть в города, чем вызвали крайнее недовольство со стороны отца Максима.

Паломническая поездка показала, что за шесть лет пастырского служения на нашем приходе отец Максим воспитал своих прихожан истинными православными христианами, которые на попытки миссионеров во гла-

ве с иеромонахом Павлом сделать приходу сектантскую прививку отреагировали по-православному.

Остается загадкой: что случилось с нашим отцом Максимом? Почему он решил учить наш приход верить по-новому? Почему обманным образом втянул прихожан в круговое моление под гитару? Почему позволил иеромонаху Павлу вести свою паству? Почему держится в секрете фамилия иеромонаха Павла? В каком монастыре подвизается иеромонах Павел? Кто благословил иеромонаха Павла на подобные психологические практики? Почему, приглашая на дальнейшие встречи тех, кому понравилась эта новая вера, местом для встречи назначается станция метро? Знают ли в миссионерском отделе МП, представителями которого назвались иеромонах Павел и Вадим Вершинин, о методах их миссионерской деятельности?

**Прихожане храма Покрова Божией Матери села
Рузино Солнечногорского района Московской
области:**

**Игорь Юрьевич Дрождин
Светлана Аркадьевна Карповская
Валентина Петровна Плюснина
Василий Павлович Вяткин
Татьяна Георгиевна Вяткина
Людмила Валентиновна Фийфер
и др.**

21.10.2007

(Впервые опубликовано на сайте «Русская линия»
http://www.rusk.ru/analitika/2007/11/16/pomolimsya_pa-pochke/)

«Я чуть было не потерял веру»

Открытое письмо
бывшего семинариста
иеродиакона Владимира (Морева)

Здравствуйте! Я окончил одну из провинциальных семинарий. Когда мы с товарищами поступили на первый курс, все были православными воцерковленными людьми. Лишь несколько человек попало «залетных», которые ошиблись с выбором учебного заведения. Всех нас с первых же дней учебы неприятно удивил преподаватель, подстриженный на манер ксендза, в футболке и спортивных штанах. Впоследствии оказалось, что он иеромонах и помощник инспектора. Насторожили нас и студенты, уже окончившие первый курс. Некоторые из них открыто высказывали экуменические и латинские заблуждения, курили и ругались матом. Мы,новички, вступали с ними в диспуты и негодовали, но оказалось, что это лишь «цветочки», а «ягодки» нас ожидали впереди.

На втором курсе стало еще сложнее. Некоторые предметы вели иеромонахи, в прошлом окончившие МДА. Все они были стриженные, и все с нескрываемой симпатией рассказывали о католичестве и экуменизме. Некоторые из них преподавали по католическим учебникам и книгам, заставляя нас наизусть заучивать огромные отрывки еретического содержания.

На втором курсе многие студенты увлеклись экуменической риторикой. Всем хотелось иметь хорошие оценки и слыть знатоком богословия. А для этого надо было пересказывать экуменические домыслы преподавателей или авторов экуменических учебников...

В итоге в классе образовались три группы: филокатики — самая многочисленная, ортодоксы — сторонники православных канонов и догматов, которые были в значительном меньшинстве; а в третью группу входили студенты, колебавшиеся между этими двумя «по-

люсами». Я... относил себя к третьей группе и старался больше присматриваться к тем и другим.

С каждым годом группа православных редела. К четвертому курсу расклад был такой: два ортодокса, человек шесть филокатоликов и остальных — двенадцать. Ортодоксам было нелегко: нередко приходилось выдерживать жесткий прессинг как от филокатоликов и их более умеренных собратьев, так и со стороны преподавателей католического направления. Студенты действовали грубостью, а преподаватели вливали яд экуменической ереси и католичества в души будущих священников. А ведь еще **преподобный Исаак Сирин** говорил: *«Ничто так не располагает душу к богохульству, как чтение книг еретических»*.

Мои симпатии к ортодоксам сблизили меня с ними, но иногда меня посещал злой дух сомнения в вере и богохульства, который сеял в душе различные помыслы, говоря: «А может, они (то есть преподаватели и студенты католического и экуменического направления) правы? Может быть, действительно, католики не еретики?» Борьба с этими сомнениями бывала иногда тяжелее, чем открытые дебаты.

Но постепенно я утвердился в православном понимании: ведь столько святых отцов ясно свидетельствуют, что католики — еретики!

Преподобный Феодосий Печерский пишет: *«Множеством ересей своих они <латиняне> всю землю обезчестили. <...> Нет Жизни Вечной живущим в вере латинской»*. **Святитель Марк Ефесский** учит: *«Мы отторгли от себя латинян не по какой иной причине, кроме той, что они еретики. Поэтому совершенно неправильно объединяться с ними. <...> Латиняне не только раскольники, но и еретики. Церковь молчала об этом потому, что их племя гораздо больше и сильнее нашего»*. **Преподобный Максим Грек** говорит: *«Я в своих сочинениях обличаю всякую латинскую ересь и всякую хулу иудейскую и языческую»*.

Однако, как свидетельствует русская народная поговорка, вода камень точит. Когда человеку изо дня в день настойчиво повторяют одно и то же — что католики не еретики, католичество не ересь, а частное богословское мнение и т.д., — тогда, если он не будет молиться и читать святых отцов, ему не устоять в Православии.

Этот рассказ — лишь об одном, далеко не самом худшем духовном учебном заведении.

В некоторых семинариях и академиях ситуация еще тяжелее... Один мой знакомый студент, поступив в Санкт-Петербургскую духовную академию и проучившись там год, перешел из Православия к баптистам.

В Белгородской епархии преподаватель духовного училища священник Владислав Сохин, начитавшись экуменической литературы и отравившись ее ядом, оставил Православие, принял ислам и в настоящее время пишет статьи против Православия...

Конечно, было бы крайностью повально обвинять всех студентов духовных академий и семинарий, а также их преподавателей в склонности к экуменизму и латинству. Есть в этой среде и верующие люди, которые в меру своих сил сопротивляются ересям. Среди них можно назвать **иеромонаха Никанора (Лепешева) из Хабаровской духовной семинарии**. Однако, к сожалению, не они сейчас «задают тон» и «делают погоду» в духовных школах РПЦ, а такие крикуны, как **протоиерей-баснослов Кураев**, который разделяет **ересь Феодора Мопсуетского**, осужденную **Шестым Вселенским Собором**...

Какой толк в образовании, если после такого обучения человек становится еретиком?

Иеродиакон Владимир (Морев)

Совместное послание народам России и Польши

Предстоятеля Русской Православной Церкви
Патриарха Московского и всея Руси Кирилла
и Председателя
Епископской Конференции Польши
Архиепископа Юзефа Михалика,
митрополита Перемышльского

17 августа 2012 года в Королевском дворце Варшавы состоялась торжественная церемония подписания Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и председателем Польской епископской конференции митрополитом Юзефом Михаликом Совместного послания народам России и Польши.

Бог во Христе примирил с Собою мир,
не вменяя людям преступлений их,
и дал нам слово примирения.

2 Кор. 5, 19

Чувствуя ответственность за настоящее и будущее наших Церквей и народов и движимые пастырской заботой, мы, от лица Русской Православной Церкви и Католической Церкви в Польше, обращаемся со словом примирения к верующим наших Церквей, к нашим народам и ко всем людям доброй воли.

Исповедуя ту истину, что Христос — наш мир и примирение (ср. Еф. 2, 14, Рим. 5, 11), и осознавая свое призвание, вверенное нам духом Христова Евангелия, мы желаем внести свой вклад в дело сближения наших Церквей и примирения наших народов.

1. Диалог и примирение

Наши братские народы объединяет не только многовековое соседство, но и богатое христианское наследие Востока и Запада. Осознавая эту долгую общую

историю и вырастающую из Христова Евангелия традицию, оказавшую решающее влияние на идентичность, духовный облик и культуру наших народов, а также всей Европы, мы вступаем на путь искреннего диалога в надежде, что он поможет нам залечить раны прошлого и преодолеть взаимные предрассудки и непонимание, а также укрепит нас в стремлении к примирению.

Грех, который является основным источником всех разделений, человеческие недостатки, индивидуальный и общественный эгоизм и политическое давление приводили к отчуждению, открытой вражде и даже борьбе между нашими народами. Этому предшествовала утрата изначального христианского единства. Разделения и расколы, противоречащие воле Христа, стали большим соблазном, и именно поэтому мы прикладываем новые усилия ради сближения наших Церквей и наших народов, чтобы нам стать более достойными свидетелями Евангелия Христова в современном мире.

После Второй мировой войны и болезненного опыта атеизма, навязанного нашим народам, сегодня мы вступаем на путь духовного и материального обновления. Чтобы быть постоянным, это обновление должно стать, прежде всего, обновлением человека, а через человека — обновлением взаимных отношений между Церквами и народами.

Путем к такому обновлению является братский диалог. Он должен помочь лучше узнать друг друга, восстановить взаимное доверие и таким образом привести к примирению. Примирение же подразумевает готовность прощать пережитые обиды и несправедливости. К этому нас обязывает молитва: «Отче наш... остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим», — данная нам Христом, которую мы читаем каждый день.

Мы призываем наших верующих просить прощения за нанесенные друг другу обиды, несправедливость

и всякое зло. Мы верим, что это первый и самый важный шаг к восстановлению взаимного доверия, без которого нет ни прочного человеческого сообщества, ни подлинного примирения.

Прощение, конечно, не означает забвение. Память представляет собой важную часть нашей идентичности. Мы также имеем долг памяти перед жертвами прошлого, которые были замучены и отдали свою жизнь за верность Богу и земному отечеству. Простить — значит отказаться от мести и ненависти, участвовать в созидании согласия и братства между людьми, нашими народами и странами, что является основой мирного будущего.

2. Прошлое в перспективе будущего

Все страны и народы Европы в той или иной степени пережили трагический опыт XX века. Болезненным он был и для наших стран, народов и Церквей. Российский и польский народы соединяет опыт Второй мировой войны и период репрессий, порожденных тоталитарными режимами. Руководствуясь атеистической идеологией, эти режимы боролись со всеми формами религиозности и вели особенно ожесточенную борьбу с христианством и нашими Церквями. Жертвами оказались миллионы невинных людей, о чем напоминают многочисленные места казней и могилы, находящиеся как на Русской, так и на Польской земле.

События нашей общей, зачастую сложной и трагической истории иногда порождают взаимные претензии и обвинения, которые не позволяют затянуться старым ранам.

Объективное познание фактов, выявление драм прошлого и масштабов трагедии ныне становится неотложным делом историков и специалистов. Мы с признательностью воспринимаем деятельность компетентных комиссий и научных коллективов наших стран. Мы

убеждены, что их усилия позволят познать нефальсифицированную историческую истину, помогут развеять сомнения и избавиться от негативных стереотипов. Мы считаем, что прочное примирение как фундамент мирного будущего может быть достигнуто лишь на основе полной правды о нашем общем прошлом.

Мы обращаемся ко всем, кто стремится к добру, прочному миру и счастливому будущему: к политикам, общественным деятелям, ученым, людям искусства и культуры, верующим и неверующим, представителям Церквей: предпринимайте постоянные усилия ради развития диалога, поддерживайте то, что позволяет восстановить взаимное доверие, сближает людей друг с другом и способствует созиданию свободного от насилия и войн мирного будущего наших стран и народов.

3. Вместе перед новыми вызовами

В результате политических и социальных перемен конца XX века наши Церкви получили возможность исполнять свою миссию евангелизации, а также принимать участие в преобразовании наших обществ, опираясь на традиционные христианские ценности. В прошлом христианство внесло огромный вклад в формирование духовного облика и культуры наших народов. Мы стремимся и сегодня, в эпоху религиозной индифферентности и продолжающейся секуляризации, предпринимать все усилия ради того, чтобы общественная жизнь и культура наших народов не утрачивали основополагающих нравственных ценностей, без которых не может быть мирного и стабильного будущего.

Первой и самой главной задачей Церкви во все времена является проповедь Евангелия Христова. Все христиане — не только священнослужители, но и миряне — призваны к тому, чтобы проповедовать Евангелие Господа и Спасителя Иисуса Христа, нести Благоую весть

словом и свидетельством в частной, семейной и общественной жизни.

Мы признаем автономию светской и церковной властей, но выступаем за их сотрудничество по вопросам, касающимся семьи, воспитания, общественного порядка, и по другим вопросам, имеющим важное общественное значение.

Мы хотим способствовать утверждению толерантности и в то же время защищать фундаментальные свободы, и прежде всего религиозную свободу, а также отстаивать законное право религии на присутствие в публичной сфере.

Сегодня наши народы оказались перед новыми вызовами. Под предлогом соблюдения принципа светскости или защиты свободы выбора подвергаются сомнению моральные принципы, основанные на заповедях Божиих. Пропагандируются аборт, эвтаназия, однополые союзы, которые пытаются представить как одну из форм брака, насаждается потребительский образ жизни, отрицаются традиционные ценности и изгоняются религиозные символы из общественного пространства.

Нередко мы сталкиваемся с проявлениями враждебности ко Христу, к Его Евангелию и Кресту, а также с попытками устранить Церковь из общественной жизни. Ложно понятая светскость принимает форму фундаментализма и в действительности является разновидностью атеизма.

Мы призываем всех уважать неотъемлемое достоинство каждого человека, созданного по образу и подобию Божию (Быт. 1, 27). Ради будущего наших народов мы выступаем за то, чтобы уважать и защищать жизнь каждого человеческого существа от зачатия до естественной смерти. Мы считаем, что тяжким грехом против жизни и позором современной цивилизации являются не только терроризм и вооруженные конфликты, но также аборт и эвтаназия.

Прочной основой любого общества является семья как постоянный союз мужчины и женщины. Будучи установлением Бога (ср. Быт. 1, 28, 2, 23–24), она требует уважения и защиты. Семья есть колыбель жизни, здоровая воспитательная среда, гарант социальной устойчивости и знак надежды для общества. Именно в семье созревает человек, принимающий ответственность за себя, за других и за общество, в котором он живет.

С искренней заботой, надеждой и любовью мы смотрим на молодежь, которую хотим защитить от деморализации и воспитывать в духе Евангелия. Мы хотим научить молодежь любви к Богу, человеку и земному Отечеству и приобщить ее к духу христианской культуры, плодом которой будет уважение, терпимость и справедливость.

Мы убеждены, что Воскресший Христос есть надежда не только для наших Церквей и народов, но и для Европы и всего мира. Да дарует Он нам Свою Благодать, чтобы каждый поляк в любом россияnine и каждый россиянин в любом поляке видели друга и брата.

Как русские, так и поляки особо почитают Пресвятую Деву Марию. Уповая на предстательство Матери Божией, мы передаем под Ее покровительство великое дело примирения и сближения наших Церквей и народов. Помня слова апостола Павла: *и да владычествует в сердцах ваших мир Божий* (Кол. 3, 15), — благословляем всех во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

† **Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси**

† **Юзеф Михалик, митрополит Перемышльский**

Варшава, 17.08.2012

(Источник: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2411498.html>)

Содержание

Предисловие к первому изданию	3
Предисловие ко второму изданию	8
Призрак Второго Ватикана. Куда движется РПЦ?	13
Наши новые миссионеры	30
Как разрушают Церковь	45
Качели. Политтехнологии и Церковь в «деле Диомида»	59
Богословие открытости: перезагрузка. О миро- воззрении митрополита Никодима	83
Россия и Церковь после Цхинвала	121
Конец эпохи?	134
Тайна Патриарха	139
Патриарх последних времен. (О власти)	141
Модернистский соблазн. «Наши новые миссионеры» и философия постмодернизма	159
«Миссия» на марше. О высказываниях протодиакона Андрея Кураева по поводу Благодатного огня	207

О Благодатном огне и богословском рационализме. Церковное святоотеческое Предание против новомодернистских трактовок протодиакона Андрея Кураева	224
Современные литургические эксперименты в РПЦ. Опыт постановки проблемы	251
Тупик либерального христианства. О неообновлен- ческой экклезиологии священника Георгия Кочеткова	258
Кишиневский погром. Как протоиерей А.Кураев борется с ревнителями православной веры	271
Момент истины. Травля тульских миссионеров в связи с «делом» Б.Гребенщикова и другое	287
Клирики и клерки	297
«Перестройка–2» в исполнении РПЦ? Итоги церковного года–2010	303
Сохранять духовную трезвость... О письме ижевских священников, реакции на него и некоторых актуальных проблемах церковной жизни	321
«Межрелигиозный диалог» и конец модерна. Ин- тервью сайту информационно-аналитической службы «Русская народная линия»	335
У кого чего болит... На либеральные гонения в России Патриарх Кирилл ответил усилением экуменической активности	357
Церковь и постмодерн	367
Церковные корни «пуссек»	377
Наши новые ревнители	380
Уроки Pussy Riot	388

Война за веру и мы. О странностях реальности и нашей позиции.....	401
В поисках Святой Руси. О визите Патриарха Ки- рилла на Украину (2009 год)	423
Торжество веры?	439

Приложения

«Помолимся “папочке”». Письмо прихожан По- кровского храма села Рузино Московской епархии .	445
«Я чуть было не потерял веру». Открытое письмо бывшего семинариста иеродиакона Владимира (Морева)	452
Совместное послание народам России и Польши Предстоятеля Русской Православной Церкви Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Председателя Епископской Конференции Польши Архиепископа Юзефа Михалика, митрополита Перемышльского.....	455

Владимир Петрович Семенко
КАК РАЗРУШАЮТ ЦЕРКОВЬ

Ответственный за выпуск П.Р.Николаев

Художник Д.Е. Бикашов

Компьютерная верстка: В.В. Иванов

Корректор Г.А. Островская

Тираж 2000 экз. Заказ №

ООО «Великий Град»

Адрес издательства: 105094, Москва,
Семёновская наб., д. 2/1, стр. 1, пом. VII.